

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations
№ 6 (63) 2018

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 29,39 усл. п.л. Заказ № 30.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание 6 • 2018

ИНТЕРВЬЮ

- 7 Krasner S. D. – The Most Important Questions in IR Now Are Questions Traditionally Associated with Comparative Politics

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История международных отношений

- 13 Jansson M. – Incognito and the New Diplomacy: The Case of Tsar Peter
- 35 Болдырева Н.А. – Трудности перевода: британский раздел «Космографии Меркатора» и переводчики посольского приказа
- 62 Циденков Г.Г. – Гуманитарная помощь Чехословацкого Красного Креста РСФСР и УССР во время голода 1921-1923 гг.

США в мировой политике

- 81 Приходько О.В., Смирнов П.Е. – Президентство Д. Трампа: новизна и преемственность в американской стратегии
- 110 Бартенев В.И. – Блокирование помощи как элемент внешнеполитического инструментария США: de jure и de facto
- 141 Подберёзкин А.И., Жуков А.В. – Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника

Дискурсы в практике и теории международных отношений

- 159 Фомин И.В., Кокарев К.П., Аманьев Б.И., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А., Чеков А.Д. – Академические практики прогнозирования в международных отношениях: методологические доминанты и нерешенные проблемы

- 194 Токарев А.А. – Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса 2009-2018 гг.: анализ национального сегмента Facebook
- 212 Писарев И.И. – Сопоставительный анализ использования ключевых англоязычных и русскоязычных терминов политики групп интересов

Научно-технологическое измерение мировой политики

- 242 Зиновьева Е.С. – Мирополитическая концептуализация международного научно-технологического сотрудничества
- 255 Данилин И.В. – Развитие перспективных технологий: вызовы для научно-технологической и инновационной политики
- 271 Харкевич М.В., Туманова М.Ю., Коробов Д.С., Неделько С.Н. – Управление глобальной наукой: особенности межправительственных организаций
- 294 Гусейнов Ш. Р. оглы, Иноземцев М.И. – О противоречивости отдельных положений современного корпоративного управления и практики цифровой трансформации хозяйствующих субъектов и общества

РЕЦЕНЗИИ

- 317 Шупер В.А. – География Австралии и Океании: «от геологии до идеологии»
- 325 Сурков Н.Ю. – Тренды Ближнего Востока и Центральной Азии

Table of Contents 6 • 2018

INTERVIEW

- 7 Krasner S. D. – The Most Important Questions in IR Now Are Questions Traditionally Associated with Comparative Politics

RESEARCH ARTICLES

History of International Relations

- 13 Jansson M. – Incognito and the New Diplomacy: The Case of Tsar Peter
- 35 Boldyreva N.A. Lost in Translation: The British Section In «Mercator's Cosmography» and Translators of The Ambassadorial Office
- 62 Tsidenkov G.G. - Humanitarian Aid of The Czechoslovak Red Cross for Soviet Russia and Ukraine During The Famine of 1921-1923s

United States in World Politics

- 81 Prikhodko O.V., Smirnov P.Ye. President Trumps' Strategy: Continuity and New Approaches
- 110 Bartenev V.I. - Aid Prohibition as a Tool of The U.S. Foreign Policy: De Jure and De Facto
- 141 Podberezkin A.I., Zhukov A.V. – Russia's Strategic Deterrence and Defense Against Potential Means and Methods of Strategic Attack

Discourses in Practice and Theory of International Relations

- 159 Fomin I.V., Kokarev K.P., Ananyev B.I., Silaev N.Yu., Sushentsov A.A., Chekov A.D. – Forecasting Practices in Academic IR: Methodological Mainstream and Unsolved Problems

- 194 Tokarev A.A. – Ukrainian Elites Discourse in Respect of The Donbass Territory and Population of 2009-2018: Analysis of The National Facebook Segment

- 212 Pisarev I.I. – Comparative Analysis of The Key English and Russian Language Terms In Studies of Interest Group Politics

Scientific and Technological Dimension of World Politics

- 242 Zinovieva E.S. – Conceptualization of The International Cooperation in The Field of Science and Technology
- 255 Danilin I.V. – Emerging Technologies Development: Challenges for The Science, Technology and Innovation Policies
- 271 Kharkevich M.V., Tumanova M.Yu., Korobov D.S., Nedelko S.N. – Global Science Governance: Case of Intergovernmental Organizations
- 294 Huseynov Sh. R., Inozemtsev M.I. – Contradiction Between the Modern Corporate Governance's Theory and Practice of Businesses and Companies Within Digital Transformation

BOOK REVIEWS

- 317 Shuper V.A. – Geography of Australia And Oceania: «From Geology To Ideology»
- 325 Surkov N.Y. – Contemporary Trends in The Middle East and Central Asia

THE MOST IMPORTANT QUESTIONS IN IR NOW ARE QUESTIONS TRADITIONALLY ASSOCIATED WITH COMPARATIVE POLITICS

Stephen D. Krasner

Stanford University

Stephen Krasner took part in the 8th Congress of Russian Political Science Association in Moscow (December 8-9, 2018) devoted to issues of development policy, state and world order. On the margins of the Congress he was so kind to give an interview to the managing editor of our Journal, Maxim Kharkevich.

Maxim Kharkevich (M.K.) I reviewed your recent publications in journals and it looks like you are involved in a project by Thomas Risse on studying limited statehood. How do you view the interaction between inside and outside, between the domestic state structures and outside international structures? What is more influential now – the domestic issues or the international ones?

Stephen Krasner (S.K.) I do think that domestic issues are more important than the international ones. I think that traditionally international politics has been about state-to-state relations and it's been very much complicated by, I think, two developments that occurred since 1945. One was decolonization, which led to the creation of many states which had quite limited resources and artificial boundaries. And the second development is this principle of sovereignty, which has developed in Europe over several hundred years, is regarded as something unalterable. So, you have this situation, in which boundaries are fixed, where in the past places got conquered all the time. French conquered Alsace and Rein in 1648 and Germans conquered them in 1870 and then French took them back after World War I. So, boundaries changed frequently. Boundaries are fixed, and decolonization has produced many states with relatively weak resources. So rather than having organic development of state institutions that occurred in Europe, many states in developing world look at the things they should do and it's a very long list – things like social security, minimum wage, building infrastructure – things that have been developed in Europe only over the period of several hundred years and been developed in the states that had capacity to do that. Now the problem is that many states with quite limited capacity have accepted a range of responsibilities which they simply don't have resources to fulfil. One of my colleagues now in George Washington University Martha Finnemore has written about the fact that every state now has something like national

science foundation, even states that have no scientists. I think that this is a huge problem that developing countries have. But I still think that the domestic factors are much more important than international ones.

M.K. Doesn't the agenda of international relations now look much more like a domestic agenda?

S.K. I agree with you. I think that developing world has really had much too ambitious an agenda. The most countries in the world, if you look at the places, the areas of limited statehood, which is Risse's term, are countries that are closed-access exclusive international regimes. Political leaders stay in power there because they are able to pay off people that are critically important for them. I think that best that we can hope for in these closed-access regimes is good enough governance, not good governance. You can't get rid of corruption entirely, but some kinds of corruption, for instance, patronage and clientelism I think is better than gross theft in which the money leaves the country. I think unless the results of elections don't match the distribution of weapons in the country, they won't be honored. So, it's better to view elections as ratifying agreements that have already been made among elites. If we speak about United States, it's quite difficult for American public to buy this. The American public thinks that places should be just like us, good governance, not good enough governance. But I think it'd better if we aim at good enough governance, because I think most places in the world are never going to become sort of modern prosperous states given the incentives that exist for political leaders.

M.K. There is an idea of universal laws of development supported by such figures like Francis Fukuyama.

S.K. To quote Tolstoy all happy marriages are happy in the same way, but unhappy are different in many different ways. But I do think this idea of reaching Madisonian sweet spot, having a spot, where government is effective and also constrained. It is something that you really need, that's critical for development. If the government is ineffective, situation is just chaotic, you're in a kind of situation which Hobbs was preaching against. On the other hand, when the government is able to effectively control everything and can act in arbitrary way, the development is also very difficult, because people are too anxious about you know being killed or having their property taken away from them. So, reaching a Madisonian sweet spot I think that is something that countries actually need to aim for. How do you actually get there? There may be several different paths. But getting there is where you want to be.

M.K. Building on that, let's look at the possibility for development of non-Western IR theory.

S.K. I definitely think, it's possible. But I think the real challenge in contemporary period is not state-to-state relations, which we actually have a pretty good grasp of, but it's a situation of how stronger countries alter domestic political institutions in weaker countries, it's the problem of state building or it's a problem that Risse refers to as a limited statehood. And there I think we should have a set of limited objectives. I think that a mistake that United States has made over its history is to try to do too many things that are too ambitious. We would be much better if we had more modest objectives. Because you can't possibly be successful as an external state builder unless your interests are complementary or compatible with the interests of local elites. And even in these rare situations, where countries are kind in between being open and closed access – Brazil and Mexico are two countries that come to mind – you have to know a

lot about those countries to actually understand where you can place your bets. All the recent developments in Brazil – Lula ended up in jail, he was actually prosecuted and Bolsonaro was elected – were very surprising for me, though I'm not an expert on Brazil. But I think you really have to know a lot about a place which I think external actors rarely were able to do, to be able to place bets on the right people.

M.K. In 2013 in a journal called *European Journal of International Relations*, there was a special issue devoted to the question of the end of IR theory with the question mark. Is there an end to the IR? And their argument was that if there's an end to something, this is the end to metatheory and the predominance of middle range theories of international relations. Do you agree with it?

S.K. I think if you look empirically in what's happening in scholarship that's definitely accurate. This sort of Realism-Liberalism-Constructivism-Marxism debate I think it did end. I think it ended with a triumph of Liberalism. But people are skeptical to those kind of metatheories and they're much more comfortable with middle range theories and even smaller theories. And you know the problem is – here is the real trick and it's really difficult one to actually manage – can you get a definitive empirical evidence about something which is actually important. Many of my colleagues are doing experiments, where they're (because it's so inexpensive now) asking people questions on the web. You can get large samples, thousands of people. The question is – do those experiments have external validity? Are questions asked on the web really reflect what people actually believe – that's one central problem. And if you actually can get something which looks like an experiment which has external validity than you tell something important about the world. So, I think that as you're describing a middle range theory and even small theory that deals with smaller issues definitely where IR is going. But I also think that the most important questions now are questions which traditionally have been associated with comparative politics.

M.K. Why do you think the Great Debates have ended?

S.K. Because I think, this is my personal view, liberalism won. This idea that world wasn't zero-sum, that you were really looking for the situations in which agreements can make everybody better off, the problem was getting to the Pareto frontier and moving along it, I think this position triumphed. That's actually why metatheory ended. If you were talking with someone who rejects this kind of isms debate, they would say no, they just ended up, because they were inconclusive.

M.K. Is there any connection between the fate of those metatheoretical debates and the absence wars among great powers?

S.K. It's possible. I think that if you look at the developments over the last sixty years since the end of WWII, it's not only that boundaries haven't changed, but it's also the longest period in history of no-war among great powers. Well, why is that? There's lots of debate. One idea is that people's fundamental attitudes have changed. I think that nuclear weapons are extremely important. It's clear that decision makers think if you actually have a war among nuclear armed states, it would be incredibly destructive. Before WWII you might have said that it would have been impossible that Germany could conquer France in a few weeks and conquer half of Russia. But of course, the Germans did that, and many-many Russians died. Even though American President wanted to enter the war, until Japanese attacked Pearl Harbor it didn't happen. But

since 1945 we haven't had a war among great powers and I think the most compelling explanation for that is that nuclear weapons are not just incredibly destructive, they are unambiguously destructive. Will there be a war between China and United States? I doubt it, because it's too dangerous. Will Chinese engage in salami tactics, as long as they continue to grow economically? Yeah, I think so. But I think they'll be cautious.

M.K. Now moving to, I believe, traditional questions for you about the sovereignty. Is it more or less of organized hypocrisy now than it used be?

S.K. That's a good question. I don't actually know. But there's a lot of organized hypocrisy. The rules are very clear, but if you take this rule of Westphalian sovereignty, there's been lots of internal interventions in the affairs of other states. And I think that's been pretty consistent, because policymakers when they are looking at the options that are available to them... Well, if you can manipulate an election or manipulate an official or get more foreign assistance, what can stop you from doing it? At the same time, nobody wants some alternative system. So, I think rulers in weak states are very powerful in defending principles of sovereignty. And I think rulers in stronger states don't want this obligation to demean, because most places don't make any difference. I think as the interests of states change, their actual behavior changes, even if rhetoric doesn't change. Take for instance the Chinese Belt and Road initiative. They're investing billions of dollars in other countries and there are hundreds of thousands and millions of Chinese citizens living in other countries. They're going to start worrying about what's happening in these places. They don't want their people arbitrarily killed. I think their rhetoric will stay the same. I think they'll stay big defenders of sovereignty, but they'll be violating it in practice right and left.

M.K. Is there any possibility, or maybe it's actually happening right now, of not national sovereignty, but transnational or even supranational sovereignty?

S.K. I'm skeptical. The thing that's happened in Europe, the formation of European Union was unique and reflected the situation in Germany – it was the most powerful state in Europe, after the Nazi experience what did it mean to say you're German. I think Germany wanted to bury itself in Europe and France was happy to have Germany do that. Now of course everybody would have said 10 or 15 years ago Europe would be wider and deeper, with Brexit it's not exact. The British still might take it back. But it's not clear that it will happen. I think that situation in Europe where the most powerful state was also this huge supporter of an international agreement which limited its own freedom of actions, it's not something that it's going to be replicated in other parts of the world. The situation of United States in North America or Russia in Central Asia – why would you limit your own freedom of action, when you're the most powerful state in the region? I don't think that will happen. I think Europe is really unique.

M.K. I ran across, I think it was in Martha Finnemore's edited book "Back to Basics" that you were not happy with your original definition of international regimes. This is a classical definition now. Why you are not happy with it?

S.K. I believe now the way you think about international regimes really depends on what metatheoretical perspective you have. So, if your metatheoretical perspective was liberalism, you'd reach agreements, and agreements would last for long time, even if your interests changed. If you're liberal, you'd say international regimes are kind of laws and principles and decision-making procedures which are developed to help people get to the Pareto frontier. If you're real-

ist, the world looks more zero-sum, you'd say regimes are principles, laws and decision-making procedures which are developed by the most powerful states in international system. If you're constructivist, you would say, one possible definition – regimes are principles and rules which are deeply imbedded so that people can't imagine violating them, really taken for granted. So, I was dissatisfied with the definition. Not because I didn't know what I was doing, when I wrote it originally, but because I think the definition I use depends on metatheoretical perspective that I have.

M.K. How would you formulate the definition now?

S.K. If you have to choose one thing, I think that realism is the right thing to choose. So, I think you have the set of rules, which powerful states impose on others. They last as long as their power lasts. It doesn't last much beyond that. If you take the United States, we haven't even ratified the United Nations Convention on the Law of the Sea. Even though the presidents wanted to ratify it, the Senate never ratified it. And yet those are the principles which US articulates if you look at the South China Sea. But things change. If China becomes more powerful, I think they will ratify it.

M.K. There's the problem of formation of international regime in the sphere of cyber or information security. It's a very hot topic right now in Russia. What do you think about it? Is it possible now?

S.K. I don't have much understanding of this. I don't understand the technical aspects of the problem. And number of people who really understand the technical aspects of the problem and public policy is pretty limited. I think it's possible. But it doesn't mean it will actually happen. I don't really know. I'm very uncertain, because I feel that I don't have enough technical grasp of what is actually going on.

M.K. Getting back to the interstate relations. Interstate wars are practically absent now, though it depends how you define war. But still there are lots of conflicts, which are called societal conflicts. Might it be that studying interstate types of conflicts is outdated. Should we talk more about these societal conflicts? And how are they related – the interstate and societal conflicts?

S.K. I think that the societal conflicts are very important, especially in poorly governed states. They're important, because there have been developments in the past that severed the ability to do harm and underlying capacities, which were very much related. When we have nuclear weapons or certainly biological weapons or may be even cyber weapons, but I'm not sure about that, there really is a severing between underlining capabilities on the one hand and ability to do harm on the other.

There were about 400 diseases in the last seventy years that jumped from animals to humans. And diseases that we have now like HIV/AIDS or Ebola are hard to transmit, because they require contact with bodily fluids. Imagine at one point these diseases are easier transmitted through the air. That would be unintentional. Intentionally with new technologies now people can put together a smallpox genome relatively easily, which is something that wouldn't have been impossible twenty years ago. I think that societal conflicts are really the most problematic and I do think they're problematic, because you have this disconnect between capabilities on the one hand and ability to do harm on the other. In 1890 you could have killed twenty, thirty or forty people by throwing sticker of dynamite in a theater. Now you can kill hundreds

of thousands or millions of people with biological weapon. It's hard to acquire nuclear weapons. But Steve Coll, who is the writer for the New Yorker, in his last book about Pakistan and Afghanistan he talks about this one incident when some Pakistani naval officers actually intended to steal nuclear weapons and bring them onboard ships. They weren't successful. But you know that's unlikely, but they could've been successful.

M.K. And probably my last question – I always ask this question, when I take interviews. Recent influential book you've read that you would suggest for my students.

S.K. There's an interesting book by Robert Kagan called "Jungle Grows Back". He talks about the cost of the current administration in the way that it dismantled the existing international order. I mean these rules are highly imperfect, but they have worked pretty well and now we throw them out the window for no good reason.

M.K. Thank you very much.

S.K. Thank you.

About the author:

Stephen D. Krasner – Graham H. Stuart Professor of International Relations, Stanford University. 616 Serra Mall, Encina Hall West, Stanford, CA 94305-6044, USA. E-mail: skrasner@stanford.edu.

НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ В НАУКЕ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СЕГОДНЯ – ЭТО ТРАДИЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Стивен Д. Краснер
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-7-12

Стэнфордский университет

Стивен Краснер принял участие в VIII Всероссийском конгрессе политологов «Политика развития, государство и мировой порядок», который проходил в Москве (8-9 декабря 2018 г.). На полях Конгресса он любезно дал интервью шеф-редактору нашего журнала Максиму Харкевичу.

Об авторе:

Стивен Д. Краснер – профессор в области международных отношений, Стэнфордский университет. 616 Serra Mall, Encina Hall West, Stanford, CA 94305-6044, USA.
E-mail: skrasner@stanford.edu.

INCOGNITO AND THE NEW DIPLOMACY: THE CASE OF TSAR PETER

«Who, but himself, ever left a Throne to learn to sit in it with more Grace?»¹

The Spectator, August 1711

Maija Jansson

Yale University

The aim of this article is to put Tsar Peter's traveling incognito in Holland and England into a wider context, to demonstrate that it was not an idiosyncratic choice on the Tsar's part but a mode of behavior taken from a new diplomatic protocol. One of the most vivid examples of the new mid-17th century conception of the term incognito is to be found in Peter's English experience. Using that experience as a focal point this article explains the evolution of the term itself in both literary usage and more broadly in diplomatic practice as it evolved at various congresses and assemblies of the period, beginning with the meetings preliminary to the signing of the Treaty of Westphalia. The article is based on various contemporary records and accounts, government documents and archives, as well as contemporary memoirs. It concludes by showing that the practice of an ambassador or a monarch traveling incognito saved a governments' treasury the cost of elaborate ceremonials and a large entourage but more importantly for a monarch, it provided freedom of movement and escape from the constriction of the formalities of court rituals. Thus the actions of Peter I and also William III marked an important point in the transition from the formal ceremonial relations of personal monarchy at the beginning of the century to the later idea of the representation of the sovereign state by a regular corps of ambassadors and plenipotentiary ministers.

Key words: Incognito, Peter I, William III, diplomacy, Peace of Westphalia, personal monarchy, plenipotentiary ministers

УДК 93/94

Поступила в редакцию 01.10.2018 г.

Принята к публикации 10.12.2018 г.

¹ The Spectator, 09.08.1711. Cited in *Britain and Russia, in the age of Peter the Great, Historical Documents*. Ed. by S. Dixon et al. London, School of Slavonic and East European Studies. Occasional Papers. 1998. No. 38 (122). P. 111.

From the story of Richard Chancellor's first voyage in the middle of the sixteenth century through the accounts of ambassadors and merchants of the seventeenth, Englishmen grew more and more fascinated with Russia. Their perceptions of the people and society varied but the court itself was always perceived as rich and magnificent, brocaded and gilded, and the gifts brought by Russian ambassadors reflected that wealth. When, however, in 1698, the Tsar himself arrived in England dressed not in silk and sables but in the garb of a common foot soldier and occasionally a Dutch sailor, questions arose and misperceptions sometimes ensued. This article is an attempt to explain through English sources what *incognito* actually meant at the time and what it was that Peter sought to achieve through the device of traveling *incognito*. It is not intended to be a study in the language of diplomacy, but rather to suggest a different framework through which to assess Peter's first travels outside of Russia.

Peter I, Peter the Great, was the first Tsar to visit England and one of the first European rulers to travel abroad *incognito*². The official announcement of his Grand Embassy was made in December 1696 and the journey itself began in the spring the following year [4, p. 7]. By June it had been reported in England that the Czar had arrived in Germany *incognito* and by August Sir William Trumbull had reported that «we are informed the Czar of Moscovia is coming to the Hague *incognito* from Hamburg by Bremen and Amsterdam»³. For that great undertaking, Tsar Peter, twenty-six years of age and never having been out of his native land, went as part of the ambassadorial entourage of almost three hundred people under the guise of Petr Mikhailov, a *decurion* or militia man of one of three detachments of «volunteers» [6, p. 7]. While as traveler and visitor Peter chose to be *incognito*, as Tsar he had ambitious plans for meeting his ruling counterparts, discussing trade and alliances, and, perhaps most important to him, seeing the dockyards and learning the technologies and navigational techniques of the great western sea powers⁴.

After several months in Holland, all of the time *incognito*, through an arrangement with William III, English king and Dutch Stadtholder, a plan evolved for Peter to visit England.⁵ Leaving Amsterdam on 7 January 1698 he arrived in London on the 11th with his treasurer Aleksandr Menshikov, and accompanied by somewhere between nine and twenty-seven persons, the others remaining in Holland [6, p. 15; 16, p. 26; 17, p. 239-244]⁶. *Incognito* crossing the North Sea, at the mouth of the Thames he disembarked in the

² William III returned to Holland from England in 1691 *incognito*; See below. Earlier both Charles II and Queen Christina of Sweden had traveled *incognito* but not while enthroned.

³ H[istorical] M[anuscripts] C[ommission], *Report on the Manuscripts of the Marquess of Downshire*. In 2 Vols. London, 1924. Vol. II. Pp. 746, 755. Letter from Wolfgang von Schmettau, Ambassador of Brandenburg to the States General of the Netherlands, to Sir William Trumbull, June and August 1697, respectively.

⁴ See *The Present State and Regulations of the Church of Russia*. Vol. II. *A Collection of Several Tracts*. No. 1. «An account of the Rise of the Naval Power in Russia.» reprinted in Cracraft J. *For God and Peter the Great, The Works of Thomas Consett 1723-1729*. East European Monographs. No. XCVI. New York, 1982. Pp. 202-219.

⁵ B[ritish] L[ibrary] Add. 28900, ff. 364-365. Ellis papers. The accounts of Peter's travels are voluminous. See, for example, the English C[alendar of] S[tate] P[apers] D[omestic]. William III. Pp. 1697, 1698. London 1927. Kraus reprint Nendeln, 1969. Index. *Pierre Le Grand dans La Littérature Étrangère*, compiled by R. Minzloff. St. Petersburg, 1872. All dates are given Old Style with the date change at the first of the year.

⁶ He later sent back to Holland for his Chancellor F.A. Golovin and a second ambassador to assist in diplomatic matters. See The Austrian ambassadors' accounts. I thank Professor Paul Bushkovitch for the translation of the Austrian account.

guise of a Dutch soldier but on coming up river to the City donned the more business-like clothes of a Londoner, «with a wig»⁷.

As a result of the costuming and with it his general disregard for the ceremonies of court, Peter seemed a mystery. Because of his odd dress and idiosyncratic behavior and, perhaps, because that in itself encouraged a flare for the dramatic, he has been labeled by contemporary and modern writers alike as «unconventional,» «exotic,» «capricious,» «queer,» «a lousy barbarian,» and even «paranoid,» noting «his natural Romanov dread of a mob. [13, p. 316; 14, p. 424; 20, p. 428]»⁸. And those epithets were often added to the earlier and well known discourses on «Russian Barbarism»⁹. However, while all of those descriptions might hold a grain of truth, the quixotic nature of Peter's behavior stemmed primarily from the freedom allowed him by a new protocol, and it is this that calls for examination¹⁰. Peter appears to have been, in fact, more current with contemporary European diplomatic practices than were many English courtiers, with the exception of their King and several of the Secretaries of State. For most Englishmen the expectation was that Peter would arrive as a Tsar and be royally and ceremonially welcomed as such. As we know, however, that was not the case. In having chosen to be *incognito* Peter was advertising his desire to step outside of that focus by following a prototype from the diplomatic world. With that in mind we must look more closely at what *incognito* actually meant as the term changed in late seventeenth-century.

To the contemporary English and, indeed, to the Russians did *incognito* simply mean disguise? And was it Peter's own conceit? Could it be that Peter, a foot and one half taller than the average Englishman, and very thin, could really have been taken for anyone else? Of course not. As his own ambassador Franz Lefort wrote from Holland, «We are no longer hiding the fact of the tsar's presence as it would be pointless [11, p. 24]». Anthony Cross, a modern historian of Russia writes, «all was secret but all was known» [6, p. 17]. Nevertheless to the English lay person his conduct was odd because it was different.

What has been missed in the modern accounts of Peter's story is that by mid-century the term «*incognito*» had evolved into meaning something distinctively different from the word disguise, although elements of «disguise», «counterfeiting», and «impersonation» were inherent in the expanded idea, and hence Peter's costuming. Ultimately it was the incorporation of the concept of «privacy» into the term that led to its adaptation into the language of intra-European diplomatic practices of the period. Peter's activities in Holland and England were circumscribed by his being *incognito* in a very specific sense of the word. Quite simply, he borrowed for himself as Tsar a page from the new ambassadorial protocols that emerged in the diplomatic assemblies of the latter

⁷ HMC, *Downshire*, p. 746.

⁸ Simon Dixon et al. *Britain and Russia*, p. 1; B[einecke] R[are] B[ook] and M[anuscript] L[ibrary], Yale University, Blathwayt Papers, Box 2/12, letter 12.09.1697.

⁹ For bibliography and discussion of «Russian Barbarism,» see Hennings J. *Russia and Courtly Europe*. Pp. 35-44.

¹⁰ I am using the late 19th and early 20th definition of protocol throughout which the Oxford English Dictionary (1973) gives as: Official, especially diplomatic procedure and etiquette in affairs of state and diplomatic relations; the observance of this. The accepted or established code of procedures, rules, and formalities.

half of the 17th century. He may have learned about the practice from diplomats visiting Russia, or the inspiration may have come from William III who himself had traveled *incognito* to the Hague six years earlier on his return in January 1692 from the accession to the English Crown, and «tho' he came as *incognito* yet he is received with the Noise of all the Cannon, ringing of bells, etc». Later, in March the same year, he returned to the city and it was reported then that «the King arrives *incognito* in an ordinary coach, but is soon known, and received with loud huzzas, etc».¹¹ As with Peter later, «all was secret but all was known».

The evolution of the practice of being «*incognito*» also played a part in the transition from the institutions of court and household of earlier personal monarchies to the administrative units of modern states and the emergence of a professional diplomatic corps. By mid 17th century traveling «*incognito*» was, to a certain extent, a practice born of necessity. It marked the beginning of the move away from the extravagant and conspicuous expenditures of large retinues and lavish ceremonials that had been an intrinsic part of sixteenth and earlier seventeenth-century diplomacy. Without these formalities the way was eased for diplomats at the larger late 17th century congresses where they were empowered by rulers to meet and draft treaties but at which no rulers were present. In short, being *incognito* was a device of a new diplomacy that dispensed with the accompanying entourage and the one-up-manship it often entailed. Georg Friedrich von Martens, Professor of law at the University of Göttingen, in compiling in 1788 his handbook on laws and customs of European nations wrote that the difficulties arising from the ceremonial «and the enormous expense that it brings on each party have given rise to the custom of traveling *incognito*»¹². The creation of the plenipotentiary ambassador or minister was also related to the practice of traveling *incognito* (see below)¹³. Moreover, by the end of the 17th century, and perhaps earlier, the concept of *incognito* had migrated beyond diplomacy into a wider literary context but always with a princely reference. By 1700 John Dunton had published a tract on *The Art of Living Incognito*, even mentioning in passing the example of Peter the Great¹⁴. Daniel Allen, the year before, in writing about Trinitarians in 1699 assumed his readers would understand the analogy when he wrote that «the most high dwelt in Christ *incognito* just as some great princes do in foreign courts». «That is, - he said, - though they are personally present, yet they decline those Royal and Princely Honors due to their Character, receiving them only in their Palace Royal»¹⁵. Other divines referred to the question of whether «Christ's body were substantially present in the sacrament» saying that if so «it would be present so like a Prince in *Incognito*,

¹¹ Coronelli V. *The Royal Almanack... containing a succinct account of the most memorable actions of K. William III...* London, 1696; Wing, 2nd ed. A1469B. Pp. 7, 11.

¹² von Martens G.F. *The Law of Nations: being the Science of National Law, Covenants, Power, etc., founded upon the Treaties and Customs of Modern Nations in Europe (1788)*, trans. by W. Cobbett, 4th ed. London, 1829. P. 182. Hereafter, Cobbett, *Law of Nations*. 1789. *Precis du droit des gens*. Vol. I. P. 214.

¹³ *Ibid.*, p. 342.

¹⁴ Dunton J. *The art of living incognito being a thousand letters on as many uncommon subjects...written by J. Dunton during his retreat from the world*. London, 1700. Wing D2620.

¹⁵ Allen D. *The Moderate Trinitarian*. London, 1699. Pp. 31-32.

that he would seem not to require that Honour which we ought to give him under a more public appearance»¹⁶.

«*Incognito*» had never been a word unknown to well-read Englishmen. It had had a place in literature in both Latin and Italian texts before its adaptation by the diplomats. Cicero used the Latin word «*incognita*»¹⁷ many times to mean «unknown» and at least once in reference to universal wisdom and the pursuit of truth, advising that «we must not treat the unknown as known»¹⁸. In Ovid's *Metamorphosis* in the original and in the Renaissance transmission «*incognita*» is used to convey the idea of «unseen». Shakespeare never used the word, although his plays are filled with incidences of diplomats and disguised identities; neither did Machiavelli even when writing in Italian of the activities of princes [9, p. 138-162]. It is difficult to find examples of common usage of the word through the 14th and 15th centuries in English sources, including translations from Latin and the more common European languages. One is that of John Jewel who, in 1565, kept Erasmus's use of the word «*incognito*» in paraphrasing St. Paul's speaking of the praise of God in a tongue «unknown» to all thy hearers¹⁹. It is not, however, until the end of the 16th century that the word «*incognito*» from the Italian rather than Latin appears in a dictionary in Spanish and English compiled for Richard Perceval by John Minsheu in London, where it is simply defined as «unknown»²⁰.

Almost a century later, in 1677, Guy Miede, under-secretary to Charles Howard, Earl of Carlisle and a lexicographer, spoke of one who «lived amongst us unknown or *incognito*»²¹. That same year, Elisha Coles, in his English dictionary «explaining the difficult terms» added a further dimension to the word, defining «*incognito*» not only as being «unknown» but also as being «in private»²². It was the idea of being «in private,» enmeshed in the concept of «*incognito*» that made it distinct from other concepts of «disguise» or «impersonation», or «counterfeit.» In the broadest sense Peter could be said to have counterfeited a general naval man, disguised himself and impersonated a soldier, and eventually an Englishman with the «customary dress and wig» but none of these terms explain the rest of his behavior in an ambassadorial context that was part of the very particular protocols of late seventeenth-century diplomacy [6, p. 16]. We shall come back to Peter and «*incognito*» after a very brief look at other contemporary terms similar to, but quite different from the idea of «*incognito*» as it was assimilated into the practice and vocabulary of diplomacy.

At the same time that the term «*incognito*», most broadly meaning «disguised», was becoming fashionable in English and continental usage two other terms with simi-

¹⁶ Anonymous. *A collection of discourses lately written by some divines...* London, 1687; Wing C5141 (image 199), p. 386.

¹⁷ I.e., *incognitus*.

¹⁸ *De Officiis*, vol. I, vi, p. 18. *In hoc genere et naturali et honesto duo vitia vitanda sunt, unum, ne incognita pro cognitis habeamus iisque temere assentiamur...* Ed. by W. Miller. Loeb Classical Library. Cambridge, Mass., 1975.

¹⁹ Jewel J. *A replie unto M. Hardinges answer...* London, 1565; Pollard and Redgrave 14606. 2nd ed. O[xord] D[ictionary] of N[ational] B[iography]. I want to thank Lawrence Manley for this reference.

²⁰ Percyvall R. [Perceval]. *A dictionarie in Spanish and English... all done by J. Minsheu, Professor of languages in London.* London, 1599; Pollard and Redgrave, 19620.

²¹ Miede G. *A New dictionary of French and English with another English and French, according to the Present use...* London, 1677; Wing, M2016. Miede accompanied Carlisle to Russia in 1664 and wrote the account of the embassy. See ODNB.

²² Coles E. younger, *An English Dictionary*. London, 1676; Wing C5070.

lar, but not identical, meanings—counterfeiting and impersonating—were also in general use. In one way or another they were both related to the idea of disguise. In one sense, counterfeiting meant copying with exact similitude, making a perfect replica of the original but with no intent to deceive. It was a concept critical to the artists of the late Renaissance and early modern period. Early drawings of objects of natural history, shells and insects, for example, were meant to counterfeit the originals, as were the early renderings of botanical specimens. Leonardo da Vinci said, that while the poet «is able to describe forms, actions and places in words», the painter «deals with the actual similitude of the forms in order to represent them.» [18, p. 327]. And it was similar for the writer. In a 16th century sonnet Shakespeare speaks of bearing «your living flowers» rather than «your painted counterfeit»²³. In portraiture an artist sought to counterfeit a face in drawing the portrait (unless directed otherwise by the sitter who might choose flattery over similitude!) Again, the term is clear in Shakespeare when Richard Plantagenet tells the Duke of Somerset that his «cheeks do counterfeit our roses»²⁴. Milton spoke of one «so artful to counterfeit the very shape and visage of Truth»²⁵. John White borrowed that concept in writing of his portfolio of drawings of native Roanoke as «pictures of sundry things collected and counterfeited according to the truth [5]». Thomas Blount in his 1661 dictionary still refers to a «counterfeit» as «a draught of an image or picture» rather than a copy or a fake, which was also already widely understood to mean counterfeit²⁶.

On the other hand, exactly copying or counterfeiting the King's seal or a piece of currency with the implied intent to deceive was treason. In other words, the intent of the counterfeiter and the object of the counterfeit determined the validity or criminality of the action. By 1541 there was an explicit statute on the books against counterfeiting with evil intent. A person obtaining money or goods by way of a «counterfeit letter or false token» was subject to imprisonment²⁷. A pretender or an imposter who wished to conceal his identity was «a counterfeit» in the same way that a false bill was a counterfeit. What, however if one, chose to conceal ones identity and masquerade as another for virtuous reasons as, for example, Tsar Peter? This might be seen as impersonation.

The verb «to impersonate» and the participle «impersonating» describe the scheme of one person taking on the identity of another. While «impersonation» necessitated pretense, that is the deliberate pretending to be another, in dress or in person, or both, the deception was not necessarily malicious in intent. Out of admiration, respect, and desire to emulate one could impersonate a heroic figure or an illustrious character from literature. The story of Martin Guerre first told by Montaigne and later retold by Natalie Davis was one of impersonation. Shakespeare speaks of a

²³ Shakespeare W. *Sonnets*, 16.7-8.

²⁴ Shakespeare W. *First Part of HVI*, 2.4.62.

²⁵ Milton J. *The Reason of Church-Government*, 1.831.2; wing M2175.

²⁶ Blount T. *Glossographia*. London, 1661. Wing B3335.

²⁷ Jacobs G. *Law Dictionary*, enlarged by G. Ruffhead and J. Morgan. London, 1773. *Sub Counterfeit; Statutes of the Realm*, 33 H. VIII, c. 1.

«personating» as a «representation» in *Timon of Athens*²⁸. Inherent in the vernacular usage of the term «*incognito*» was the idea of an impersonal impersonation. That is, that the one who was *incognito* assumed the dress and name of some impersonal or anonymous character. Ultimately, through this device a royal person, king or tsar, might hope to assume a new character without losing his royal identity, as was the aim of Charles II in escaping the parliamentary forces at Worcester when he impersonated an anonymous woodman by the name of Will Jones²⁹. Peter's intent in traveling *incognito* in Holland as Peter Mikhailov was not to lose his identity as Tsar but to reject the superficial trappings of royalty by temporarily superimposing on himself the character and mannerisms of a common soldier. As Cross noted, «above all, it [the intent] was to be ever vigilant that the honour and status—and other titles—of the Tsar were no way besmirched or belittled» [6, p. 7]. The plan was chosen precisely because it allowed him to retain his identity as Tsar while he «Travell'd *Incognito* in the Retinue of his own Embassy»³⁰. D'Auvergne (1660-1737), a military historian, continued his account saying that «The Czar had contriv'd this way of Travelling in the Train of his own Embassy as a private person to see England and Holland, the most flourishing and wealthy Countreys in the world...where the most stately, curious and perfect Models for Building of Ships in the World are to be seen...and [where] he has the Sea open to him, in a milder Climate than Archangel»³¹. Note the term «private person», as opposed to a public figure who would be recognizable by his official attire, ceremonial entrance, and retinue. The English Secretaries, however, often did not know how to respond to the idea. Lord Villiers, envoy to Holland at the time, wrote to Edward Nicholas that «The Czar runs about so *incognito* that nobody knows what to say of him...»³².

While «impersonation» necessitated pretense, that is, pretending or feigning to be in the guise of another, being in «disguise» was simply a matter of temporarily refashioning one's external appearance without assuming the identity of any one in particular, whether for good or ill depended on the circumstance. When Sir Henry Wotton, English ambassador to the House of Austria, traveled as a spy to Catholic Rome in 1592, he disguised himself in order to deceive the Italians about his Protestant and English bearings. He wrote that «in order to feign myself an accomodable person... I entered Rome with a mighty blue feather in a black hat which, though it itself were a slight matter, yet surely did it work in the imaginations of men three great effects: First, I was by it taken [to be] no English[man], upon which depended the ground of all; secondly, I was reputed [to be] as light in my mind as in my apparel [and]...thirdly, no man could think that I desired to be unknown who, by wearing that feather took a course to make

²⁸ Shakespeare W. *Timon of Athens*, 5.1.32.

²⁹ Blount T. *Boscobel: or the Complete History of His Sacred Majesties Most Miraculous Preservation after the Battle of Worcester*, 03.09.1651. London, 1660; Wing B3328.

³⁰ D'Auvergne E. *The History of the Campagne in Flanders... and a Summary Account of the Negotiations of the general peace at Ryswick*. London, 1698; Wing D297, p. 158-149 [sic].

³¹ Ibid.

³² Letter from Lord Villiers to Edward Nicholas, 13.08.1697, Surrey History Center, G52/2/19/178. For Edward Villiers, first Earl of Jersey, see ODNB.

myself famous through Rome in a few days»³³. He appeared, then, as a dandy—a far cry from an English Protestant.

The catalyst for the incorporation of the word «*incognito*» into diplomatic jargon and its expanded definition to include the element of privacy was the Thirty Years War or, more accurately, the peace settlement eventually negotiated at the Congress of Westphalia in 1648. Imperfect and ultimately as impermanent as that peace was, the process of meeting and the drafting of the treaty marked a new departure in diplomatic assemblies and negotiations. The treaty itself ended the wars of religion in the Holy Roman Empire and the eighty years of conflict between the Spanish and the Dutch, formally recognizing the Dutch Republic. Needless to say, the involvement of so many countries in multiple wars demanded a new approach to peacemaking and considerations of universal law. The process began with bringing together in an official capacity representatives of most of the European monarchies, the Dutch Republic, the Holy Roman Empire and the German electors. The peace was to be drafted not in the medieval and 16th century course of full ambassadors with great trains moving back and forth over many months and across hundreds of miles to separate courts and rulers, but, as said above, through extensive negotiations between representatives of the rulers in question. Hugo Grotius (1583-1645) had laid some of the groundwork for the new conception in 1625, twenty-three years earlier. In considering the rights of legations that have their origins in the laws of nations, he concluded that «Ambassadors as if by a kind of fiction are considered to represent those who sent them.» His authority was Cicero who, in speaking of a certain unnamed ambassador, wrote that «He had borne with him the Majesty of the senate and the authority of the state»³⁴. Here was the origin of the idea of representation that so fascinated another Dutch writer on ambassadors, Abraham de Wicquefort (1606-1682). He described «the representational significance of diplomacy» that «to him symbolized statehood»³⁵. He underscored the idea «that every public minister is not an Ambassador, but that it is necessary he have the Character of Representative». That character came with the authoritative letters of credence from a ruler clarifying that «the Ambassador represent the Person of the Prince his Master»³⁶. In long and complicated manoeuvres these states organized and sent representatives, 176 ambassadors representing 194 European rulers, to meet and draft a peace that would affect them all. It would be a peace that reflected not the old *ius gentium*, or law of nations but the new laws between nations, *ius inter gentes* [9, p. 4, 116]. The conference for the process began in 1641 when a resolution was passed by «a mutual agreement and Covenant» in mid December at Hamburg «to make an assembly of plenipotentiary ambassadors who should render themselves at Münster and Osnabrück in Westpha-

³³ Smith L.P. *The Life and Letters of Sir Henry Wooton*. Oxford, 1907. Vol. I. Pp. 272-272.

³⁴ Philippics. Vol. VIII. P. 23. Cited in Grotius H. *The Law of War and Peace, De Jure Belli ac Pacis Libri Tres*, Trans. by F.W. Kelsey. New York, 1925. Pp. 438, 443.

³⁵ Keens-Soper M. «Wicquefort». P. 93. In Berridge G.R., Keens-soper M., and T.G. Otte. *Foreign Policy from Machiavelli to Kissinger*, Studies in Diplomacy. New York, 2001.

³⁶ de Wicquefort A. *The Ambassador and his Functions*. Trans. by J. Digby. London, 1716. Pp. 2, 4.

lia the 11th of July, N[ew] S[tyle]...for the space of five years»³⁷. The Treaty was duly signed five years later in 1648.

The organization for the meetings of so many delegates over a period of several years was complex at every level and geography compounded the complexity. The journey to Westphalia was considerable for most of the participants. Once there, as for a modern conference, housing and meals had to be arranged, and venues for meetings determined. Mail services for the diplomats were essential and a post office was quickly established in Münster³⁸. Moreover, beyond the practicalities of living to be worked out were the protocols of international communication--the rankings of diplomats and their secretaries, and the means whereby their first formal introductions and meetings would take place. Needless to say, translators and linguists were imperative at every juncture. Preliminary to their arrival titles, ranks, and precedence of the participants had to be agreed to by all the parties involved. Designating the ranks of the representative diplomats--ambassadors, plenipotentiaries, extraordinary deputies, electors, princes and states of the Sacred Roman Empire--and defining the parameters around which they would assemble and negotiate was a large task for which there was little precedent. François Callières (1645-1717), an ambassador Extraordinary and Plenipotentiary at a later assembly at Ryswick, made the point in his contemporary treatise on diplomacy, that when a peace conference was to meet it required enormous preparation beforehand. «In a certain sense», he said, «the embassy itself should be a reproduction in miniature of the whole diplomatic service.» He ranked the diplomats hierarchically as (1) ambassadors, (2), envoys extraordinary, (3) residents, (4) secretaries, and (5) agents.³⁹ Having made that point, however, Callières was more interested in the theory of «the good negotiator» and the demeanor of the ambassador than in the details and practicalities of the day-to-day meeting of a large diplomatic conference. He emphasized that the «negotiator of our time» must be acquainted with all of the agreements of the European powers beginning with the Treaty of Westphalia»⁴⁰.

The idea of *incognito* was a small procedural detail not mentioned in Caillières's broader treatise, in part because being *incognito* did not signify rank but described bearing. It was a procedural tag outside of the substantive issues he was addressing. Many ambassadors and envoys, however, were *incognito* at the congresses in question and some of those ambassadors had come to be called plenipotentiaries. In conclusion Callières, however, added that the «title of plenipotentiary is sometimes given as well to ambassadors[,] according to the occasion»⁴¹. Plenipotentiary was a new designation to signify not a particular rank in the diplomatic service, but to denote one with full

³⁷ For a list of the signators of the Resolution in Hamburg, see *The Articles of the Treaty of Peace, signed and Sealed at Munster, in Westphalia, 24.10.1648*. London, 1697. P. 3.

³⁸ Henning. *Russia and Courtly Europe*. Pp. 88-89.

³⁹ Callières F. *On the Manner of Negotiating with Princes; on the Uses of Diplomacy; the Choice of Ministers and Envoys; and the Personal Qualities necessary for Success in Missions abroad*. Paris, 1716. Trans. from the French by A.F. Whyte. Boston, 1919. P. 71. His rankings did not include Russia. See Henning, *Russia and Courtly Europe*, pp. 104-106.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 42.

⁴¹ *Ibid.*, p. 73.

authoritative power to negotiate on behalf of his sovereign⁴². In Wicquefort's words «The Quality of Plenipotentiary does not give a new Character to a minister; it only denotes the extent of his Power and Authority». And he went on to say that «the title is become so common since the Assembly at Münster [1643], that it can no longer be refus'd to those whom the Sovereign has cloth'd with the character of Embassdor»⁴³. The Westphalian peace itself was signed by «plenipotentiaries and ambassadors» before being ratified by the rulers⁴⁴. This distinction of the plenipotentiaries is important to the understanding of the protocols surrounding the practice of being *incognito*. A minister or ambassador plenipotentiary, as one *incognito*, did not require the entourage that was requisite for an ambassador special, residential, or extraordinary.

With regard to plenipotentiaries, there was still fluidity to their rank at the assembly at Nijmegen (see below). It was reported by Sir Leoline Jenkins, English ambassador at Nijmegen in March 1676-7 «that the Imperial Ministers at Munster were no more but plenipotentiaries, not ambassadors; and yet their treatment was in all things like that of ambassadors...»⁴⁵. However, as with all changes, the parameters of the title took time to settle and in 1716 Callières could still write that «*Il y a des Negociateurs qui ont voulu introduire un nouveau caractere entre celui d'Ambassadeur & celui d'envoyé, les uns sous le titre de commissaire-plenipotentiary*»⁴⁶. By the end of the century the reference was generally to an «ambassador plenipotentiary» or a «plenipotentiary ambassador». Eventually, however, even that would change. Martens wrote later that it was «now the custom, in order to avoid disputes with respect to the ceremonial, to give the ministers who are sent to congresses, the title of plenipotentiary only, and not that of ambassador»⁴⁷. The office of plenipotentiary, however, regardless of the holder's title, was similar to an envoy *incognito* in the sense that both could and did travel without a train or entourage but were fully identified as *bona fides* representatives of a foreign power.

The arrangements drafted by the congress for the Peace of Westphalia provided the guidelines for subsequent multi-national European assemblies. Throughout the latter half of the 17th century following Westphalia large assemblies of diplomats convened to draft treaties of peace and to establish more permanent state boundaries. One met at Breda in 1667, another at Aix-la-Chapelle in 1668, one in Cologne in 1673, and one in Nijmegen from 1675 to 1679. Out of them came more refinements of old and some new forms, titles, and protocols, and it was at these congresses that the notion of «*incognito*» was further honed and shaped to fit the new diplomacy. Envoys *incognito* of every rank attended them all. And from these the idea of being *incognito* became more universally understood. When William III returned to the Hague from England, for example, in

⁴² Lachs P.S. *The Diplomatic Corps under Charles II and James II*. New Brunswick, 1965. P. 5.

⁴³ Wicquefort. *The Ambassador*, p. 42; Callières. *On the Manner of Negotiating with Princes*. P. 42.

⁴⁴ Anon., *Articles... 1648*. Wing A3876A. P. 3. The book contains The Articles of the Treaty of Peace at Munster, Westphalia and the Treaty of Peace between France and Spain at Nijmegen.

⁴⁵ [William Wynne]. *The Life of Leoline Jenkins... Ambassador and Plenipotentiary for the General Peace at Cologn and Nimeguen, compiled by William Wynne*. In 2 vols. London, 1724. Vol. II. P. 71. Jenkins was a representative at Cologne 1673, and Nijmegen 1676-1679, later Secretary of State. ODNB.

⁴⁶ de Callières F. *De la maniere de Negocier avec Soverains*. Amsterdam, 1716. P. 33.

⁴⁷ See Cobbett. *Law of Nations*. P. 342.

1690, it was reported in general newsletters that the Elector of Brandenburg was there at the fireworks *incognito*, and it was also reported that William himself, Stadtholder and King, «entered the Hague privately, and yesterday made his public entrance»⁴⁸.

Almost twenty years after Westphalia, at Breda, in May 1667, ambassadors from France, Denmark, the States General of the United Provinces, and England convened to negotiate peace between England and Holland, ending the second Anglo Dutch war (1665-1667). The peace ensured that in North America France would keep Acadia; the English would retain the colonies of New York, New Jersey, Pennsylvania and Delaware, while the Dutch would keep Surinam. From London, the Right Honorable the Lord Holles, ambassador extraordinary from Charles II, and the Lord Coventry, plenipotentiary, arrived by ship to attend the conference⁴⁹. After embarking they were first taken to a small fort near the town where they spent the night. There, one of the French ambassadors, Monsieur Courtin, «came himself to them *incognito*» in order «to give their excellencies a visit» informally. Following that visit Lord Coventry was dispatched *incognito* to the town of Breda itself. That is, he went, as the French ambassador had come to him, privately, in his own name, as plenipotentiary, without a train and without his own coach and retinue (all of which were still on the ship that had brought him to Holland), and before he had had any formal audience in Holland. Four days later the English Lords and all of the other national envoys that had arrived for the assembly went *incognito* to a park outside of town. There, Sir George Charnock, the Knight Martial [*sic*] of the United Provinces, explained the order of the public procession he had drawn up for the formal entry of all of the delegates into the town of Breda. For this first public and ceremonial entry the Knight Martial carried the gilded Baton or Staff of office and the Ensign. He was followed by the Lords Holles and Coventry in the first coach which, with the «furniture of the horses» and all was «exceeding rich and royal». Other coaches followed to the town where there was «the greatest state and splendor of the Solemnitie: during the whole time of which great Guns from all sides of the town were liberally discharged.» On several days following this dramatic entrance the ambassadors from France and Sweden, whose visit was *incognito*, they «having not yet made their publique Entri,» and the burgomaster of the town gave visits to the English, with their entou- rages, to the English. Thereafter «there was a discontinuance of all ceremony «and very few visits were made» while the delegates settled down to meet daily for negotiations⁵⁰.

From the ambassadorial and state reports from Westphalia and Breda the difference between public and private meetings becomes clear. «Incognito» in these reports, meant «in private», without an entourage, or, sometimes, in secret, as was the case of Peter's later meeting with William at Utrecht (below) [6, p. 9]⁵¹. With the diplomats disguise was not an issue. In the case where an ambassador was *incognito*, he was an

⁴⁸ J.D. A True and full relation of his Majesty's safe arrival and reception at the Hague. London, 1690, Wing D45A, Pp. 1-2.

⁴⁹ Anon. [a person of quality concerned in this embassy], A narrative or Journal of the proceedings of their Excellencies, the Right Honourable the Lord Holles and the Lord Coventry appointed by his Majesty of Great Britain to be his ambassadors extraordinary and plenipotentiaries for the Treaty held at Breda... London, 1667. Wing N230. Pp. 8-11.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 16.

⁵¹ Price. *Adventure to Russia*. P. 25.

ambassador impersonating a private person without having relinquished the authority and representative aspect of his title and office. Generally his appearance *incognito* would precede his formal introduction as ambassador. On the other hand, even after that formality, an envoy traveling without an entourage was labeled *incognito*. When this stratagem was adopted by the Tsar traveling privately as the soldier Mikhailov, or as the navy man in the dock yards, it «fooled no one but was devised to allow Peter a degree of freedom of behaviour and movement which he could not otherwise have enjoyed» [6, p. 7]. That is, he was bound by no customary ceremonial protocols and, indeed, by the rules of the game could not participate in them.

After the meetings at Breda Sir William Temple traveled *incognito* through Holland privately with a tiny staff on the way to taking up his position as English ambassador at the Hague. In a letter to his brother, October 10, 1667, he expressed precisely the experience that we can imagine Peter hoped to emulate thirty years later. Temple described the great pleasure he found in the journey through Holland to Amsterdam in observing «the strange freedom that all men took in boats, and inns, and all other common places, of talking openly whatever they thought upon all the public affairs both of their own state and their neighbors, and thus», he continued, «I had the advantage of finding the more by being *incognito*, and think it the greatest piece of the liberty that country so much values»⁵². Is Temple perhaps suggesting that the idea of traveling privately, without an entourage, had its origins in the Republican Netherlands? (An idea for Dutch scholars to further explore?). On his arrival in the Hague he was pleased that the Master of ceremonies invited him «if [he] desired, to remain any time *incognito*» in the town before his official entry or introduction was made⁵³. C. W., the unidentified author of a pamphlet on the Congress at the Hague, in 1691 wrote in reference to the two electors of Bavaria and Brandenburg that «it seems William the Third had set them a Pattern. They came to Consult, to Act, and not to show their Grandeur. No publick Entrances were made, they all arrived *incognito*», with assumed names, «and they were imitated by the rest of the Princes»⁵⁴. Temple would later be nominated to attend the Congress at Nijmegen.

The negotiations for what would result in the Treaties of Nijmegen began in 1673 in Cologne. Later, during the summer and autumn of 1675 the full assembly of ambassadors and envoys plenipotentiary gathered in Nijmegen to begin drafting articles for the peace treaties that would be signed in 1678 and 1679 between France, the Dutch Republic, Spain, Brandenburg, Sweden, the Holy Roman Empire, and the Prince-Bishopric of Münster. Once again, as with the earlier assemblies, there was at the outset in Nijmegen the need for the organization of living and working arrangements. In the first days of the congress a trip to the Stadt-House was undertaken by Beverning, one of the Dutch delegates, and the English envoy, Sir Leoline Jenkins, «to see what may be fit or altered

⁵² [Sir William Temple]. *Memoirs of the Life, Works, and Correspondence of Sir William Temple, Bart.* Ed. by T. Peregrine Courtenay. In 2 vols. London, 1836, Vol. I. P. 116. On the matter of freedom in the Republic, see J. Israel. *The Dutch Republic, Its Rise, Greatness, and Fall 1477-1806*. Oxford, 1995. Pp. 677-699.

⁵³ [Sir William Temple]. *Memoirs*. Vol. II. P. 283.

⁵⁴ C.W. *The Congress at the Hague*. London, 1691; Wing C5843. P. 21.

there for the better conveniences of the Assembly in their Conferences»⁵⁵. They agreed that the building would afford «several good rooms, as good or better than those of the Carmes at Cologne»⁵⁶.

For most of the representatives the journey to Nijmegen itself was considerable and often, as for earlier meetings at Breda and Cologne, the carriages and baggage of the diplomats were brought up to the town later. On arrival, then, they met with their counterparts *incognito* & *par amitié*, that is to say privately and in friendship rather than publicly and formally. The English described one such visit from the French as «*en amy*» «because there was a kind of negligence in the Equipage» and there were not the number prescribed by an embassy but only «2 Footmen by the Side of an old Coach, the new coaches to arrive with the rest of the baggage»⁵⁷. The French ambassadors were said to be «*incognito*, and without Train, having left almost all their servants in the Boats with the rest of their goods, which did not arrive till next day»⁵⁸. Shortly thereafter, when all the baggage had arrived, they were formally visited by Jenkins, Lord Ambassador from England, in a coach with six horses. The Dutch and French ambassadors then repeated the courtesy «so soon as their Train and Equipage were in a condition to appear abroad»⁵⁹. Later in the autumn Lord Barclay, the Chief of the Mediators, who had been the English ambassador extraordinary in France, came with his wife and after some days being there *incognito* gave notice of his arrival. Although many did not come until the beginning of the new year, in the course of the autumn protocols for the first visits and introductions were arranged according to the direction of the French. Most of the delegates believed they were to operate as they had earlier, in the style of *incognito* & *par amitié*, but that apparently that was not the case. The English diplomats reported at the beginning of January that Count Kinsky, the Imperial Ambassador, was told that «there was no Prince or Court to apply to, or appear in, in this place, and consequently those styles of *Cognito* and *Incognito* [would] not be followed». In other words, all meetings would be informal. That, however, it appears, was his own interpretation. Don Pedro de Ronquello of Spain coming from England where he had been Envoy Extraordinary «stayed still at the Hague expecting the rest of his equipage from England, but being at length in Nimueguen continued long *incognito*» and it was reported that he remained so above a month⁶⁰. At the end of January apparently protocols were still not finally agreed on and Jenkins reported that «we spent the greatest part of the day yesterday in endeavoring to reconcile these niceties»⁶¹.

Being *incognito* in the the small town of Nijmegen had its advantages in simplifying getting around, particularly where the narrow streets made coach traffic difficult. We see this in the example of the Nuncio sent by Pope Innocent XI who was first visited by

⁵⁵ Wynne. *Leoline, Jenkins*. Vol. II. Pp. 411-412.

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ *Ibid.* Vol. I. P. 370.

⁵⁸ Luc Courchetet d'Esnans. *This History of the treaty at Nimueguen....*, translated out of the French. London, 1681; Wing H2187. P. 5.

⁵⁹ *Ibid.* P. 6.

⁶⁰ *Ibid.* Pp. 80-81.

⁶¹ Wynne. *Leoline Jenkins*. Vol. II. P. 37.

the three ambassadors of France «who went severally to visit the nuncio *incognito* and on foot, his house being distant but a few steps...[and] the Emperor's ambassadors were there also in the morning *incognito*»⁶².

Obviously, the ease of movement without coaches and an entourage was liberating for the delegates and, perhaps of more importance, cost saving for the states⁶³. It seems, too, that the envoys liked the arrangement that was quickly becoming precedent. On count Anthony of Oldenburg's coming to Nijmegen «he gave no notice of his arrival, gave nor received no Visit and continued still *incognito* at Nimueguen;» but that, he said, «hindered [him] not but that he met at conferences and especially at all places where they played»⁶⁴. Clearly functionality was more important here than ceremonial—precisely Peter's contention regarding the business of governments.

The reports on Nijmegen and the earlier assemblies, were well circulated throughout the countries of Europe. News traveled fast by way of gazettes and newsletters as well as by merchants and traveling artisans. Tsar Peter had only to converse with his ambassadors who were *au courant* with European protocols to understand what was requisite in embassies of various sorts [7, p. 77-79; 10, p. 101]⁶⁵. Dmitry Fedosov, a modern historian, tells us that Patrick Gordon, Peter's close friend and confidant at home in Moscow, was one of those through whom he became acquainted with the customs of Western Europe and that Gordon had «first-hand practical knowledge of European courtly protocol»⁶⁶. No one did more, Fedosov said, «to turn Peter's eyes and aspirations toward the west,» and Paul Bushkovitch relates Gordon's new intimacy with Peter's household after 1688⁶⁷. It is also worth noting here that this was the same Patrick Gordon who over the previous two decades had supplied the *London Gazette* with news of Russia [6, p. 5; 8]⁶⁸. This said, however, it does not explain precisely the source of Peter's information about traveling *incognito*. Perhaps a closer reading of his papers in the Russian archives would be revealing. From other sources we know Peter's interests in the world outside of Russia were personal as well as national. As one historian has written, his embassy's mission «was to acquire and transfer the technological know-how of the West to Muscovy» through «the formidable tsar's curiosity and wish to learn» [1, p. 18]. Aside from seeking European and English alliances against the Turks, he wanted to see the countries with whom Russia had connections and meet his ruling counterparts in the Netherlands and England, to understand how foreign governments worked in all departments, particularly those related to the Navy and ships and shipbuilding.

⁶² *Ibid.* Pp. 60-61.

⁶³ The other major cost-saving component of the Congresses was that as no royalty were present gifts were unnecessary.

⁶⁴ Courchetet d'Esnans. *Nimueguen*. P. 80.

⁶⁵ Russia had been involved peripherally in the Thirty Years' War through her conflict with Poland over Smolensk in the 1630's but did not send diplomats to Münster or Osnabrück.

⁶⁶ Fedosov D. *Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries, 1635-1695*. In 6 vols. Aberdeen, 2009-2016. Vol. VI. P. xiii. Vol. V. XI. P. 306. It was Gordon who, on 31.07.1694, at the Tsar's request translated the first Russian code of navy signals for the use of British Captains.

⁶⁷ Bushkovitch P. Patrick Gordon and Russian Court Politics // *Journal of Irish and Scottish Studies*. 2010. Vol. 3. Iss. 2. Aberdeen, 2010. P. 11.

⁶⁸ Regarding the validity of the Gazette and newspaper accounts of the embassy.

Peter, then, knew that traveling as the Tsar *incognito* would have no affect on the authority of his position; he understood the protocol. It was a new experience, however, for the English, and even the Germans along the way, to have the ruler of a sovereign state appear in disguise as a private person all the time retaining his official titles and authority. Let us turn again to the embassy and look briefly at how the English handled this.

As we have said, spring was just making its first appearance when the Grand Embassy left Russia in 1697. It was written in a letter from Germany to Sir William Trumbull at the Hague in mid-June, that «you will hardly believe the Czar is reported to be at Konigsberg *incognito*...he lives as he pleases and sleeps on a yacht of the electors on the river, keeping up his *incognito* except when he is with my masters»⁶⁹. Aside from sleeping on a boat he may also have not used a chair. The report of one ambassador *incognito* indicated that the simple formality of using a chair must be refused. In that case two cushions were provided for the ambassador «for his legs were not so plyable in sitting Taylor-wise like the rest, yet he would not use a chair, though one offered him, him being then *incognito*»⁷⁰. After his arrival in Holland, in his introductory speech to William in September 1697, Peter said that «it was the vehement passion alone of seeing the most Brave and most Generous hero of the age.» that brought him to Holland [1, p.5; 6, p. 9-10]⁷¹. And those were no empty words. In Moscow, having heard of the event, Peter had fired a salute in honor of William's military victory at the Battle of the Boyne [4, p. 175, n. 14]. Meanwhile, for the present, Peter left the negotiations of his embassy regarding finance and trade to be handled by the ambassadors themselves, whose job it was to be formally and ceremonially introduced and then to spend time speaking and translating, all with which they had had experience. In early October 1697 at the first audience with the States of the United Province the Tsar «was in an adjoining chamber...whither he was come privately and was as secretly conveyed out again...»⁷². The same day the English made a formal and public visit to the Russian ambassadors with each English envoy having 2 coaches and 6 horses»⁷³. All the while the Dutch were fascinated by Peter, and the English Secretary of State, Sir Joseph Williamson, reported from the Hague that it was not known where they [the Russians] would go next but, he said, «it may be scarce known to themselves so romantic an humour is it that possesses that Prince»⁷⁴.

Rumors circulated about the Tsar, however, and Narcissus Luttrell wrote as early as 29 July 1697 that "tis believed he [Peter] will accompany his Majesty to England»⁷⁵. The news was repeated in November, and he finally set sail in early January from Helvort Sluys on the King's yacht, arriving in London a few days later, the North Sea crossing

⁶⁹ HMC, Downshire. Pt. I. Vol. II. P. 746; BL Add. 22031, ff. 17v-19, Blythwayt Journal.

⁷⁰ Burbury J. *A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard from London to Vienna...* London, 1671; Wing 5611. P. 182.

⁷¹ Luttrell N. *A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714*. In 6 vols. Oxford, 1857. Vol. IV. P. 29.

⁷² BL Add. 28900, f. 103, letter 08.10.1697 to J. Ellies, Under Secretary of State at Whitehall from Sir J. Williamson.

⁷³ *Ibid.*

⁷⁴ BL Add. 28900, f. 82, 27.09.1697 to J. Ellis, Under Secretary of State.

⁷⁵ Luttrell. *Historical Relation*. Vol. IV. P. 258.

paid for by the English crown⁷⁶. By order of the Admiralty, 28 January 1697, it was resolved that Vice Admiral Mitchell be paid one hundred pounds by the Admiralty Office «for his charges in attending the Czar of Moscovy over from Holland⁷⁷. At the outset a private newsletter writer, John Biscoe, reported that on Peter's arrival it was said that he would «stand *incognito* in the city to see his ambassadors make their public entry through the City»⁷⁸. His desire for privacy, to see and not be seen, to be tied to no calendar of state dinners and court formalities, was underscored at every juncture. King William, understanding the protocol himself, in turn had «been 3 times *incognito* to see the Czar»⁷⁹. On one occasion William had visited Peter «entirely *incognito* and, indeed, in the coach of Count Romney»⁸⁰. It was a comfortable arrangement for them; a clear advantage for both Peter and William being *incognito* was language. Without the trappings of formality they could converse together in Dutch on a multitude of topics. Peter knew no English, and William no Russian but they both knew Dutch. The Austrian ambassador even reported that to the King's spoken Dutch Peter's «answers almost every time preceded the translator, a sign that he understands the language rather well» [17, c. 239-244]⁸¹. It should be noted here, too, that Peter, in keeping *incognito*, spoke a vernacular Russian with members of the Muscovy Company. On learning this, the Austrian ambassador wrote to Emperor Leopold that Peter, when conversing in Russian with members of the Company, spoke «according to his normal manner of speech (as if he were not, in fact, the Tsar himself)»⁸². He further reported that for a meeting in Kensington Palace the Tsar wore «muscovite dress» and «neither the guard nor anyone else took notice of him, since nobody knew anything about the visit» which, of course, had been in private⁸³. The reports were important because on leaving Holland Peter would return to Russia by way of the Court at Vienna, where he also appeared *incognito* [10, p. 160-187].

From the accounts of Peter's stay in London we learn that on 21 January, a Mr. Burton from the Lord Chamberlain's office, came to Peter wishing «to attach some attendant of the King's [to the Tsar's party] who could at all times report the latter's wishes to His Royal Highness». It was decided that the best person for this was the Vice Admiral Mitchell because of his command of Dutch⁸⁴. Later Mitchell came to Peter «and declared that his Royal Majesty had ordered him, the Vice Admiral, to be permanently in waiting on his Czarish Majesty and to show him every service and to report all his Czarish Majesty's wishes to his Royal Majesty».

⁷⁶ BL Add. 28900, f. 386, letter from the Hague 21/11 January to J. Ellis, Under Secretary of State, from Sir J. Williamson.

⁷⁷ N[atational] A[rchives], ADM 3/285, ff. 65-66. The arrangements for the travel had been made in mid-December. See *CSPD William III. 1697*. P. 518.

⁷⁸ BRBML, Yale University, OSB MSS fc 163, box 1, manuscript newsletter of J. Biscoe, 01.01.1697/8, to the Maunsell family.

⁷⁹ Luttrell. *Historical Relation*. P. 340.

⁸⁰ Newsletter 14/28.01. to Sir J. Williamson. *CSPD William III. 1698*. Pp. 28-29(2).

⁸¹ From the account of the Austrian ambassador, taken from A. Gaedeke, «Peter der Grosse in England im Jahre 1698. *Im neuen Reich*. Bd. 2 Jan.-June 1872. Pp. 217-224. Transl. by Prof. P. Bushkovitch, 25.01./04.02.

⁸² *Ibid.*, 25.02./07.03.

⁸³ *Ibid.*

⁸⁴ Dixon S., *et al.*, *Britain and Russia*. No. 38. Pp. 21-22.

William would spare no expense in satisfying Peter. A defining dimension of the Tsar's identity while *incognito* in England is identifiable in all of the Crown records where Peter was always titled «Tsar». Indeed the repercussions of the arrangement for the English were primarily financial as they might have been for any visiting royalty⁸⁵. While many of Peter's incidental expenses were paid by Andrew Stiles and later reimbursed by the Russian government, the larger costs of food, lodging, and transport were paid by the English government⁸⁶. And, at the time it was somewhat a strain on the Treasury remembering that Whitehall had burned the week Peter arrived in London and the clean-up for that was substantial and noted in all of the Treasury books. The financial accounts for Peter were begun on 29 December 1697 when the Treasury Chamber at Whitehall passed an order for 1,500 pounds «in lottery tickets to be issued to the Cofferer of the Household [Francis Newport, Earl of Bradford] to provide for the reception of the Czar of Muscovy and his train»⁸⁷. (His train being only those few who accompanied him to England, the others remained in Holland.) The money was to be raised through the malt lottery. On the same day as the order from the Treasury Chamber the Auditor of Receipt was to issue «15,000 li. to the Cofferer of the Household...to be issued out of malt lottery tickets...intended to provide for the reception of the Czar of Moscovy»⁸⁸. In early January Sir George Fletcher wrote to his friend, letter-writer and antiquary, Sir Daniel Fleming, that «the Czar is highly caressed by the King but he keeps still *incognito*»⁸⁹.

The events of Peter's stay in England are well known. I mention here only several points that underscore the official maintenance of his title of Tsar even as he lived privately *incognito* and sometimes in disguise, or at least costumed in clothes other than royal attire.

On his arrival in London on 10 January 1698 Peter stayed originally in a house near the Strand, on Norfolk Street where he lay «*incognito*.» facing the water side⁹⁰. It was reported to Sir Joseph Williamson on 14 January that «the Czar of Muscovy continues very private....The King's officers attend him at present, but he will not suffer them to treat him with any manner of ceremony». On 9 February he and his small train moved down river to be near the dockyards «amongst the ships' carpenters»⁹². Thereafter he was lodged in John Evelyn's house in Deptford that had been sublet by John Benbow, Vice-Admiral, and then prepared for Peter and his company. When the Russians left, Evelyn was recompensed for the «damage done to his house, goods, and gardens at Deptford by his Czarish Majesty and his retinue while they resided there according

⁸⁵ Christian IV of Denmark, in 1606, was the only visiting monarch to England before Peter.

⁸⁶ For an account of reimbursements to the merchant, Stiles A., for support of Peter I in England, see Dixon S., et al. No. 19. Pp. 16-17. The account is from RGADA. F. 196. Sobranie Mazurina. Op. 3. No. 195. Vol. II.

⁸⁷ From the Treasury Minute Book. Vol. X. Pp. 81-3. Printed in the *Calendar of Treasury Books, October 1697 to August 1698*. London, 1933. Vol. XIII. P. 49.

⁸⁸ From the Disposition Book. Vol. XIV. P. 145. Printed in *Ibid.* P. 208. By Statue, 8-9 William III. C. 22. Malt was a 1,400,000 lottery on malt duties at 10 li. tickets.

⁸⁹ HMC. *Twelfth Report. App. VII. P. 349*.

⁹⁰ CSPD *William III. 1698*. P. 24; Luttrell. *Historical Relation*. P. 330.

⁹¹ *Ibid.* P. 28.

⁹² Luttrell. *Historical Relation*. P. 340.

to the estimation of Sir Christopher Wren...allowed by virtue of a warrant from the Lords Commissioners of his Majesty's Treasury dated the xxi of June 1698»⁹³. Benbow was also compensated for the damages done to his goods and also «more to him for xiii weeks rent of this house xxv li»⁹⁴. Moreover, one Russell was reimbursed for the damage done to the small adjoining house where the guards were kept⁹⁵. In a small digression here it is interesting to note, however, that not all of the repairs were from damage done by the Russians. According to a letter to the Admiralty from the Clerk of the Council, William Bridgeman, when Peter first took Benbow's house there was «some part of the path very rotten» which the Czar desired might «be made good with ballast». The Secretary wrote that he believed «it may take up about twenty tuns to do the same» but that it was by direction of the Lords of the Admiralty that such things be attended to and that «the same be layd by some of our laborers»⁹⁶. The walkway in question was probably that leading down to the dockyards where Peter planned to spend his days.

For his interest in ships and shipyards Peter was to have complete freedom to observe and study all aspects of the business of the dockyards. A great deal has been written about Peter's time spent in Deptford and about the King's gift of the *Royall Transport* [6, p. 3]⁹⁷. It was a royal gift in all senses of the word. The yacht had been ordered for the «Czar of Muscovy». In presenting it William was formally and publicly recognizing the title and authority of Tsar Peter while at the same time accepting his guise of *incognito* and the fiction of Peter the dockyard worker as a legitimate diplomatic protocol.

It was on 1 March 1698, that Sir George Rooke signified to the Admiralty Board that «it was his Majesty's pleasure that ye *Royall Transport* should be forthwith delivered to ye Czar of Muscovy as a present from his Majesty and, that such alterations and accommodations should be made in her as ye Czar should require»⁹⁸. Moreover, to complete the gift it was ordered by the Admiralty Office on 7 March that the *Royall Transport* was to be «victualled for one hundred men at whole allowance till the 15 of June next,» that was, for the remaining time of Peter's stay in England⁹⁹. When the yacht was finally rigged and ready to sail a proportion of sea stores was also prepared for her¹⁰⁰. The Board took special care that she be furnished as a ship for foreign voyages rather than simply coastal navigation¹⁰¹. And, it was reiterated by the Admiralty Office that as «his Majesty having made a present of her to him,» that therefore the yacht was to be

⁹³ NA, E351/3310. Works and Buildings, 01.04. to 31.03.1699. Evelyn wrote that «I went to Deptford to view how miserably the Tzar of Muscovy had left my house after 3 monthes making it his court.» *The Diary of John Evelyn*. Ed. by E.S. de Beer. London, 1959. P. 1025.

⁹⁴ NA, E351/3310. Works and Buildings. 01.04. to 31.03.1699.

⁹⁵ *Ibid.*

⁹⁶ NA, ADM 106/516/300. Pt. 2. 12.02.1697.

⁹⁷ See also CSPD William III. 1697. Pp. 413-414. 05.10.1697, minutes of the Lords Justices «signifying the King's intention of making a present of the Royal Transport to the Czar»; BL Add. 40778, W.Blathwayt's letter book, f. 96v; NA, ADM 106/516/312, even the paint was to be the choice of the Tsar.

⁹⁸ *Ibid.*, ff. 77v.

⁹⁹ NA, ADM 3/285, f. 80.

¹⁰⁰ NA, ADM 106/516/300. No. 303, 306.

¹⁰¹ *Ibid.*, no. 306.

delivered «accordingly by inventory.» i.e., officially, through all offices of the Admiralty and Treasury¹⁰².

The gift was then topped off by a resolution «in pursuance of his Majesty's pleasure» that an English convoy be ordered to see her as far as Archangel, if furnished with proper pilots». Otherwise they would take her to the North Cape. The Board also made provision to pay for the pilot at Flamborough¹⁰³. For Peter's return to Holland it was Captain Wright who was ordered to prepare the expedition yacht¹⁰⁴.

With this brief note on the Tsar's leave-taking from England I am brought again to Sir William Temple who recalled in his memoirs, that while English ambassador at the Hague he was compelled «to assume all the stiffness and grandeur of the King's immediate representative». Shortly after, following a particularly contentious moment at court he wrote that, «This I am sure of, that if I have not leave to skulk up and down *incognito* I shall never be able to do my business and live my own life»¹⁰⁵. Peter, too, required time unencumbered by stiffness and grandeur to digest what he had learned and contemplate his role in building the Russian state.

What becomes clear in the conclusion to Peter's story is that the pattern of his *incognito* travel provides us with a legitimate example of conduct derived from a new diplomatic protocol of the late 17th century. With a rare clarity of vision Peter adopted that protocol to forward his own objectives. By exercising a Tsar's prerogative of choice he traveled *incognito*, publicly rejecting the old formalities of the traditional royal entourage and the patterns of monarchy that accompanied it in order to embrace the new freedom of movement legitimized for envoys at the first intra-European congress assembled for negotiating the Peace of Westphalia.

The general re-working of ambassadorial titles and practices in the seventeenth-century prepared the way for a more settled pattern of diplomacy in the eighteenth. By then plenipotentiary ministers were well established as representative and authoritative diplomats, and royalty could travel as it chose. The practice of ambassadors and sometimes royalty, as in the cases of Peter and William III, traveling *incognito* had occupied a moment in time captured in the transition from the formal ceremonial relations of personal monarchy to the idea of the representation of the sovereign state by a regular corps of ambassadors and plenipotentiary ministers¹⁰⁶. In this case, it was the monarchs themselves who marked the transition.

¹⁰² *Ibid.*, f. 83.

¹⁰³ NA, ADM 3/14, 06.04., no f. no.

¹⁰⁴ *Ibid.*, 18.04.

¹⁰⁵ [Sir William Temple]. *Memoirs*. Ed. by T. P. Courtenay.

¹⁰⁶ On his return from the continent in 1699 Peter followed the same diplomatic protocols in Moscow when he chose. J. Deane, shipbuilder, in a letter to the Marquess of Carmarthen wrote on 08.03.1699, that on the 25.08. last his Majesty came to Moscow *incognito* [and] immediately he took in hand the rewarding of [Patrick] Gordon's soldiers that fought against the rebels.» J. Dean. *A letter from Moscow to the Marquess of Carmarthen*. London, 1699; Wing D498B. P. 1.

References

1. Barany G. *The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697-1698: Peter I and William III at Utrecht*. New York, Eastern European Monographs Publ., 1986. 101 p.
2. Berridge G.R., Keens-soper M., Otte T.G. *Diplomatic Theory from Machiavelli to Kissinger, Studies in Diplomacy*. Palgrave Macmillan Publ., 2001. 216 p. DOI: 10.1057/9780230508309
3. Bushkovitch P. Patrick Gordon and Russian Court Politics. *Journal of Irish and Scottish Studies*, 2010, vol. 3, iss. 2, p. 11.
4. Bushkovitch P. *Peter the Great, The Struggle for Power, 1671-1725*. Cambridge, England Publ., 2001. 187 p.
5. Chaplin J.E. Roanoke 'Counterfeited According to the Truth'. *A New World, England's first view of America*. Ed. by K.Sloan. Chapel Hill Publ., 2007. Pp. 51-63.
6. Cross A. *Peter the Great through British Eyes, Perceptions and Representations of the Tsar since 1698*. London, Cambridge University Press Publ., 2001. 208 p.
7. Dukes P., Graeme P. Herd, and Kotilaine J. *Stuarts and Romanovs, the Rise of a Special Relationship*. Dundee, Discovery Press Publ., 2009. 256 p.
8. Gouzevitch D. et I. La Représentation of the Grande Ambassason de Pierre Ier (1697-1698) dans les journaux: la presse comme source pour les recherches historique. *E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 2016, no. IV, pp. 24-31.
9. Hampton T. *Fictions of Embassy*. Cornell University Press Publ., 2009. 250 p.
10. Hennings J. *Russia and Courtly Europe*. Cambridge University Press Publ., 2016. 310 p. DOI: 10.1017/CBO9781107279599
11. Hughes L. *Russia in the age of Peter the Great*. Yale University Press Publ., 2000. 640 p.
12. Israel J. *The Dutch Republic, Its Rise, Greatness, and Fall 1477-1806*. Oxford, 1998. 1280 p.
13. Lowenson L. The First Interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected Material. *The Slavonic and East European Review*, 1958, vol. 36, no. 87, pp. 308-316.
14. Nesca A. *Robb William of Orange, A Personal Portrait*. London, Heinemann Publ., 1966. Vol. II. 424 p.
15. Phyllis S. *Lachs, The Diplomatic Corps under Charles II and James II*. Rutgers University Press Publ., 1965. 269 p.
16. Price J.M. The Adventure to Russia, Enterprise, Politics and Diplomacy in the Quest for a Northern Market for English Colonial Tobacco, 1676-1722. *Transactions of the American Philological Society*. New Series. 1961. Vol. 51. No. 1. Pp. 1-120. DOI: 10.2307/1005870
17. Sadler C. *Peter der Grosse als Mensch und Regent*. St. Petersburg, 1872. 298 p.
18. *The Notebooks of Leonardo da Vinci*. Comp. and ed. from the Original Manuscripts by J. P.Richter. In 2 vols. New York, 1972, vol. 1, 2. 866 p.
19. *Britain and Russia, in the age of Peter the Great, Historical Documents*. Ed. by S. Dixon. SEESS Occasional Papers, no. 38. London, School of Slavonic and East European Studies Publ., 1998. 255 p.
20. van der Zee H. and B. *William and Mary*. London, MacMillan Publ., 1973. 544 p.

About the author:

Maija Jansson – Ph.D in History, Director Emerita of the Yale Center for Parliamentary History. Department of History, Yale University. McClellan Hall, 1037 Chapel Street, P.O. Box 208324, New Haven, CT 06520-8324, USA. E-mail: maija.jansson@yale.edu.

«NCOGNITO» И НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ: СЛУЧАЙ ПЕТРА I

Майя Дженссон
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-13-34

Йельский университет

Цель статьи – рассмотреть визиты Петра I *incognito* в Голландию и Англию в широком историческом контексте, показав, что это было не личным выбором царя, обусловленным исключительно его индивидуальными качествами, а способом поведения, заимствованным из сферы нового дипломатического протокола. Опыт пребывания Петра в Англии – один из наиболее ярких примеров нового понимания термина *incognito* в середине XVII в.

Сосредоточив внимание на этом случае, автор прослеживает эволюцию значений термина *incognito*, его употребления в литературном обиходе и шире – в дипломатической практике – по мере формирования этого понятия в ходе различных конгрессов и ассамблей того времени, начиная с подготовительных встреч, предшествовавших заключению Вестфальского мира.

Исследование основывается на анализе разнообразных записей и отчётов того времени – правительственных документов и архивов, а также мемуаров современников. В заключение делается вывод о том, что практика путешествий послов или монархов *incognito* позволяла государственной казне экономить на пышных церемониях и многочисленных свитах. Для монархов ещё важнее было то, что они могли свободно перемещаться и избегать ограничений, которые накладывали на них формальные требования придворного церемониала.

Таким образом, действия Петра I, равно как и Вильгельма III, были важным моментом в процессе перехода от формализованных церемониальных отношений суверенов, характерных для периода «персональной монархии» в начале XVII столетия, к идее репрезентации суверенного государства посредством постоянного корпуса послов и полномочных представителей.

Ключевые слова: *Incognito*, Петр I, Вильгельм III, дипломатия, вестфальский мир, персональная монархия, полномочные представители

Список литературы:

1. Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697-1698: Peter I and William III at Utrecht. New York, Eastern European Monographs, 1986. 101 p.
2. Berridge G.R., Keens-soper M., Otte T.G. Diplomatic Theory from Machiavelli to Kissinger, Studies in Diplomacy. Palgrave Macmillan Publ., 2001. 216 p. DOI: 10.1057/9780230508309
3. Bushkovitch P. Patrick Gordon and Russian Court Politics // Journal of Irish and Scottish Studies. 2010. Vol. 3. Iss. 2. P. 11.
4. Bushkovitch P. Peter the Great, The Struggle for Power, 1671-1725. Cambridge, England, 2001. 187 p.
5. Chaplin J.E. Roanoke 'Counterfeited According to the Truth' // A New World, England's first view of America. Ed. by K.Sloan. Chapel Hill, 2007. Pp. 51–63.
6. Cross A. Peter the Great through British Eyes, Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. London, Cambridge University Press, 2001. 208 p.
7. Dukes P., Graeme P. Herd, and Kotilaine J. Stuarts and Romanovs, the Rise of a Special Relationship. Dundee, Discovery Press, 2009. 256 p.
8. Gouzevitch D. et I. La Représentation of the Grande Ambassason de Pierre Ier (1697-1698) dans les journaux: la presse comme source pour les recherches historique // E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, IV. 2016, pp. 24-31.
9. Hampton T. Fictions of Embassy, Cornell University Press, 2009. 250 p.
10. Hennings J. Russia and Courtly Europe. Cambridge University Press, 2016. 310 p. DOI: 10.1017/CBO9781107279599
11. Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. Yale University Press, 2000. 640 p.
12. Israel J. The Dutch Republic, Its Rise, Greatness, and Fall 1477-1806. Oxford, 1998, 1280 p.

13. Lowenson L. The First Interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected Material // *The Slavonic and East European Review*. 1958. Vol. 36. No. 87. Pp. 308-316.
14. Nesca A. *Robb William of Orange, A Personal Portrait*. London, Heinemann, 1966, vol. II, 424 p.
15. Phyllis S. Lachs, *The Diplomatic Corps under Charles II and James II*. Rutgers University Press, 1965. 269 p.
16. Price J.M. *The Adventure to Russia, Enterprise, Politics and Diplomacy in the Quest for a Northern Market for English Colonial Tobacco, 1676-1722* // *Transactions of the American Philosophical Society. New Series*. 1961. Vol. 51. No. 1. Pp. 1-120. DOI: 10.2307/1005870
17. Sadler C. *Peter der Grosse als Mensch und Regent*. St. Petersburg, 1872. 298 p.
18. *The Notebooks of Leonardo da Vinci*. Comp. and ed. from the Original Manuscripts by J. P. Richter. In 2 vols. New York, 1972, vol. 1, 2. 866 p.
19. *Britain and Russia, in the age of Peter the Great, Historical Documents*. Ed. by S. Dixon. SEESS Occasional Papers, no. 38. London, School of Slavonic and East European Studies, 1998. 255 p.
20. van der Zee H. and B. *William and Mary*. London, MacMillan, 1973. 544 p.

Об авторе:

Майя Дженссон – доктор истории, Почетный директор Йельского центра парламентской истории. Исторический факультет Йельского университета. Department of History, Yale University. McClellan Hall, 1037 Chapel Street, P.O. Box 208324, New Haven, CT 06520-8324, USA. E-mail: maija.jansson@yale.edu.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: БРИТАНСКИЙ РАЗДЕЛ «КОСМОГРАФИИ МЕРКАТОРА» И ПЕРЕВОДЧИКИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

Н.А. Болдырева

Музеи Московского Кремля

В статье анализируются некоторые особенности русского перевода глав о Британских островах из латинского Атласа Меркатора–Хондия (изд. 1613 г.), составленных на основе трактата «Британия» английского антиквара Уильяма Кемдена (1551–1623). Перевод был выполнен в Москве, в Посольском приказе, Богданом Лыковым и Иваном Дорном в 1637 г. и известен как «Космография Меркатора».

Сопоставление латинского оригинала и русского перевода обнаруживает большое количество отличий первого от второго, что отражает трудности, с которыми столкнулись переводчики. Спектр их проблем оказался весьма широким. Осложняло работу переводчиков и недостаточное знание латыни, особенно её простых синтаксических конструкций.

Лыкову и Дорну пришлось многое переосмыслить, чтобы ввести новые понятия и онимы в национальный контекст, отличный от того, в котором они были созданы. Трудности вызывали и имена собственные, и топографические объекты, и исторические факты, и терминология, и социальная структура, и институты власти, и политические реалии. В качестве примера этой непростой работы автор рассматривает интерпретацию одного из имён собственных – имени самого автора текста Уильяма Кемдена. Детальный анализ выявляет механизмы адаптации нового онима и включение его в русский язык.

Ещё сложнее было интерпретировать фрагменты, связанные с сословной, политической, административной и судебной организацией Англии. Показательным примером такого рода выступает перевод одного из важных для английской истории терминов – «парламент». При его передаче в русской «Космографии Меркатора» ясно проступает разница в восприятии сути парламента английским антикварием Кемденом и переводчиками Посольского приказа, которые оказались в затруднительном положении: они были вынуждены интерпретировать данный термин, опираясь только на собственные, весьма ограниченные знания об английских реалиях.

Ключевые слова: Посольский приказ, перевод, космография, интерпретация, атлас Меркатора, Уильям Кемден, Британия, антропоним, парламент.

УДК 913.1, 328,32

Поступила в редакцию 01.10.2018 г.

Принята к публикации 04.12.2018 г.

В первой половине XVII в. Русское государство, стремясь преодолеть последствия Смутного времени, вернуть утраченные территории и восстановить торгово-экономические отношения с Западной Европой, оказывается вовлечённым в оживлённые переговоры с европейскими странами. Всё чаще в Москву приезжают представители западных государств, а русские посольства для обсуждения насущных вопросов отправляются в Священную Римскую империю, Польшу, Швецию, Англию и т.д. Активное развитие дипломатических связей было бы невозможным без участия одного из самых важных государственных учреждений – Посольского приказа.

Приказ сосредоточил в себе как выдающихся представителей русской «проинтеллигенции», так и менее образованных, зато свободно владевших языками иностранцев. Помимо прямых обязанностей по делам международных сношений, Приказ выполнял второстепенные, но крайне важные поручения, в том числе переводы иностранных книг, переписывание и оформление рукописей. Здание учреждения на протяжении многих веков находилось на Ивановской площади Кремля. Известно, что здесь же хранилась значительная библиотека, постоянно пополнявшаяся как печатными, так и рукописными книгами [2, с. 101; 5]. При Артамоне Матвееве, возглавлявшем приказ в 1671–1676 гг., на службе Посольского приказа состояли около 20 подъячих и 15 переводчиков¹. Не случайно, говоря о нескольких группах переводчиков в Москве XVII в., А.И. Соболевский начинает именно с сотрудников Посольского приказа [26, с. 42].

Современные историографы признают переводческую деятельность Приказа «одним из мощных каналов включения России в европейское интеллектуальное пространство» [15, с. 53], сделав её предметом исследований самой разной направленности – от работ общего характера до анализа переводов отдельных литературных памятников [7–9, 17–20, 31 и др.].

В данной статье мы обращаемся к трудностям, которые испытывали переводчики. Постоянно сталкиваясь в иностранных текстах с неизвестными им реалиями, работники Приказа были вынуждены интерпретировать их, чтобы затем ввести новые понятия, термины, имена собственные и т.д. в национальный контекст, отличный от того, в котором они были созданы. Проблема осмысления «чужой» действительности в переводах, выполненных Посольским приказом, пока не нашла широкого отражения в отечественной историографии. Мы рассмотрим некоторые аспекты подобного «столкновения» двух миров на примере популярной в Московском государстве «Космографии Меркатора», а именно её глав, посвящённых Британским островам.

В 1637 г. служащие Приказа Богдан Лыков и Иван (Адам) Дорн (Adam Thurn von Einödt) переводят на русский язык «Атлас, или космографические соображения о сотворении мира и вид сотворённого»². Влияние этого колоссального

¹ Подробнее об этой стороне деятельности Посольского приказа второй половины XVII в. см. например [18].

² «Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura. Denuo auctus. Editio Quarta. Sumptibus et typis aeneis Judoci Hondij, Amsterodami. An.D. 1613».

по масштабу труда на формирование в России знания о других странах и об их обитателях вплоть до начала XVIII в. трудно переоценить. Впервые атлас был напечатан в 1595 г. через четыре месяца после смерти автора карт, знаменитого фламандского учёного, математика и географа Герарда Меркатора, его сыном Румольдом. В 1604 г. гравировальные пластины выкупает издатель Йодок Хондий. Он и его наследники активно дополняют это собрание картами и текстами и выпускают в свет в общей сложности 27 изданий в разных форматах на латыни и нескольких европейских языках сначала в одном, а с 1633 г. и в двух томах³.

Новые описания к картам создавал муж сестры Хондия Якомины, учёный-гуманист Питер ван ден Берге (Pieter van den Berghe), более известный как Пётр Монтан (Petrus Montanus). И.В. Дубровский убедительно продемонстрировал, что разделы о Русском государстве были составлены Петром Монтаном на основе нескольких источников [14]. Проведённый нами текстологический анализ глав о Британских островах Атласа Меркатора–Хондия также подтверждает исключительно компилятивный характер данных описаний⁴ [3]. Рискнём предположить, что похожую картину мы увидим при более пристальном изучении всех текстов-описаний карт в атласе Меркатора–Хондия, составленных по заказу Румольда Меркатора для первого издания атласа 1595 г. и дополненных в 1606 г. Петром Монтаном. Сам автор карт Герард Меркатор, скончавшийся в 1594 г., вряд ли имел отношение к описаниям. Однако в отечественной историографии продолжают появляться публикации, в которых авторство текстов приписывают ему [11–13; 29]. Между тем чёткое представление о том, кто именно создавал те или иные тексты для атласа, зачастую помогает избежать неверных трактовок.

Одним из основных источников, использованных Петром Монтаном при составлении описаний Британских островов, стала «Британия» – историко-топографический трактат Уильяма Кемдена (1551–1623), который по праву считается одним из самых авторитетных представителей антикварного движения. Основатель знаменитого английского Общества антиквариев, официальный королевский историограф, декан Вестминстерского колледжа, один из герольдмейстеров (Clarencieux king of arms) Английского королевства, он оказал большое влияние на развитие исторической науки как в Англии, так и в Европе.

В 1577 г. в Лондоне произошла знаменательная встреча Кемдена с известным фламандским картографом Авраамом Ортелием [49, р. 8], который, побеседовав с молодым исследователем и познакомив его со своими картографическими изысканиями, посоветовал ему систематизировать собранный ранее материал о британских древностях⁵. Последовав совету друга, Кемден начал активно работать над созданием объёмного описания Британии, и в 1586 г. его труд «Британия, хрографическое описание Британии, или процветающих королевств Англии, Шотландии, Ирландии и прилежащих островов с древнейших времён» («Britannia,

³ Подробнее см. [40].

⁴ На основе «Британии» созданы вводная глава, главы об Ирландии и Англии.

⁵ The life of Mr. Camden // Camden W. Britannia. London, 1722.

sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberiae, et Insularum adjacentium ex intima antiquitate Chorographica Descriptio») впервые был издан в Лондоне.

Главная цель Кемдена – подробное и как можно более полное описание Британии. Антиквария интересуют все аспекты жизни того или иного графства или города: территориальное разграничение, особенности природы, сословная структура общества, происхождение каждого звания и придворной должности, история институтов власти, например, парламента, история Англии в целом и каждого населенного пункта в частности, история английского языка и т.д.

Многие исследователи, называя Кемдена человеком «универсального знания», отмечали обширную источниковедческую базу «Британии». Это и письменные источники: труды античных авторов (Геродота, Плиния, Тацита и т.д.) и средневековых хронистов (Беда, Гильдаса, Матвея Парижского, Ранульфа Хигдена, Эдварда Холла и т.д.), а также его ближайших предшественников Кемдена (Полидора Вергилия, Джона Бейла, Джона Фокса, Джона Лиланда, Джона Стау, Рафаила Холиншеда и т.д.); и надписи на материальных памятниках, которые Кемден фиксирует, демонстрируя незаурядные навыки палеографии, а также сами памятники – во вступительных статьях к «Британии» антикварий анализирует древние монеты: их форму, рисунок, вес, место и время распространения.

Вместе с новыми типами источников антикварий освоил и новые методы работы с ними, их анализа и способов извлечения подлинной информации, став основоположником критической обработки источника в английской историографии.

Касательно идейной направленности «Британии» Уильяма Кемдена у историографов нет единого мнения. С середины XX в. господствовало убеждение, что главный интерес антиквария лежал в области воссоздания образа Римской Британии. Кемден пытается следовать римским итинерариям, желая решить сложную проблему идентификации римских дорог, мест и их названий. Его целью было показать, что Британия, будучи всего лишь отдалённой провинцией Римской империи, тем менее, разделяла культуру античного мира [36; 37; 39; 41; 42]. В 90-е гг. прошлого столетия было сделано утверждение, что Кемдена больше волновала история первых обитателей Британских островов, бриттов, и те немногие сведения, которые можно о них восстановить [46], а также влияние этого этноса на формирование в дальнейшем единой английской нации [22; 28].

Сам автор в предисловии, начинавшемся благодарностью в адрес фламандского картографа Авраама Ортелия, писал: «Великий восстановитель древней географии Авраам Ортелиус тридцать лет назад весьма серьёзно убеждал меня ознакомить весь мир с древним государством Британии, а именно, возратить Британию древности, а древность – Британии; обновить то, что является старым, проиллюстрировать то, что является неясным, разрешить то, что является сомнительным»⁶.

⁶ «The great Restorer of old Geography, Abraham Ortelius, thirty years ago, did very earnestly solicit me to acquaint the World with the ancient State of Britain, that is, to restore Britain to Antiquity, and Antiquity to Britain; to renew what was old, illustrate what was obscure, and settle what was doubtful» (Mr. Camden's preface // Camden W. Britannia. London, 1722).

Труд Кемдена очень быстро приобрёл большую известность. Последующие издания выходили через небольшие промежутки времени: уже в 1587 г. появилось второе издание того же объёма, но с доработанными маргиналиями; третье – в 1590 г., причём его факсимиле было отпечатано во Франкфурте-на-Майне и перевыпущено в 1616 г.; четвёртое, в четырёх томах, – в 1594 г.; пятое, посвящённое королеве Елизавете, – в 1600 г., где впервые появились статьи, описывающие древние монеты бриттов, римлян и англосаксов, четыре карты и зарисовка Стоунхенджа; шестое и последнее при жизни Кемдена издание было отпечатано в 1607 г. Оно посвящалось королю Якову I и в дополнение получило карты, выполненные известными картографами К. Сэкстоном и Дж. Норденом [38]. Впервые на английский язык «Британию» переложил Филемон Холланд, частично под диктовку самого автора. Два издания книги, основанные на этом переводе, появились в 1610 и 1637 гг. Последующие издания вышли в 1695, 1722, 1753, 1772, 1789, 1806 и 1971 гг. (репринтное издание 1695 г.). Также известно, что в 1733 г. «Британия» печаталась как приложение к одной из газет, настолько широка была аудитория желающих с ней ознакомиться [45, p. 113]. Однако на этом перечень изданий «Британии» не заканчивается, поскольку в XVII в. она печаталась не только как самостоятельное произведение: в частности, она вошла в состав одного из самых авторитетных атласов того времени – Атлас Меркатора («Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura»).

Впервые в этом атласе имя Уильяма Кемдена появляется в 1595 г.: в седьмой, последней, главе об Англии составители помещают краткую рекомендацию «дополнительной литературы» о Британских островах: «Если кто захочет узнать больше о Британских островах, [пусть] тот прочтёт Джорджа Бьюкена, Уильяма Кэмдена, Джона Лесли, Ричарда Станихерста и Рафаила Холиншеда, которые описали эти острова самым тщательным образом» [32, p. 76R]⁷. В 1606 г. Пётр Монтан, как мы уже упоминали, составляет более подробные описания Британских островов, большей частью опираясь на текст «Британии» по изданию 1600 г. Историко-топографические и антикварные штудии стали органичным дополнением к географическим картам в Атласе Меркатора–Хондия, в котором благодаря этому объединились две составляющие «репрезентации пространства» [47, p. 1] – текстологическая и визуальная.

С 1637 г. этот содержащий самую полную информацию об окружающем мире, в том числе и о Британских островах, атлас стал доступен и русскому читателю под названием «Книга глаголемая Космография, сиречь всего света описание». Судьбы выполнявших его перевод Богдана Лыкова и Ивана (Адама) Дорна напоминают приключенческий роман – столько в жизни обоих было неожиданных поворотов, взлётов и падений. Дорн, следовавший с посольством германского императора в Персию, был задержан в Московии в 1613 г. по обвинению в каком-то серьёзном политическом преступлении, позднее крестился, принял

⁷ «Plura si quis de Britannicis Insulis scire desiderat, is legat Georgium Buchananum, Guilielmum Camdenum, Ioannem Leslaeiium, Richardum Stanihurstum, et Raphaelem Holisheadium, qui accuratissime has Insulas descriperunt».

имя Иван, перешёл на службу к русскому государю и был жалован двором [17, с. 475–476]. Дворянин Богдан Лыков в 1608 г. был взят в плен и около 16 лет провёл в Речи Посполитой. Вернувшись на родину, он состоял на службе у суздальского архиепископа Иосифа (Курцевича), был арестован вместе с прелатом, после освобождения зачислен в Посольский приказ переводчиком, а затем стал участником нескольких дипломатических миссий, в частности, в Речь Посполитую и Османскую империю [17, с. 476–478, прим. 25]. Соответственно, в активе у обоих переводчиков, помимо латыни, было знание как минимум одного европейского языка: немецкого у Дорна и польского у Лыкова.

«Космография Меркатора» приобрела в Московии значительную популярность. Количество сохранившихся её копий служит тому подтверждением. А.И. Соболевскому известны семь полных списков XVII–начала XVIII вв., ныне хранящиеся в собраниях Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива древних актов и Государственного исторического музея [26, с. 59]. С.М. Глускина в 1954 г. упоминает уже 18 полных списков Космографии, добавляя к вышеупомянутым фондам Библиотеку академии наук [7, с. 82, прим. 3]. Из отдела рукописей Государственного исторического музея исследователь перечисляет рукописи собрания Уварова № 78, Щукина № 236, Барсова № 1750 и Воскресенского монастыря № 159. Помимо почти 1500-страничной версии перевода в 223 главы (при другой нумерации их 230), на тексте атласа Меркатора основана ещё более известная русским читателям «Космография в 76 глав» или «Космография 1670 года» [1, с. 146], впервые опубликованная А.Н. Поповым, а в 1881 г. изданная целиком [16; 23, с. 216].

Мы работали с хранящимся в Отделе рукописей Государственного Исторического музея парадным списком полной версии «Космографии Меркатора» из собрания Никольского Единоверческого монастыря (Единовер. № 84), выполненным по заказу духовника царя Алексея Михайловича, протопопа Благовещенского собора Московского Кремля Андрея Савинова Постникова в 1671 г. [подробнее об этой рукописи см. 4].

О.Е. Кошелева выделяет группу из нескольких списков «Космографии Меркатора», наиболее близких к утраченному ныне протографу, называя их «списками первой редакции»: РГБ. Ф. 173, № 101; РГБ. Унд. № 703; РГБ. Егоров. № 230; БАН. № 16. 4. 2; РНБ. Ф. IV. № 118; РНБ. Погодин № 1693; ГИМ, Единовер. № 84; ГИМ. Воскр. № 159. «При этом списки первой редакции в основном не являются наиболее ранними (наиболее ранний список, датирован по филиграням, относится к 1637–1638 гг. (Отдел редких книг и рукописей библиотеки СГУ им. Артисевич. Собрание Мальцева, № 220); следующий за ним список, датирован по вкладной записи патриарха Никона, сделанной в 7169 (1660/61) году (ГИМ. Воскр. № 159), некоторые из них относятся к началу XVIII века, один из списков имеет водяной знак 1810 г. (РГБ. Ф. 205, ОИДР № 114), но сохранили ранний текст без искажений» [17, с. 483]. Таким образом, в эту группу попадает и вы-

бранный нами в качестве основного источника список Космографии Андрея Савинова.

При сопоставлении латинского оригинала Атласа Меркатора–Хондия и русского перевода вступительной главы о Британских островах, а также описаний Ирландии и Англии, которые были составлены Петром Монтаном на основе «Британии» Кемдена, обнаруживается большое количество отличий первого от второго, что отражает сложности, с которыми столкнулись переводчики – русский Лыков и немец Дорн. Спектр проблем оказался весьма широк: трудности вызывали и имена собственные, и топографические объекты, и исторические факты, и терминология, и социальная структура, и институты власти, и политические реалии. К тому же работу затрудняло недостаточное знание латыни, особенно её сложных синтаксических конструкций.

Была ли у русского читателя возможность вычленить верную информацию, перешедшую в перевод непосредственно из «Британии» Уильяма Кемдена? В ряде случаев была. Например, если имя собственное повторялось по ходу повествования, у русского читателя появлялась возможность извлечь верную информацию из текста о данном персонаже или географическом объекте. В рассказе о привилегиях, дарованных землям Святого Кутберта правителями, читаем: «Эдвардус да Этестанус короли тому ж святому Гутберту грады Кнуто или Канутус, Данус дали. И то прежних королеи надание своими королевскими грамотами закрепили»⁸. Переводчики приняли имя могущественного правителя Дании, Норвегии и Дании Кнута (994/995–1035) за названия двух городов, и поскольку в главах о Британских островах он больше не упоминается, то эта ошибка осталась неисправленной⁹. Фигура Вильгельма Завоевателя (1027/1028–1087) появляется в тексте чаще, но сначала его имя интерпретируется правильно («И то их житие разорил королевич Робертус, Гвилелма норманского короля сын»¹⁰), а через несколько страниц неверно – как два правителя «Гвилелмус и Нарманус короли»¹¹.

Неоднозначно могло быть понято из перевода истинное значение топонима «Tamesis» (Темза). Вначале он трактуется верно, как латинизированное название реки («В том же государстве реки славные, то есть Тамесис...». Ед. 84. Л. 73 об.), затем ошибочно, как имя некоего автора «Под тем градом течёт река Сабрина. По скаскам Тамеги мудреца, Брытанская река имянуется...» (Ед. 84. Л. 85 об. Ср. с *Atlas sive cosmographicae meditationes*. 1613. P. 68: «Hic est Sabrina secundum a Tamesi Britanniae flumen, Severne Angli indigitant» («Есть Сабрина, вторая после Темзы река Британии, называемая англичанами Северн»). И снова правильно: «Реки в том графстве Сабрина, Авес, Исис или обчим словом Усе, иные называ-

⁸ Ед. 84. Л. 81. Ср. с *Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura*. 1613. P. 66: «Edwardus, Athelstanus Reges, & Cnuto, sive Canutus Danus, haec non modo confirmarunt, sed etiam auxerunt» («Короли Эдвард, Этельстан и Кнутт или Канут Датчанин, их не только подтвердили, но даже увеличили»).

⁹ Мы не видели главы атласа о Норвегии и Дании, возможно, там эта ошибка исправлена, тем более что описания этих стран помещены в атласе после глав о Британии.

¹⁰ Ед. 84. Л. 78 об.

¹¹ Ед. 84. Л. 81.

ют Тамесис» (Ед. 84. Л. 90). Однако разное написание в русском языке «Тамесис» и «Тамеги», скорее всего, способствовало тому, что несуществующий «учёный» сохранился в памяти русского читателя.

Меньше повезло знаменитому Шервудскому лесу. Дважды его название встречается в переводе и оба раза Дорн и Лыков его называют рекой, несмотря на «подсказки» латинского оригинала, которые они как раз переведены правильно: «Тут же есть река Ширевоод, в той реке с огнем ношью рыбу ловят <...> К западной стране есть река Ширевоод, иные называют Лимпидам Силва, сии речь красовитою лес. И все то графство в древние лета так называли для кразных, красно цветущих древес. В тех лесах растут орешки чернилные и зверей всяких множество (Ед. 84. Л. 101. Ср. С Atlas sive cosmographicae meditationes. P. 74: «Hinc Shirewood Lignum in ignis alimentum illinc Pisces Trenta large suppeditat <...> In occidua hujus agri parte, Shirewood, quam alij Limpidam Sylvam, alij Praeclaram sylvam interpretantur, omnia olim frondibus adoperuit, arborumque rami complicati, ita sylvas commiserunt, ut calles vix singulis pervij essent, nunc vero rarior est, infinitas tamen Damas, & surgentes in cornua Cervos alit» («Оттуда Шервуд поставляет для питания огня древесину, а Трента – рыб <...> В западной части этой области, Шервуд, название которого одни толкуют как Ясный Лес, а другие – как Светлый лес, всё покрыл листвою, и переплетённые ветки деревьев так уплотнили леса, что с трудом [были проторены] тропинки для одного [человека], ныне менее густой и всё же кормит многочисленных диких коз и со вздымающимися рогами оленей»). Более того, не справившись со сложной синтаксической конструкцией, переводчики вместо сообщения о труднопроходимой чаще Шервуда добавили пояснение про «красно цветущие» деревья и «чернилные орешки».

Если в переводе искажался какой-либо факт, то у русских читателей возможности узнать изначальный смысл текста уже не было: «И пристанищ корабельных в том графстве много славных и зело угодных: Велемудциониусть от Птоломея названа, велми угодна и приступна. От толе во италиянскую землю ездят» (Ед. 84. Л. 88. Ср. с Atlas sive cosmographicae meditationes. P. 69: «Nitet haec regio & imprimis ora maritima creberrimis Opidis, quae numerosam classem conficere possint. <> Inter Portus hujus regionis celeberrimus Volemouthe, Cenionis ostium Ptolemaeo, aequae nobilis, ac ipsum Italiae Brundisium, navium capacissimum, & tutissimum» («Эта область и прежде всего морской берег изобилуют столь частыми городами, что они могли бы вместе собрать многочисленный флот. Среди портов этой области есть самый знаменитый Фалемут, у Птолемея «Устье Цениона», столь же известный, как и сам [Брундизий] в Италии, способный принять очень большое количество кораблей и самый безопасный»). Помимо того, в переводе два топонима различных эпох слились в одно – «Велемудциониусть» что, по мнению Дорна и Лыкова, из этого английского города велась торговля с Италией.

Ещё один пример: «Бывал в Ышпании град Брыкганция, славен и зело велик. И тот град запустел, и стены развалилися. И перенесено то камение из Гишпании в Лагению, и поставлен град Ватерфордия. И многие люди и из Шпании перешли

со всем именем своим. И в том граде Ватерфордия обжилися» (Ед. 84. Л. 49 об. Ср. с Atlas sive cosmographicae meditationes. P. 53: «Quia vero Brigantium urbs fuerit antique in Hispania, Brigantia dicta, omnem movet lapidem Florianus del Campo, ut hos Brigantes ex sua deducat Hispania. Si vero hujusmodi conjecturae sit locus, aequè probabiliter Brigantibus in Britannia, quae gens vicina, & numerosissima, deducerentur») («Так как в Испании был древний город бригантов, называемый Бригантией, Флориан дель Кампо прилагает все усилия к тому, чтобы произвести этих бригантов из своей Испании. Если бы даже это предположение было вероятным, то одинаково возможно производить тех от бригантов в Британии, которые составляют весьма многочисленный и схожий народ»). Изменено абсолютно всё, кроме самого факта существования древнего города Бригантия в Испании, причём складывается такое впечатление, что переводчики даже не пытались следовать оригиналу. При появлении другого, непонятного им наклонения в латинском, они просто заменили неясный им текст своим собственным.

Говоря об особенностях образа Британских островов в русском переводе в целом, необходимо отметить значительный вклад, который внесла в изучение этого вопроса филолог С.М. Глушкина [8]. Она остановила своё внимание на главах «Космографии Меркатора» о Русском государстве и Британских островах, на примере которых тщательно разобрала и систематизировала основные типы ошибок переводчиков, их пропуски и добавления в тексте. Как считает исследователь, главная цель переводчиков заключалась в том, чтобы «дать наиболее интересные сведения» о Британских островах, опуская менее существенное, «полный перевод мог представляться нецелесообразным трудом» [8, с. 191]. Этим соображением обусловлен ряд изменений, внесённых Лыковым и Дорном, причём исследователь признала, что некоторые из них «не поддаются никакой классификации» [8, с. 169]. Часто опускаются рассуждения о топонимике, цитаты из различных авторов (главным образом, поэтов), ссылки на авторов этих цитат, географические и исторические подробности, особенно в описаниях английских графств. Есть значительные пропуски в рассказе о сословной и судебной системах Англии. В то же время переводчики не пропускают сведений о том, что касается церкви (кроме одного случая [8, с. 183]), занимательных фактов о Британии (всего два исключения [8, с. 185]), тщательно переводят информацию о знатных родах, правителях, междоусобицах, количественные данные о Британских островах. С другой стороны, Богдан Лыков и Иван Дорн делают собственные, иногда подробные добавления и пояснения: об активной торговле английских городов, о сельском хозяйстве, королевском суде и королевской власти, поземельных отношениях правителя и его вассалов и т.д.

С.М. Глушкина не знала, что автором большей части рассматриваемых ею описаний в атласе был не фламандец Герард Меркатор, а англичанин Уильям Кемден, что значительно меняет картину восприятия автором описываемых в атласе реалий, которые затем более или менее удачно передавали переводчики Посольского приказа. В задачи исследователя не входил также анализ важной, в нашем представлении, проблемы интерпретации в переводе имен собственных. Исследователи отмечают

широкую вариативность передачи неизвестных переводчикам топонимов и антропонимов, а также применение транслитерации [6, с. 169–180]¹². Зачастую формат данных работ не позволяет перейти от суммарных выводов к возможности рассмотреть эволюцию перевода одного из имён собственных на протяжении обширного фрагмента текста. Между тем, подобный детальный анализ способен выявить определённые механизмы адаптации нового онима. Описания Британских островов в «Космографии Меркатора» буквально перенасыщены информацией подобного рода – будь то имена античных, средневековых и ренессансных авторов, чьи сочинения использовал Кемден, или топонимы.

Прекрасный пример путей «освоения» нового антропонима представляет адаптация в «Космографии Меркатора» имени Уильяма Кемдена. В своём атласе Пётр Монтан постоянно ссылается на автора «Британии», поэтому Дорн и Лыков волей-неволей переносят его имя в русский текст. Мы собрали упоминания имени английского антиквара в русском переводе в небольшую таблицу. Но поскольку писцы, создававшие список Космографии для Андрея Савинова (Ед. 84), не были застрахованы от ошибок при переписывании текста, для сравнения мы взяли списки Космографии Ф. 256 № 272 Румянцев (РГБ), Никифоров Ф. 199 № 243 (РГБ) и Барсов 1750 (ГИМ). Полное цитирование русского перевода с сохранением орфографии приводим по Ед. 84, из остальных списков – только написание имени Кемдена, за некоторым исключением.

Первый случай связан с упоминанием народов, переселившихся на Британские острова. Во всех четырёх рукописях мы видим ошибочное написание «Камдебус»:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
1.	Но Кемден считает, что это разделение является более поздним, так, что в результате кажется, что оно возникло от трех народов – англов, камбров и скотов, которые потом поделили остров между собой ¹³ .	Камдебус мудрец достовернее всех пишет, что от трех людей, от аглииских, от шкоцких Л. 34–34 об.	Камдебус мудрец Л. 59	Камдебус мудрец Л. 58 об.	Камдебус мудрец Л. 27 об.

В следующем примере мы читаем сведения о трактовке Кемдена этимологии ирландской топонимии, причём Космографии Андрея Савинова, Барсова и Никифорова дают правильную транслитерацию – «Камденус», лишь в рукописи Румянцева обнаруживаем неверное написание «Камдеус»:

¹² См. подробнее: Вести-Куранты. 1656 г., 1660-1662 гг., 1664-1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2. Исслед. и подгот. текстов И. Майер. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 701 с. — С. 169-180.

¹³ Atlas sive cosmographicae meditationes. 1613. P.45: «Sed hanc recentiore esse divisionem credit Camdenus, ut quae a tribus populis, Anglis, Cambris & Scotis, qui postremo Insulam inter se dividerunt, videatur enata».

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
2.	Здесь Кемден вместе с теми великими философами [говорит] «Я воздерживаюсь», и говорит, что он не знает, о чем бы он мог догадаться на основании своего мнения: если лишь, говорит он, может быть, от «Ниеге», ирландского слова, которое означает у них Запад, или западную область, то отсюда слово Erin, кажется, может обозначать западную область ¹⁴ .	Камденус мудрец с ыными многими, философы немного пишучи, гиберницким или западным королевством называется. Л. 36 об.	Камдеус Л. 61	Камденус Л. 60 об.	Камденус Л. 29

Далее ситуация с «Камденус» и «Камдеус» повторяется. Также из современного перевода видно, что цитата переводится Дорном и Лыковым не полностью, без первой части, в латинском атласе английский автор упоминается дважды. Интересно отметить, что при таком сокращении исчезает информация о святом Патрике, фигуре, столь значимой для исторической идентичности Ирландии. Остался «невостребованным» в русском переводе и святой Брендан:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
3.	Впрочем, поскольку это место в жизни Патрика называется Регис, Кемден полагает, что существовала вторая Регия, которую упоминает Птолемей, чему соответствует и [ее] местоположение у Географа. Кроме этого [чистилища] Патрика, также на этом острове было другое Чистилище [Святого] Брендана, но так как я не нашел [этого] места, то (возьми на вооружение) здесь то одно, об этом [повествует] Тетрастикон [Александра] Некама, говорит Кемден ¹⁵ .	В том же озере оренданских жилцов чистец обыл (sic!). Об том Камденус мудрец пишет, что он слышал и читал то, и писал, и то его письмо чтущему принять с любовию. Л. 44	Камдеус Л.67	Камденус Л. 67об	Камденус Л. 36 об

В цитате № 4 мы сталкиваемся с двойной ошибкой. Дорн и Лыков не только не поняли пунктуации латинского оригинала, но и не узнали Кемдена. Несмотря на имеющийся в их активе правильный перевод имени антиквария, его превращают в архиепископа:

¹⁴ Ibid. P. 47: «Nisi Camdenus cum magnis illis Philosophis ἐπέχω, nec quid opinione augurari possit se habere dicit: nisi forsan, inquit, sit ab Hiere Hibernica voce illis Occasum, sive plagam Occidentalem sonante, unde Erin quasi Occidentalis regio deducta videatur».

¹⁵ Ibid. P. 50: «Caeterum cum Regis his locus in Patricij vita nominetur, Regiam alteram fuisse quam Ptolemaeus memorat, existimat Camdenus, cui suffragatur apud Geographum Situs. Praeter hoc Patricij, etiam aliud in hac Insula Brendani Purgatorium fuit, sed cum non invenerim locum, inquit Camdenus, accipe quod solum inveni, Nechami de illo Tetrastichon». У Кемдена Reglis (см. Camdenus W. Britannia, sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberiae, et Insularum adjacentium ex intima antiquitate. Chorographica Descriptio. Londini, 1600. P. 784). Очевидно, что при переходе в атлас наборщиками была допущена ошибка. В нашем переводе мы не стали исправлять текст атласа, оставив Regis, но считаем необходимым это отметить.

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
4.	Птолемей располагает здесь город Накнату, но Кемден говорит: «Распознать это не в моих силах, мне не удалось обнаружить, какой именно то был город». Епископ здесь один, который восседает в Твении, называемой на народном языке Тоа, и вершит суд в Момонии ¹⁶ .	Птоломеи же поминает тот град Накнатам. В том граде архиепископ Камтенус, которой в Твени или в Туами живет, и Момония в том же присуде. Л. 46 об	архиепископ Камтенус Л.69	Архиепископ Камтенус Л. 69об	архиепископ Камтенус Л. 35

В примере № 5 опять обнаруживаем ошибку в идентификации Кемдена. Вместо англичанина появляются «некие люди»:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
5.	Именно эти же графства уже по порядку мы осветим вместе с Кемденом, в соответствии с народами, которые, как пишет космограф, населяли эту часть Ирландии ¹⁷ .	О тех графствах во особном писании есть описано. Некие камденские люди, жилцы тое страны, были имянуемые, брысканты. Пишет об них космограф. Жили промеж устья реки Свиры. Л. 49 об.	Некие люди жилцы тое земли и страны были именуемые брыканты. Л. 71	Некие люди, жилцы тое страны были имянуемые брыканты. Л. 72 об.	Камденские люди Л. 37

В следующем случае имя Уильяма Кемдена транслитерируется (кроме списка Никифорова) и понимается правильно:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
6.	Здесь же, в устье реки Модоны, Птоломей помещает и город Менапию, но названия их настолько забылись, что Кемден совершенно отчаивается найти какой-нибудь луч света в этом мраке ¹⁸ .	На том же острове есть град Менапиям, на устье Модоне реки, о котором Камденус мудрец в своем писме свидетельствует достаточно. Л. 52	Камденус Л. 73	Камденус Л. 75	Хамденус мудрец Л. 38 об.

¹⁶ Ibid. P. 51: «Nagnatam urbem hic ponit Ptolemaeus, sed quenam illa sit, eruere non est mei ingenij, inquit Camdenus. Archiepiscopus hic unus qui Twenij vulgo Toam residet, & Momoniae adjudicatur...».

¹⁷ Ibid. P. 53: «Hosce Comitatus jam ex ordine lustrabimus, cum Camdeno, secundum populos quos hanc Hiberniae partem habitasse scribit Cosmographus».

¹⁸ Ibid. P. 54: «Hic etiam Menapiam urbem statuit Ptolemaeus, ad ostium Modonae flu. quae ita suis nominibus exciderunt, ut aliquid lucis in tantis tenebris elicere, plane diffidat Camdenus».

Во фрагменте №7 имя антиквария впервые употребляется без латинизированного окончания «ус» и даже склоняется по правилам русского языка:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
7.	Именно об этих графствах вслед за народами, к которым они причисляются космографом, вместе с Камденом мы кратко расскажем ¹⁹ .	О тех графствах и о людях, которых космограф разделил, с Камденом мудрецов (sic!) вкратца хошу предложить и объявить. Л. 55 об.	Камденом Л. 75	Камденом Л. 77 об.	Камденом Л. 40 об.

В примере №8 в двух рукописях читаем одинаково неверное «Комдемус» наряду с двумя правильными транслитерациями в Ед. 84 и Никиф. 243, но верная интерпретация сохраняется во всех случаях – автор остается автором, более того, Дорн и Лыков, уже имея представление о том, кто такой Уильям Камден, даже дополнительно отмечают активный интерес к древностям, хотя в латинском оригинале этой фразы нет. В списке Ед. 84 присутствует явная ошибка – «ОХИТНИК», а не «ОХОТНИК»:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
8.	Здесь есть реки: первая – Тес, у латинян – Теизис и Тейза, у Полидора – Атезис, у Птолемея, у которого, как Камдену кажется, произошла ошибка из-за небрежности писцов, она названа Туесис ²⁰ .	В том же графстве славные реки те суть, то есть Теэс или Теисис, или Теиса. Птоломеи Туэзис называет. Камденус охитник (sic!) был те древние памяти писати, тот об тои реке пишет. Л. 82	Комдемус охотник был те древние памяти писать. Л. 99	Комдемус охотник Л. 76	Камдемус охотник Л. 59 об.

В цитате № 9 вновь все рукописи транслитерируют имя правильно:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 №272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
9.	Первым господином Вестморляндии, которого мы знаем (говорит Камден), был Роберт де Ветери Понте ²¹ .	Вестморляндской граф меж всеми иными первои был граф и государь имянем Робертус Деветерипонте. О том Камденус мудрец пишет. Л. 82 об.	Камденус Л. 99 об.	Камденус Л. 76 об.	Камденус Л. 60

¹⁹ Ibid. P. 55: Hosce Comitatus secundum populos quibus a Cosmographo tribuuntur breviter cum Camdeno percurremus.

²⁰ Ibid. P. 66: «Flumina hic sunt primum Tees Latinis Teisis & Teisa, Polydoro Athesis, Ptolemaeo Tuesis appellari videtur Camdeno, apud quem libroriorum incuria exulare exstimat».

²¹ Ibid. P. 67: «Westmorlandiae Dominus primus quod sciam (inquit Camdenus) fuit Robertus de Veteri Ponte».

И вновь неверный перевод, Кемден становится «уделным князем», причём в списках имеются разночтения:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
10.	Эта область сначала имела господ, каковые назывались по своему почету Ланкастрии, затем [она имела] графов, затем – герцогов. О которых смотри у Кемдена ²² .	Преже бывало графство, а потом поднелося в уделные княжество. Меж иными уделными князи был князь камденской в велицей чести и славе. и великородственной велможности был. Л. 83	Был князь камденской в велицей чести и славе Л. 100	Меж иными удельными князи камденской в велицей чести и славе и великородственными и велможности был. Л. 77	Был князь камденской в велицей чести и славе Л. 60 об

В примерах №№ 11–14 все рукописи придерживаются единого – правильного – образца транслитерации – «Камденус». В № 12 несколько изменён первоначальный смысл из-за того, что переводчики проигнорировали пунктуацию оригинала:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
11.	Кемден считает, что этот город был тем [городом], который у римлян назывался Alonae и в книге Нотициариев Alione ²³ .	Камденус мудрец мнит, что тот град в древние лета римляне называху Алона или Алионе, потому что он об том граде в римских летописцах читал. Л. 83–83 об.	Камденус Л. 100	Камденус Л. 77	Камденус Л. 60 об.
12	...(чему) мы удивлялись, – говорит Кемден. Пенигент назван, вероятно, по белоснежной вершине, которая, возвышается обширной громадой ²⁴ .	И я, видя такую чудную предивную гору, почюдихся велми. Камденус ту гору называет Пенигент, сии речь белой верх от снегов. Л. 83 об.	Камденус Л. 100 об.	Камденус Л. 77 об.	Камденус Л. 61
13	Ты можешь с полным основанием назвать эти горы Британскими Альпами, утверждает Кемден ²⁵ .	В niskих местех графства того горы высокие имянуемое Брытанские, Камденус пишет. Лист 84 об.	Камденус Л. 101 об.	Камденус Л. 78 об.	Камденус Л. 61 об.
14	Если, возможно, кто хочет знать больше, пусть он обратится к Кемдену, из которого я почерпнул это немного и который эту историю из древней рукописной книги включил в свою Британию ²⁶ .	Аще ли же кто хошет достаточно о том ведать, да чет в писаниях, Камденуса мудреца, как он о Брытании пишет. Л. 86 об.	Камденуса Л. 103 об.	Камденуса Л. 80 об.	Камденуса Л. 63

²² Ibid.: «Provincia haec primum Dominos, qui Domini de honore Lancastriae dicebantur, habuit: deunde Comites, tertio Ducis. De quibus consule Camdenum».

²³ Ibid. P. 67: «Hanc urbem illam fuisse existimat Camdenus, quae Romanis Alonae & libro Notitiarum Alione dicta».

²⁴ Ibid.: «... demirandi sumus, inquit Camdenus. Penigent fortasse ab albicante, & nivoso capite, qui vasta mole, sed non perinde excels attollitur».

²⁵ Ibid. P. 68: «Alpes Britannicas montes hosce merito apelles, inquit Camdenus».

²⁶ Ibid. P. 68: «Plura si quis requirat Camdenum adeat, ex quo haec pauca depromsi, qui hanc Historiam ex antiquo manuscripto libro in sua Britannia attexit».

К сожалению, в русском переводе пропало точное указание Петра Монтана на саму «Британию» Кемдена, откуда были заимствованы описания (№14). Переводчики не знали название трактата и перевели его как «писания Камденуса мудреца, как он о Британии пишет».

В следующем примере написанием имени антиквария отличается рукопись из коллекции Барсова – «Комдеус»:

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
15	Камбрия, которая и Валлия или Уэльс, – старинное местопребывание бриттов, как кажется некоторым, была названа от третьего сына Брута, что Кемден считает ошибочным ²⁷ .	Камбрия или Валлия, или Валес, британских жилцов первоначальное жилище. От Камбра, третьего сына Брюты так названа. Камденус мудрец тому не верит. Л. 93 об.	Камдеус мудрец Л. 110 об.	Комдеус Л. 87 об.	Камденус Л. 68

Наконец, в примерах №№16–18 латинизированное окончание исчезает, более того, от имени Кемдена по правилам русского языка образуется прилагательное «камденовых» (исключение – Никифоров 243, «Камдеуса»):

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
16	Об остальных смотри Кемдена ²⁸ .	Объ их графах того государства читай в камденовых книгах. Л. 95	В Камденовых книгах Л. 112	В Камденовых книгах Л. 89	В Камденовых книгах Л. 69 об.
17	Об этих и других ты больше найдешь у Кемдена ²⁹ .	Сверх того, об том и об иных статьях достаточно писано в камденовых книгах. Л. 95 об.	В Камденовых книгах Л. 112	В Камденовых книгах Л. 89	В Камденовых книгах Л. 69 об.
18	Про остальных графов читай Кемдена ³⁰ .	Аще хочещи ведати достаточно, читай в книгах Камдена мудреца. Л. 96	Камдена Л. 113	Камдена Л. 90	Камдеуса Л. 70

В последних примерах количество использованных транслитерированного «Камденус» и уже адаптированного «Камден» и «камденовы книги» приблизительно одинаково, но ошибок в интерпретации того, кто такой Кемден, уже нет:

²⁷ Ibid. P. 71: «Cambria, quae & Wallia, sive Wales, avita Britannorum sedes, a Cambro tertio Bruti Filio denominate nonnullis videtur, quod falsum putat Camdenus».

²⁸ Ibid. P. 71: «De reliquis Camdenum vide».

²⁹ Ibid.: «De his & reliquis plura habes apud Camd.».

³⁰ Ibid. P. 72: «De reliquis Comitibus lege Camdenum».

№	Современный русский перевод	ГИМ Ед. 84	РГБ Ф. 256 № 272 Румянцев	ГИМ Барсов 1750	РГБ Никифоров Ф. 199 № 243
19	В этом месте следует добавить то, что пишет Кемден о [способе] выжигания земель в этом регионе: западная часть Денбишира не то чтобы являлась более плодородной там, где она омывается океаном, она населена там и сям и возвышается гладкими неплодородными горами... ³¹	О Денбигии области и воздуху тамошнем и обо всем достаточно пишет Камденус мудрец. Л. 97	Камденус Л. 114	Камденус мудрец Л. 91	Камденус мудрец Л. 70 об.
20	Но об этом достаточно. Если кто ищет больше, пусть обратится к тем же Хамфреду, Гиральду, Кемдену и другим ³² .	О том писати престанем. А хто хочет болши о том ведати, читай Гумфре да Гиралда, Камдена и иных мудрецов книги. Л. 98	Камдена Л. 115	Камдена Л. 92	Камдена Л. 71 об.
21	Это же добавляет Кемден ³³ .	К тому же Камденус мудрец пишет. Л. 109	Камденус Л. 123 об.	Камденус Л. 103	Камденус Л. 80
22	Говорит Кемден ³⁴ .	Камденус мудрец пишет Л. 110	Камденус Л. 127 об.	Камденус Л. 104 об.	Камденус Л.80 об.
23	Но больше об этом смотри у Кемдена ³⁵ .	А есть ли достаточно об том хочеш уведати, чти в камденовых мудрецовых книгах. Л. 110 об.	В камденовых мудрецовых книгах Л. 128 об.	В камденовых мудрецовых книгах Л. 105	В камденовых мудрецовых книгах Л. 81 об.
24	Если кто желает узнать больше о Британских островах, тот пусть читает Джорджа Бьюкенена, Уильяма Кемдена, Джона Лесли, Ричарда Станихерста и Рафаила Холиншеда, которые самым тщательным образом эти острова описали ³⁶ .	Ащели кто хочет о Брытании и о островах достаточно уведат, да четт Георгия Буханаиа (sic!), Гвилелма Камдена, Леслея Иоинна, Рихарда Станигорста, Рафаила Голинсеадия, мудрецов, которые с великим прилежанием о тех островах достаточно подробну писали. Л. 112 об.	Гвиллема Камдена Л. 130 об.	Гвилема Камдена Л. 107	Гвилелма Камдена Л. 83.

³¹ Ibid. P. 72: «Hoc loco addendum quod de ratione glebas comburendi in hac regione, scribit Camdenus: Occidua Denbighiae pars, nisi quod laetior sit, qua Oceano pulsatur, sparsim habitata, glabris et macilentis montibus plusquam protuberat...».

³² Ibid.: «Sed de his plura satis. Si quis plura petat, adeat cundem Humfredum, Giraldum, Camdenum & alios».

³³ Ibid. P. 77: «Hoc etiam addit Camdenus».

³⁴ Ibid.: «...inquit Camdenus».

³⁵ Ibid. P. 78: «Sed de his plura vide apud Camdenum».

³⁶ Ibid. P. 78: «Plura si quis de Britannicis Insulis scire desiderat, is legat Georgium Buchananum, Guilielmum Camdenum, Ioannem Leslaeiium, Richardum Stanihurstum, et Raphaelem Holinsheadium, qui accuratissime has Insulas descriperunt».

Приведённая таблица наглядно показывает, как адаптируется имя английского автора: от ошибочного во всех списках «Камдебус» к «Камден» в самом конце перевода глав о Британских островах. Но этот процесс оказался непростым и очень неровным, с постоянным отходом то в сторону неверной транслитерации («Комдеус», «Комдемус» или «Камдеус»), то в сторону неправильного понимания, кем является Уильям Кемден – «архиепископ Камтенус» или «князь камденской в велицей чести и славе». В примере № 5 – в двух списках вместо Кемдена появляются «некие камденские люди», причём в двух других рукописях оставлено только «некие люди», непонятное в данном контексте определение «камденские» исчезает. На наш взгляд, здесь присутствуют следы более поздней правки русского текста.

Постепенно (№№ 11–14) переводчики, а вслед за ними и переписчики, приходят к единой транслитерации «Камденус», а с № 16 (в Атласе это глава об Уэльсе – то есть более половины общего объёма о Британских островах) уже «освоенное» чужое для русского уха имя получает новые, русифицированные производные, которые встречаются во всех списках: «в камденовых книгах» (№№ 16, 17, 23), причём переводчикам было понятно и сокращение в атласе «Camd.» (№ 17). А в самом конце (№№ 18, 20, 24) имя антиквария приближается к принятому современному – «Камден».

Таким образом, мы наблюдаем, как вырабатывался механизм передачи незнакомого переводчикам иностранного имени собственного, в данном случае антропонима. Вырабатывался он по мере выполнения перевода, без какой-либо предварительной подготовки³⁷ и не был быстрым из-за невнимательности или неидеального знания Дорном и Лыковым латыни. Однако в конце работы над главами о Британских островах книжники всё-таки окончательно утвердились в единой интерпретации и написании имени английского антиквария, хотя и не в одном, а двух возможных вариантах.

Сложнее оказалась ситуация с фрагментами описания Британских островов, связанными с сословной, политической, административной и судебной организацией Англии. Понимание особенностей того или иного государства очень важно для верной интерпретации его реалий. Из «Британии» Кемдена в атлас Меркатора–Хондия переходят базовые, четко систематизированные сведения подобного плана об Англии. В русском переводе этих отрывков мы обнаруживаем самое большое количество неверных трактовок терминов или их содержания. Сведения о социальном устройстве Англии предстали в «Космографии Меркатора» в редуцированном виде, с отклонениями от оригинального текста Кемдена. В частности, суть ленных отношений и инвеституры – основополагающих для европейской средневековой страны – в переводе остаются как бы за кадром; не упоминаются представители «младшей знати» – в контексте перево-

³⁷ В отличие, например, от подготовки перевода атласа Блау, когда Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей заранее вырабатывается механизм транслитерации ряда топонимов (См.: [21]).

да систематизированной информации об английских сословиях слова «рыцари», «джентльмены» остаются непонятыми. Фраза о горожанах и йоменах – низшей ступени английской сословной иерархии – переводится частично: Лыков и Дорн верно выбирают термины «мещане», «посацкие люди» и «слобожане». Однако им оказалась совершенно неясной информация о доходах йоменов с их земель и о наёмных работниках.

По прочтении раздела, посвящённого английским судебной и административной системам, у русского читателя складывалось искажённое представление о функциях и полномочиях различных инстанций и должностных лиц, преимущественно светских. Например, вместо Суда Королевской скамьи – *Wancus regius* – Дорн и Лыков поведали читателям, причём очень последовательно и подробно, о *Sambium regis* – институте королевских менял; функции Суда Звёздной палаты они делегируют Суду Королевской скамьи; информация о Суде лорда-адмирала и Ассизах в русском переводе отсутствует; неправильно переводится рассказ Кемдена о шерифе, разъездных судах, юстициариях и т.д. Несмотря на то, что перевод создавался европейцем по происхождению и человеком, долгое время жившим в Европе, суть судебной системы Англии не была понята ими верно из-за сильного отличия её от других судебных систем, особенно русской. Зато тема канонического права и церковных судов оказалась нашим переводчикам намного ближе: в её переводе мы находим меньше пропусков и больше верных интерпретаций.

Рассмотрим более подробно пример того, как Богдан Лыков и Иван Дорн интерпретируют одно из самых важных в английской истории понятий – парламента. Его употребление в Космографии считается самым ранним в русских переводах [9, с. 196]. В русском переводе «Космографии Меркатора» ясно выявилась разница в восприятии сути парламента английским антиквариером Кемденом и переводчиками Посольского приказа.

На протяжении своей длительной истории английский парламент претерпел значительную эволюцию и по сути своих функций и в восприятии последних современниками. Он возник из королевского совета и долгое время был высшим апелляционным судом [34, р. 17], а позднее играл роль представительного органа [35]. Первое упоминание парламента в атласе Меркатора–Хондия связано не с Англией, а с Ирландией, и приходится на описание столицы Ирландии Дублина, заимствованное Петром Монтаном из труда Ричарда Станихерста «Великие деяния в Ирландии»: «Здесь обычно собираются суд и съезды, которые народ называет парламентами»³⁸ [ср. 44, р. 21]. В «Космографии Меркатора» смысл передан верно, даже с некоторым пояснением: «В первоначальном в stolном граде Дублинии бывает съезд, повся годы всякие люди тое земли съезжаются и советуют о всяких земских делех»³⁹. В следующий раз Пётр Монтан говорит о парламенте в разделе о Шотландии: «В остальных книгах законов на языке скотов записываются реше-

³⁸ Atlas. 1613. P. 47-48: «Hic judicia et Comitia quae vulgo Parlamenta dicuntur, celebrari solent».

³⁹ Ед. 84. Л. 38 об.

ния собраний, которые называются парламентами»⁴⁰. В русском переводе здесь присутствует ошибка: «А другая книга шкоцким языком парламент. Сии речь приговор всеи земле»⁴¹. По стечению обстоятельств, в этом, казалось бы, неверно переведённом предложении проявились знания Дорна и Лыкова, почерпнутые где-то ранее, либо перенесённые сюда из первой главы об Англии: решения парламента принимаются от имени «всей земли», то есть всего государства, а сам парламент воплощает «политическое тело нации» [10, с. 252].

Однако обе эти цитаты в атлас были отобраны не из «Британии». Нас же больше интересует восприятие парламента Уильямом Кемденом. Как антикварий он несколько антикизирует это понятие, помещая основные сведения о нём в раздел об английских судах: «Суды Англии или суды права, которые мы называем также куриями, делятся на три группы. Одни же – церковные, другие – светские и один смешанный, который называется Парламент, и состоит из трёх сословий Англии и представляет тело всей Англии. Он назначается государем в качестве арбитра и имеет высшую и священную власть в законах, которые следует вносить, утверждать, толковать во всем, что обращено на благо государства»⁴².

Подобное восприятие было характерно для второй половины XVI в., когда парламент уже обладает широкими законодательными и судебными полномочиями, а также является представительским органом власти. Таким образом, даже вошедший в атлас сокращённый текст «Британии» даёт представление о большинстве функций парламента, накопленных за многие века. Для антиквария, безусловно, «три сословия», которые и составляют «тело всей Англии» – это король, лорды и общины. Информация о Палате общин в атласе встречается отдельно: «Граждане или бюргеры, которые в любом своём городе занимают государственные должности и имеют место в палате общин Англии»⁴³. Также Кемден упоминает парламент в связи с церковными судами: «Главными церковными судами являются синод, который называется конвокацией духовенства, и всегда устраивается вместе с Парламентом, и Синоды Провинциальные в обеих провинциях»⁴⁴.

Иван Дорн и Богдан Лыков, помимо приведённой нами выше цитаты «приговор всеи земли», в остальных случаях переводят «парламент» как «соим», больше, чем с русской думой, сближая английский парламент с польским сеймом, также представительским органом власти [9, с. 196]: «Мещане, сии речь посадские люди, во время съезду на соим лучшие выборные люди вместе с сенаторы,

⁴⁰ Atlas. 1613. P. 58: "Reliquis legum libris Scotica lingua Comitiorum (quae Parlamenta dicuntur) Acta inscribuntur".

⁴¹ Ед. 84. Л. 65.

⁴² Atlas. 1613. P. 64: «Angliae tribunalia sive iuris fora, quas etiam curias dicimus, in triplici sunt differentia. Alia enim sunt Ecclesiastica, alia temporalia, & unum mixtum, quod Parlamentum vocat, & tribus Angliae Ordinibus constat & totius Angliae corpus repraesentat. Hoc a Principe pro arbitrio indicitur summamque & sanctam auctoritatem habet in legibus ferendis, confirmandis, interpretandis, & in omnibus quae ad Reipublicae salutem spectant».

⁴³ Ibid.: «Cives sive Burgessess qui in sua quilibet urbe publicis funguntur Muneribus & in Parlamentarijs Angliae Comitijis locum habent».

⁴⁴ Ibid.: «Ecclesiastica fora praecipua sunt Synodus, que Convocatio Cleri dicitur, semperque simul cum Parlamento habetur: & Synodi Provinciales in utraque Provincia».

сии речь з бояры и з думными людми места свои имеют и о всяких делех земских и государственных советуют вместе заедино»⁴⁵. Использование полонизма «соим» является иллюстрацией того, что книжники зачастую предпочитали вводить часть латинизмов социальной лексики в их польской огласовке или в том значении, какое эти слова имели в польском языке [9, с. 207]. В целом, появление большого числа полонизмов в переводе общественной терминологии Космографии, «при отсутствии их в лексической системе в Космографии в целом», объясняется тем, что, работая в Посольском приказе, Иван Дорн и Богдан Лыков «были хорошо знакомы с государственным строем и административной системой соседней Польши» [9, с. 233]. А именно образец «на польское дело» стал определяющим для русской культуры XVII в. [30]. С учётом последних данных о судьбе Богдана Лыкова можно предположить и наличие личностного фактора в выборе полонизмов – Лыков провёл 16 лет в Польше, где выучил польский язык и свободно им пользовался при составлении перевода.

Однако русская интерпретация некоторых функций парламента в Космографии далеко не всегда соответствует латинскому оригиналу. Например, совершенно неверно понято основополагающее утверждение Кемдена о трёх членах, на которых базируется парламента: «Те духовные власти над всеми аглинскими судьями оберегатели праведнаго суда разделяются на три чина, то есть одне костелные служащие, другие молебные, а не служащие, третие во время соиму с князи уделными и з графы, и з думными людми вместе сидят. И о всяких государственных и земских делах советуют обще и приговаривают по своему разсудению. В тех трех чинех духовных власти вся аглинская земля содержится, от вышняго чина всего аглинского государтва всякие государственные и земские дела разсуждают правду к чести и к славе, и к прибытку королевскому величества и всего государтва»⁴⁶. Все три составляющих парламента переводчики делают «духовными», то есть церковными властями, хотя «третие во время соиму с князи уделными и з графы, и з думными людми вместе сидят». Но слово «парламента» здесь отсутствует, как и отсутствует исчерпывающее понимание сути английского парламента, в частности, одного из его самых важных и более древних назначений, судебных функций – как Верховного суда, который имеет в виду Уильям Кемден. Для англичанина этот суд стоит даже над королевским. В русском переводе данный момент остается неосвещённым.

Далее, из-за неточного понимания синтаксиса латинского текста цитата о конвокации в переводе на русский также изменяет первоначальный смысл: «Духовных людеи соим, их языком имянуется парламента, сии речь совет. На тот соим съезжаются провинцыалы, сии речь дозорщики всяких духовных дел»⁴⁷. И вновь мы видим «духовных людеи», чьё собрание называется парламента. Нужно отметить, что прямая связь между конвокацией и парламентом в действитель-

⁴⁵ Ед. 84. Л. 74 об.

⁴⁶ Ед.84. Л. 75-75 об.

⁴⁷ Ед.84. Л. 76.

ности существовала: со второй половины XIII в. духовенство входило в состав парламента, но к середине XIV в. его участие в заседаниях «было ограничено прелатами, заседавшими в палате лордов, а прокторы позднее вошли в состав конвокации, принявшей, таким образом, отчасти функции органа сословного представительства» [27, с. 38]. Но в XVI в. эти две институции уже автономны и объединять их таким образом, как это сделано в переводе, было ошибкой.

Таким образом, в сознании читателя «Космографии Меркатора» английский парламент прочно ассоциировался с совещательным органом власти при государе, но власти именно церковной. В английскую систему управления парламент включается только после 1530-х гг. и стал обладать особым политическим авторитетом по второй половине XVI в. [48, pp. 233–237]. Для русских остаётся понятной только совещательная функция парламента при государе, но его более древнее назначение теряется. Поэтому мы считаем, что термин «парламент» в «Космографии Меркатора» понят не до конца.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что по прочтении глав о Британских островах в памяти русской публики совершенно точно сохранялось имя самого Уильяма Кемдена и упоминание его трактата («Камденус мудрец» и «камденовы книги»). Также читатели знакомились с рядом основополагающих для его «Британии» идей: поиском следов кельтского и римского прошлого и остатков материальной культуры, желанием проникнуть в историю английского языка и выяснить происхождение топонимов, попыткой проследить генеалогию знатных британских родов⁴⁸.

Однако картина Британских островов, созданная Петром Монтаном для атласа Меркатора–Хондия на основе «Британии» Кемдена, в русском переводе оказалась значительно искажена. Книжники оказались в весьма затруднительном положении: не имея возможности посетить Британские острова и не зная английских реалий, они были вынуждены интерпретировать факты и термины, опираясь только на собственную компетентность. Достоверности их работе не добавило и не очень хорошее знание латыни, особенно её сложных синтаксических конструкций. В рассмотренном нами примере с английским парламентом благодаря информации, почерпнутой из «Британии» Кемдена, Дорн и Лыков, безусловно, сообщали своим читателям что-то новое и интересное об этом самом важном институте в Англии, но не во всей полноте передали особенности его полномочий и функций.

Тем не менее, сознавая значимость для человека XVII столетия информации из Атласа Меркатора–Хондия, не приходится удивляться той востребованности, которую перевод получил у русских читателей. Согласно статистике, Атлас Герарда Меркатора входил в третью по популярности группу среди произведений светского содержания [24, с. 69] – после античных авторов и сочинений по истории. Патриарх Никон, находясь уже в далёком Ферапонтовом монастыре, в пись-

⁴⁸ Эта часть сопоставления латинского и русского текстов осталась за рамками данной статьи, мы имеем возможность привести здесь лишь этот краткий вывод.

ме к царской семье от первых чисел мая 1674 г. будет просить: «Да ты же, великий государь, прислал с Козмою Лопухиным книгам роспись, которые в келье моей в Воскресенскомъ <монастыре> после меня остались. И в той, государь, росписи многих книг нетъ, которые мне надобны были <...> книга Космография, писана скорописью же на русском языке, в дествъ» [цит. по 25, с. 505]. Вне всякого сомнения, речь идёт о «Книге глаголемая Космография, сиречь всего света описание», переведённой сотрудниками Посольского приказа Богданом Лыковым и Иваном Дорном.

Список литературы:

1. Барандеев А.В. Русские "Космографии": эволюция жанра // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М.: Наследие, 1996. С. 144–147.
2. Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. 886 с.
3. Болдырева Н.А. «Британия» Уильяма Кемдена в Атласе Меркатора–Хондия (1613) // Средние века. 2018. №79 (2). С. 107–130.
4. Болдырева Н.А. Атлас царского духовника. О чём может рассказать уникальный экспонат Исторического музея // Родина. 2016. № 2. С. 100–101.
5. Бондаренко И.Е. Здания Посольского приказа // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М.: Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсон, 1916. С. 98–107.
6. Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2. М.: Языки славянских культур, 2008. 701 с.
7. Глускина С.М. Космография 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник. М.; Л.: издательство АН СССР, 1954. Т. 3. С. 79–99.
8. Глускина С.М. Космография Богдана Лыкова 1637 года: История текста и наблюдения над языком: диссертация... кандидата филологических наук. Л., 1949. 493 с.
9. Глускина С.М. Общественная терминология в Космографии: 1637 г. // Учен. зап. Псковск. пед. ин-та. 1954. Т. 2. С. 186–243.
10. Дмитриева О.В. Теория парламентского представительства в Англии XVI–начала XVII века // Средние века. 2016. № 77 (3–4). С. 251–264.
11. Долгова С.Р. Короткие рассказы о Москве. М.: Издательство Объединения «Мосгорархив», 1997. 157 с.
12. Долгова С.Р., Иванова Е.В. «Италиане вправде во многих великих похвальных статиях искусны». Описание Италии в «Космографии» XVII в. Герарда Меркатора // Исторический архив. 2011. № 6. С. 164–178.
13. Долгова С.Р., Лаптева Т.А. Россия и Британия. XVI–XIX века. Отв. ред. Т.И. Скалкина. М.: Древлехранилище, 2007. 144 с.
14. Дубровский И.В. Сообщение о Московском государстве в «Атласе» Меркатора // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXIV. Московия в свидетельствах иноземцев. М.: Модест Колеров, 2017. С. 388–473.
15. Киселёва М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII–начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учёности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.
16. Космография 1670 г.: книга глаголемая Космография, сиречь Описание всего света земель и городов великих. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1881. 622 с.
17. Кошелева О.Е. Русский перевод 1637 года главы о Московии в «Атласе» Герарда Меркатора // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXIV. Московия в свидетельствах иноземцев. М.: Модест Колеров, 2017. С. 473–516.
18. Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1963. Вып. VIII. С. 179–244.
19. Куненков Б. А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Брянск, 2007. 586 с.
20. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Институт российской истории

- РАН, 2003. 487 с.
21. Николенкова Н.Н. Механизм транслитерации топонимов в переводческой практике XVII века // *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*. 17. 2014. С. 84–91.
 22. Парламарчук А.А., Федоров С.Е., Сергеева Л.П. Парадоксы и технологии антикварного дискурса в яковитской Англии // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. Вып. 10. СПб, 2013. С. 47–74.
 23. Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. Выпуск II. М.: Типография А.И. Мамонтова и К, 1869. 293 с.
 24. Сапунов Б.В. Социальная база московского барокко (По описям библиотек и владельческим припискам на книгах XVII в. // *Книга и её распространение в России в XVI–XVIII вв. Сборник научных трудов*. Л.: БАН, 1985. С. 59–78.
 25. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. М.: Индрик, 2007. 776 с.
 26. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1903. 460 с.
 27. Таубер В.А. Конвокация Кентерберийской провинции в годы «елизаветинского религиозного урегулирования» // *Средние века*. №75 (1–2). 2014. С. 36–57.
 28. Федоров С.Е. «Британская» история Уильяма Кемдена // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2016. Т. 7. № 2 (46). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001396-4-1> (дата обращения: 05.11.2018).
 29. «Царство Хинское велми славное, сильное и вельможное...» / Публикатор А.Ю. Кононова // *Исторический архив*. 2006. №4. С. 165–172.
 30. Черная Л.А. Образец «на польское дело» в русской культуре XVII века // *Текст славянской культуры: К юбилею Людмилы Александровны Софроновой*. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 344–355.
 31. Шамин С.И. Куранты XVII столетия. Европейская пресса и возникновение русской периодической печати. М.; СПб: Альянс-Архео, 2011. 352 с.
 32. Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura Duisburg, 1595. Gerardus Mercator. Oakland, CA: Octavo, 2000.
 33. Camden W. Britannia. L.: Printed by Mary Matthews, 1722. 696 p.
 34. Elton G.R. The Parliament of England, 1559–1581. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 411 p.
 35. Elton G.R. Parliament in the Sixteenth Century: Functions and Fortunes // *The Historical Journal*. 1979. Vol. 22. № 2. Pp. 255–278.
 36. Ferguson A.B. Clio Unbound: Perceptions of the Social and Cultural Past in Renaissance England. Durham: Duke University Press, 1979. 443 p.
 37. Fussner F.S. Tudor History and the Historians. N-Y: Basic Books, 1970. 320 p.
 38. Helgerson R. The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England // *Representations*. Autumn, 1986. № 16. Pp. 50–85.
 39. Kendrick D. British Antiquity. L., Methuen, 1950. 171 p.
 40. Keuning J. The history of an Atlas. Mercator-Hondius // *Imago Mundi*. 1947. Vol. 4. Pp. 37–62.
 41. Levy F.J. The Making of Camden's Britannia // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1964. № 26. Pp. 70–97.
 42. Levy F.L. Tudor Historical Thought. San Marino: Huntington Library, 1967. 330 p.
 43. Parry G.J. The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century. Oxford – N-Y: Oxford University Press, 2007. 382 p.
 44. Richardi Stanihursti Dubliensis. De rebus in Hibernia Gestis. Libri quattuor. Antverpiae. Apus Christophorum Plantinum. 1584. 264 p.
 45. Richardson R.C. William Camden and the Rediscovery of England // *Transactions. Leicestershire Archaeological and Historical Society*. Leicester. 2004. № 78. Pp. 108–123.
 46. Rockett W. The Structural Plan of Camden's Britannia // *The Sixteenth Century Journal*. Vol. 26. №4. Winter, 1995. Pp. 829–841.
 47. Rohl D.J. The chorographic tradition and seventeenth- and eighteenth-century Scottish antiquaries // *Journal of Art Historiography*. December 2011. № 5. Pp. 1–18.
 48. The Tudor constitution: documents and commentary. Ed. G.R.Elton. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 511 p.
 49. Trevor-Roper H. Queen Elizabeth's first historian. William Camden and the beginnings of English «civil history». L.: Jonathan Cape Ltd, 1971. 38 p.

Об авторе:

Наталья Андреевна Болдырева – научный сотрудник Музеев Московского Кремля, аспирант-исследователь кафедры Средних веков, исторический факультет МГУ им. Ломоносова. 103132, Москва, Кремль. E-mail: boldy33@yandex.ru.

LOST IN TRANSLATION: THE BRITISH SECTION IN «MERCATOR'S COSMOGRAPHY» AND TRANSLATORS OF THE AMBASSADORIAL OFFICE

Natalia A. Boldyreva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-35-61

Moscow Kremlin Museums

Abstract: The article presents an analysis of certain peculiarities of the Russian translation of chapters about the British Isles from the Mercator-Hondius Atlas (published in 1613). These sections were based on the historical and topographical treatise «Britannia» written by the English antiquarian William Camden (1551–1623). The translation was accomplished in Moscow, in the Ambassadorial Office, by Bogdan Lykov and Ivan Dorn, in 1637, and became known as «Mercator's Cosmography».

The comparison of the Latin text and the Russian translation reveals numerous distinctions between them, which shows difficulties the translators faced with. The variety of their problems turned to be rather broad. Also the insufficient knowledge of the Latin language, particularly of its complicated syntactic constructions, compounded their work.

Lykov and Dorn had to rethink many things to bring new terms and onyms into another national context that differed from one in what they were created. Proper names, topographic objects, historical facts, terms, the structure of society, government institutions caused perplexities. As an example of this uneasy work, the evolution of the interpretation of the proper name – the name of the text's author William Camden – is examined here. A detailed analysis reveals the mechanisms of adaptation of the new onym and its incorporation to the Russian language.

The situation with the interpretation of extracts about social hierarchy, political, administrative and juridical institutes of England looks more complicated. One of such examples is the problem of the interpretation of the most important term for the English history – term «parliament». The difference of the perception of the parliament's functions by the English antiquarian Camden and by the Ambassadorial Office translators is clearly revealed. Lykov and Dorn found themselves in a difficult position: they had to construe this term relying on their own knowledge about English realias which in fact were very limited.

Key words: the Ambassadorial Office, translation, cosmography, interpretation, Mercator's Atlas, William Camden, Britannia, anthroponym, parliament.

References

1. Barandeev A.V. Russkie «Kosmografii»: ehvol'yuciya zhanra [Russian «Cosmography»: the evolution of the genre]. *Drevnyaya Rus' i Zapad. Nauchnaya konferenciya. Kniga rezyume*. Moscow.: Naslediev Publ., 1996. Pp. 144–147. (In Russian)
2. Belokurov S.A. *O biblioteke moskovskih gosudarej v XVI stoletii* [On the library of Moscow sovereigns in the 16th century]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya, 1898. 886 p. (In Russian)
3. Boldyreva N.A. «Britaniya» Uil'yama

- Kemdena v Atlase Merkatora–Hondiya (1613) [“Britain” by William Camden in the Mercator – Chondia Atlas (1613)]. *Srednie veka*. 2018, no. 79 (2), pp. 107–130. (In Russian)
4. Boldyreva N.A. Atlas carskogo duhovnika. O chem mozhet rasskazat' unikal'nyj ehksponat Istoricheskogo muzeya [Atlas of the royal confessor. What can tell a unique exhibit of the Historical Museum]. *Rodina*. 2016, no. 2, pp. 100–101. (In Russian)
 5. Bondarenko I.E. Zdaniya Posol'skogo prikaza [Buildings of Ambassadorial order] *Sbornik statej v chest' grafini P.S. Uvarovoj*. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson, 1916. Pp. 98–107. (In Russian)
 6. *Vesti-Kuranty. 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg.: Inostrannye originaly k russkim tekstam. CH. 2.* [Vesti-Kuranty. 1656, 1660–1662, 1664–1670: Foreign Originals to Russian Texts. Part 2.]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. 701 p. (In Russian)
 7. Gluskina S.M. Kosmografiya 1637 goda kak russkaya pererabotka teksta «Atlasa» Merkatora [Cosmography of 1637 as the Russian reworking of the text of the Atlas of the Mercator]. *Geograficheskij sbornik*. Moscow; L.: USSR Academy of Science Publ., 1954. Vol. 3. Pp. 79–99. (In Russian)
 8. Gluskina S.M. *Kosmografiya Bogdana Lykova 1637 goda: Istoriya teksta i nablyudeniya nad yazykom* [Cosmography of Bogdan Lykov 1637: The history of the text and observations of the language]. PhD dissertation in philological sciences. Leningrad, 1949. 493 p. (In Russian)
 9. Gluskina S.M. Obshchestvennaya terminologiya v Kosmografii: 1637 g. [Social terminology in Cosmography: 1637]. *Uchenie zapisky pskovskogo pedagogicheskogo instituta*. 1954, vol. 2, pp. 186–243. (In Russian)
 10. Dmitrieva O.V. Teoriya parlamentskogo predstavitel'stva v Anglii XVI–nachala XVII veka [Theory of parliamentary representation in England of the 16th – beginning of the 17th century]. *Srednie veka*. 2016, №77 (3–4). Pp. 251–264. (In Russian)
 11. Dolgova S.R. Korotkie rasskazy o Moskve [Short stories about Moscow]. Moscow: «Mosgorarhiv» Publ., 1997. 157 p. (In Russian)
 12. Dolgova S.R., Ivanova E.V. «Italiane vpravde vo mnogih velikih pohval'nyh statiyah iskusny». Opisanie Italii v «Kosmografii» XVII v. Gerarda Merkatora [«Italians really are adept in many great commendable articles». Description of Italy in the «Cosmography» of the 17th century. Gerard Mercator]. *Istoricheskij arhiv*. 2011, no. 6, pp. 164–178. (In Russian)
 13. Dolgova S.R., Lapteva T.A. *Rossiya i Britaniya. XVI–XIX veka*. [Russia and Britain. 16th – 19th century]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2007. 144 p. (In Russian)
 14. Dubrovskij I.V. *Soobshchenie o Moskovskom gosudarstve v «Atlase» Merkatora* [Report on the Moscow State in the Atlas of the Mercator] in *Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. T. XXIV. Moskoviya v svidetel'stvah inozemcev* [Russian collection. Studies on the history of Russia. Vol. 24. Muscovy in the testimony of foreigners]. Moscow: Modest Kolerov, 2017. Pp. 388–473. (In Russian)
 15. Kiseleva M.S. *Intellektual'nyj vybor Rossii vtoroj poloviny XVII–nachala XVIII veka: ot drevnerusskoj knizhnosti k evropejskoj uchenosti* [The intellectual choice of Russia in the second half of the 17th – beginning of the 18th century: from the Old Russian literacy to European scholarship]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2011. 472 p. (In Russian)
 16. *Kosmografiya 1670 g.: kniga glagolemaya Kosmografiya, sirech' Opisanie vsego sveta zemel' i gorodov velikih* [Cosmography of 1670: the book is a verb Cosmography, that is, Description of the whole world of the lands and cities of the great]. Sant-Petersburg: V.S. Balasheva Printing house, 1881. 622 p. (In Russian)
 17. Kosheleva O.E. *Russkij perevod 1637 goda glavy o Moskovii v «Atlase» Gerarda Merkatora* [The Russian translation of the 1637 chapter on Muscovy in Gerard Mercator's Atlas] in *Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. T. XXIV. Moskoviya v svidetel'stvah inozemcev*

- [Russian collection. Studies on the history of Russia. Vol. 24. Muscovy in the testimony of foreigners]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2017. Pp. 473–516. (In Russian)
18. Kudryavcev I.M. «Izdatel'skaya» deyatel'nost' Posol'skogo prikaza (K istorii russkoj rukopisnoj knigi vo vtoroj polovine XVII veka) ["Publishing" activities of the Ambassadorial Order (On the history of the Russian manuscript book in the second half of the XVII century)]. Kniga. Issledovaniya i materialy [Book. Research and materials]. Moscow: Publishing House of the All-Union Book Chamber, 1963. Issue 8. Pp. 179–244. (In Russian)
 19. Kunenkov B.A. *Posol'skij prikaz v 1613–1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo* [Ambassadorial order in 1613–1645: structure, employees, paperwork]. PhD dissertation in historical sciences. Bryansk, 2007. 586 p.
 20. Lisejcev D.V. *Posol'skij prikaz v ehposu Smuty* [Ambassadorial order in the era of the Troubles]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 487 p. (In Russian)
 21. Nikolenkova N.N. Mekhanizm transliteracii toponimov v perevodcheskoj praktike XVII veka [The transliteration mechanism of toponyms in the translation practice of the XVII century]. *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*. 17. 2014. S. 84–91. (In Russian)
 22. Parlarmarchuk A.A., Fedorov S.E., Sergeeva L.P. Paradoksy i tehnologii antikvarnogo diskursa v yakovitskoj Anglii [Paradoxes and technologies of antique discourse in Jacobian England]. *Problemy social'noj istorii i kul'tury Srednih vekov i rannego Novogo vremeni* [Problems of social history and culture of the Middle Ages and early New Age]. Issue 10. Saint-Petersburg, 2013. Pp. 47–74. (In Russian)
 23. Popov A.N. Obzor hronografov russkoj redakcii [Review of Russian edition chronographs]. Issue 2. Moscow: A.I. Mamontova i Ko Publ. house, 1869. 293 p. (In Russian)
 24. Sapunov B.V. *Social'naya baza moskovskogo barokko (Po opisyam bibliotek i vladel'cheskim pripiskam na knigah XVII v.* [Social base of Moscow baroque (According to the inventories of libraries and owner's additions on books of the 17th century.]. *Kniga i ee rasprostranenie v Rossii v XVI–XVIII vv. Sbornik nauchnyh trudov*. [The book and its distribution in Russia in the 16th – 18th centuries. Collection of scientific papers]. Leningrad: BAN, 1985. Pp. 59–78. (In Russian)
 25. Sevast'yanova S.K. *Epistolyarnoe nasledie patriarha Nikona. Perepiska s sovremennikami* [Epistolary heritage of Patriarch Nikon. Correspondence with contemporaries]. Moscow: Indrik, 2007. 776 p. (In Russian)
 26. Sobolevskij A.I. *Perevodnaya literatura Moskovskoj Rusi* [Translation literature of Moscow Rus]. Saint-Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1903. 460 p. (In Russian)
 27. Tauber V.A. *Konvokaciya Kenterberijskoj provincii v gody «elizavetinskogo religioznogo uregulirovaniya»* [The convoy of the Canterbury province during the "Elizabethan religious settlement"]. *Srednie veka*. 2014, no. 75 (1–2), pp. 36–57. (In Russian)
 28. Fedorov S.E. «Britanskaya» istoriya Uil'yama Kemdena ["British" story of William Kemden]. *Ehlektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 2016, vol. 7, issue 2 (46). URL: <https://history.jes.su/s207987840001396-4-1> (accessed 05.11.2018). (In Russian)
 29. «Carstvo Hinskoe velmi slavnoe, silnoe i vel'mozhnoe...» ["The kingdom of Hinskoe velmi is glorious, powerful and noble] *Istoricheskij arhiv*. 2006, no. 4, pp. 165–172. (In Russian).
 30. Chernaya L.A. *Obrazec «na pol'skoe delo» v russkoj kul'ture XVII veka* [Sample "on the Polish cause" in the Russian culture of the XVII century]. *Tekst slavyanskoj kul'tury: K yubileyu Lyudmily Aleksandrovny Sofronovoj* [Text of Slavic culture: For the anniversary of Lyudmila Sofronova]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2011. Pp. 344–355. (In Russian)
 31. Shamin S.I. *Kuranty XVII stoletiya. Evropejskaya pressa i vozniknovenie russkoj periodicheskoy pechati* [Chimes of the 17th century. European press and the emer-

- gence of the Russian periodical press]. Moscow: Al'yans-Arheo Publ. house, 2011. 352 p.
32. *Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura Duisburg*, 1595. Gerardus Mercator. Oakland, CA: Octavo, 2000.
 33. Camden W. *Britannia*. L.: Printed by Mary Matthews, 1722. 696 p.
 34. Elton G.R. *The Parliament of England, 1559–1581*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 411 p.
 35. Elton G.R. Parliament in the Sixteenth Century: Functions and Fortunes. *The Historical Journal*. 1979, vol. 22, no. 2, pp. 255–278.
 36. Ferguson A.B. *Clio Unbound: Perceptions of the Social and Cultural Past in Renaissance England*. Durham: Duke University Press, 1979. 443 p.
 37. Fussner F.S. *Tudor History and the Historians*. N-Y: Basic Books, 1970. 320 p.
 38. Helgerson R. The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England. *Representations*. 1986, no. 16, pp. 50–85.
 39. Kendrick D. *British Antiquity*. L., Methuen, 1950. 171 p.
 40. Keuning J. The history of an Atlas. Mercator-Hondius. *Imago Mundi*. 1947, vol. 4, Pp. 37–62.
 41. Levy F.J. The Making of Camden's Britannia. *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1964, no. 26, pp. 70–97.
 42. Levy F.L. *Tudor Historical Thought*. San Marino: Huntington Library, 1967. 330 p.
 43. Parry G.J. *The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century*. Oxford – N.-Y.: Oxford University Press, 2007. 382 p.
 44. Richardi Stanihursti Dubliensis. *De rebus in Hibernia Gestis. Libri quattuor. Antverpiae*. Apus Christophorum Plantinum. 1584. 264 p. (In Latin)
 45. Richardson R.C. William Camden and the Re-discovery of England. *Transactions. Leicestershire Archaeological and Historical Society. Leicester*. 2004, no. 78, pp. 108–123.
 46. Rockett W. The Structural Plan of Camden's Britannia. *The Sixteenth Century Journal*. 1995, vol. 26, no. 4, pp. 829–841.
 47. Rohl D.J. The chorographic tradition and seventeenth- and eighteenth-century Scottish antiquaries. *Journal of Art Historiography*. December 2011, no. 5, pp. 1–18.
 48. *The Tudor constitution: documents and commentary*. Ed. G.R.Elton. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 511 p.
 49. Trevor-Roper H. *Queen Elizabeth's first historian. William Camden and the beginnings of English «civil history»*. L.: Jonathan Cape Ltd, 1971. 38 p.

About the author:

Natalia A. Boldyreva – researcher of the Moscow Kremlin Museums, PhD student of the Medieval History Department, Historical Faculty, Lomonosov Moscow state University. 103132, Moscow, Kremlin. E-mail: boldy33@yandex.ru.

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРАСНОГО КРЕСТА РСФСР И УССР ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1921-1923 ГГ.

Г.Г. Циденков

Самарский государственный социально-гуманитарный университет

В статье на основе документов российских государственных и региональных архивов, Национального архива Швеции, данные которого впервые вводятся в научный оборот, а также свидетельств непосредственных участников событий, освещаются и обобщаются основные аспекты деятельности Чехословацкого Красного Креста на территории Советской России и Украинской ССР во время голода 1921-1923 гг. Чехословацкий Красный Крест был одной из организаций-участников Нансеновского Международного комитета помощи голодающим и действовал в голодающих районах как самостоятельно, так и под руководством Шведского Красного Креста, в связи с чем вплоть до настоящего времени сведения о его работе носили в научной публицистике разрозненный характер, главным образом в контексте деятельности указанных организаций. Чехословацкий Красный Крест объединил под своим началом несколько благотворительных организаций и оказывал помощь населению в наиболее пораженных голодом областях: в Самарской губернии на территории РСФСР, в Бердянском и Мелитопольском уездах на территории Украинской ССР и Автономной Крымской ССР. Помощь осуществлялась не только в виде посылки гуманитарных грузов в голодающие районы, но и путём отправки собственной экспедиции Чехословацкого Красного Креста для работы на местах, охваченных бедствием. В статье раскрывается масштаб и охват оказанной чехословацкой гуманитарной помощи, описывается структура её организации, указываются основные направления помощи и сообщаются некоторые подробности деятельности Чехословацкого Красного Креста в РСФСР и Украинской ССР в указанный период. Отдельное внимание уделено достаточно известной истории эвакуации детей из голодающих губерний в Чехословакию в части малоизученного аспекта их реэвакуации по окончании голодного бедствия. Списки детей, реэвакуированных из Чехословакии на родину, также впервые вводятся в научный оборот. В статье содержатся упоминания о поступлении чехословацкой гуманитарной помощи голодающим из других источников, таких как «Межрабпом», пожертвования частных и официальных лиц, художественные произведения в пользу голодающих.

Ключевые слова: голод 1921-1923 гг., гуманитарная помощь, Чехословацкий Красный Крест, Нансеновский комитет, Самарская губерния, Мелитополь, Бердянск, эвакуация детей.

УДК 339.96, 339.726.2

Поступила в редакцию 5.10.2018 г.

Принята к публикации 3.12.2018 г.

Сведения о деятельности Чехословацкого Красного Креста и других чехословацких гуманитарных организаций на территории РСФСР и Украинской ССР во время голода 1921-1923 гг. содержатся в различных научных источниках, но носят разрозненный, выборочный, либо случайный характер. До настоящего времени в научной литературе отсутствуют работы, которые рассматривали бы гуманитарную помощь, оказанную в те годы Чехословакией Советской России и Украине, в целом: во всех её аспектах, масштабе и объёме. Данная ситуация, как нам видится, объясняется следующими причинами:

1. Экспедиция Чехословацкого Красного Креста (далее – ЧКК), хотя и имела единое руководство, работала в двух совершенно разных и географически удалённых друг от друга областях: в Среднем Поволжье и на Юго-Востоке Украины. Документы в региональных архивах, которые интересуют в первую очередь краеведов и местных историков, чаще всего не содержат сведений о деятельности ЧКК в других регионах.

Наиболее подробные сведения о деятельности ЧКК в Самарской губернии в 1922 г. содержатся в документах сборника самарских региональных архивов СОГАСПИ и ЦГАСО «Голод в Средневожском Крае в 20-30-е гг. XX века. Том 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века» [3].

2. В Самарской губернии ЧКК организационно подчинялся руководству экспедиции Шведского Красного Креста, поэтому его работу в данной местности чаще всего рассматривают в контексте деятельности более крупных гуманитарных организаций, действовавших в нашей стране в тот период. Исследования, проводимые на основе данных российских государственных архивов, ставят перед собой более масштабные цели, чем освещение деятельности «скромной», на первый взгляд, и подчинённой организации, в связи с чем, работа ЧКК по оказанию помощи голодающим в таких исследованиях лишь упоминается в самых общих чертах (см., например, фундаментальную научную работу профессора Полякова В.А. «Голод в Поволжье, 1919-1925 гг.: происхождение, особенности, последствия» [7]). Впервые подробные сведения о работе ЧКК под руководством Шведского Красного Креста были опубликованы историком Ю.Ю. Аншаковой в статье «Гуманитарная деятельность Шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х гг.» [1]. Первую же обобщённую информацию о работе ЧКК дали сами участники его экспедиции в Россию и на Украину в брошюре-отчете «Československá dobrovolná pomoc hladovějícím v Rusku a na Ukrajině» [12].

3. Помощь народа и правительства Чехословакии поступала по разным направлениям, не только через ЧКК. Документы и материалы, освещающие эти отдельные направления, крайне редко содержат информацию по смежным направлениям.

Так, например, в советский период основное внимание исследователей голода 1921-1923 гг. было уделено международной пролетарской и коммунистической помощи. Помощь чехословацких рабочих, профсоюзов и коммунистов, в свою очередь, практически никогда не рассматривалась отдельно, но только

в контексте работы организации «Международной рабочей помощи» – «Межрабпом» и никак не обобщалась, и не отождествлялась с деятельностью ЧКК. Первые сведения о гуманитарной помощи чехословацких рабочих и коммунистов были приведены в иллюстрированной брошюре О.Д. Каменево «Как пролетарии всех стран помогают голодающим России» [4]. Обобщающие сведения о работе «Межрабпома» по оказанию помощи РСФСР и Украинской ССР во время голода 1921-1923 гг. содержатся в монографиях А.А. Макаренко «Мировой пролетариат – стране Советов» [5] и Добринина Минчева «Межрабпом – организация пролетарской солидарности. 1921-1935» [6]. В монографии Г.Я. Тарле «Друзья страны Советов» [10] подробно освещён такой аспект международной рабочей помощи, как создание в 1920-х гг. на территории СССР иностранных рабочих и сельскохозяйственных коммун (в том числе и чехословацких) для помощи в восстановлении народного хозяйства.

В РСФСР и Украинской ССР также работали чехословацкие торговые делегации и их деятельность, чаще всего, рассматривается в контексте экономических отношений между странами, не затрагивая гуманитарных аспектов, которые могут быть неочевидны для специального исследования (так, официальный представитель ЧКК в РСФСР Йозеф Гирса одновременно являлся руководителем чехословацкой торговой миссии на Украине). Одним из редких источников, который обнаруживает связь между экономической и гуманитарной деятельностью чехословацкого правительства на территории РСФСР и Украинской ССР в 1921-1923 гг., является сборник статей «Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами (1918-1939). Из истории государственных, дипломатических, экономических и культурных связей» [9].

4. Наиболее изученный аспект чехословацкой гуманитарной помощи – эвакуация детей из голодающих областей Поволжья в Чехословакию – является уникальным явлением для того периода отечественной истории и, по причине глубины темы, носит самодостаточный характер. Наиболее полной и обобщающей источник по данной проблематике научной работой является статья Т.М. Смирновой «О судьбе советских детей, эвакуированных в Чехословакию в начале 1920-х гг.» [8].

Ввиду изложенного, мы задались целью соединить разрозненные сведения о работе ЧКК по оказанию помощи голодающему населению Советской России и Украины в 1921-1923 гг. и представить его деятельность в целом. Кроме того, в статье упоминаются все остальные известные автору аспекты чехословацкой гуманитарной деятельности в Советской России и на Украине в указанный период для представления общей картины и масштабов оказанной чехословацким народом и государством помощи.

Помимо вышеуказанных источников, отдельно стоит указать на исключительную важность для данного исследования материалов сборника «Документы и материалы по истории Советско-чехословацких отношений. Т.1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г.» [3], которые не только раскрывают политиче-

скую подоплеку описываемых событий, но также уточняют известные сведения и сообщают многочисленные подробности чехословацкой помощи голодающим РСФСР и Украинской ССР. И, разумеется, исследование чехословацкой гуманитарной помощи невозможно без привлечения документов и материалов Государственного архива Российской Федерации. Основной массив интересующих нас сведений содержится в фондах Полномочного представительства РСФСР и Украинской ССР при всех заграничных организациях помощи России (фонд № Р1058) и Центральной комиссии помощи голодающим (ЦК Помгол) при Всероссийском центральном исполнительном комитете (фонд № 1064). Кроме того, автором изучались материалы Национального архива Швеции (Riksarkivet) из фондов Шведского Красного Креста: *Byrån för hjälperksamhet i Ryssland 1921 – 1925* (SE/RA/730236/1/13) и *Samaraexpeditionen 1919 – 1924* (SE/RA/730236/1/18).

Сведения о поступлении чехословацкой гуманитарной помощи, как организованной, так и частной, периодически публиковались в центральных советских газетах «Правда» и «Известия», в рубриках «Помощь из-за границы».

Летом 1921 г. огромные территории РСФСР и Украины охватил катастрофический голод, вызванный небывалой засухой, экономической разрухой и последствиями Гражданской войны. Советское правительство, не располагая ресурсами для обеспечения питанием всего голодающего населения, было вынуждено обратиться за международной гуманитарной помощью. В августе 1921 г., в Женеве на международной конференции организаций Красного Креста и некоторых международных благотворительных организаций был образован «Международный комитет помощи России», который возглавил верховный комиссар Лиги Наций по репатриации военнопленных Фритъоф Хансен (далее – Хансеновский комитет). 15 августа 1921 г. в Хансеновский комитет вступил Чехословацкий Красный Крест (далее – ЧКК)¹. Предварительно, 30 июля 1921 г., министерство иностранных дел Чехословакии, в целях информирования европейской общественности и Советского правительства (к которому не могло официально обращаться ввиду отсутствия дипломатических отношений), разослало открытое циркулярное письмо во все свои заграничные представительства, в котором были декларированы предложения чехословацкого правительства касательно гуманитарной помощи Советской России:

1. отправка нескольких поездов с медикаментами в голодающие районы;
2. отправка делегации врачей;
3. сбор денег, продовольствия и одежды для голодающих;
4. вся кампания помощи голодающим будет осуществляться только через Красный Крест;
5. вся помощь будет предоставляться не правительству, а организациям голодающих [2, с. 427].

Сигнал был услышан. 6 августа в словацкой социалистической газете *Hlas ľudu* была опубликована беседа народного комиссара иностранных дел РСФСР

¹ ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 355, л. 9.

Г.В. Чичерина с делегатом III Конгресса Коминтерна К. Крейбихом, в ходе которой, помимо прочего, было заявлено: «Одним из наших самых горячих стремлений является установление самых дружественных связей с Чехословакией. Мы советуем пролетариям национальных меньшинств в Чехословакии, чтобы они не стремились к изменению государственных форм на нынешней территории Чехословакии» [2, с. 429]. 12 августа, заместитель председателя чехословацкой репатриационной комиссии Зноемский сообщил Чичерину о решении своего правительства оказать помощь голодающему населению Советской России [2, с. 431].

В том же месяце по инициативе министра иностранных дел Чехословацкой республики Эдуарда Бенеша был образован «Центральный Комитет помощи голодающим России» (далее – Комитет) который координировал работу ЧКК, сбор гуманитарной помощи в стране и доставку грузов на территории, пораженные голодом. Для Комитета мэрией Праги был выделен офис в здании на Лазарской улице, дом 8². Главой Комитета и миссии ЧКК в Советской России был назначен председатель чехословацкой торговой делегации на Украине доктор Йозеф Гирса. Его заместителем в Харькове был назначен Вячеслав Бенеш [2, с. 436]. В сентябре в Комитет вошло чехословацкое отделение «Международного союза помощи детям» (МСДП)³. Министр национальной обороны Чехословацкой республики Отакар Гусак издал приказ, предоставлявший все военные железнодорожные склады, в которых было свободное место, в распоряжение ЧКК и прочих гуманитарных организаций, оказывающих помощь голодающим в Советской России⁴. Финансирование Комитета осуществлялось за счёт средств, выделенных парламентом и правительством Чехословацкой республики, пожертвованных благотворительных и коммерческих организаций, частных пожертвований. Одним из первых прислал чек на один миллион чешских крон президент республики Томаш Масарик⁵.

Свою основную деятельность Комитет развернул в согласии с общей политикой деятельности Нансеновского комитета в наиболее пострадавшей Самарской губернии, где на пике голода голодало 2600 тыс. человек из всего населения в 2775 тыс. человек [3, с. 18]. Вторым районом деятельности Комитета были выбраны Мелитопольский уезд Таврической губернии (с октября 1921 г. - Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика) и Бердянский уезд Запорожской губернии, где проживало большое число чешских и словацких колонистов. Кроме того, на выбор указанной территории повлияли публикации в чехословацкой прессе отчётов чехословацкой торговой делегации, которая с июля 1921 г. работала в УССР. Эти отчёты содержали информацию о промышленной и экономической разрухе и голоде на юге Украины [9, с. 54.]. В указанные районы предполагалось направить единую экспедицию ЧКК для оказания помощи голодающему населению непосредственно на местах.

² ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 486, л. 569.

³ ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 486, л. 569.

⁴ ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 689, л. 53.

⁵ «Помощь Масарика русским ученым» // Сегодня (г. Рига), 1921, 23 июля № 164, с. 1.

16 августа 1921 г. для установления эффективного взаимодействия с Советским правительством в Москву выехал Йозеф Гирса. Саму же работу экспедиции в голодающих районах возглавил Алоиз Бабка, бывший солдат Чехословацкого легиона в России. В его подчинение поступили сотрудники ЧКК: Гуго Гербич, Станислав Индржих, Александр Брабец, Ян Маца, Ян Выбирал и Ярослав Мюллер. В декабре 1921 г. для обеспечения проведения мероприятий по оказанию помощи голодающему населению Совет министров Чехословакии выделил ЧКК 10 млн крон из государственного бюджета [2, с. 458].

Первый чехословацкий эшелон из 32 вагонов с гуманитарной помощью прибыл в Самару 25 февраля 1922 г. Он состоял из следующих грузов: восемь вагонов платья и белья на 4000 пудов, семь вагонов сахара – 4823 пудов брутто, семь вагонов гороха – 4.629 пудов, восемь вагонов пшена и крупы – 5093 пудов, один вагон чая – 674 пудов, один вагон мыла – 887 пудов⁶.

С декабря 1921 г. в Самарской губернии работала экспедиция Шведского Красного Креста, который имел опыт работы в данной местности со времён Первой мировой войны, уже развернул лечебно-питательную сеть по губернии и наладил постоянную поставку продуктов и медикаментов [11, с. 180]. Поэтому, по соглашению с Нансеном, чехословацкая экспедиция в Самарской губернии поступила в административное подчинение к Шведскому Красному Кресту [1, с. 450]. Район для деятельности чехословацкой экспедиции был определён шведским руководством следующий:

- Алексеевская волость с селами и деревнями: Алексеевка, Смьшляевка, Белозёрка, Сырейка, Томашев Колок, Николаевка, Студенцы, Зубчаниновка, Золинка;
- Богдановская волость с селами и деревнями: Бузаевка, Преображенское, Сколково, Разладино, пос. Культура, артель Мировое сияние⁷.

Кроме того, чехословакам было поручено поставить на продовольственный паёк семьи сотрудников железной дороги на узловой станции Кинель. Заместителем Алоиза Бабки по работе в данном районе был назначен чиновник особых поручений Станислав Индржих, уполномоченным по Богдановской волости – Гуго Гербич⁸.

Для скорейшего открытия столовых и организации питания населения, Шведский Красный Крест выделил чехословацкой экспедиции 84,6 тонны ржаной муки, 9 тонн гороха, 56,4 тонны шведской сельди, 11,3 кг кубиков сухого супа⁹.

Всего, в указанных районах, чехословацкая экспедиция взяла на полное содержание продовольствием, медикаментами и одеждой 13292 человек, а с учётом разовой помощи и распределения посылок – 16000 человек. Во всех чехословацких столовых действовало следующее меню:

⁶ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 108, л. 4.

⁷ Там же, л. 21.

⁸ ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 522, л. 19.

⁹ Национальный архив Швеции. Riksarkivet/ 730236 Svenska Röda Korset/ 13 Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/ Inkommande skrivelser/I 1921-26/5 1922. 28.A.3:c № 1701.

Понедельник: ржаной хлеб – 225 гр., пшенная каша с овощами – 72 гр., шведская сельдь – 300 гр.;

Вторник: ржаной хлеб – 225 гр., гороховая каша с овощами – 170 гр., шведская сельдь – 300 гр.;

Среда: ржаной хлеб – 225 гр., гороховая каша с примесью пшенной – 170 гр., шведская сельдь – 300 гр.;

Четверг: ржаной хлеб – 225 гр., драники – 100 гр., шведская сельдь – 300 гр., а также 5 гр. сала, 5 гр. соли, 5 гр. сухого молока с собой;

Пятница: ржаной хлеб – 225 гр., макароны – 75 гр., молоко – 380 гр., а также 10 гр. сала и 75 гр. солонины с собой;

Суббота: ржаной хлеб – 225 гр., рис с маргарином – 95 гр., шведская сельдь – 300 гр., яблочный мармелад – 80 гр.;

Воскресенье: как Среда¹⁰.

Используя сахарный запас как универсальное средство оплаты, Алоиз Бабка и его помощники Гербич и Индржих произвели ремонт школ и больниц в подопечных деревнях, обеспечили закладку начального училища при Самарском сельскохозяйственном институте. Кроме того, они обеспечили Алексеевскую волостную больницу и её персонал на год вперед продовольствием и медикаментами¹¹.

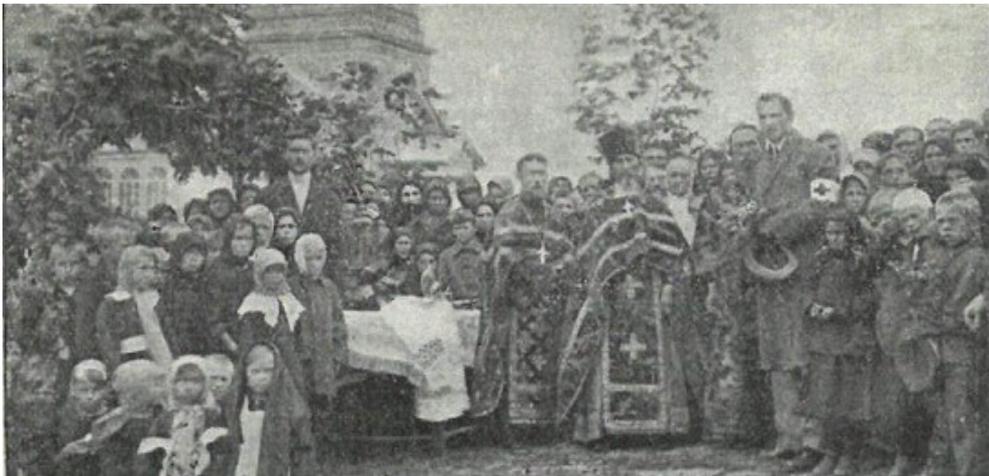

Фото 1. Алоиз Бабка (стоит с повязкой Красного Креста) на церковном празднике в селе Алексеевка Самарской губернии, май 1922 года.

Picture 1. Alois Babka (standing with a bandage of the Red Cross) at a church feast in the village of Alekseevka, Samara Province, May 1922

В июле 1922 г. заместитель полномочного представителя правительства РСФСР при всех иностранных организациях помощи по Самарской губернии

¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 2, л. 203-210 об.

¹¹ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 47, л. 30.

т. Кумекер совершил инспекционную поездку по району деятельности чехословацкой экспедиции и указал в отчёте:

«В Алексеевской волости помощь, оказываемая Чехо-Словацким К.К. и постановка дела находится в хорошем состоянии. Население питается 100%, кроме продовольствия населению оказывается помощь одеждой и обувью, отпуском фуража скоту. Население выглядит бодро, смертных случаев на почве голодания давно уже нет, именно с начала работ Ч.К.К.»¹².

В сентябре 1922 г. Чехословацкий Красный Крест свернул свою деятельность в Самарской губернии. Перед своим отъездом в Чехословакию, Алоиз Бабка получил благодарственное письмо от полномочного представителя правительства РСФСР при всех иностранных организациях помощи по Самарской губернии Мартина Карклина (в прошлом комиссара красного латышского стрелкового полка) следующего содержания:

«Милостивый Государь!

Разрешите, г-н Бабка, представить Вам наш план по ликвидации последствий голода в Самарской губернии в последнюю минуту перед Вашим отъездом в Москву.

Одновременно разрешите мне от имени Российской Советской Федеративной Социалистической Республики поблагодарить Вас за ту трудную работу, которую Вы проделали в течении 7 месяцев на территории Самарской губернии по ликвидации голода. Ваш приезд и деятельность по распределению ресурсов чехословацкого народа, предназначенных для помощи голодающим русского крестьянства, останутся в памяти последних на долгое - долгое время, а посему прошу принять моё искреннее заверение, как и передать его чехословацкому народу, что русский трудящийся не останется в долгу и в тяжёлый момент окажет свою братскую помощь и поддержку.

Желаю Вам счастливого пути и в ожидании обещанной Вами мне информации из Москвы по части дальнейшей помощи чехословацкого народа остаюсь с совершенным почтением

Глубоко Вас уважающий М. Карклин»¹³.

Всего с марта по август 1922 г. в Самарскую губернию прибыло три эшелона ЧКК в составе 83 вагонов. Экспедицией ЧКК было распределено среди голодающих 748321 кг продовольственных грузов, 139935 кг одежды (главным образом детской) и 40000 кг иных гуманитарных грузов (мыло, сельскохозяйственный инвентарь, отдельные частные пожертвования чехословацких граждан) [12, с. 14-15].

В Мелитопольском и Бердянском уездах чехословацкая экспедиция открыла в апреле 1922 г. 27 столовых, которые могли кормить 12000 человек ежедневно¹⁴. Помощниками Алоиза Бабки в этом уезде были Ян Зноемский, Ян Маца, Ян Выбирал и Ярослав Мюллер¹⁵. Работа велась в волостях: Кизиярской и Терпеньевской Мелито-

¹² ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 59, л. 66.

¹³ СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 12. Д.3180. Л. 38-38 об.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 689, л. 10.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 355, л. 6.

Фото 2. Благодарственные адреса, полученные Алоизом Бабкой от граждан Советской России.

Picture 2. The letters of greetings received by Alois Babka from the citizens of Soviet Russia

польского уезда, Вознесенской и Нововасильевской Бердянского уезда. Отдельно из базы в Мелитополе снабжались продовольствием, медикаментами и одеждой села с преимущественно чешским и словацким населением: Чехоград, Богемка и Конский Загон. Кроме того, из Мелитополя получали гуманитарную помощь (чаще в виде посылок) семьи чехов и словаков в населённых пунктах в районе Новороссийска: в Анапе, Анастасиевке, Хлебовке, Владимировке, Карсово, Мефодиевке, Текосе и Тешевсе [12, с. 17-18].

Всего для голодающих Мелитопольского и Бердянского уездов экспедиция ЧКК распределила также три эшелона. Их груз составляли следующие продукты и предметы гуманитарной помощи: ржаная мука – 6083 пудов, пшеничная мука – 5406 пудов, просо – 1648 пудов, манная крупа – 480 пудов, кукуруза – 3062 пудов, сахар – 3.530 пудов, рис – 1358 пудов, овес – 13 пудов, ячменные семена – 1160 пудов, семена пшеницы – 1180 пудов, отруби – 533 пуда, маргарин – 66 пудов, сало – 592 пудов, консервированное молоко – 6 713 коробок, какао – 316 пудов, сахар кусковой – 210 пудов, макароны – 228 пудов, различные предметы одежды и обувь

(главным образом для детей) – 12 666 пудов, булавки – 112176 штук (крайний дефицит в то время – прим. авт.), школьные мелки и карандаши 120960 штук, хлопчатобумажная ткань – 4 пуда, письменные принадлежности – 28 коробок, учебники – 10550 штук, письменные перья 2500 штук, резиновые шины – 15 200 штук, 995 пар чулок, несколько ящиков одежды для взрослого населения [12, с. 17]. Прибывшие грузы позволили ЧКК уже в мае 1922 г. увеличить количество питаемого населения до 17000 человек ежедневно¹⁶.

Кроме того, Алоиз Бабка доставил в Харьков эшелон с гуманитарными грузами для семей работников Николаевской железной дороги, собранный советским торговым представительством в Чехословакии. Эшелон состоял из грузов муки, риса, пшеницы и одежды. Отдельным вагоном в эшелоне были доставлены подарки чехословацких детей для детей из голодающих губерний, которые Алоиз Бабка распределили по детским домам Харькова. Особо ценными подарками были комплекты одежды: 725 платьев для девочек, 1696 рубашек для мальчиков, 318 вязаных свитеров, 475 пар детской обуви, а также шапочки, перчатки, шарфы, гамаши и муфты¹⁷.

Уже после окончания работы экспедиции, 8 марта 1923 г., со склада в чехословацком городе Богун был отправлен дополнительный эшелон из семи вагонов в Мелитопольский уезд для распределения остатков гуманитарной помощи ЧКК среди населения местными советскими органами. Эшелон доставил 800 мешков с одеждой и промтоварами общим весом в 40000 кг, 20490 кг крупы, 1500 кг манной крупы. Один вагон вёз различные грузы, собранные чешскими социалистами, как-то: костюмы от профсоюза портных, детские коляски, тюки льна и продовольственные посылки [12, с. 20].

Кроме организации питания и лечения голодающего населения РСФСР и УССР Комитет осуществлял через представительство Йозефа Гирсы доставку гуманитарной помощи учёным, преподавателям и студентам высших учебных заведений. Первый такой эшелон прибыл под началом помощника мэра Праги Йозефа Ротнагеля 28 сентября 1921 г. в Петроград. Его грузы были закуплены на миллион крон, пожертвованных Томашем Масариком (см. выше), и состояли из: пяти вагонов гороха, крупы, муки и жиров, вагона одежды, вагона медикаментов. Особенно важным грузом были 5000 научных журналов и монографий со всего мира за последние два года. Вся помощь была распределена через Петроградский Дом учёных¹⁸.

В начале января 1923 г. на адрес самарской Комиссии по улучшению быта учёных прибыл чехословацкий эшелон с гуманитарными грузами, которые были собраны и закуплены университетом города Брно и моравскими школами. Эшелон доставил шесть вагонов сахара, один вагон рыбьего жира, три тонны

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 689, л. 10.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 564, л. 66.

¹⁸ Переписка Главного представителя Чехословацкой Республики при ЦК Помгол и Нансеновском Комитете Йозефа Гирсы с А. Эйдуком. ГА РФ. Ф. Р1058. Оп. 1. Д. 355, лл. 2, 6, 9.

кофе, две тонны какао, две тонны шоколада, девять тонн консервированного молока, десять тонн канцтоваров, письменных принадлежностей и тетрадей, тридцать ящиков книг и научных журналов¹⁹.

К марту 1923 г. чехословацкие учебные заведения, библиотеки, общественные организации и частные граждане прислали в Комитет около 900 тыс. книг для советских библиотек, школ и высших учебных заведений. Первый транспорт с этими книгами был направлен в Москву 5 марта, ещё два отправились в апреле и мае соответственно. Доставку оплачивало чехословацкое правительство²⁰.

Ещё одним видом гуманитарной помощи, оказанной Комитетом, была эвакуация детей из голодающих губерний в Чехословакию. В октябре 1921 г. правительство Чехословакии выступило с инициативой о вывозе из голодающих районов РСФСР в Чехословакию детей. 8 октября Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики направило в Торговую делегацию РСФСР в Праге письмо, в котором сообщалось, что около 400 семей обратились к ним с предложением принять на полное обеспечение русских детей из голодающих губерний [8, с. 80]. Центральным комитетом помощи голодающим (далее – ЦК Помогол), Наркомпросом и Деткомиссией ВЦИК был проведен ряд совещаний по данному вопросу. Все пункты предстоящего договора были выработаны 29 октября того же года. 4 ноября 1921 г. в ЦК Помогол поступило обращение ЧКК с предложением разместить в чешских и словацких семьях 1000 детей. В связи с этим был подготовлен новый проект договора. Учитывая пожелания чехословацкой стороны, к эвакуации намечалось 600 детей из детдомов голодающих районов, преимущественно мальчиков до 14-ти лет, «физически и морально безупречных» [8, с. 81].

У советской стороны наиболее серьезные опасения следующие вопросы:

1. Оторванность от семьи на неопределённое время.
2. Возможность сделать детей предметом «эксплуатации», как это было с детьми, вывезенными Американским Красным Крестом во Владивосток в 1919 г.²¹.
3. Интеллектуальное воздействие на детей в Чехословакии, влияние местных методов воспитания.
4. Гарантии к их материальной обеспеченности²².

Тем не менее, было принято положительное решение.

Отобрать шестьсот детей местные власти так и не смогли из-за требования к их «физической и моральной безупречности». Несколько отправленных в эвакуацию воспитанников сбежали в пути следования. Всего в Чехословакию было эвакуированы 439 детей: 292 ребенка из Симбирской Самарской и Казанской губерний и 164 ребенка из Покровского детприемника города Москвы [8, с. 82].

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 689, 10.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 486, л. 569.

²¹ Подробности о данной операции Американского Красного креста можно найти в книге В. Липовецкого «Ковчег детей, или Невероятная одиссея», М., 2005.

²² ГА РФ. Ф. Р1064. Оп.6. Д. 21, л. 39.

20 декабря поезд с эвакуируемыми детьми пересёк советско-польскую границу и проследовал на территорию Чехословакии. Прибывших детей разместили в карантине в Пардубицах. Корреспондент берлинской эмигрантской газеты «Дни» присутствовал при встрече детей и вот как он их описывает в статье «Братское дело»:

«Вид детей был ужасен. Измождённые, преждевременно состарившиеся детские лица... При каждом добром слове, с которым обращались к ним чехи в карантине, они недоверчиво озирались, дичились...»²³.

После прохождения карантина, в котором не обошлось без эксцессов со стороны «бывших врангелевских офицеров», которые под видом студентов проникали в карантинный лагерь и подвергали детей побоям [8, л. 85], все дети были размещены в чешских и словацких семьях.

Преодолев основные негативные последствия голода, в начале 1923 г. Советское правительство начало предпринимать шаги по возвращению детей на родину. 19 марта 1923 г. заведующий отделом Запада Народного комиссариата иностранных дел (далее – НКВД) т. Штанге направил в Деткомиссию ВЦИК записку, в которой поднял вопрос об реэвакуации детей. Автор записки выражал опасения, что возвращение детей на родину может встретить препятствия не только с чехословацкой стороны, но и со стороны детей, которые прожили в чешских семьях достаточно долго, чтобы привыкнуть и не захотеть возвращаться²⁴ [18, л. 3].

По просьбе О.Д. Каменевой, осуществлявшей по поручению Советского правительства неофициальные дипломатические контакты между СССР и западными странами по вопросам помощи голодающим, доктор Нимен (глава торгового представительства РСФСР в Праге) посетил приёмные семьи и ознакомился с условиями жизни детей. Он пришёл к выводу, что условия жизни детей были «вполне удовлетворительными, временами прекрасными». Во многих семьях русских детей воспринимали как родных, новые родители старались дать детям образование – почти все дети посещали чешские школы. Особо следует отметить утверждение доктора Нимена: «Местами между опекунами и детьми установились отношения, не отличающиеся от таковых между родителями и собственными детьми»²⁵.

9 мая 1923 г. в Министерстве иностранных дел Чехословакии состоялось совместное заседание чехословацких общественных организаций и представителей советского правительства. На заседании было принято решение разделить всех эвакуированных детей на три группы:

- а) о возвращении которых просят родители;
- б) самостоятельно изъявившие желание вернуться;
- в) возвращающихся по желанию семей, в которых они жили²⁶.

²³ «Братское дело» // Дни (г. Берлин), 1923, 14 августа № 237, с.2.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р3385. Оп. 1. Д. 30, л. 3.

²⁵ Там же, л. 2.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р3385. Оп. 1. Д. 30, л. 16.

Всего детей, изъявивших самостоятельное желание вернуться, набралось 90 человек: 25 из Чехии и 65 из Моравии и Словакии²⁷.

К первому этапу эвакуации были намечены 224 детей, из которых 132 человека должны были вернуться по просьбе родителей. Однако, этого числа не набралось из-за препятствий, чинимых как самими детьми, так и опекунами. Что хорошо видно на примере писем, поступивших через посредничество чехословацкой стороны в Деткомиссию:

1. «В Чешск. Зем. Комиссию, в Прагу.

Пеханицы, 9/VI-23.

Иван Ермаков ни за какую цену не хочет вернуться обратно и угрожает побегом.

Председатель.

Секретарь.»

2. «В Центр. Зем. Комиссию Попечения о детях.

Я получил Ваше извещение о том, что я должен подготовить Котова Петра к возвращению в Россию по требованию его родителей. Мальчик посещает школу в Бржежанках и очень хорошо учится. В данный момент в России навряд ли он получит то образование, которое получает здесь при моей поддержке. Я определяю его в городскую школу, а затем он будет учиться специальности. По окончании образования я его отправлю с его согласия в Россию на свой собственный счёт. Прошу Зем. Комиссию содействовать тому, чтобы мальчик остался.

Подпись.»

3. «О детях Александре и Илье Сусиных.

Опекуны заявили нам, что детей не отпустят и мы просим Вас, чтобы дети были оставлены. Заведующий школы также не рекомендует отрывать детей от занятий, т.к. они очень хорошо успевают

Подпись»²⁸.

В результате длительной бюрократической работы, к 9 июня 1923 года был составлен список из 117 детей, намеченных к первой очереди эвакуации:

Полусироты:

Панферов Никита, Габин Михаил, Федорова Анна, Гареев Карин, Ганин Иван, Ермаков Илья, Лаврентьев Александр, Иванов Николай, Долматов Павел, Басков Петр, Шибанов Николай, Алешин Степан, Жариков Андрей, Петров Владимир, Финогин Николай, Барышников Иван, Базанов Александр, Коломеева Вера, Грингут Михаил, Грингут Николай, Мерзляков Михаил, Сергеичев Василий, Муханов Алексей, Муханов Степан, Касперский Виктор, Касперский Владимир, Лапин Леонид, Утехин Николай, Пилюгин Михаил, Пилюгин Дмитрий, Демидова Валентина, Демидов Владимир, Сопляков Иван, Крылов Николай, Филиппов Захар, Загарин Виктор, Резинкина Евдокия, Ершов Павел, Ершов Пётр, Николаев

²⁷ Там же, л. 67.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р3385. Оп. 1. Д. 30, л. 31

Николай, Тараканов Петр, Козлов Михаил, Горшков Михаил, Субботин Михаил, Емельянов Владимир, Кулак Михаил, Кирильев Николай, Лебедев Владимир, Барсуков Иван, Спиридов Виктор, Ахматов Алексей, Ахматов Борис, Глушенко Павел, Краковякова-Красовская Ольга, Граблин Иван, Чехранов Алексей, Егоров Михаил, Дёмина Евдокия.

Сироты:

Ладышев Алексей, Ткачев Николай, Золотарев Василий, Феофанова Зинаида, Феофанова Елена, Феофанов Александр, Каурова Ольга, Дрязгов Павел, Поддубалов Фёдор, Каиров Иван, Анатолев Сергей, Аксенов Петр, Никифоров Василий, Зарецкий Михаил, Завьялов Донат, Воробьев Михаил, Дятина Евдокия, Поляков Дмитрий, Александрова Валентина, Питаев Илья, Мальсанов Яков, Шарапов Михаил, Шарапов Анатолий, Митрофанов Леонид, Брыкалов Леонид, Брыкалов Степан, Платов Отто, Коженков Георгий, Чуркин Петр, Розанов Сергей, Февралов Петр, Глунина Агриппина, Михайлов Сергей, Скворцов Павел, Скворцов Александр, Новожилов Григорий, Ермаков Мефодий, Тимофеев Владимир, Гусев Борис, Гусев Владимир, Тяжельников Пётр, Дышленко Ольга, Красоткин Иван, Лысин Николай, Исванова Нина, Пчёлкин Павел, Егофнев Анатолий, Глунин Александр, Глушенко Сергей, Рыбакова Евдокия, Давидов Иван, Козырев Веньямин, Адамченков Василий, Андрианов Александр, Чарышников Леонид, Чарышников Борис»²⁹.

Отдельно был составлен список детей, чьё возвращение требовали родители, но к чему имелись различные препятствия:

Иванов Василий, Швецов Валериан, Швецов Сергей, Сусин Александр, Сусин Илья, Мотин Александр, Колесников Федор, Чарочников Борис, Чарочников Леонид, Петров Николай, Сачков Александр, Степанова Александра, Сидоров Петр, Котов Пётр, Данилов Николай, Кузьмин Григорий, Кондрашин Андрей, Кузнецов Иван, Кунаев Василий, Лаврентьев Александр, Лаврентьев Василий, Латшев Алексей, Липандин Пётр, Никитин Геннадий, Никитин Петр, Павпертов Юрий, Павпертов Николай, Петров Сергей, Петров Владимир, Почтовиков Иван, Салимов Николай, Салимов Герасим»³⁰.

19 июня 1923 г. МИД Чехословакии известил Советское правительство о том, что им получено разрешение правительства Польши на проезд эшелона с детьми по польской территории [18, л. 20], но отправка затянулась. 13 июля, заместитель заведующего Заграничным отделом НКВД Р. Веллер написал Народному комиссару просвещения А.В. Луначарскому следующую записку:

«В связи с реэвакуацией детей из Чехословакии возникает ряд недоразумений на почве нежелания опекунов расставаться с приёмными детьми. С другой стороны, родители категорически требуют возвращения детей, причём некоторые из них угрожают Деткомиссии судом.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р3385. Оп. 1. Д. 30, л. 11.

³⁰ Там же, л. 21.

Деткомиссия ВЦИК держится той точки зрения, что дети должны быть, не смотря на просьбы опекунов, возвращены в Россию немедленно, поскольку этого требуют родители»³¹.

В результате данной записки, а также поступления подобных сведений советского представительства в Праге, на чехословацкое представительство в Москве было оказано серьёзное давление со стороны НКВД. Чехословацкое правительство уведомило НКВД о том, что 30 июля из Праги будет отправлено 200-230 детей³².

30 июля 1923 г. из Праги был отправлен эшелон, в котором находились 185 детей. Эшелон проследовал к границе СССР через Германию, так как срок польского предложения о беспрепятственном пересечении границы закончился³³.

По различным причинам (препятствия со стороны детей и опекунов, разногласия с чехословацкой стороной), реэвакуация была приостановлена до июня 1924 г. Однако, следующая группа детей «из 46 детей-переростков, вывезенных в своё время из голодающих мест СССР» прибыла из Чехословакии только 20 августа 1929 г.³⁴ В том же году в СССР вернулась группа ребят в возрасте от 15 до 22 лет [8, с. 91].

Таким образом, всего достоверно вернулись на родину 251 человек из эвакуированных в 1921 г. в Чехословакию детей.

Помимо указанных в статье видов помощи, оказанных правительством Чехословакии и ЧКК, гуманитарную и техническую помощь РСФСР и УССР оказывали чехословацкие коммунисты и рабочие профсоюзы. Они действовали через международную пролетарскую организацию «Межрабпом» – «Международная рабочая помощь», путём отправки трудовых коммун на восстановление разрушенного советского хозяйства и сбора денежных средств по подписке. Всего за полгода, с августа 1921 г. по март 1922 г., чехословацкие коммунисты собрали 2 млн крон в помощь голодающим. Из этих денег часть была потрачена на отправку эшелона в 15 вагонов с грузом сахара в голодающие губернии, и 500000 крон пошли на оплату фрахта парохода, курсировавшего из Гамбурга в Петроград и Ревель с гуманитарными грузами «Межрабпома» [2, с. 478-479]. Из трудовых рабочих и сельскохозяйственных коммун, организованных чехословацкими пролетариями и фермерами для оказания помощи в восстановлении советского народного хозяйства, и прибывших в СССР в 1922-2916 гг., наиболее известны «Прагмашина» в г. Тбилиси, «Интергельпо» в Советском Туркестане (на территории современной Киргизии), «Рефлектор», «Словакия» и «Коммуна Кладненская» в Поволжье [10].

³¹ ГА РФ. Ф. Р3385. Оп. 1. Д. 30, л. 37.

³² Там же, л. 42-43.

³³ Там же, л. 4.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р5207. Оп. 1. Д. 91, л. 13.

Существенную помощь по собственной инициативе оказывали торгово-промышленные объединения и отдельные частные лица. Среди последних стоит упомянуть знаменитого чешского художника Альфонса Муху, который нарисовал плакат с призывом о помощи голодающим русским детям. Этот плакат расклеивался на улицах и площадях чехословацких и австрийских городов.

Фото 3. Плакат Альфонса Мухи с призывом о помощи голодающим России.
Picture 3. The poster made by Alfons Mucha calling to provide aid to starving Russia.

Также следует упомянуть ассигнование в 1923 г. правительством Чехословакии 15 млн крон на содействие в восстановлении сельского хозяйства в СССР. Проект использования этой суммы предусматривал выдачу в сёлах на Украине со смешанным населением (при участии чешских и словацких колонистов) суб-

сидий в виде семян, машин, сельскохозяйственных орудий и скота, с отсрочкой уплаты на срок свыше пяти лет³⁵.

Особняком стоит помощь, оказанная голодающим чешскими и словацкими колонистами Волыни, которые являлись гражданами Украинской ССР. 4 октября 1921 г., конференция чехословацких колонистов Волыни, заслушав доклад о голоде в Поволжье, постановила отчислять в пользу голодающих по несколько фунтов с каждого пуда урожая чешских и словацких семейных хозяйств [2, л. 400].

Оказание широкомасштабной и разносторонней помощи чехословацким народом и правительством голодающему населению Советской России и Украины способствовало укреплению связей между странами, снижению градуса недоверия и вражды, вызванных острым противостоянием во время Гражданской войны. Гуманитарная деятельность чехословацких организаций и частных лиц открыла возможность к заключению взаимовыгодных торговых договоров, которые, в итоге, оказали влияние на благоприятные двусторонние переговоры советской и чехословацкой делегаций на Генуэзской конференции в мае 1922 г. Что, в итоге, вылилось в установление официальных дипломатических отношений между странами и долгосрочному торгово-промышленному партнерству.

Приведённые в статье сведения, на наш взгляд, требуют дальнейшего глубокого и всестороннего изучения в контексте истории российско-чешских и российско-словацких отношений, дружбы и солидарности между нашими народами.

Список литературы:

1. Аншакова Ю.Ю. Гуманитарная деятельность Шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х годов // Российская государственность: от истоков до современности. Материалы международной научной конференции. Самара, 13-15 сентября 2012 г. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2012. С. 448-453.
2. Документы и материалы по истории Советско-Чехословацких отношений. Т.1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М.: Наука, 1973. 552 с.
3. Голод в Средневолжском Крае в 20-30-е годы XX века. Т. 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Сб. док. ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014. 516 с.
4. Каменева О.Д. Как пролетарии всех стран помогают голодающим России. М.: Новая Москва, 1923. 88 с.
5. Макаренко А.А. Мировой пролетариат – стране Советов. Киев: Изд-во Академии наук УССР, 1963. 283 с.
6. Минчев Д. Межрабпом – организация пролетарской солидарности. 1921-1935. М.: Мысль, 1971. 303 с.
7. Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919-1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. 735 с.
8. Смирнова Т.М. О судьбе советских детей, эвакуированных в Чехословакию в начале 1920-х годов // Отечественная история. 2007. №1. С. 77-93.
9. Советско-Чехословацкие отношения между двумя войнами (1918-1939). Из истории государственных, дипломатических, экономических и культурных связей. Сб. ст. М.: Наука, 1968. 228 с.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 689, л. 10.

10. Тарле Г.Я. Друзья страны Советов. М.: Наука, 1968. 420 с.
11. Циденков Г.Г. Организационная структура миссии Шведского Красного Креста по оказанию помощи голодающим Самарской губернии во время голода 1921-1923 годов // Самарский научный вестник, 2018. Т.7. №1 (22). С. 179-182.
12. Československá dobrovolná pomoc hladovějícím v Rusku a na Ukrajině. Oficiální publikace. Praha, Lazarska ulice 11, 1923. 20 с.

Об авторе:

Григорий Геннадьевич Циденков – к.соц.н., доцент кафедры управления и сервиса Самарский государственный социально-гуманитарный университет. 443099, Россия, г. Самара, ул. М.Горького, 65/67. E-mail: gcidenkov@yandex.ru.

HUMANITARIAN AID OF THE CZECHOSLOVAK RED CROSS FOR SOVIET RUSSIA AND UKRAINE DURING THE FAMINE OF 1921-1923s

G.G. Tsidenkov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-62-80

Samara State University of Social Sciences and Education

Abstract: The article highlights and summarizes the main aspects of the work of the Czechoslovak Red Cross in Soviet Russia and Ukraine during the famine of 1921-1923s. Its sources are documents from the Russian archives, the National Archives of Sweden, first introduced into scientific circulation in Russia, as well as the memories of the participants in the events. The substantial assistance to the starving population was provided by the Nansen International Relief Committee. One of the organizations that belonged to this Committee was the Czechoslovakian Red Cross. The Czechoslovakian Red Cross united several charitable organizations under its authority and worked in the regions most affected by the famine: in Samara province and in Berdyansk and Melitopol districts on the territory of the Ukrainian SSR and the Autonomous Crimean SSR. The aid was provided not only in the form of sending humanitarian supplies to the starving areas, but also by sending their own expedition of the Czechoslovak Red Cross to work in disaster-affected areas. The article reveals the scope of the assistance and provides some details on the activities of the Czechoslovak Red Cross in Soviet Russia and Ukraine during this period. Special attention is paid to a part of the well-known history of the evacuation of children from the starving provinces to Czechoslovakia, namely the little-studied aspect of their re-evacuation after the end of the famine disaster. The article contains references to the receipt of Czechoslovak humanitarian aid to the starving people from the other organizations and sources, such as Workers International Relief, donations from private and official persons, works of art in favor of the starving.

Key words: the famine of 1921-1923, foreign aid, evacuation of children, Czechoslovakian Red Cross, Nansen Committee, the International Committee for Russian Relief, Samara province, Melitopol, Berdyansk.

References

1. Anshakova Yu.Yu., Anshakova Yu.Yu. Gumanitarnaya deyatelnost Shvedskogo Krasnogo Kresta v Rossii vo vremya goloda nachala 1920-kh godov [Humanitarian activities of the Swedish Red Cross in Russia during the famine of the early 1920s.]. *Rossyskaya gosudarstvennost: ot istokov do sovremennosti. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Samara, 13-15 sentyabrya 2012 g.* Samara, Samarskiy nauchnyi tsentr RAN Publ., 2012. Pp. 448-453 (in Russian).
2. *Dokumenty i materialy po istorii Sovetsko-Chekhoslovatskikh otnosheniy. T.1. Noyabr 1917 g. – avgust 1922 g.* [Documents and materials on the history of Soviet-Czechoslovak relations. T.1. November 1917 - August 1922]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 552 p. (In Russian).
3. Golod v Srednevolzhskom Kraje v 20-30-e gody XX veka [The Famine in the Middle Volga region in the 20-30s of the twentieth century]. Vol. 1. *Golod v Samarskoy gubernii v 20-e gody XX veka* [Hunger in the Samara province in the 20s of the twentieth century]. Sbornik dokumentov GBUSO «Samarsky oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii» [Samara Regional State Archive of Social and Political History Collection], GBUSO «Tsentralny gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti» [Central State Archive of the Samara Region]. Samara, 2014. 516 p. (In Russian).
4. Kameneva O.D. *Kak proletarii vsekh stran pomagayut golodayushchim Rossii* [As proletarians of all countries help the starving Russia]. Moscow, Novaya Moskva Publ., 1923. 88 p. (In Russian).
5. Makarenko A.A. *Mirovoy proletariat – strane Sovetov* [The world proletariat to the land of the Soviets]. Kiyev, Akademiya nauk USSR Publ., 1963. 283 p. (In Russian)
6. Minchev D. *Mezhrabpom – organizatsiya proletarskoy solidarnosti* [Mezhrabpom - the organization of proletarian solidarity]. 1921-1935. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 303 p. (In Russian)
7. Polyakov V.A. *Golod v Povolzhye, 1919-1925 gg.: proiskhozhdeniye, osobennosti, posledstviya* [Hunger in the Volga region, 1919-1925.: Origin, features, consequences]. Volgograd, Volgogradskoye nauchnoye izdatelstvo Publ., 2007. 735 p. (In Russian)
8. Smirnova T.M. O sudbe sovetskikh detey, evakuirovannykh v Chekhoslovakiyu v nachale 1920-kh godov [On the fate of Soviet children evacuated to Czechoslovakia in the early 1920s]. *Otechestvennaya istoriya*, 2007, no. 1, pp. 77-93 (in Russian).
9. *Sovetsko-Chekhoslovatskiye otnosheniya mezhdru dvumya voynami (1918-1939). Iz istorii gosudarstvennykh, diplomaticheskikh, ekonomicheskikh i kulturnykh svyazey* [Soviet-Czechoslovak relations between the two wars. From the history of state, diplomatic, economic and cultural ties]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 228 p. (In Russian).
10. Tarle G.Ya. *Druzya strany Sovetov* [Friends of the country of the Soviets]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 420 p. (In Russian).
11. Tsidenkov G.G. Organizatsionnaya struktura missii Shvedskogo Krasnogo Kresta po okazaniyu pomoshchi golodayushchim Samarskoy gubernii vo vremya goloda 1921-1923 godov [The organizational structure of the Swedish Red Cross mission to assist the starving Samara province during the famine of 1921-1923]. *Samarsky nauchnyy vestnik*, 2018, vol.7, no.1 (22). (In Russian).
12. *Československá dobrovolná pomoc hladovějícím v Rusku a na Ukrajině. Oficiální publikace* [Czechoslovak Voluntary Assistance to Hunger in Russia and the Ukraine. Official publications]. Prague, Lazarska ulice 11 Publ., 1923. 20 p. (In Czech).

About the author:

Grigory G. Tsidenkov – candidate of sociological sciences, associate professor of the Chair of Management and Service, Samara State University of Social Sciences and Education. 443099, Russia, Samara, ul. M. Gorky, 65/67. E-mail: gcsidenkov@yandex.ru.

ПРЕЗИДЕНТСТВО Д. ТРАМПА: НОВИЗНА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ

О.В. Приходько, П.Е. Смирнов

Институт США и Канады Российской академии наук

Администрация Д. Трампа, пришедшая к власти в результате президентских выборов 2016 г., привнесла свои ярко выраженные особенности в американскую внешнеполитическую философию и продемонстрировала во многом новые подходы в практической политике. Фактический отказ 45-го президента от либерально-глобалистской парадигмы, недоверие к международным институтам, готовность выйти из ключевых для мировой стабильности соглашений, под которыми стоит подпись США, ставка на национал-капитализм и торговый протекционизм вызвали серьёзный кризис в отношениях с союзниками и партнёрами, дали новые основания для конфронтации с теми странами, которые являются для Вашингтона соперниками.

В представленной статье авторы сопоставляют те философско-доктринальные элементы, которые лежат в основе «большой стратегии» Д. Трампа, с основными практическими шагами, уже предпринятыми его администрацией во внешней и торгово-экономической политике. Основной вывод, вытекающий из этого анализа, состоит в том, что очевидный отказ Трампа от лидерства в формировании либерального мирового порядка, основанного на многосторонних институтах, не может означать какого-либо изоляционизма США внутри этой системы, какую бы философию ни исповедовали хозяин Белого дома и ведущие члены его команды. Действия Вашингтона на протяжении 2017 и первой половины 2018 г. свидетельствуют о том, что риторика Д. Трампа о нежелании навязывать кому-либо американский образ жизни отнюдь не противоречит готовности использовать в американских интересах силовые механизмы в кризисных и конфликтных регионах, расширять военное присутствие там, где Вашингтон видит угрозу своим стратегическим интересам, в том числе в непосредственной близости от границ России. Необходимость такого проецирования силы, поддержания руководимых США военно-политических альянсов – какими бы глубокими ни были разногласия между Вашингтоном и его союзниками по поводу вклада в совместную оборону – остаётся одним из важнейших элементов преемственности в американской стратегии. Это неизбежно означает и усиление конфронтации с Россией и Китаем, которые администрация Трампа объявила «ревизионистскими державами». В сложившихся условиях выход из глубокого кризиса в российско-американских отношениях становится ещё более трудной задачей и потребует нестандартных творческих подходов.

УДК 327.51

Поступила в редакцию 12.10.2018 г.

Принята к публикации 11.12.2018 г.

Ключевые слова: стратегия США, внешняя политика Д. Трампа, Россия, Китай, Европа, союзники, партнёрства, миропорядок, влияние, глобализм, национализм, транзакционизм.

Внешнеполитическая активность президента Д. Трампа, который бросил вызов некоторым укоренившимся постулатам американского политического истеблишмента, вызвала повышенный интерес у отечественных и западных политологов. Российские исследователи в своих работах, как правило, фокусируются на изучении отдельных проблемных и географических аспектов внешней политики США. Так, П.П. Яковлев предпринимает попытку определить, какое влияние политика Д. Трампа оказывает на системные процессы в сфере мировой экономики и торговли, и приходит к выводу, что она стала важным элементом формирования нового глобального мироустройства [8].

Существенное место в исследованиях отечественных и зарубежных экспертов занимает вопрос о том, какое влияние доктринальные установки и практическая политика Д. Трампа в сфере международных отношений и мировой торговли оказывают на процессы глобализации, какое будущее вообще ждёт глобализацию в условиях, когда страна, которая по-прежнему в решающей степени определяет мировые политико-экономические тенденции, устами своих лидеров провозглашает, по сути, возврат к национал-капитализму, меркантилизму, торговому протекционизму и безусловному приоритету национальных государств. О наступившем кризисе глобализации и даже о деглобализации – как о процессе, при котором происходит «возвращение к ситуации, когда национальное государство несёт ответственность за состояние дел в пределах своей территории и в отношениях с другими членами международного сообщества», – некоторые исследователи начали писать тогда, когда до прихода Д. Трампа в Белый дом было ещё далеко, когда в Великобритании ещё не был проведён референдум о выходе из ЕС, который также укрепил антиглобалистский тренд в мире [4, с. 43].

В то же время некоторые российские исследователи не спешат изображать политико-экономические приоритеты Д. Трампа как антиглобалистские и считают (как, например, И.И. Антонович), что речь идёт лишь о замене панглобализма более мягкой формулой «национал-глобализма», ведь США при 45-м президенте отнюдь не отказываются от стратегии мирового доминирования, а заявляют о стремлении обеспечить при реализации этой цели безусловный приоритет американских национально-стратегических интересов [1, с. 41]. Следует упомянуть также одну из работ, вышедшую в РАНХиГС и делающую вывод, что, хотя защита либерального мирового порядка не является приоритетом для Д. Трампа, можно «с уверенностью говорить о том, что возвращение к меркантилизму не означает отказа США от работы с многосторонними мировыми институтами» [5, с. 41].

Заметное место в работах отечественных политологов занимает анализ возможных изменений в российско-американских отношениях после избрания Д. Трампа. А.Г. Арбатов и Н.К. Арбатова отмечают, что существенные сдвиги могут произойти также в отношениях США с союзниками в Европе и Азии, соседями по Американскому континенту, с Китаем, Ираном и исламским миром в целом. Иными словами, можно ожидать наступления нового этапа международных отношений. Однако упомянутые исследователи добавляют, что, учитывая внутривнутриполитическую ситуацию в США и спонтанный характер предвыборных заявлений Д. Трампа, не ясно, какой курс будет проводить его администрация, если и когда она сформулирует последовательную линию [2].

Многие западные политологи (в частности, Дж. Айкенберри и Б. Поусен) сводят появившиеся при Д. Трампе изменения в американской стратегии в основном к отказу от экспорта демократии, либеральных ценностей и пренебрежению к институтам, которые призваны их продвигать в сфере международных отношений [16; 19]. Они также отмечают важное значение, которое нынешний глава американского государства придаёт фактору силы в широком смысле слова (включая политические, экономические, внешнеторговые, технологические параметры, а не только его чисто военное измерение), для укрепления международных позиций США, при одновременном принижении роли инструментов традиционной дипломатии. Э. Абрамс и Х. Брэндс, анализируя решения и практические шаги начального периода деятельности нынешней администрации, обращают внимание на особенности внешнеполитической философии Д. Трампа, выраженной в лозунге «Америка прежде всего» [9; 11]. Другие политологи, в частности М. Кларк и А. Рикеттс, пытаются найти в американской истории аналогии сегодняшнему подходу Соединённых Штатов в международных делах [12].

Однако из всех этих исследований нельзя сделать вывод, что у администрации Д. Трампа сформировалась какая-то цельная внешнеполитическая стратегия. Авторы данной статьи предлагают взглянуть более комплексно на то, что представляла собой политика США в международных делах в прошедший период президентства Д. Трампа, и попытаться определить, что в этих деяниях носило конъюнктурный характер, а что было продиктовано долгосрочным стратегическим видением.

Основные доктринально-философские черты стратегии Д. Трампа

«Трампизм» как политическая философия отнюдь не является чем-то принципиально новым для американского политического мышления. Отчасти Д. Трамп выступает как наследник тех подходов к внешнеполитической стратегии, которые проявили себя в предыдущие периоды, особенно в период правления администрации Дж. Буша-мл. с его ставкой на унилатерализм, вызвавшей первый после окончания холодной войны серьёзный кризис мирового порядка, основанного на международных институтах, и тех военно-политических альян-

сов, где Вашингтон выступает как лидер. Однако именно с приходом Д. Трампа на пост президента США в первый раз возникает ситуация, когда, по мнению многих исследователей, под угрозой оказался весь либеральный международный порядок в целом. Как утверждает, например, профессор Принстонского университета Дж. Айкенберри, «впервые, начиная с 1930-х гг. Соединённые Штаты избрали президента, активно проявляющего враждебность по отношению к либеральному интернационализму. Торговля, альянсы, международное право, мультилатерализм, защита окружающей среды, проблема пыток и права человека – по всем этим вопросам президент Трамп успел сделать заявления, которые, будь они воплощены в жизнь, фактически покончат с ролью Америки как лидера либерального миропорядка» [15, p. 7].

«Философия Трампа» возникла, прежде всего, как реакция на кризис глобалистских подходов к мировому политико-экономическому порядку, на те растущие издержки, которые глобализация несёт американской экономике и благосостоянию весьма значительной части граждан США. Как пишут научный сотрудник Пенсильванского университета Р. Фридман Лисснер и сотрудник Йельской школы права М. Рэпп-Хупер, «глобализация принесла с собой несколько десятилетий всё более свободной торговли, успешного роста жизненного уровня в развивающихся странах и снижения стоимости потребительских товаров в развитых экономиках. Однако перенос в другие страны малоквалифицированных рабочих мест в сочетании с автоматизацией и ростом цифровой экономики ухудшили перспективы для многих американцев ... Большая часть американской общественности по-прежнему поддерживает мировую торговлю; тем не менее, растёт скептическое отношение к новым торговым сделкам, как показывает двухпартийная кампания нападок на Транстихоокеанское торговое партнёрство (ТТП) во время избирательной кампании 2016 г., и увенчавший эту кампанию выход из данного соглашения, осуществлённый президентом Трампом. Нельзя больше рассчитывать на то, что всё большая открытость рынков будет пользоваться неизменной поддержкой внутри страны» [17, p. 15].

Другая важнейшая причина, предопределившая самый серьёзный в послевоенный период кризис либерального миропорядка – фундаментальное перераспределение экономической и политической мощи в глобальном масштабе, и, прежде всего, относительное ослабление влияния США и их союзников по сравнению с временами, когда они создавали основы мирового порядка. По мнению Дж. Айкенберри, «период однополярности, когда Соединённые Штаты доминировали в мировых экономических и военных рейтингах, заканчивается. Европа и Япония также ослабли. Вместе вся эта старая триада покровителей послевоенного либерального порядка постепенно снижает свою долю в широко понимаемом распределении глобальной мощи». [15, p. 11]

Профессор Стэнфордского университета Ф. Фукуяма, во многом пересмотрев свой тезис о «конце истории», в одной из своих книг, вышедшей в 2004 г., по крайней мере, частично обосновал те философско-концептуальные подходы,

которые в середине второго десятилетия нынешнего века легли в основу политики Д. Трампа. Противопоставляя американский (в его представлении) подход европейским подходам, основанным на приоритетности воли международного сообщества, Фукуяма, в то время один из главных идеологов неоконсерваторов, обосновывавших интервенционистскую и унилатералистскую политику Дж. Буша, решительно настаивает на приоритетности национального государства: «Хотя мы не желаем возвращаться к миру конфликтующих великих сил, мы действительно нуждаемся в том, чтобы заботиться о потребности в силе. Только государства ... способны объединить и целесообразно разместить силы обеспечения порядка. Эти силы необходимы, чтобы обеспечить правление закона внутри страны. Те, кто выступает за “сумерки государственности” – являются ли они поборниками свободного рынка или преданы идее многосторонних договоров, – должны объяснить, что именно заменит силу суверенных национальных государств в современном мире ... На самом деле эту пропасть заполнило разношёрстное собрание международных организаций, преступных синдикатов, террористических групп и так далее, которые могут обладать в определённой степени властью и легитимностью, но редко и тем, и другим сразу. За неимением ясного ответа нам остаётся только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным» [7, с. 199].

Сегодня, правда, Фукуяма является одним из самых резких критиков нынешнего главы Белого дома, обвиняя его в популистском национализме и ставя его в один ряд с такими лидерами, как президент Турции Р.-Т. Эрдоган или премьер-министр Венгрии В. Орбан¹. Автор идеи «конца истории» надеется на то, что «либеральную гегемонию» США ещё можно возродить, и, похоже, не осознаёт, что «трампизм» является логическим развитием тех изложенных выше идей, которые он проповедовал чуть больше десятилетия назад.

В чём заключается суть «большой стратегии» Трампа (если использовать определение, которое дали в своей статье в журнале «Форин полиси» в конце января 2017 г. – сразу после прихода Д. Трампа в Белый дом – консультант по вопросам стратегии Центра дипломатии и глобального взаимодействия, бывший заместитель помощника президента Б. Обамы и советник бывшего вице-президента Дж. Байдена К. Каль и профессор международных отношений Университета Джонса Хопкинса Х. Брэндс)? Авторы определяют «большую стратегию» как концептуальную систему, которая структурирует и формирует внешнюю политику. Они постулируют, что лидер, который проводит в жизнь эту стратегию, не ограничивается тем, что просто реагирует на международные события разово или от случая к случаю, ведь как минимум, «большая стратегия» состоит из понимания базовых контуров международной обстановки, высших интересов и

¹ См.: Fukuyama F., Muggah R. Populism is poisoning the global liberal order // The Globe and Mail, January 29, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/populism-is-poisoning-the-global-liberal-order/article37777370/> (дата обращения: 27.03.2018).

целеустановок страны в соответствующей среде, наиболее опасных угроз, с которыми сталкиваются эти интересы, и мер, которые страна может предпринять, чтобы ответить на эти угрозы, укрепить национальную безопасность и благосостояние своих граждан. Обозначив три угрозы, которые кажутся новому президенту ключевыми (радикальный ислам; нечестные торговые сделки и торговые практики основных конкурентов Америки; нелегальная иммиграция), эксперты выделяют четыре элемента этой стратегии Трампа:

1. Экономический национализм (в соответствии с формулировкой, данной тогдашним главным стратегом Белого дома С. Бэнноном), означающий, что США готовы прибегнуть к протекционистской и меркантилистской внешней политике, больше знакомой по XIX и XX, чем по XXI в.

2. «Чрезвычайный» подход к национальной безопасности: стена на границе с Мексикой, другие меры по укреплению безопасности на границе, угрозы прибегнуть к массовым депортациям нелегальных мигрантов, закрыть на неопределённый срок въезд беженцам из Сирии и временно запретить иммиграцию из ряда мусульманских стран, пока не будут разработаны соответствующие механизмы проверки этих мигрантов.

3. «Аморальный транзакционализм» – центральный элемент «большой стратегии» Д. Трампа, предполагающий, что США должны быть готовы заключать сделки с любыми игроками, которые разделяют американские интересы, не обращая внимания на то, насколько характер этих отношений располагает к заключению сделок, и независимо от того, разделяют ли эти партнёры американские ценности.

4. Демонстративный, но при этом весьма абстрактный милитаризм. Он проявляется в том, что Трамп длительное время выступал в поддержку «высочайшего уровня военной мощи», но при этом заявляет, что его цель заключается не в военных авантюрах и в укреплении руководимых США альянсов, а скорее, в сдерживании потенциальных противников и уничтожении тех, кто попытается атаковать США².

К этому можно добавить резкое неприятие Д. Трампом мультилатералистского (многостороннего) подхода к основным проблемам миропорядка, в чём он значительно превзошёл Дж. Буша-мл., который постоянно подвергался обвинениям в унилатерализме. В противовес глобалистскому мультилатерализму, утверждает профессор Эксетерского университета (Великобритания) Д. Стоукс, 45-й президент США отдаёт предпочтение «экономному билатерализму», который отвергает внешнюю политику, основанную на идеях социальной трансформации (права человека, демократия), и означает ставку на заключение «сделок» на двусторонней основе в зависимости от того, как это соответствует предпола-

² Kahl K, Brands H. Trump's Grand Strategic Train Wreck. Believe it or not, the president has a grand strategy. But it's a nightmarish mess //Foreign Policy, January 31, 2017 [Электронный ресурс]. URL:http://foreignpolicy.com/2017/01/31/trumps-grand-strategic-train-wreck/?utm_content=bufferc443e&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (дата обращения: 17.06.2018).

гаемым политическим и экономическим интересам Америки. При этом он крайне отрицательно относится к любым режимам и механизмам, сдерживающим свободу действий США [21, p. 137].

Внешняя политика Д. Трампа: особенности первого года президентства

Прошедший период пребывания Д. Трампа в Белом доме показал, что внешняя политика нынешней администрации по многим важнейшим международным проблемам разительно отличается от того курса, которого придерживались США в течение многих лет. В ходе избирательной кампании 2016 г. и вскоре после инаугурации новый глава американского государства делал заявления столь отличные от устоявшихся представлений американской политической элиты, что это заставляло задуматься о том, продиктованы ли они конъюнктурными соображениями внутривнутриполитической борьбы или отражают его истинные воззрения. Многие из высказанных им внешнеполитических идей были настолько радикальными, что вызвали отторжение даже у экспертного сообщества Республиканской партии. Их общий смысл сводился к тому, что и противники, и союзники стремятся нажиться за счёт США, и что необходимо положить конец этой порочной практике. По замечанию американских политологов, которые хорошо знакомы с биографией Д. Трампа, это мнение является его стойким убеждением, а не данью популистской риторике. Критика, с которой в наши дни американский президент обрушился на союзников и торговых партнёров (особенно здесь досталось Германии и Мексике), по существу ничем не отличается от его нападок на Японию и Кувейт тридцатью годами ранее³.

Главный системный принцип внешней политики Д. Трампа сводится к идее, что страна стала объектом эксплуатации внешними игроками вследствие своего участия в «неправильных» международных соглашениях – военно-политических союзах, пактах о свободной торговле, многосторонних организациях, и что во имя нового процветания Америки необходимо рассматривать международные отношения как игру с нулевой суммой и пересмотреть плохие сделки, заменив их хорошими. В одной из своих предвыборных речей в апреле 2016 г. он прямо заявил, что «Америка прежде всего» будет сквозной темой его президентства, если он победит на выборах. Выступая с представлением новой Стратегии национальной безопасности США 18 декабря 2017 г., Д. Трамп – в то время уже президент США – фактически выступил с обвинениями в адрес своих предшественников: «Многие из наших лидеров забывали, чьи голоса они должны были уважать и чьи интересы они должны были защищать. Наши лидеры в Вашингтоне заключали губительные торговые сделки, которые принесли огромные прибыли многим иностранным государствам, но также отпра-

³ T. Wright. Trump's 19th Century Foreign Policy. January 20, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/01/donald-trump-foreign-policy-213546> (дата обращения: 09.05.2018).

вили в эти страны тысячи американских заводов и миллионы американских рабочих мест»⁴.

Подобный подход явно расходится с тем, что Вашингтон декларировал в течение многих десятилетий, но он отражает взгляды той части американского политического класса, которая опасается, что глобализация ведёт к ущемлению суверенитета США. И именно на этих опасениях в полной мере играет Д. Трамп, заявляя о необходимости избавления от навязанных стране избыточных международных обязательств и минимизации издержек американского глобального лидерства. Однако он никогда не допускал того, что США могут самоустраниться от главенствующей роли в мировых делах, хотя, как отмечают некоторые американские обозреватели, его выступления порой напоминают фразеологию сторонников изоляционизма предвоенной эпохи.

В результате внешнеполитические шаги нынешней администрации оказались во многих случаях не столь радикальными, как это можно было ожидать исходя из предвыборных обещаний президента. По ряду важных направлений решения Д. Трампа оказались на практике в значительной мере созвучными взглядам американского политического мейнстрима. Прежде всего, это касается военно-политических отношений с союзниками в Европе и Азии. Президент уже не вспоминает, например, о своём высказывании в ходе президентской кампании, что союзникам, видимо, стоит позволить приобрести ядерное оружие для своей защиты (он имел в виду Южную Корею и Японию в контексте «северо-корейской угрозы»), зато военная активность США в АТР явно возросла по сравнению с предыдущими годами, хотя не он, а его предшественник, объявил о развороте американской политики в сторону Тихоокеанского региона.

Многие политические установки, провозглашённые Д. Трампом в соответствии с его лозунгом «Америка прежде всего», в том числе в сфере внешней, военной и торгово-экономической политики, сразу вступили в острое противоречие с реальной обстановкой в тех или иных регионах мира, выявили, что, независимо от этих установок и призывов, Вашингтону всё равно придётся заниматься решением тех или иных конкретных проблем, в которых переплетаются самые различные аспекты, возникает множество смежных проблем, и простые рецепты в любом случае не сработают. Как подчёркивает, например, директор Института США и Канады РАН В.Н. Гарбузов, «одно намерение Трампа сдерживать Китай тут же ставило дополнительные вопросы: о России и сложившемся уже российско-китайском партнёрстве, о роли Китая в АТР, о судьбе Транстихоокеанского партнёрства и бывших его участниках, неожиданно быстро оставшихся без надёжного покровителя». Аналогичные противоречия, по мнению учёного, встают при решении проблемы сирийского урегулирования (необходимость совместить диалог между участниками конфликта и прекращение войны в регионе с ликвидацией ИГИЛ, разработкой вопросов о будущем государственном устройстве Сирии, о судьбе президента Асада, при условии сохранения геополитических позиций США и России в регионе), в процессе международных усилий, связанных

с Украиной, Крымом и Донбассом, где переплелись «и экономические интересы украинских олигархов, и политические амбиции киевских демагогов, и бесконтрольность боевых формирований различного толка, и страдания простых людей, и геополитические планы куда более мощных игроков. Связана с ними и проблема санкций» [3, с. 19].

Несмотря на критику в адрес европейских государств за недостаточность оборонных расходов и иждивенческое поведение в вопросах безопасности, Д. Трамп санкционировал наращивание американского военного присутствия в Восточной Европе, причём в гораздо больших объёмах, чем это было при его предшественнике. В бюджете Пентагона на 2018 фин. г. расходы на эти цели были увеличены почти на 1,5 млрд долларов. При нынешнем президенте возросла интенсивность боевых действий США на Ближнем и Среднем Востоке. В апреле 2017 г. и 2018 г. они дважды осуществили ракетные атаки по объектам сирийского государства и правительственной армии, активизировали операции против талибов в Афганистане и резко увеличили интенсивность авиаударов по ним. Как замечает американский политолог Б. Поусен, «по всему спектру вопросов, касающихся жёсткой силы, политика администрации Д. Трампа выглядит уж во всяком случае более амбициозной, чем политика Барака Обамы» [19, р. 20].

Важную роль в эволюции взглядов Д. Трампа играет не только давление политического истеблишмента на Белый дом. Объективная логика развития событий побуждает его сдвигаться к более умеренной позиции по целому ряду вопросов, а в отдельных случаях и кардинально менять своё мнение, как, например, по ситуации в Афганистане, – в период избирательной кампании он обещал вывести оттуда войска, а вместо этого усилил американскую военную группировку. Однако оппоненты президента сомневаются, что он смог осознать опасный радикализм своих предвыборных предложений. По мнению американского политолога Х. Брэндса, «было бы ошибкой делать вывод, что система просто укротила амбиции Д. Трампа, ведь он наложил свой отчётливый и главным образом деструктивный отпечаток на стратегию США [11, р. 8]».

Укоренившиеся политические и институциональные практики невозможно изменить одним махом, а неортодоксальность идей не всегда является притягательной силой. Президент столкнулся с трудностями при формировании высшего эшелона администрации и правительственного аппарата, в подборе людей, которые искренне разделяли бы его философию «Америка прежде всего». Под влиянием внутривнутриполитических обстоятельств он был вынужден отодвинуть на второй план или даже вовсе расстаться с некоторыми знаковыми фигурами в своей команде, которые являлись выразителями ультраконсервативной (ультраправой) идеологической платформы, в частности с С. Бэнноном. Ему пришлось довольствоваться назначением на ключевые посты людей типа Дж. Мэттиса или Дж. Келли, которые придерживаются более традиционных взглядов на международные проблемы. Как результат, в осуществлении некоторых своих внешнеполитических идей, в частности, по проведению саммита с российским лидером

В. Путиным, американский президент вынужден преодолевать сопротивление своего ближайшего окружения.

Первоначальные планы Д. Трампа подвергаются значительной корректировке в результате ожесточенного сопротивления, которое они встречают со стороны влиятельных кругов американской политической элиты и профессиональной бюрократии. Это и противодействие Конгресса, который законодательно ограничил полномочия исполнительной власти в принятии некоторых решений по России и некоторым другим странам; это и постановления судебных инстанций по вопросам иммиграции; это и беспрецедентная антипрезидентская кампания в СМИ. Д. Трамп так и не смог ничего противопоставить двухпартийному консенсусу, который, отражая негативистский подход политической элиты США к нынешней России, блокирует любые инициативы, направленные на сотрудничество двух стран. В результате в российско-американских отношениях возобладала конфронтационная модель, хотя сам президент возможно искренне и желает изменить ситуацию к лучшему.

Российская тематика и необходимость противостоять «неприемлемому поведению» Москвы остаются в США одним из немногих инструментов, позволяющих сдержать распад двухпартийного консенсуса по многим другим ключевым внешнеполитическим вопросам, на который обращают внимание всё большее число американских экспертов. В частности, профессор Стэнфордского университета К. Шульц указывает, что Д. Трамп стал продолжателем тенденции, заключающейся в том, что международные соглашения, под которыми США поставили свою подпись, часто становятся жертвами межпартийных противоречий (правда, эта тенденция в значительно большей степени характерна для республиканских администраций). Если при Дж. Буше-мл. такое отношение к себе в США испытали Киотский протокол, Международный уголовный суд и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), то после прихода в Белый дом Д. Трампа Вашингтон вышел из Транстихоокеанского партнёрства, Парижского соглашения по климату, Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, заявил о необходимости начать новые переговоры по НАФТА и торговому соглашению с Южной Кореей. Для союзников США, в первую очередь по НАТО, считает Шульц, такая тенденция, усугубляемая сомнениями в приверженности Д. Трампа обязательствам по коллективной обороне, является весьма тревожной, да и возможность воздействовать на недружественные государства (Иран, Северная Корея) существенно снижается [20, pp. 19-20].

В то же время Д. Трамп более узко определяет круг национальных интересов в международных делах во избежание перенапряжения американских ресурсов и повторения ошибок своих предшественников, которые ввергли страну в войны на Ближнем Востоке без видимого успеха (Афганистан, Ирак). Один из главных уроков, который он хорошо усвоил, состоит в том, что насильственная смена неудобных правящих режимов, как правило, себя не оправдывает в долго-

срочной перспективе. Он неоднократно заявлял, что США, истратив несколько триллионов долларов на Ближнем Востоке, по существу ничего не получили взамен⁵. Его подход больше напоминает модель американского участия в мировых делах, характерную для последнего десятилетия XIX в., когда США действовали в соответствии с чётко сформулированным, но более ограниченным сводом национальных интересов, не пытаясь насаждать американские ценности. По мнению некоторых западных политологов, Д. Трамп является скорее продолжателем традиции, идущей от президента Э. Джексона (1829-1837 гг.), который опирался на популистские ценности и делал особый акцент на роли военной силы в реализации внешнеполитических интересов страны, но при этом не ставил целью переделать мир по образу и подобию США [12, pp. 370-373].

Прошедший период президентства Д. Трампа показал большой разрыв между теми эмоциональными оценками, что нередко находят своё отражение на его страничке в Twitter, особенно в откликах на злободневные международные события, и практическими шагами администрации. Не снижая давления на союзников в плане более сбалансированного распределения бремени оборонных расходов между США и Европой, администрация Д. Трампа подтвердила обязательства по взаимной обороне в рамках НАТО и продолжила выделять всё более значительные ресурсы на укрепление американского военного присутствия в восточноевропейском регионе. Жёсткая конфронтационная риторика главы Белого дома в отношении Пхеньяна, звучавшая в прошлом году, не помешала Д. Трампу резко сменить тактику и согласиться на встречу с лидером КНДР Ким Чен Ыном 12 июня 2018 г. в Сингапуре, а американской дипломатии – активизировать усилия в поисках подходов к решению северокорейской «ядерной проблемы» и преодолению кризисной ситуации в двусторонних отношениях.

Непоследовательность и противоречивость внешнеполитической линии Д. Трампа некоторые западные политологи (в частности, французский теоретик Ф. Эйсбур) склонны объяснять тем, что «США колеблются между поддержанием существующего статус-кво и обращением внутрь себя» [14, p. 222]. Действительно, политика США в международных делах при Д. Трампе в значительной мере подчинена решению внутренних задач, но это ещё не означает, что нынешняя администрация тяготеет к тому, что можно характеризовать как изоляционизм, хотя на первый взгляд некоторые решения президента и вызывают подобное восприятие. Не следует сбрасывать со счетов внутривнутриполитический фактор, который вносит значительные коррективы в планы президента, заставляя его менять первоначальные замыслы, – это напряжённые взаимоотношения между Белым домом и Конгрессом, острое противостояние между президентом и его политическими противниками. Принятые в последнее время законодательные акты существенно ограничили возможности администрации по целому ряду на-

⁵ J. Fabian. Trump: We spent \$6T in Middle East and didn't even get a 'tiny oil well'. February 9, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://thehill.com/homenews/administration/318681-trump-we-spent-6t-in-middle-east-and-didnt-even-get-a-tiny-oil-well> (дата обращения: 05.01.2018).

правлений международной деятельности. Как показывают события последнего времени, Конгресс намерен и дальше действовать в том же ключе, готовя новые ограничительные поправки для исполнительной власти по торгово-экономическим отношениям с Китаем (в частности, по китайской телекоммуникационной компании ZTE), по переговорам об изменении соглашения НАФТА и т.д.

Другой особенностью прошедшего периода президентства Д. Трампа является его неприятие либерально-глобалистской концепции миропорядка. Некоторые американские и российские политологи полагают, что Трамп отвергает не саму идею глобализации, а лишь нынешнюю версию её реализации, основанную на либеральных ценностях. Однако американский президент едва ли даёт основания усомниться в том, что он в принципе не примет глобализацию как таковую, открыто противопоставляя ей идею национального суверенитета. В своих важных выступлениях, в том числе в ходе инаугурации в январе 2017 г., а также в речи на сессии Генассамблеи ООН в сентябре того же года, Д. Трамп вполне определённо высказался за восстановление экономического суверенитета страны и призвал к этому другие государства. Он совершенно очевидно видит в глобализации угрозу размывания американского национального суверенитета. Его особенно беспокоит такая сторона этого явления, как происходивший в последние десятилетия активный перевод американскими компаниями производственных мощностей из США в Китай и другие государства АТР, создавшие привлекательные условия для иностранного бизнеса.

Ожесточённое сопротивление политического истеблишмента вызывает отказ нынешнего президента от прежнего курса США на продвижение либеральных ценностей в международных делах. Как отмечает упоминавшийся Б. Поусен, «Трамп отошёл от традиционной американской национальной стратегии в одном важном вопросе. Как минимум с окончания холодной войны администрации демократов, равно как и республиканцев, осуществляли стратегию, которую политологи называли “либеральной гегемонией”. ...Порывая со своими предшественниками, Трамп изъясил много “либерального” из “либеральной гегемонии”. Он продолжает стремиться к тому, чтобы сохранить за Соединёнными Штатами превосходство в экономическом и военном потенциале, а также роль арбитра в вопросах безопасности большинства регионов мира, но предпочёл отказаться от экспорта демократии и воздержаться от участия во многих многосторонних торговых соглашениях. Иными словами, Трамп возвестил о наступлении совершенно новой национальной стратегии – нелиберальной гегемонии» [19, р. 21].

Отличительной чертой президентства Д. Трампа является *политизированный подход к торгово-экономическим отношениям США с внешним миром*. Экономические вопросы занимают гораздо больше места во внешней политике нынешнего президента, чем у его предшественников. В данном аспекте политики 45-му президенту удаётся проводить в жизнь свои предвыборные лозунги – и вообще, соответствовать своим философско-доктринальным подходам – в большей степени, чем в военно-политических вопросах, где национальный эго-

изм непосредственно сталкивается с претензиями на сохранение мирового лидерства и необходимостью удержания союзников и партнёров в орбите США. Д. Трамп – не первый американский президент, который пытается сократить внешнеторговый дефицит страны с помощью протекционистских шагов. К подобным мерам не раз прибегали его предшественники, но они это делали выборочно и достаточно осторожно, не переводя этот процесс в плоскость политических взаимоотношений. Нынешний президент идёт гораздо дальше, противопоставляя свою политику принципам свободной торговли, демонстрируя открытое пренебрежение к ВТО и принимая беспрецедентные меры давления на страны, у которых наибольший профицит в торговле с США. Это относится в первую очередь к Китаю, но также к ЕС в целом, и Германии, в частности. По мнению Трампа, международные структуры, такие как региональные торговые пакты и ВТО, мешают Вашингтону заключать более выгодные соглашения с торговыми партнёрами на двусторонней основе.

Под угрозой после прихода Д. Трампа в Белый дом оказалась зона свободной торговли с Канадой и Мексикой (НАФТА), поскольку, по мнению его администрации, данный режим позволяет этим двум соседям США сохранять большой дефицит в торговле с Вашингтоном. Правда, своё предвыборное обещание о выходе из НАФТА Трамп сразу выполнять не стал, согласившись на переговоры о реформировании этого соглашения. Однако угрозу выхода из него Вашингтон сохраняет в качестве рычага давления на Оттаву и Мехико в процессе переговоров.

«Экономическую дипломатию» администрации Д. Трампа обосновал государственный секретарь М. Помпео в своём выступлении в Детройтском экономическом клубе 18 июня 2018 г. Показательно, что для этого была выбрана именно бывшая автомобильная столица Америки, пережившая упадок в результате деиндустриализации, ведь именно к населению подобных депрессивных городов и регионов апеллирует нынешний президент, обосновывая экономический национализм и протекционизм. Повторяя то, что уже неоднократно говорил Трамп, Помпео утверждал, что Америка слишком долго позволяла искажать принципы и институты свободной торговли в угоду другим странам. Эта постановка вопроса касается отнюдь не только Китая: по словам госсекретаря, асимметричные торговые отношения со странами «большой семерки» также должны быть фундаментальным образом пересмотрены. С одной стороны, провозгласил Помпео, «если Правительство Соединённых Штатов не будет участвовать в строительстве здорового мирового экономического порядка, мы будем проигрывать таким странам, как Китай». С другой стороны, участвуя в этом процессе, никогда нельзя терять экономический суверенитет. «Опыт брекзита, который еще далёк от своего завершения, а также Европейского союза, показывают, насколько трудно восстановить экономический суверенитет, если от него когда-то отказались. Также на этих примерах мы видим, что экономическая политика, ведущая к централизации власти, ослабляет силу

свободного рынка в деле роста благосостояния людей, не способствует ни благополучию потребителей, ни успехам бизнеса»⁶.

Американские политологи полагают, что внешнеторговая политика администрации Д. Трампа, преследующая откровенно эгоистические цели, плохо увязана со стратегией национальной безопасности, так как она отталкивает союзников от США вместо того, чтобы способствовать укреплению альянсов перед лицом «растущей угрозы» в лице России и Китая. Отказ нынешнего президента от договорённостей по Транстихоокеанскому партнёрству привёл к тому, что оставшиеся участники, удалив из ТТП некоторые пункты, на принятии которых настояла предыдущая американская администрация, перекроили его на свой лад, а не поспешили начать с США переговоры по заключению двусторонних соглашений о свободной торговле, как того ожидал Д. Трамп. Подобное развитие ситуации явилось неожиданностью для Вашингтона, и в Капитолии поднялись голоса в пользу возвращения американской делегации за стол переговоров, ведь ТТП рассматривалось инициаторами этого проекта как важный инструмент сдерживания геоэкономической экспансии Китая. В результате администрация уже не исключает рассмотрения вопроса о присоединении к ТТП на определённых условиях. Однако остальные 11 стран, подписавшие весной 2018 г. Транстихоокеанский торговый пакт, могут и не принять американское предложение по новой перделке соглашения.

На китайском же направлении Д. Трампу приходится маневрировать наиболее активно. С одной стороны, он стремится исправить ненормальную ситуацию, при которой торговый дисбаланс между двумя странами постоянно растёт и составил в 2017 г. 375 млрд долл. в пользу КНР; с другой стороны, Вашингтон осознаёт, что, даже если он сумеет заставить Пекин сократить этот дисбаланс и пойти на ряд мер в других чувствительных для США областях (в частности, по проблеме защиты прав интеллектуальной собственности), в стратегическом плане он неспособен воспрепятствовать превращению Китая в один из главных структурных элементов современного миропорядка. Готовность администрации Д. Трампа продолжать стратегический диалог с Китаем постоянно вступает в противоречие с жёстким конфронтационным подходом, продемонстрированным как в доктринальных документах (в первую очередь, в новой «Стратегии национальной безопасности»), так и в практической политике по сдерживанию китайской мощи, в том числе путём активизации политических контактов Вашингтона с властями Тайваня. В политике США по отношению к Китаю, как отмечают российские исследователи Е.В. Савкович и И.А. Черепанова (Томский государственный университет), можно констатировать превалирование краткосрочных интересов над долгосрочными. «Действующие соглашения ... являются разовыми акциями и призваны, прежде всего, урегулировать непосредственные

⁶ Remarks. Mike Pompeo, Secretary of State. Detroit Economic Club. Detroit, Michigan, June 18, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/06/283305.htm> (дата обращения: 24.06.2018).

конфликтные ситуации в сфере торговли. Долгосрочная политика ставится в данном случае под сомнение» [6, с. 55-56].

Важную роль в стратегии Д. Трампа играют планы агрессивного продвижения на мировой рынок американского углеводородного сырья. Здесь преследуются одновременно политические и экономические цели – ослабление зависимости союзников в Европе и Азии от поставок российских энергоресурсов, снижение торгового дефицита США и увеличение занятости в нефтегазовой отрасли американской экономики. Предыдущие президенты ставили задачу преодоления зависимости страны от импорта энергоносителей, прежде всего с Ближнего Востока, но только нынешняя администрация сформулировала в качестве стратегической задачи энергетическую экспансию США, расширение американской доли на мировом рынке углеводородов, в том числе в его европейском сегменте.

Возобладание конфронтационного подхода – реакция США на размывание «американской однополярности»

Современная политическая элита США исходит из того, что наиболее серьёзная, «системная» угроза американским интересам формируется в Евразии, где укрепляются Россия и Китай, которые бросают вызов международной системе, основанной на американском доминировании. В «Стратегии национальной безопасности США», принятой администрацией Д. Трампа в декабре 2017 г., РФ и КНР отнесены к высшей категории угроз, где они обозначены как «ревизионистские державы», которые «бросают вызов американской силе, влиянию и интересам, пытаясь разрушить безопасность и процветание США»⁷. Постулаты традиционной американской стратегии нацеливают администрацию на использование всех инструментов, включая оборонные пакты и торговые альянсы, чтобы противодействовать тенденции к разрушению американоцентричной конфигурации мироустройства. Эти положения нашли отражение в упомянутом документе. Тезис «Америка прежде всего» фигурирует в нём в качестве основополагающего и, на первый взгляд, не очень стыкуется с обещанием сотрудничества с многосторонними структурами, которое там же присутствует, пусть во многом как дань традиционным представлениям.

Несмотря на сложившийся двухпартийный консенсус в отношении стратегического вызова, который американский истеблишмент видит в укреплении России и Китая, необходимо различать более дифференцированный подход тех или иных группировок американской правящей элиты в этом вопросе. Эти нюансы просматриваются и в окружении Д. Трампа, где одни полагают, что главную угрозу для национальной безопасности представляет Россия как вторая по военному потенциалу держава в мире, способная нанести наибольший физический ущерб США, поэтому основные силы нужно направить на противоборство с

⁷ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).

ней, на помощь противостоящим ей союзникам и на укрепление американского военного присутствия в Европе; другие считают, что Китай является более опасным соперником для США, так как из конкурентов-противников только он способен решающим образом влиять на мировой порядок, и, следовательно, больше ресурсов нужно выделять на противодействие его политике.

США и их союзники в Европе и АТР являются главными выгодополучателями в рамках миропорядка, который поддерживается международными финансовыми структурами и военно-политическими альянсами с американским участием, созданными после Второй мировой войны. Предыдущие администрации и Конгресс рассматривали в этом же ряду и универсальные организации – ООН и ВТО, видели в этих институтах, несмотря на все их изъяны, пользу для национальных интересов США. Они неоднократно призывали к реформе этих структур, но не ставили под сомнение необходимость их существования. Вашингтону неоднократно удавалось проводить через них решения, которые позволяли ему продвигать свою позицию в ситуациях, когда он особенно нуждался в международной поддержке, будь то вопросы ядерного нераспространения, борьба с международным терроризмом или доступ на рынки других государств.

Вместе с тем у республиканцев после окончания холодной войны сформировалось более сложное отношение к многосторонним структурам регулирования миропорядка. Во многих случаях они склонны рассматривать их как ограничители «американской однополярности»⁸, как обузу, которая сковывает свободу действий США в международных делах. В президентство Дж. Буша-мл. это особенно ярко проявилось в американской политике. При Б. Обаме ценности многосторонней дипломатии были реабилитированы в американском подходе, хотя и в этот период Соединённые Штаты оставляли за собой право самостоятельно принимать решения по вопросу применения военной силы.

Победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. привела к тому, что правоконсервативная традиция в отношении международных институтов и соглашений вновь стала доминирующей во внешней политике США. *Более того, он стал первым американским президентом, который открыто поставил под сомнение соответствие некоторых базовых правил и институтов послевоенного миропорядка сегодняшним интересам Соединённых Штатов.* Д. Трамп отвергает концепцию глобализации мира, основанную на либеральных ценностях и нормах, открыто оперирует категориями баланса сил, и не скрывает, что этот баланс должен быть в пользу США. Многократное упоминание тезиса «Америка прежде всего» в нынешней «Стратегии национальной безопасности» смещает трактовку американских интересов в сторону более эгоистического их прочтения, но без изменения их основного содержания. Достаточно напомнить, что вопрос о

⁸ Идею «американской однополярности» впервые сформулировал политобозреватель Ч. Краутхаммер в своей статье «The Unipolar Moment», опубликованной в журнале "Foreign Affairs" в 1990 году. – Charles Krauthammer. *Foreign Affairs*, 1990/91, vol. 70, no. 1, pp. 23-33 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/20044692> (дата обращения: 08.03.2018).

возвращении производств ведущих американских компаний из Китая в США ставил ещё предыдущий президент Б. Обама, однако это не мешало ему ратовать за глобалистско-либеральный миропорядок, и в этом он не видел никакого противоречия.

Если в отношении «ревизионистских держав» конфронтационный подход едва ли можно считать новаторством администрации Д. Трампа, то уровень конфликтности в её отношениях со многими союзниками и партнерами приобрёл беспрецедентный масштаб. Глубинный характер этих противоречий определяется тем, что за ними стоит несовместимость ценностей, которых придерживаются нынешняя американская администрация, с одной стороны, и либеральная Европа с Канадой, с другой. Неприкрытый скептицизм Белого дома в отношении того, что многосторонние структуры поддержания миропорядка соответствуют национальным интересам, его откровенно эгоистическое поведение в международных делах подрывают доверие союзников и партнёров к политике США, заставляют их усомниться в американском лидерстве и переосмысливать в целом свои отношения с Вашингтоном. Ничего подобного никогда прежде не было, хотя трансатлантические отношения пережили не одну кризисную ситуацию. Западные державы привыкли видеть в Соединённых Штатах главную опору современного миропорядка, и для них стало шоком, что администрация Д. Трампа пересматривает базовые правила его функционирования либо трактует их весьма произвольно, создавая впечатление, что мир скатывается к хаосу и анархии, где сила, а не международные нормы и институты, определяет право. Однако этот конфликт ценностей и интересов двух берегов Атлантики имеет свои чётко обозначенные пределы – обмениваясь взаимными претензиями, США и Европа избегают касаться некоторых фундаментальных проблем своих взаимоотношений, к числу которых относятся американские военные (ядерные) гарантии безопасности.

Глобальные процессы в международных отношениях и их отражение в американской политике

Происходящая трансформация мировой системы представляет собой многогранный процесс с неопределённым будущим. В её основе лежит изменение глобального баланса сил. Теоретики различных политологических школ пытаются осмыслить это явление с различных ракурсов и, опираясь на свой инструментарий, выявить закономерности, которые лежат в его основе. Все они сходятся в том, что основные тенденции ведут к усложнению системы международных отношений и ускоряют темпы изменений в ней по целому ряду параметров. Множатся угрозы и вызовы. Мировая экономика всё более подвержена влиянию факторов геополитического соперничества, которые оказывают возрастающее влияние на её состояние, вмешиваясь в механизмы действия рыночных сил. Глобальные и национальные рынки испытывают на себе усиливающееся воз-

действие внешнеполитической борьбы государств, что искажает их естественное, нормальное функционирование. События последних лет свидетельствуют о кризисе глобалистских ценностей в мире, и результаты выборов, прошедших в США и ряде государств Европы, являются отражением этого процесса. Триумф либерального миропорядка оказался иллюзорным – происходит возвращение к силовой геополитике, которая в последних американских доктринальных документах обозначена как «соперничество великих держав».

Так, в официальной краткой версии «Стратегии национальной обороны 2018», обнародованной в январе нынешнего года, «главным вызовом для процветания и безопасности США» названо «возрождение долгосрочного стратегического соперничества» с Россией и Китаем⁹. В этом документе, так же, как и в Стратегии национальной безопасности, они обозначены как «ревизионистские державы», которые стремятся сформировать мир в соответствии со своей авторитарной моделью, пытаясь завоевать для себя возможность накладывать вето на те решения в сферах экономики, дипломатии и безопасности, которые принимают другие страны. Если китайский вызов охарактеризован в документе как желание с помощью военных и экономических рычагов перестроить Индо-Тихоокеанский регион в свою пользу, то Россия обвиняется в стремлении разрушить НАТО и изменить в свою пользу европейские и ближневосточные военно-политические и экономические структуры. Отмечено, что особый вызов в действиях России представляет её стремление использовать современные технологии для «дискредитации и подрыва демократических процессов в Грузии, Крыму и Восточной Украине» вкупе с наращиванием и модернизацией своего ядерного арсенала. Примечательно в новой оборонной стратегии США то, что «ревизионистские державы» (Китай и Россия) и обозначенные вслед за ними «режимы-изгои» (Северная Корея и Иран) в числе вызовов, с которыми предстоит столкнуться Вашингтону, идут впереди негосударственных субъектов, таких как террористы, транснациональные криминальные организации, хакеры и другие акторы подобного рода. Это является дополнительным свидетельством государственно-центристского подхода администрации Д. Трампа к функционированию мировой системы и месту США в этой системе.

Мир переживает подъём новых центров силы и влияния, он вступил в эпоху «формирующейся многополярности». Анализируя становление новой модели международных отношений, французский политолог Ф. Эйсбур приходит к выводу, что приближается наступление «новой эпохи, которая за неимением лучшего названия, может быть охарактеризована как эпоха 'биполярного беспорядка', когда биполярность, предстающая в форме американо-китайского соперничества, будет бок о бок соседствовать с беспорядком, в том смысле, что эта система будет и нестабильной, и окончательно несформировавшейся в отличие

⁹ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: *Sharpening the American Military's Competitive Edge*. U.S. Department of Defense. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 12.06.2018).

от её предшественницы времён холодной войны» [14, р. 217]. Сомневаясь в возможности становления многополярной конфигурации международных отношений, он допускает присутствие отдельных её элементов в новой «биполярной неупорядоченной системе» [14, р. 218]. Отличительными чертами новой системы, по его мнению, являются американо-китайская стратегическая полярность и «деривативная» нестабильность. Трудно не согласиться с тем, что биполярность сама по себе не генерирует стабильность.

США не могут не признавать, что геополитическое влияние Китая распространяется всё дальше за пределы Азиатско-Тихоокеанского бассейна и приобретает глобальное измерение, затрагивая такие удалённые от него регионы, как Африка и Латинская Америка. КНР стала восприниматься многими в международном сообществе в качестве альтернативы американскому лидерству по ряду важнейших вопросов мирового развития – сохранение свободного режима мировой торговли, борьба с потеплением климата и т.д. Китайский лидер Си Цзиньпин на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2017 г. впервые недвусмысленно дал понять, что его страна способна взять на себя эту роль. Однако неамериканская часть Запада не готова принять в этом качестве страну, которая не отвечает её либеральным представлениям о демократии, не говоря уже о США, воспринимающих Китай как одного из главных своих соперников.

Усиливающееся соперничество между США (Западом) и их ключевыми оппонентами в международном сообществе ведёт к фрагментации мирового порядка, усилению роли региональных объединений. Соединённые Штаты уже не в состоянии сдерживать неблагоприятные для себя изменения в мире в силу объективно меняющегося глобального соотношения сил и усиливающихся сбоев в функционировании собственной политической системы. Обострившееся противостояние в высших эшелонах власти снижает адаптационные возможности американского государства в реагировании на внешние перемены. США не отказываются от претензий на мировое лидерство, но администрация Д. Трампа чётко обозначила намерение уменьшить бремя американской вовлечённости в вопросы глобального управления и в разрешение мировых проблем, которые не затрагивают фундаментальные американские интересы. Знаковым индикатором здесь стало резкое сокращение расходов на Госдепартамент, предложенное Белым домом, хотя, конечно, участие США в мировых делах осуществляется также по линии других федеральных структур. В первый год президентства Д. Трампа в Госдепе произошли массовые сокращения. Внесённый президентом в феврале 2018 г. на рассмотрение Конгресса проект бюджета внешнеполитического ведомства запланирован в 39,3 млрд долл., он предусматривает снижение на 40% расходов на деятельность «по продвижению демократии» и на 44% – американского взноса на финансирование миротворческих операций ООН.

Вместе с тем США пытаются адаптироваться к происходящим структурным изменениям в системе международных отношений. Это процесс протекает в различных формах. **Во-первых**, происходит наращивание военного потенциала,

включая продолжение модернизации ядерных сил, начатое предыдущей администрацией, и их расширение. Планы Д. Трампа предусматривают выделение на эти цели 1,2 трлн долл., и по масштабам их можно поставить в один ряд с программой «переворужения Америки», которая осуществлялась в президентство Р. Рейгана. Они включают в себя, в частности, программу создания нового типа крылатой ракеты морского базирования с ядерной боеголовкой, чтобы обойти ограничения Договора о РСМД. Провозглашённая нынешней администрацией политика в ядерной сфере заметно отличается от той, что США официально придерживались в президентство Б. Обамы. Если прежде важное место в ней занимали вопросы контроля над вооружениями и декларации об уменьшении роли ядерного оружия в американской стратегии национальной безопасности, то сейчас первостепенное значение придаётся соперничеству с Россией и Китаем в ядерной сфере военного противостояния. В документе по ядерной стратегии 2018 г. (Nuclear Posture Review 2018) эти две страны обвиняются в попытках изменить миропорядок, сложившийся после окончания холодной войны.

Упомянутый обзорный документ раздвигает рамки понятия «чрезвычайная ситуация», когда может быть применено американское ядерное оружие (хотя они намеренно не конкретизируются), как и расширяет спектр угроз, для нейтрализации которых может потребоваться его использование. Определяющим критерием здесь, видимо, должен служить масштаб ущерба, понесённого США от нападения. Это дало основание некоторым аналитикам предположить, что если к разрушительным последствиям для США приведут кибер-атаки, то в качестве ответа Вашингтон может рассмотреть возможность нанесения ограниченного ядерного удара. В упомянутом документе подобный сценарий прямо не прописан, но в нём больший акцент делается на разработку зарядов малой и сверхмалой мощности, которые как раз и подходят для его реализации. По сравнению с аналогичным документом 2010 г. вопросу о контроле над ядерными вооружениями придаётся гораздо меньшее значение, хотя необходимость мер на этом направлении не отрицается, как и возможность пролонгации российско-американского соглашения СНВ-3 до 2026 г. В то же время планы Белого дома содержат значительные элементы преемственности с политикой предыдущих администраций, включая модернизацию американского ядерного оружия в Европе, начатую при Б. Обаме, и продолжение практики совместного ядерного планирования с союзниками в рамках НАТО.

Во-вторых, это активное противодействие укреплению «ревизионистских держав» – России и Китая – с помощью широкого набора мер: поддержание и расширение альянсов с американским участием с целью геополитического сдерживания этих государств; оказание политического и экономического давления посредством ограничений и санкций; провоцирование внутренней дестабилизации и т.д. В «Стратегии национальной безопасности США» администрация Д. Трампа открыто провозгласила, что рассматривает растущую технологическую мощь Китая как одну из главных угроз, и обозначила своё намерение резко

ограничить китайские инвестиции в американский высокотехнологичный сектор. Она предупредила американские IT-компании, чтобы те начали сворачивать свои связи с китайскими партнёрами, работающими в сфере критических технологий. Белый дом рассматривает возможность использования законодательства о полномочиях в особых ситуациях, чтобы запретить американским компаниям, которые занимаются разработкой искусственного интеллекта, вступать в партнёрство с китайскими компаниями. В Конгресс внесён законопроект, предусматривающий штрафные санкции для американских фирм, которые будут замечены в передаче Китаю прав интеллектуальной собственности и технологий в чувствительных сферах.

Новые революционные технологии будут оказывать возрастающее влияние на международную политику, особенно в сфере безопасности. Западные политологи ожидают, что конкуренция за лидерство в области революционных технологий лишь укрепит статус США и Китая как сверхдержав. По мнению Ф. Эйсбура, наступление эпохи искусственного интеллекта (ИСИН) повлечёт перераспределение финансовых потоков в мире и трансформацию геополитических альянсов [14, p. 215], а Европа, в широком смысле, сейчас не может рассматриваться как конкурент в борьбе за лидерство в создании искусственного интеллекта. Китай поставил целью стать мировым лидером в этой области к 2030 г., и в последние годы заметно сократил отставание от США. Многие западные аналитики полагают, что создание ИСИН может иметь более серьёзные последствия для человечества, чем изобретение огня или электричества.

Уже сейчас разработка военных технологий качественно нового уровня ведёт к размыванию режимов ряда соглашений по контролю над вооружениями и формированию предпосылок для новой гонки вооружений. Неизвестно, как повлияет на ядерное сдерживание и традиционные механизмы поддержания стратегической стабильности создание систем вооружений, обладающих искусственным интеллектом. Однако уже сейчас разработка в США ударных беспилотников нового поколения ставит вопрос о будущем российско-американского Договора о РСМД 1987 г. Со своей стороны, США обвиняют российскую сторону в нарушении этого соглашения, о чём прямо говорится в документе по ядерной стратегии 2018 г. (Nuclear Posture Review 2018). Некоторые западные эксперты предсказывают прекращение действия данного договора. Они находят подтверждение своим предположениям, в частности, в том, что НАТО уже рассматривает различные возможные меры на случай его денонсации. По мнению директора программы по европейской безопасности СИПРИ И. Энтони, если эти договорные ограничения отпадут, европейские союзники могли бы самостоятельно или совместно с США рассмотреть вопрос о создании баллистических ракет средней дальности для размещения на своей территории [10, p. 70].

Следует заметить, что процесс американского военного планирования, в том числе в разработке вооружений, имеет собственную логику и не подчинён избирательным циклам. Еще в 2014 г. тогдашний министр обороны Ч. Хейгел

объявил о начале разработки «стратегии компенсации» («Offset Strategy»), третьей по счёту в послевоенной истории США. Эта стратегия официально была сформулирована в виде «Оборонной инновационной инициативы». Она призвана гарантировать военно-техническое превосходство США в XXI в. Стратегия предусматривает создание и развёртывание нового поколения военной техники и вооружений – включая кибернетические ударные и разведывательные системы, автономные робототехнические комплексы, такие как воздушные и подводные дроны, – которое способно обнулить преимущества противника в военно-технической сфере и нейтрализовать сильные стороны его систем вооружений. По подсчётам западных экспертов, расходы федерального бюджета США на инновационные технологии в сфере обороны и безопасности выросли в 2015-2017 гг. на 43% в постоянных ценах [18, р. 69]. Упомянутая стратегия нацелена на совершение *революционного* прорыва в создании новых видов вооружений, даже если на это потребуются десятилетие или более длительный срок.

Говоря о глобальных процессах в сфере международной безопасности и американской стратегии, нельзя обойти стороной проблему терроризма. Несмотря на военное поражение «Исламского государства» в Сирии и Ираке, международный терроризм остаётся в числе главных угроз, которые оказывают влияние на международные отношения. Он подпитывается продолжающейся радикализацией религиозных настроений, попытками различных сил использовать в своих целях идеи «политического ислама». С одной стороны, развитие коммуникаций и технологий создаёт новые возможности для распространения террористической угрозы, а с другой, – властям различных государств часто выгодно придавать ей расширительное толкование для решения своих внешне- и внутриполитических задач. В этой ситуации неудивительно, что уже многие годы не удаётся согласовать международно признанное определение терроризма.

В американских документах по национальной безопасности международный терроризм определяется как одна из самых опасных разновидностей транснациональных сетевых угроз. В президентство Д. Трампа США заметно активизировали военные действия против «Исламского государства». Вместе с тем они по-прежнему используют борьбу с террористическими группировками в корыстных целях для решения своих геополитических задач, в том числе для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и в АТР, для вмешательства во внутренние дела отдельных государств. Вопрос о противодействии террористической угрозе используется нынешней администрацией для продвижения в стране своей повестки дня по ужесточению борьбы с нелегальной миграцией. Однако предлагаемые ею меры в этой сфере нередко столь радикальны, ущемляя права отдельных категорий беженцев и мигрантов, что американским судебным инстанциям своими решениями приходится корректировать директивы Белого дома для восстановления законности.

Американская внешняя политика в прошедший период президентства Д. Трампа предоставила новые подтверждения тому, что для США геополити-

ческие императивы важнее либеральных или иных идеологических принципов и норм. 45-й президент внёс больше нового скорее в тактику реализации американских целей в международных делах, нежели в стратегию США, которая в своих ключевых постулатах остаётся неизменной после Второй мировой войны независимо от того, какая администрация находится у власти. Внешняя политика Д. Трампа носит явно менее идеологизированный характер, в ней на первом месте стоят геополитические цели и национальные экономические интересы. Нынешняя администрация продолжила линию своих предшественников на стратегическое соперничество с Россией и Китаем, подтвердила американские обязательства по оборонным пактам и неформальным военным союзам, активизировала усилия против асимметричных сетевых угроз на Ближнем Востоке.

По мнению ряда политологов, адептов идеи «либеральной гегемонии», отказ Д. Трампа в поддержке концепции либерального миропорядка, означает, что его стратегия сохранения американского превосходства оказывается лишённой цели, превращаясь в «вещь в себе». В «Стратегии национальной безопасности США», обнародованной в декабре 2017 г., действительно ничего не говорится о приверженности либеральным ценностям и нормам. Объяснение неприятия Д. Трампом догм либеральной глобализации видимо кроется в нескольких причинах. Во-первых, это уменьшение влияния Вашингтона в многосторонних институтах, регулирующих различные сферы миропорядка, по сравнению с пиком «американской однополярности». Во-вторых, не оправдалась ставка американской элиты на привлекательность «либеральной» гегемонии США для других государств (хотя эта гегемония нередко прикрывается словами об американском лидерстве), а ведь предполагавшаяся притягательная сила этого проекта рассматривалась как ключ к легализации американоцентричного миропорядка. Начатая еще администрацией Дж. Буша-мл. стратегия «демократической трансформации Большого Ближнего Востока» оказалась отторгнутой жизнью, огромные ресурсы, вложенные в неё, не принесли ожидаемых результатов. Однако не только страны ближневосточного региона не приблизились к канонам либеральной демократии, но и в ряде государств Европы, входящих в НАТО и ЕС, стали развиваться обратные тенденции – растут популистские настроения, разгорается политическая борьба вокруг вопроса о соотношении национального суверенитета и международных обязательств (в Великобритании она привела к брекзиту), де-факто ставятся под сомнение некоторые догмы либерально-глобалистской концепции (Венгрия, Польша, Турция).

Стратегия Трампа носит эклектичный характер, совмещая в себе традиционные базовые установки, которых придерживаются США в послевоенный период, с новыми элементами в подходе к международным делам, отражающими интересы той части американского общества и политического класса, которая оказалась ущемлённой в результате возобладания на Западе либерально-глобалистской концепции развития. Такая эклектичность усиливается благодаря транзакционалистскому подходу Трампа к внешней политике, когда политика в

значительной степени начинает строиться по тем же законам, по которым разрабатываются и реализуются сделки в бизнесе. Эта философия, определяемая как «искусство заключать сделки», усвоенная 45-м президентом за годы работы в бизнесе и диктуемая, прежде всего, стремлением к извлечению конкретной материальной выгоды, если и не отменяет полностью идейно-ценностный и проектный подход к выстраиванию приоритетов, целеполаганию и поиску путей и средств для реализации той или иной внешнеполитической задачи, то серьёзно принижает его значение. В этом смысле, как подчёркивал американский политический аналитик Л. Хадар вскоре после президентских выборов 2016 г., внешнеполитическая повестка дня Д. Трампа с её «транзакционной дипломатией» принципиально отличается от «трансформационной дипломатии» Дж. Буша-мл., и Америке придётся забыть о таких задачах, как продвижение свободы по всему миру и помощь в строительстве национальных государств¹⁰.

Вместе с тем за прошедший период президентства взгляды Д. Трампа на некоторые важные проблемы международных отношений эволюционировали в направлении устоявшихся представлений политического истеблишмента страны. Действия Трампа после его прихода в Белый дом демонстрируют, что механизм формирования внешней политики США имеет достаточно сдерживающих рычагов, чтобы если не свести на нет, то серьёзно ослабить любые «антисистемные» претензии тех политических лидеров, которые заявляют о намерении пересмотреть основы американского позиционирования и американского лидерства в мировом порядке. Пожалуй, лишь в инаугурационной речи Д. Трампа и некоторых других выступлениях, которые носят больше декларативно-пропагандистский смысл, эта «антисистемность» выражена более или менее последовательно. В тех же выступлениях президента и ведущих фигур из его окружения – помощника по национальной безопасности, государственного секретаря, министров обороны, финансов, торговли и т.д. – которые посвящены конкретным аспектам политики США на мировой арене, любые претензии на изоляционизм приходится маскировать. Трамп и его окружение вынуждены признавать, что действия внутри международной системы в любом случае не дадут нынешней вашингтонской администрации полностью реализовать свои унилатералистские и протекционистские подходы, если не прибегать к компромиссам с партнёрами. Лозунг «Америка прежде всего» вряд ли сможет превратиться в лозунг «Америка в одиночку».

В этом смысле следует согласиться с президентом Совета по международным отношениям Р. Хаасом, который в послесловии ко второму изданию своей книги «Мировая неразбериха: американская внешняя политика и кризис старого порядка», вышедшему в начале 2018 г., призвал различать действительно имеющий место отказ администрации Д. Трампа от лидерских позиций в формиро-

¹⁰ Hadar L. The Limits of Trump's Transactional Foreign Policy // The National Interest, 2017, January 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-limits-trumps-transactional-foreign-policy-18898> (дата обращения: 17.06.2018).

вании многосторонних институтов мирового порядка и изоляционизм. То, что США под руководством Трампа не являются изоляционистским государством, доказывается, по мнению Хааса, такими фактами, как использование в ограниченном масштабе военной силы в Сирии (к чему не решился прибегнуть предшественник нынешнего президента), угрозы применения силы и новых международных санкций против Ирана и Северной Кореи, использование тарифных и санкционных механизмов против тех или иных торговых партнёров, попытки (правда, малорезультативные) выступать посредником в различных конфликтах на Ближнем Востоке, расширение военной активности Вашингтона в Афганистане [13, р. 313-314].

Анализируя шаги 45-го президента, американский политолог Э. Абрамс делает вывод, что «в сфере внешней политики администрация Трампа всё больше и больше напоминает обычную республиканскую администрацию» [9, р. 13]. Однако далеко не все в американском политическом и экспертном сообществе готовы разделить подобную оценку. Действительно, Д. Трамп отказался от многих догм либерального интернационализма, однако это не сделало его политику безопасности менее гегемонистской, чем у предшественников. Несмотря на резкую критику Б. Обамы за провалы американской внешней политики, нынешний президент так и не смог предложить какую-то иную основу для стратегии США, отличную от гегемонизма.

Хотя это может являться дискуссионным вопросом, но решения Д. Трампа по некоторым многосторонним политическим, торгово-экономическим и экологическим соглашениям отстоят всё-таки достаточно далеко от того подхода, которого США придерживались многие десятилетия. Притягательность примера Соединённых Штатов для других государств традиционно относилась политической элитой этой страны к преимуществам американской внешней политики, и данному вопросу большое внимание уделяла предыдущая администрация. Однако некоторые шаги нынешнего президента в сфере международных отношений, как и внешнеполитический стиль Д. Трампа в целом, свидетельствуют о его скептическом, если не сказать пренебрежительном отношении к тому, что политологи называют «мягкой силой». Принятие администрацией новых драконовских мер по борьбе с нелегальной миграцией, поразивших мир своей антигуманностью, как и объявленный в июне 2018 г. выход США из Совета ООН по правам человека – свежее тому подтверждение. Д. Трамп, как было сказано выше, неоднократно в своих выступлениях угрожал врагам Америки (КНДР и Ирану) применением военной силы, несмотря на то, что Устав ООН призывает государства воздерживаться от подобных угроз.

Россия и США (Запад) исходят из совершенно разной интерпретации недавнего прошлого. Они видят противоположные истоки и причины возникновения нынешней кризисной ситуации в двусторонних отношениях. Определяя в лице РФ и Китая стратегическую угрозу для США, американская политическая элита пытается создать общую платформу для своей консолидации и преодоления рас-

пада двухпартийного консенсуса по ряду принципиальных вопросов, который существовал в стране в послевоенные десятилетия. Резкая идейно-политическая поляризация в США – раскол общества на сторонников президента и его противников, достигший небывалого уровня взаимной нетерпимости, обострение борьбы между республиканцами и демократами, предлагающими разную повестку дня для страны, – подрывает американские претензии на роль мирового лидера. Всё больше вымывается прослойка политиков умеренных взглядов, которая традиционно служила основой для формирования политического консенсуса, и это отражается на расстановке сил в Конгрессе, где ещё резче обозначаются противостоящие фланги – либерально-демократический и консервативно-республиканский. А это делает линию внешнеполитического поведения США ещё более переменчивой и зависимой от партийных пристрастий.

В силу описанных выше тенденций и факторов, приход администрации Д. Трампа и предпринимаемые ею шаги привели к появлению новых вызовов военно-политического характера для России, к усилению давления США на нашу страну, к тому, что санкционное воздействие на неё вышло на качественно новый уровень. Издержки от российско-американской конфронтации для РФ, и особенно её экономики, растут. Российскому политическому классу далеко не сразу удалось изжить иллюзии, что неприятие Трампом либерально-глобалистской парадигмы, его государствоцентристский подход к международным делам, созвучный тем идеям, которые доминируют сегодня в России, якобы естественным путём должны открыть новые шансы для взаимодействия с США и помочь преодолеть кризис во взаимных отношениях. Вместе с тем усилившаяся при администрации Д. Трампа двойственность в подходе к России – ведь причисление её к «ревизионистским державам» означает в то же время признание её растущих возможностей в деле реформирования мирового порядка, в урегулировании кризисных ситуаций в различных регионах мира – это и повод для поиска новых альтернатив конфронтационному развитию отношений, новых сфер, где взаимная выгода от сотрудничества ощущалась бы обеими сторонами.

Список литературы:

1. Антонович И.И. Геополитическая стратегия Дональда Трампа: от панглобализма к националглобализму // *Пространство и время*. 2017. №1 (27). С. 34-44.
2. Арбагов А.Г., Арбатова Н.К. Фактор Трампа в российско-американских отношениях // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 160 –178.
3. Гарбузов В.Н. Трамп: заблокированное президентство // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. №11 (575). С. 5-28.
4. Клепацкий Л.Н. Деглобализация мировой системы // *Международная жизнь*. 2015. № 8. С. 25-45.
5. Ларионова М., Сахаров А., Шелепов А., Рахмангулов М. Внешняя политика Трампа и многосторонние институты коллективного управления // *Экономическое развитие России*. 2017. Т.24, №4. С.31-41.
6. Савкович Е.В., Черепанова И.А. Развитие системы «стратегического и экономического диалога» КНР и США: задачи для администрации Д. Трампа // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 52. С. 53-57.
7. Фукуяма Ф. *Сильное государство*. Управ-

- ление и мировой порядок в XXI веке. Пер. с англ. О.Э. Колесникова, Н.Г. Кротовской, В.С. Кулагинной-Ярцевой, Е.Г. Рудневой, М.А. Султановой, Е.Н. Феединой, Н.А. Цыркун под общей редакцией О.Э. Колесникова. М.: АСТ, 2006, 220 с.
8. Яковлев П.П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Том 61, № 7. С. 5-14.
 9. Abrams E. Trump the Traditionalist // *Foreign Affairs*. July-August 2017. Vol. 96, № 4. Pp. 10-16.
 10. Anthony I. European Security after the INF Treaty // *Survival*. December 2017-January 2018. Vol. 59, № 6. Pp. 61-76.
 11. Brands H. The Unexceptional Superpower: American Grand Strategy in the Age of Trump // *Survival*. December 2017-January 2018. Vol. 59, № 6. Pp. 7-40.
 12. Clarke M., Ricketts A. Donald Trump and American foreign policy: The return of the Jacksonian tradition // *Comparative Strategy*. 2017. Vol. 36, № 4. Pp. 366-379.
 13. Haass R. A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order (with a new afterword). New York, Penguin Books, 2018. 368 pp.
 14. Heisbourg F. War and Peace After the Age of Liberal Globalisation // *Survival*. February-March 2018. Vol. 60, № 1. Pp. 211-228.
 15. Ikenberry J.G. The End of Liberal International Order? // *International Affairs*. 2018. Vol.94, No.1. Pp. 7-23.
 16. Ikenberry J.G. The Plot against American Foreign Policy: Can the Liberal Order Survive? // *Foreign Affairs*. May-June 2017. Vol. 96, № 3. Pp. 2-9.
 17. Lissner R.F., Rapp-Hooper M. The Day after Trump: American Strategy for a New International Order // *The Washington Quarterly*. 2018. Vol. 41, No.1. Pp. 7-25.
 18. Louth J., Taylor T. The US Third Offset Strategy // *The RUSI Journal*. June- July 2016. Vol. 161, № 3. Pp. 66-71.
 19. Posen B.R. The Rise of Illiberal Hegemony: Trump's Surprising Grand Strategy // *Foreign Affairs*. March-April 2018. Vol. 97, № 2. Pp. 20-27.
 20. Schultz K.A. Perils of Polarization for U.S. Foreign Policy // *The Washington Quarterly*. 2018. Vol. 40. Winter. Pp. 7-28.
 21. Stokes D. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order // *International Affairs*. 2018. Vol. 94, No.1. Pp. 133-150.

Об авторах:

Олег Владимирович Приходько – к.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН. Россия, 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3.

E-mail: olegvladim@yandex.ru.

Павел Евгеньевич Смирнов – старший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН. Россия, 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3.

E-mail: smi-pavel@yandex.ru.

PRESIDENT TRUMPS' STRATEGY: CONTINUITY AND NEW APPROACHES

O.V. Prikhodko, P.Ye. Smirnov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-81-109

Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

Abstract: After Donald Trump took office as President of the United States, Washington displays in many respects a new foreign policy philosophy, as well as non-conventional political practices. The 45th President has virtually resigned the liberal globalist paradigm, he is highly sceptical about key transnational institutions of the world order, he would not hesitate to withdraw from key agreements signed by the United States if these agreements do not suit the current team in the White House. Trump's national capitalism, his trade protectionist practices have caused a major crisis between the United States and its partners and allies, enhanced tensions with rival states.

The authors of this article compare basic philosophic and doctrinal elements of Trump's 'grand strategy' and major practical steps by his administration in the foreign and trade policies. The main conclusion from this analysis is that, despite Trump's obvious abdication of the U.S. leadership in the liberal world order and its institutions, he is in no way isolationist within the world system. This applies to everyone who takes office as U.S. President, irrespectively of his/her political views.

Donald Trump's policies in 2017 and the first half of 2018 show that his America First rhetoric, his assurances of not seeking to impose the American way of life on anyone, do not contravene the use of force in conflicts in the U.S. interests, or widening the U.S. military presence abroad if Washington sees a threat to its vital strategic interests. This includes regions adjacent to the Russian frontiers. Power projection, as well as maintaining the U.S. - led security alliances – no matter how deeply they may be divided – is the key element of continuity in Washington's strategy. Increased tensions in the U.S. – Russia and U.S. – China relations are inevitable in these circumstances, since the Trump administration declared them 'revisionist powers'. Getting out of the deep crisis in the U.S. – Russian relationship becomes still more difficult and requires creativity and non-standard approaches.

Key words: U.S. strategy, Donald Trump's foreign policy, Russia, China, Europe, allies, partnerships, world order, power, globalism, nationalism, transactionalism.

References

1. Antonovich I.I. Geopoliticheskaya strategiya Donal`da Trampa: ot panglobalizma k nacionalglobalizmu [Donald Trump's geopolitical strategy: from panglobalism towards national globalisation]. *Prostranstvo i vremya*. 2017, no. 1 (27), pp. 34-44. (In Russian).
2. Arbatov A.G., Arbatova N.K. Faktor Trampa v rossijsko-amerikanskih otnosheniyah [Trump factor in Russia-US relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2017, no. 3, pp. 160-178. (In Russian).
3. Garbuzov V.N. Tramp: blokirovannoe prezidentstvo [Trump: presidency blocked]. *SSHА i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2017, no. 11 (575), pp. 5-28. (In Russian).
4. Klepackij L.N. Deglobalizaciya mirovoj sistemy [Deglobalization of the world system]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015, no. 8, pp. 25-45 (In Russian).
5. Larionova M. Saharov A. Shelepov A. Rahmangulov M. Vneshnyaya politika Trampa i mnogostoronniye instituty kollektivnogo upravleniya [Trump's foreign policy and multilateral institutions of collective governance]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. 2017, no. 4, pp. 31-41. (In Russian).
6. Savkovich Ye.V., Cherepanova I.A. Razvitie sistemy «strategicheskogo i ekonomicheskogo dialoga» KNR i SSHА: zadachi dlya administracii D.Trampa [U.S.- China strategic economic dialogue in progress: tasks for Trump administration]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2018, no. 52, pp. 53-57. (In Russian).
7. Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the 21st Century. New York. Cornell University Press, 2004. 160 pp. (in Russian).
8. Yakovlev. P.P. «Faktor Trampa» i menyayushchisya oblik globalizacii [“The Trump factor» and the changing face of globalization]. *Mirovaya ehkonomika*

- i Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017, vol. 61, no 7, pp. 5–14. (In Russian).
9. Abrams E. Trump the Traditionalist. *Foreign Affairs*. July-August 2017, vol. 96, no. 4, pp. 10-16.
 10. Anthony I. European Security after the INF Treaty. *Survival*. December 2017 - January 2018, vol. 59.no. 6, pp. 61–76.
 11. Brands H. The Unexceptional Superpower: American Grand Strategy in the Age of Trump. *Survival*. December 2017-January 2018, vol. 59, no. 6, pp. 7-40.
 12. Clarke M., Ricketts A. Donald Trump and American foreign policy: The return of the Jacksonian tradition. *Comparative Strategy*. 2017, vol. 36, no. 4, pp. 366-379.
 13. Haass R. *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order (with a new afterword)*. New York, Penguin Books, 2018. 368 pp.
 14. Heisbourg F. War and Peace After the Age of Liberal Globalisation. *Survival*. February-March 2018, vol. 60, no. 1, pp. 211-228.
 15. Ikenberry J.G. The End of Liberal International Order? *International Affairs*, 2018, vol. 94, no.1, pp. 7-23.
 16. Ikenberry J.G. The Plot against American Foreign Policy: Can the Liberal Order Survive? *Foreign Affairs*. May-June 2017, vol. 96, no. 3, pp. 2-9.
 17. Lissner R.F., Rapp-Hooper M. The Day after Trump: American Strategy for a New International Order. *The Washington Quarterly*. 2018, vol. 41, no.1, pp. 7-25.
 18. Louth J., Taylor T. The US Third Offset Strategy. *The RUSI Journal*. June-July 2016, vol. 161, no. 3, pp. 66-71.
 19. Posen B.R. The Rise of Illiberal Hegemony: Trump's Surprising Grand Strategy. *Foreign Affairs*. March–April 2018, vol. 97, no. 2, pp. 20-27.
 20. Schultz K.A. Perils of Polarization for U.S. Foreign Policy. *The Washington Quarterly*. 2018, vol. 40, no. 4, pp. 7-28.
 21. Stokes D. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order. *International Affairs*. 2018, vol. 94, no.1, pp. 133-150.

About the authors:

Oleg V. Prikhodko – Ph.D. in history, leading research fellow, Department for Foreign Policy Studies, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russia. E-mail: olegvladim@yandex.ru.

Pavel Ye. Smirnov – senior research fellow, Department for Foreign Policy Studies, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russia. E-mail: smi-pavel@yandex.ru.

БЛОКИРОВАНИЕ ПОМОЩИ КАК ЭЛЕМЕНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ США: DE JURE И DE FACTO

В.И. Бартенеv

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Среди всех стран мира США являются безоговорочным лидером по масштабам применения экономических инструментов для обеспечения национальных интересов – как посредством поощрения зарубежных государств за соблюдение установленных Вашингтоном правил, так и для наказания тех, чьё поведение отклоняется от них. Одним из таких механизмов глобального контроля является внешняя помощь, проблеме блокирования которой посвящена данная статья. В первой её части произведены каталогизация и типологический анализ содержащихся в американском законодательстве универсальных (не привязанных к конкретным странам) ограничений на оказание иностранной помощи. Предложена авторская классификация запретов, которая подходит для описания как двусторонней, так и многосторонней помощи и делает акцент на том, чем обусловлено их введение – действиями страны-реципиента, наносящими ущерб экономическим интересам США, факторами, связанными с её внутривнутриполитической жизнью, или же внешнеполитическими акциями. Предложено также дифференцировать ограничения внутри групп, исходя из того, обусловлены они действиями страны – получателя помощи непосредственно против США или её политикой в целом. Во второй части статьи дана оценка последовательности в применении важнейших ограничений на практике. Выявлено, что через механизмы блокирования помощи США создали параллельный (по отношению к международным нормам) правовой режим, с целью более эффективного управления поведением других государств. Большинство действующих ограничений были введены в период холодной войны и при этом вне связи с императивами биполярности, что иллюстрирует преобладание в глобальной политике США в XX-XXI вв. Их появление предопределила не только диверсификация внешних угроз интересам США, но и логика внутривнутриполитических процессов – стремление членов Конгресса ограничить свободу действий исполнительной власти. Вместе с тем президенту предоставлено право обходить большинство ограничений при наличии определённых политико-стратегических оснований, что позволяет администрации применять их крайне избирательно. Это, впрочем, не устраняет потенциального риска прекращения помощи, который может удерживать реципиентов от тех или иных действий. Однако в последние

УДК 327.81

Поступила в редакцию 30.09.2018 г.

Принята к публикации 30.11.2018 г.

годы эффективность применения США механизмов блокирования помощи как элемента принуждения неуклонно сокращается по мере усиления незападных доноров – в первую очередь, Китая, России, арабских стран, Турции.

Ключевые слова: США, внешняя помощь, экономические санкции, девиантное поведение, принуждение, экспроприация, государственный переворот, права человека, терроризм, ядерное нераспространение

Приход к власти в США бизнесмена Д. Трампа повлек за собой зримое расширение масштабов использования в американской внешней политике элементов неприкрытого торга и шантажа. Среди прочего нынешний глава Белого дома демонстрирует высокую степень готовности использовать такой специфический вид санкций, как блокирование помощи, ориентированный на принуждение стран-реципиентов к изменению их внутренней или внешней политики и превращающий возвращение к статус-кво (снятие ограничений и возобновление помощи) в акт поощрения государства – объекта воздействия. Пакистан, Египет, Палестина, страны, опротестовавшие в Генеральной Ассамблее ООН решение Д. Трампа признать Иерусалим столицей Израиля, – вот лишь неполный список тех, кто уже испытал на себе действие этого политико-экономического рычага со стороны США, и есть все основания полагать, что в ближайшем будущем он будет пополняться.

Вместе с тем Д. Трамп отнюдь не является первопроходцем в использовании этого инструмента. США, как известно, уже давно снискали себе славу государства, которое наиболее широко задействует механизм односторонних экономических санкций для наказания зарубежных государств за поведение, отклоняющееся от установленных ими стандартов. При этом, будучи одним из пионеров в области оказания помощи развивающимся странам и на протяжении большей части послевоенной истории удерживая позиции крупнейшего донора в мире, США применяют механизм прекращения помощи не ситуативно, а опираясь на мощный правовой фундамент – пожалуй, самый внушительный среди всех стран земного шара. Большинство соответствующих ограничений, действующих сегодня, было закреплено в американском законодательстве около полувека тому назад, – в 1960-70-е гг., став значимым, но сравнительно мало изученным элементом внешнеполитического инструментария США, который заслуживает детального рассмотрения.

Международная и отдельно американская практики применения экономических санкций пользуются большим спросом в научном мире. Труды представителей Института мировой экономики Петерсона во главе с Г. Хуфбауэром [17], Д. Дрезнера [18], Р. Пэйпа [25] и других учёных, предметно занимавшихся этим вопросом, вошли в «золотой фонд» исследований в области международной политической экономики. В отечественной литературе санкционная тематика преимущественно рассматривалась в рамках не крупных исследований, а отдельных

глав в монографиях и научных статей. Предметом изучения при этом становилась как система санкций в совокупности (труды М.В. Братерского [2, с. 84-128], А.Р. Шакирова [6]), так и отдельные их виды (например, исследование Ю.А. Седляра [3]). Обращает на себя внимание закономерный всплеск интереса к феномену санкций в последние годы в условиях применения данного инструмента против России, и статьи профессора Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского Д.Г. Балужева [1] и программного директора РСМД И.Н. Тимофеева [4] – яркие тому подтверждения. Однако несмотря на значительный исследовательский интерес, сюжет блокирования помощи в этих исследованиях, если и рассматривался, то только опосредованно, чаще всего – в более широком контексте использования Соединёнными Штатами всего комплекса рестриктивных мер при сохранении основного фокуса на торгово-экономических санкциях.

Учёные же, изучавшие политику США в области оказания внешней помощи – как зарубежные (Р. Кэллауэй и Э. Мэтьюз [11]; К. Ланкастер [12]; Дж. Меерник, Э. Крюгер, С. По [21] и др.), так и отечественные (например, тот же А.Р. Шакиров [7]), в большинстве своём обходили этот сюжет стороной, предпочитая фокусироваться на фактах предоставления, а не блокирования (*prohibition*) или временного замораживания (*suspension*) помощи. Данные вопросы затрагивались преимущественно только в исследованиях, посвящённых изучению практики политически обусловленной помощи (например, трудах Г. Кроуфорда [13; 14]), где предъявляемые страной-донором к конкретной стране (или группе стран) требования носят специфический характер и привязаны к отдельному финансовому пакету, имеют ограниченные масштабы и временной горизонт применения. Наконец, во всех публикациях, за исключением отдельных статей в американских юридических журналах, часть которых была опубликована ещё в годы холодной войны [9; 17; 25; 31], вне фокуса внимания оставались нормативно-правовые аспекты рассматриваемого вопроса.

В данной статье мы постараемся пойти по ещё не проторенному пути и обобщить опыт США в области кодификации ограничений на оказание помощи зарубежным странам, а также их применения на практике. Статья состоит из двух крупных разделов. В первом будут представлены результаты каталогизации и типологизации многочисленных ограничений, закреплённых в американском законодательстве, совокупность которых, на первый взгляд, напоминает лоскутное одеяло, но на самом деле – при наличии определённых «ключей дешифровки» – образует достаточно логичную систему, выполняющую функцию глобального контроля за всеми наиболее важными для США сферами деятельности стран-реципиентов. Во втором разделе будет дана оценка последовательности применения наиболее значимых для мировой политики и экономики ограничений на оказание помощи в рамках каждой из трёх выделенных групп различными американскими администрациями, что позволит более точно оценить их роль во внешней политике США.

Поставленная цель будет достигаться на материале запретов универсального характера. Ограничения, имеющие конкретную страновую или региональную привязку, принципиально рассматриваться не будут, ибо их сведение в единый перечень – самостоятельная научная задача, решить которую в рамках одной статьи попросту не представляется возможным. По тем же соображениям не будет ставиться и традиционный для исследований, посвящённых санкционной тематике, вопрос о результативности применявшихся США рестриктивных мер.

Тем не менее и с учётом двух этих оговорок разработка заявленной проблематики может иметь очевидную практическую значимость – на фоне развязанной США и их союзниками санкционной кампании против Российской Федерации, с одной стороны, и с учётом все более активного применения механизмов оказания внешней помощи самой Россией, с другой.

Типология действующих универсальных ограничений

С самых первых лет формирования в США системы оказания иностранной помощи на регулярной основе на заре холодной войны Конгресс пытался вводить ограничения на её предоставление. Так, например, Закон о контроле за оказанием взаимной военной помощи 1951 г.¹ обязывал прекратить оказание помощи любой стране, которая поставляла подконтрольным СССР странам оружие и боеприпасы, до тех пор, пока президент не заверит, что такого рода поставки не представляют угрозы для национальной безопасности США.

Такого рода ограничения определённое время были, скорее исключением, и получили широкое распространение только после принятия в 1961 г. Конгрессом США Закона об иностранной помощи, ставшего первым в мире правовым актом подобного рода². Под «иностранной помощью» в нём понимается более широкий набор элементов, чем в других развитых странах, который включает в себя гранты, займы, поставки по льготным ценам, кредиты (экспортные или инвестиционные), а также гарантии. При этом закон регулирует использование как экономической помощи (включая средства программы «Фонд экономической поддержки» (Economic Support Funds – ESF), политико-стратегической по своему целевому назначению³), так и военной помощи (включающей в себя гранты на поставки вооружений, средства на программы обучения и подготовки военных специалистов зарубежных стран, финансирование международных миротворческих операций, а также выдачу кредитов или гарантий под поставки вооружений и экспортных лицензий), а также помощи в области безопасности.

¹ Mutual Defense Assistance Control Act of 1951. Pub. L. 213. 65 Stat. 644-647. 06.10.1951.

² Изначальная версия: Foreign Assistance Act of 1961. Pub. L. 87-195. 75 Stat. 424-2. 04.09.1961. Текущая версия: Foreign Assistance Act of 1961, as amended through Pub. L. 115-141, 23.03.2018. (Далее – FAA).

³ Согласно ст. 531 FAA, средства данной программы предоставляются в особо крупных объемах, которые не могут быть обоснованы исключительно нуждами стран-реципиентов в развитии, в целях поддержания экономической и политической стабильности. Крупнейшие получатели помощи по этой статье с момента подписания Кэмп-Дэвидских соглашений – Израиль и Египет.

Закон 1961 г. за свою более чем полувековую историю оброс бесчисленным множеством поправок. Многие из них перекочёвывали в него из других нормативно-правовых актов, регулировавших те или иные функциональные или региональные направления внешней политики, и ежегодных законов об ассигнованиях. Если изначальная версия Закона занимала 40 страниц, то в 2018 г. – уже 284. При этом приращение объёма документа произошло в том числе и за счёт введения дополнительных ограничений на оказание помощи. Часть из них с самого начала имела универсальный характер, другая касалась отдельных стран или групп стран⁴. Если в 1961 г. все ограничения были приведены в четырёх пунктах, то уже к середине 1970-х гг. для их перечисления не хватало букв английского алфавита, а число соответствующих статей выросло на порядок.

Как следствие, уже много десятилетий Закон 1961 г. подвергается критике за избыточную сложность, фрагментарность и несоответствие требованиям времени. Некоторые его статьи, и правда, безнадежно устарели, – чего стоит хотя бы присутствующая в текущей версии закона статья, из текста которой следует, что советские войска все ещё находятся на территории Афганистана (ст. 620E).

Действие Закона, однако, не распространяется на весь спектр видов предоставления ресурсов иностранным государствам на безвозмездной или льготной основе, и отдельные значимые направления, например, многосторонняя или продовольственная помощь, регулируются в США другими нормативно-правовыми актами. В их числе: Закон об Экспортно-импортном банке 1945 г.⁵, Закон о содействии торговле и помощи сельскохозяйственным товарам 1954 г.⁶, Закон о Корпусе мира 1961 г.⁷, Закон о торговле 1974 г.⁸ Закон о контроле за экспортом вооружений 1976 г.⁹, Закон о международных финансовых институтах 1977 г.¹⁰, Закон о Корпорации тысячелетия 2003 г.¹¹ и ряд других. В эти законы также время от времени вносились поправки, оговаривавшие условия блокирования внешней помощи.

Поскольку каждая такая поправка отражала изменения в представлениях американских законодателей о целях, стоящих перед внешней политикой США, и методах их достижения, задача каталогизации интересующих нас запретов могла

⁴ Так, например, с момента принятия Закона в 1961 г. в нём отдельно фигурировала Куба (ст. 620a). Более того, вплоть до 1965 г. вся глава, посвящённая ограничениям, называлась «Запреты на предоставление помощи Кубе и некоторым другим зарубежным странам», что иллюстрировало поистине беспрецедентную степень внимания американских властей к кубинскому вопросу в тот период. За несколько месяцев до принятия Закона FAA-1961 правительство Ф. Кастро сумело отстоять победу Революции 1959 г., отразив организованное США вторжение антикастристов в Заливе Свиней, и объявить о своей социалистической ориентации. Ответом США на это стал запрет на оказание помощи нынешнему правительству Кубы, подкреплённый полным эмбарго на торговлю между США и Кубой.

⁵ Изначальная версия: Export-Import Bank Act. Pub. L. 79-173. 59 Stat. 526. 31.07.1945.

⁶ Agricultural Trade Development and Assistance Act. Pub. L. 83-480. 68 Stat. 454. 10.07.1954.

⁷ Peace Corps Act. Pub. L. 87-293. 75 Stat. 612. 22.09.1961.

⁸ Trade Act of 1974 (Pub. L. 93-618. 88 Stat. 1978. 03.01.1975).

⁹ Arms Export Control Act of 1976. Pub. L. 90-629 – as amended through Pub. L. 113-296, 19.12.2014.

¹⁰ Изначальная версия: International Financial Institutions Act. Pub. L. 95-118. 03.10.1977. Текущая версия: International Financial Institutions Act of 1977, as amended through P.L. 113-188. 26.11.2014].

¹¹ Millennium Challenge Act of 2003. Title V of the Consolidated Appropriations Act of 2004. Pub. L. 108-199. 118 Stat. 4. 23.01.2004.

бы решаться посредством их перечисления в хронологической последовательности. Однако результатом этого стало бы как раз воспроизведение того сложно уловимого узора на лоскутном одеяле, сотканного усилиями нескольких поколений членов Конгресса, который они сами подчас не могут распознать. Поскольку наша цель – представить «корпус» ограничений и запретов в виде понятной системы, – формат каталога будет определяться императивами типологизации. Информация о дате введения того или иного запрета будет иметь в целом вспомогательный характер по отношению к типу ограничения.

«Корпус» из нескольких десятков универсальных запретов на оказание помощи зарубежным странам, кодифицированных в американском законодательстве и действующих по сей день, с нашей точки зрения, удобнее всего представить в виде комплекса из трёх крупных блоков ограничений. Первый блок объединяет ограничения, налагаемые из-за действий страны-реципиента, наносящих ущерб экономическим интересам США, второй – запреты, вводимые из-за факторов, имеющих отношение к её внутривнутриполитической жизни, третий – ограничения, обусловленные её внешнеполитической деятельностью. Отдельную группу составляют теоретически допустимые и выявляемые эмпирически «гибридные» ограничения, которые обусловлены сразу несколькими типами факторов.

В каждом из трёх блоков (групп) выделяются две подкатегории (подгруппы), исходя из того, что именно становится триггером для введения ограничений – антиамериканские акции страны-реципиента или её политика (внутренняя или внешняя) в целом, безотносительно США. Логика разделения выдерживается независимо от того, идёт ли речь о целенаправленных действиях, стихийных процессах, которые в ней происходят, или же государственном строе как таковом.

Часть ограничений распространяется как на двустороннюю помощь, предоставляемую США стране-реципиенту напрямую, так и на многостороннюю, оказываемую по каналам международных организаций, в первую очередь, многосторонних банков развития. В случае с двусторонней помощью речь идёт об обязательствах, налагаемых Конгрессом на президента или госсекретаря, а в случае с многосторонней – на министра финансов, который должен, в свою очередь, поручить представителям США в международных финансовых институтах блокировать заявки на предоставление средств государствам, совершающим те или иные девиантные (в понимании американских законодателей) действия.

Для единовременного осуществления типологизации и каталогизации в классификаторе используются краткие обозначения ограничений, передающие их суть, которые сопровождаются некоторыми обязательными атрибутивными признаками. В их числе – дата введения, ссылка на соответствующий нормативно-правовой документ, а также указание на наличие или отсутствие у исполнительной власти предоставленного Конгрессом права осуществить временное «изъятие» (waiver), то есть вывести ту или иную страну-реципиента из-под действия ограничения по тем или иным причинам. Остальная информация, исходя

из целей и задач статьи, носит второстепенный характер, и представлена преимущественно в подстрочных примечаниях.

Итак, построенный в соответствии с представленными выше методологическими принципами и критериями классификатор выглядит следующим образом:

Таблица 1. Классификатор универсальных ограничений на оказание помощи зарубежным странам, кодифицированных в американском законодательстве.
Table 1. Classifier of universal (non-country-specific) restrictions on foreign assistance, codified in the US legislation.

№п/п	Конкретная причина введения ограничения	Дата введения ограничения	Норма закона	Право на изъятие
РАЗДЕЛ I. ОГРАНИЧЕНИЯ НА ОКАЗАНИЕ ДВУСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ				
Группа 1.1 – Ограничения, обусловленные действиями страны-реципиента, наносящими ущерб экономическим интересам США				
<i>Подгруппа 1.1.1 Ограничения, обусловленные антиамериканскими действиями страны-реципиента</i>				
1	неуплата долга ¹² перед американскими физическими или юридическими лицами	1961	FAA, Ст. 620с	+
2	отказ от ограничения экспорта промышленной продукции, произведенной на построенных с помощью США предприятиях, на американский рынок ¹³	1961	FAA, Ст. 620d	+
3	национализация, экспроприация американской собственности, разрыв или аннулирование действующих соглашений с американскими физическими или юридическими лицами	1962	FAA, Ст. 620е	+
4	использование помощи со стороны США для выплаты средств собственникам экспроприированной или национализированной американской собственности ¹⁴	1962	FAA, Ст. 620g	+
5	отказ от подписания с США соглашения о защите инвестиций от рисков неконвертируемости валют, экспроприации и конфискации	1963	FAA, Ст. 620l	-
6	действия против американских рыболовецких судов в международных водах ¹⁵	1965	FAA, Ст. 620o	-
7	нанесение ущерба американской собственности в ходе уличных беспорядков¹⁶	1967	FAA, Ст. 620j	-
8	прекращения обслуживания задолженности по предоставленным США льготным займам ¹⁷	1966	FAA, Ст. 620q	+

¹² Речь идёт о задолженности за поставленные товары и услуги при условии, что все законные способы добиться возврата задолженности исчерпаны и при этом долг не отрицается и не оспаривается правительством страны-должника.

¹³ Запрет вводится на оказание помощи для строительства или учреждения любого промышленного предприятия в развивающейся стране, которое будет конкурировать с американским предприятием, если правительство этой страны не согласится ограничить экспорт в США более чем 20% от годового объёма произведенной таким предприятием продукции в течение срока действия займа.

¹⁴ С 1985 г. действует специальная оговорка о том, что этот запрет не должен распространяться на помощь, которая используется для компенсации потерь, понесенных владельцами такой собственности при проведении земельной реформы, в случае, если президент США посчитает, что такая помощь будет способствовать продвижению американских национальных интересов.

¹⁵ Захват, наложение штрафа или санкций на американское рыболовецкое судно, находящееся в международных водах (за исключением случаев, где режим рыбной ловли ограничен теми или иными международными соглашениями, участниками которых являются Соединённые Штаты).

¹⁶ Запрет налагается на страну, которая допускает или не предпринимает адекватных мер для предотвращения нанесения ущерба или уничтожения американской собственности в ходе уличных беспорядков, предотвращения повторения таких действий в будущем и выплаты адекватной компенсации за нанесенный ущерб.

¹⁷ В течение более полугода.

<i>Подгруппа 1.1.2. Ограничения, обусловленные политикой страны-реципиента в целом</i>				
9	невыполнение обязательств по взносам в регулярный бюджет ООН	1967	FAA, Ст. 620u	+ ¹⁸
Группа 1.2 – Ограничения, обусловленные факторами, связанными со внутривнутриполитической жизнью страны-реципиента				
<i>Подгруппа 1.1.3 Ограничения, обусловленные политикой страны в целом</i>				
10	коммунистический режим	1962	FAA, Ст. 620f	+
11	приверженность марксистско-ленинской идеологии ¹⁹	1986	Закон об Экспортно-импортном банке 1945 г., Ст.2 (b) 2	+
12	препятствование эмиграции	1974	Ст. 402 Закона о торговле	+ ²⁰
13	грубые нарушения прав человека ²¹	1974 ²² 1975 ²³ 1997 ²⁴	FAA, Ст. 502B FAA, Ст. 116A P.L. 105–118. 111 Stat. 2387.	+ + +

¹⁸ Президент должен предоставить спикерам обеих палат Конгресса отчёт, в котором должно быть либо зафиксировано обещание страны-получателя выполнить эти обязательства, либо дано детальное объяснение чрезвычайных обстоятельств, воспрепятствовавших их исполнению.

¹⁹ Речь идёт о запрете на предоставление кредитов, гарантий по кредитам или страхование экспортных кредитов странам, придерживающимся марксистско-ленинской идеологии, а также любым другим странам, в случае если руководителям Экспортно-импортного банка США становится известно, что конечными бенефициарами сделки являются страны, придерживающиеся марксистско-ленинской идеологии. К данной категории были отнесены страны с плановой экономикой, основанной на принципах марксизма-ленинизма, а также государства, которые в экономическом или военном отношении зависят от таких стран. Текущая версия списка включает Китай, Тибет (в законе упомянут отдельно – В.Б.), Вьетнам, КНДР, Кубу, а также Демократическую Республику Афганистан, изменившую своё официальное название ещё в 1987 г. (!).

²⁰ Данное ограничение вошло в историю как поправка Джексона-Вэника. Она налагала запрет на предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле, государственные кредиты и кредитные гарантии (по линии Экспортно-импортного банка США и Корпорации частных зарубежных инвестиций) странам с нерыночной экономикой, которые нарушают или серьезно ограничивают права своих граждан на эмиграцию, а также другие права человека. Де-факто поправка после введения в СССР свободы миграции 1987 г. утратила свое значение, и с 1989 г. президенты США неизменно накладывали на нее мораторий – сначала в отношении Советского Союза, затем в отношении России и других постсоветских республик. Однако до сих пор она была официально отменена лишь в отношении девяти стран бывшего СССР – Латвии, Литвы и Эстонии (1991), Киргизии (2000), Грузии (2000), Армении (2004), Украины (2005), России и Молдовы (2012)). В отношении Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана поправка Джексона-Вэника продолжает действовать до сих пор. КНР была официально выведена из-под действия поправки в конце 1990-х гг. в связи с подготовкой к вступлению Китая в ВТО.

²¹ В их числе – применение пыток или жестокое, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение, длительное задержание без предъявления обвинений, приводящее к исчезновению и тайному удержанию людей или другие посягательства на права на жизнь, свободу и безопасность личности.

²² Запрет на оказание помощи в области безопасности.

²³ Запрет на оказание экономической помощи.

²⁴ Запрет на оказание помощи отдельным подразделениям служб безопасности развивающихся стран (Поправки Лихи, предложенные сенатором-демократом П. Лихи (штат Вермонт) во второй половине 1990-х гг. Первая поправка, зафиксированная в Законе об ассигнованиях на внешние операции на 1998 фин. г. (Sec. 570 of the Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act, 1998 (P.L. 105–118. 111 Stat. 2387. 26.11.1997), ограничивала осуществление поставок военной продукции любому подразделению служб безопасности зарубежной страны по программам, координируемым Госдепартаментом в соответствии с Законом 1961 г. и Законом о контроле за экспортом вооружений 1976 г., при наличии убедительных доказательств серьезного нарушения этим подразделением прав человека. Действие ограничения должно было продлеваться каждый год, но в течение года снято быть не могло. Возобновить поставки можно было лишь в случае предъявления госсекретарем доказательств привлечения нарушителей правительством страны-реципиента к судебной ответственности. Вторая поправка касалась программ помощи в области безопасности, финансируемых Министерством обороны США. Суть её была той же, но при этом весьма показательно, что министр обороны, в отличие от государственного секретаря, имел право обойти указанное ограничение (по согласованию с государственным секретарем) «в чрезвычайных обстоятельствах».

14	перенаправление ресурсов помощи развитию на военные нужды ²⁵	1965	FAA, Ст. 620s	-
15	государственный переворот, в котором решающую роль играют военные	1985 ²⁶	Ежегодный закон об ассигнованиях, Ст. 7008	-
16	отсутствие должного контроля за оборотом наркотиков ²⁷	1992	FAA, Ст. 490	+
Группа 1.3 – Ограничения, обусловленные внешнеполитической деятельностью страны-реципиента				
<i>Подгруппа 1.3.1 – Ограничения, обусловленные антиамериканскими действиями</i>				
17	разрыв дипломатических отношений с США ²⁸	1967	FAA, Ст. 620t	-
18	препятствование поставкам американской гуманитарной помощи	1996	FAA, Ст. 620l	+
Подгруппа 1.3.2 – Ограничения, обусловленные политикой страны-реципиента в целом				
19	использование американской помощи для содействия реализации проектов, финансируемых коммунистическими странами	1962	FAA, Ст. 620h	-
20	нарушение режима ядерного нераспространения	1976-77	Закон о контроле за экспортом вооружений 1976 г., ст. 101 ²⁹ и ст. 102 ³⁰	+ ³¹
21	поддержка международного терроризма	1976 ³²	FAA, Ст. 620A	+ ³³

²⁵ В сегодняшней редакции это положение гласит, что президент должен перед принятием решения о выделении помощи той или иной стране учитывать долю расходов на оборону в бюджете и степень использования золотовалютных резервов для покупки систем вооружений (Ст. 620s).

²⁶ С 1985 по 2009 г. речь шла просто о военном перевороте. Уточнение потребовалось в связи с событиями в Гондурасе 2009 г. (см. раздел II).

²⁷ Ограничение проистекало из предписания удерживать не менее 50% средств любой программы помощи, утвержденной президентом для стран, являющихся крупными производителями или транзитерами наркотиков, а также пяти стран – крупнейших экспортёров псевдоэфедрина, эфедрина и фенилпропаноламина и пяти стран – крупнейших импортеров вышеуказанных веществ и демонстрирующих наивысший уровень перенаправления этих веществ на нелегальное производство метамfetамина (либо в этих странах, либо за их пределами).

²⁸ Запрет распространяется и на оказание помощи странам, которые разорвали дипломатические отношения с США и на те, с которыми США разорвали дипломатические отношения – до их официального возобновления.

²⁹ Поправка Саймингтона – налагает запрет на предоставление помощи, странам, которые экспортируют или импортируют оборудование, материалы, или технологии, используемые в обогащении урана и которые до осуществления такой поставки не заключили с МАГАТЭ соответствующего соглашения о гарантиях. Президенту предоставлялось право обойти данный запрет, направив спикеру палаты представителей и в Комитет по международным отношениям Сената заверения том, что блокирование помощи нанесёт серьёзный ущерб жизненно важным интересам США или что от соответствующей стороны получены гарантии того, что она не будет приобретать или разрабатывать ядерное оружие или помогать другим странам делать это.

³⁰ Поправка Гленна – налагает запрет на предоставление помощи (кроме продовольственной и гуманитарной) странам, осуществляющим трансфер оборудования, материалов и технологий, используемых в процессе переработки ядерного топлива, а также ядерным государствам, осуществившим трансфер неядерному государству ядерного боезаряда или передавшим им любую информацию, имеющую важное значение для разработки ядерного боезаряда, а также неядерным государствам, приобретшим или испытывавшим ядерный боезаряд.

³¹ Президент мог обойти и этот запрет, в случае если введение таких санкций будет препятствовать достижению США целей в области нераспространения или любым другим образом ставить под угрозу коллективную безопасность.

³² Первоначально запрет налагался на оказание США любой помощи на срок не менее года стране, которая предоставляет убежище международным террористам. При этом предоставление помощи каждому следующему террористу или террористической организации продлевало этот срок ещё на год (Sec. 303 of the International Security Assistance and Arms Export Control Act of 1976. Pub. L. 94-329. 90 Stat. 729. 30.06.1976). Та же статья обязывала госсекретаря ежегодно составлять список стран, «неоднократно оказывавших поддержку актам международного терроризма».

³³ Идентичный запрет содержится и в отдельном Законе о вызовах тысячелетия 2003 г., принятом администрацией Дж. Буша-мл. и предоставившем Корпорации вызовов тысячелетия право дополнительно ограничивать помощь странам-спонсорам терроризма, но только после введения соответствующих ограничений на основании Закона

22	оказание экономической и военной помощи странам-спонсорам международного терроризма	1996	FAA, Ст. 620G и Ст. 620H	+ ³⁴
РАЗДЕЛ II. ОГРАНИЧЕНИЯ НА ОКАЗАНИЕ МНОГОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ				
Группа 2.1 – Ограничения, обусловленные действиями страны-реципиента, наносящими ущерб экономическим интересам США				
<i>Подгруппа 2.1.1 Ограничения, обусловленные антиамериканскими действиями страны-реципиента</i>				
23	экспроприация американской собственности	1972	IFIA, Ст. 701	-
Группа 2.2 – Ограничения, обусловленные факторами, связанными с внутривнутриполитической жизнью страны-реципиента				
<i>Подгруппа 2.2.1 Ограничения, обусловленные политикой страны-реципиента в целом</i>				
24	грубые нарушения прав человека	1972	IFIA, Ст. 701	+ ³⁵
25	отсутствие должного контроля за оборотом наркотиков	1992	FAA, Ст. 490 (2)	+
Группа 2.3 – Ограничения, обусловленные внешнеполитической деятельностью страны-реципиента				
<i>Подгруппа 2.3.1 Ограничения, обусловленные политикой страны-реципиента в целом</i>				
26	поддержка международного терроризма	1996	IFIA, Ст. 1621	-
27	нарушение режима ядерного нераспространения	1976-1977	Закон о контроле за экспортом вооружений 1976 г., Ст. 101-102	+

Как хорошо видно из приведенной выше таблицы, большая часть действующих сегодня универсальных ограничений на оказание двусторонней (19 запретов из 22-х) и многосторонней (три запрета из пяти) помощи были введены ещё в эпоху холодной войны. Абсолютное большинство их – 13 (считая ограничения как на двустороннюю, так и на многостороннюю помощь) – пришлось на 1960-е гг., семь – на 1970-е гг., и, наконец, лишь два – на 1980-е гг.

Такое неравномерное распределение по десятилетиям объясняется, в первую очередь, изменениями международного контекста. Введение части ограничений в 1960-е гг. так или иначе предопределялось логикой глобального противостояния двух систем – запреты были призваны «наказать» страны, избравшие социалистический путь развития или продемонстрировавшие стремление осуществлять не дружественные по отношению к США действия.

Особое внимание в тот момент было приковано к Латинской Америке. Кубинская революция 1959 г. и ее «долгое эхо» в Западном полушарии продемонстрировали реальность нанесения экономического ущерба интересам США. Американский бизнес испытал настоящий шок от действий режима Ф. Кастро по национализации и экспроприации американской собственности на Кубе (на общую сумму около 1,8 млрд долл.) в 1959-60 гг., и действий правительства Бразилии, издавшего 16 февраля 1962 г. декрет об экспроприации без должной

об иностранной помощи. При этом права на мораторий президенту США не предоставляется, а оценка необходимости сохранения ограничений производится каждый финансовый год (Sec. 607 of the Millennium Challenge Act of 2003. Title V of the Consolidated Appropriations Act of 2004. Pub. L. 108-199. 118 STAT. 4. 23.01.2004).

³⁴ Изъятие могло осуществляться, исходя из интересов национальной безопасности или гуманитарных соображений. В последнем случае президент обязан предоставить за 15 дней профильному комитету Конгресса отчёт о структуре помощи, её объёмах и объяснить, как именно она будет способствовать продвижению национальных интересов США.

³⁵ Кроме программ, направленных на удовлетворение базовых нужд населения страны-реципиента.

компенсации собственности филиала IT&T. Крупнейшие американские корпорации, включая саму IT&T, Standard Oil (N.J.), United Fruit, Техасо, а также такие организации как Национальный совет по внешней торговле и Торговая палата США инициировали мощную и успешную кампанию за принятие правительством односторонних защитных мер от подобных действий иностранных государств [9, с. 839]. По свидетельству Л. Шульца, главным лоббистом принятия соответствующей «поправки Хикенлупера» (предложенной в 1962 г. сенатором-республиканцем из Айовы Б.Б. Хикенлупером) выступила United Fruit, опасавшаяся конфискации её собственности в Гондурасе [28, с. 426].

Введение других универсальных ограничений стало реакцией на действия конкретных стран в отдельных регионах мира, никак не связанные с главным глобальным конфликтом. Так, например, в первой половине 1960-х гг. многие государства региона (Мексика, Колумбия, Эквадор, Сальвадор, Гондурас, Панама, Перу) регулярно задерживали и штрафовали американские рыболовецкие суда в водах за пределами их территориальных вод, что вызывало крайнее недовольство и у правительства США, и у членов Конгресса, посчитавших необходимым отреагировать на такие действия посредством включения отдельного запрета на оказание помощи нарушителям в Закон о внешней помощи. Ограничения же на предоставление помощи стране после разрыва дипломатических отношений и нанесения ущерба американской собственности в ходе уличных беспорядков стали реакцией на события, произошедшие в 1967 г. в арабском мире на фоне Шестидневной войны, а именно на разрыв Египтом и рядом других стран отношений с США – и нападение разъярённой толпы на американское дипломатическое представительство в Бенгази (Ливия).

В 1970-е гг. – на фоне общей разрядки международной напряжённости – влияние холодной войны на ситуацию в рассматриваемой области стало заметно менее ощутимым. Среди новых ограничений непосредственно с противостоянием Восток – Запад была связана только поправка Джексона-Вэника. Остальные запреты вводились Конгрессом по иным соображениям, подчас вопреки логике глобального противоборства. Так, например, введение ограничений на предоставление помощи (как на двусторонней, так и на многосторонней основе) странам, нарушающим права человека, при Дж. Форде в середине 1970-х гг. (поправки Хамфри-Крэнстона и Харкина) было предопределено, главным образом, внутриполитическими факторами. На фоне Уотергейтского скандала и распространения информации об участии ЦРУ в свержении С. Альенде в Чили в 1973 г., Конгресс, улавливая настроения американской общественности, решил ограничить произвол исполнительной власти, продемонстрировавшей готовность нарушать любые этические нормы, в том числе и во взаимодействии со странами «третьего мира». В свою очередь, антитеррористические ограничения и запреты, связанные со стремлением ограничить процесс распространения ядерного оружия, также распространявшиеся как на двустороннюю, так и на многостороннюю помощь, явились следствием постепенного осознания наличия серьёзных

вызовов международной безопасности помимо угроз, непосредственно сопряжённых с противостоянием двух систем.

Что касается двух ограничений, введённых в 1980-е гг., то они были введены уже после прохождения очередного пика международной напряжённости в период президентства Р. Рейгана в рамках «второго издания холодной войны». В 1985-86 гг. члены Конгресса продемонстрировали готовность одновременно и продолжать идеологическое противостояние с социалистическим лагерем, и ограничивать свободу рук администрации, в первую очередь, в Западной полушарии. Первое стремление воплотилось в запрете на предоставление кредитов, гарантий по кредитам и страхование экспортных кредитов странам, придерживающимся марксистско-ленинской идеологии (1985), второе – в запрете на предоставление помощи странам, где демократическое правительство было свергнуто в ходе военного переворота.

Справедливости ради, надо отметить, что впервые последняя поправка была внесена ещё в 1963 г. – действие её должно было распространяться на страны Латинской Америки. Хотя президенту предоставлялось право не замораживать помощь, в случае если это будет противоречить национальным интересам США, в ходе обсуждения поправки Конгресс даже допускал возможность преодоления президентского моратория с помощью вето. Администрация выразила в достаточно резкой форме недовольство этой инициативой на том основании, что она ограничивает конституционные права президента в отношении признания правительств зарубежных стран, однако закон через Сенат не прошёл (11 голосов за, 78 – против, 11 не голосовали) [30, с. 403-405]. Чтобы вернуться к этому вопросу потребовалось 20 лет.

В 1984 г. Конгресс США постановил перекрыть помощь Сальвадору в случае свержения гражданского правительства страны в ходе военного переворота³⁶. При подготовке закона о предоставлении иностранной помощи 1986 г. это ограничение было продлено, дополнено санкциями против Гватемалы и в конечном счёте распространено Сенатом на все государства, где смена политического режима произошла подобным неконституционным образом³⁷. Кроме того было установлено, что помощь может возобновиться лишь в том случае, если президент примет решение и уведомит комитеты по ассигнованиям Конгресса о том, что к власти пришло демократически избранное правительство.

Многие введённые в годы холодной войны ограничения усложняли исполнительной власти процесс решения стратегических задач в «третьем мире». Их сохранение почти без изменений после падения Берлинской стены и распада СССР свидетельствует о гораздо большей преемственности в политике США по обеспечению глобального лидерства, чем мы привыкли думать.

³⁶ Sec. 537 of the Pub. L. 98-473, 98 Stat. 1837. 12.10.1984.

³⁷ Sec. 513 of the Foreign Assistance and Related Programs Appropriations Act of 1986 (Pub. L. 99-190, 99 Stat. 1185. 19.12.1985.

Тем показательнее тот факт, что за почти три десятилетия после окончания холодной войны американские законодатели ввели лишь четыре дополнительных ограничения на предоставление помощи, то есть более чем в пять раз меньше, чем за первые 30 лет с момента принятия Закона о внешней помощи 1961 г. Фактически подлинно новым был лишь запрет на предоставление грантов и кредитов странам, препятствующим поставкам американской гуманитарной помощи, принятый в 1996 г. Запрет на оказание поддержки странам, которые предоставляют экономическую и военную помощь странам-спонсорам международного терроризма, а также «поправки Лихи» развивали и дополняли ограничения, введенные в 1970-е гг., а запрет на оказание помощи странам, не обеспечивающим должного контроля за оборотом наркотиков, весьма логично вписывался в антинаркотическую кампанию, начатую США ещё в 1980-е гг. В то же время сам факт ужесточения законодательства именно в указанных областях указывает на приоритетность императивов противодействия нетрадиционным угрозам безопасности, с одной стороны, и защиты прав человека, с другой, во внешней политике США в постбиполярную эпоху.

Отдельно стоит обратить внимание на ограничения, которые носят гибридный характер (выделены в классификаторе полужирным шрифтом).

В первой группе к этой категории относится ограничение, связанное с нанесением ущерба американской собственности в ходе беспорядков. С одной стороны, оно затрагивает экономические интересы США, с другой – оценивает степень обладания правительством страны-реципиента монополией на легитимное насилие, которая служит ключевым признаком современного государства.

Во второй группе к «гибридным» можно отнести запрет, связанный с перенаправлением ресурсов помощи развитию на военные нужды. С одной стороны, он напрямую затрагивает сферу внутренней политики страны-реципиента, а именно сферу управления государственными финансами, а с другой – акцентирует в тексте закона его международно-политические аспекты, а именно нацеленность на предотвращение гонки вооружений и их распространения по миру.

«Антинаркотические» ограничения, в свою очередь, представляли собой попытку заставить реципиентов американской помощи более эффективно осуществлять государственные функции – в данном случае в области пресечения незаконной деятельности, связанной с наркотиками. В то же время президент США мог ввести на них мораторий только при условии всеобъемлющего описания жизненно важных национальных интересов США, которым угрожает отказ от предоставления помощи в полном объёме странам, не выполняющим предъявляемые к ним США требования, и соотнесения данных рисков с рисками отказа такой страны от полного сотрудничества с США в борьбе с наркотиками или принятия должных мер собственными силами. Другими словами, ограничения напрямую затрагивали и внешнеполитическую деятельность стран-партнёров.

Наконец, при сопоставлении первого и второго раздела классификатора невозможно не заметить, что американские законодатели с 1961 г. наложили на оказание многосторонней помощи значительно меньшее количество ограничений, чем на программы, реализуемые на двусторонней основе. Это вполне объяснимо. Вводя любые запреты на оказание двусторонней помощи, по сути, США ставили под удар только взаимоотношения со страной – объектом воздействия. Блокировка же США грантов и займов, выделяемых многосторонними институтами, потенциально могла оказать негативное воздействие и на их взаимоотношения с другими донорами – американскими союзниками и партнёрами, представленными в руководящих органах этих организаций. Исходя из этого, можно заключить, что ограничения, представленные в обоих разделах классификатора, являются наиболее важными, и как следствие, именно они будут находиться в центре нашего внимания при оценке последовательности применения запретов на практике.

Нюансы применения важнейших ограничений

Ограничения, обусловленные действиями страны-реципиента, наносящими ущерб экономическим интересам США.

Важнейшим среди всех ограничений данного типа, когда-либо вводившихся США, безусловно, является ограничение на оказание помощи странам, осуществившим экспроприацию или национализацию американской собственности – поправка Хикенлупера. Оно первоначально было введено без соответствующей оговорки о праве президента на изъятие, что вызвало недовольство администрации Дж. Кеннеди [16, с. 12]. Тем не менее, режим автоматического введения санкций действовал все 1960-е гг. Впрочем, автоматически поправка была задействована лишь единожды в отношении Цейлона в 1962 г. В ответ на национализацию двух нефтеперерабатывающих заводов, принадлежащих американским компаниям, правительство США заморозило помощь острову до 1965 г., когда более консервативное правительство урегулировало конфликт [28, с. 427].

Наиболее серьёзным тестом на прочность для поправки Хикенлупера стала ситуация с национализацией собственности компании Standard Oil (N.J.), осуществлённой правительством Перу³⁸. Администрация Р. Никсона из геополитических соображений пошла на фактическое нарушение закона, не став вводить санкции против Лимы, что, по мнению Л. Шульца, могло подвигнуть правительство С. Альенде в Чили на осуществление аналогичных действий [28, с. 428]. Осмысление этой ситуации как раз и заставило Конгресс США в 1973 г. принять послабление, давшее право президенту на осуществление изъятия при наличии интересов национальной безопасности, а также в случае готовности властей страны – получателя помощи произвести компенсацию за нанесённый ущерб в

³⁸ Подробнее см.: [10; 21].

будущем. Итог – с этого момента поправка задействовалась лишь дважды – в отношении Пакистана в 1973 г. и Эфиопии в 1979 г. [18, с. 231].

Отдельно стоит сказать и о поправке Гонсалеса – ограничении на выделение средств через многосторонние финансовые институты странам, осуществившим действия, которые регулируются поправкой Хикенлупера. Данным ограничением США воспользовались, например, в отношении Коста-Рики, заморозив предоставление её правительству кредита на 175 млн долл. через международные организации до передачи спора о компенсации собственности американской фирмы Santa Elena в международный арбитраж. Замороженная сумма была настолько велика, что Коста-Рике попросту ничего не оставалось делать, кроме как выполнить предъявляемые США требования.

В отношении поправки Хикенлупера в литературе озвучиваются противоречивые мнения. С одной стороны, С.К. Нортрап и Э.К. Прэндж Терней, полагают, что «поправка Хикенлупера эффективно защищала американские зарубежные инвестиции; хотя она применялась редко, само её существование было мощным инструментом сдерживания государств, рассматривавших гипотетическую возможность экспроприации американских активов» [16, с. 186-187]. Действительно, для некоторых развивающихся стран издержки, связанные с потерей доступа к американским кредитам и грантам (по поправке Хикенлупера), а также к кредитам крупнейших международных финансовых институтов (по поправке Гонсалеса), могли превышать потенциальные дивиденды от экспроприации [19, с. 13].

Однако стоит прислушаться и к противоположной точке зрения, выраженной, например, Л. Шульцем. Тот же самый случай с Цейлоном сложно оценивать как однозначный ввиду того, что урегулирование ситуации с экспроприацией собственности произошло только после смены правительства на острове. Блокирование помощи правительству С. Альенде в 1970 г. было связано не с поправкой Хикенлупера, а с принятым за несколько месяцев до его инаугурации решением командой Р. Никсона об оказании максимально жёсткого экономического давления на правительство, которое должно было быть сформировано лидером коалиции «Народное единство». Кроме того, Л. Шульц подчёркивал, что «вероятно сложно определить сдерживающий эффект поправки Хикенлупера, пока нельзя достоверно сказать, сколько актов экспроприации не случилось из-за её введения» [28, с. 426].

Возвращаясь к вопросу о последовательности применения ограничений данного типа, стоит отметить, что правительство США весьма активно пользовалось правом на изъятие и в других вопросах, например, в вопросе о наложении запретов на оказание помощи странам-должникам. Так, например, при администрации Дж. Буша-мл. соответствующие исключения были сделаны для Доминиканской Республики (2004), ДРК (2006) и Сомали (2007). Сам Конгресс, принимая ежегодные законы об ассигнованиях, нередко выводил стратегически важные страны из-под действия этого запрета, как, например, было сделано в

отношении Афганистана, Ирака, Пакистана, Ливана и Черногории в 2008 г.³⁹. Подобные шаги были со стороны американского правительства проявлением не столько альтруизма, сколько прагматического осознания того, что долги не будут выплачены никогда, и будет выгоднее их списать, получив дополнительные политические дивиденды в ходе диалога с поощряемым таким образом должником.

Ограничения, обусловленные факторами, связанными со внутривнутриполитической жизнью страны-реципиента.

Вопрос о последовательности применения ограничений данной группы американским правительством стоит, пожалуй, наиболее остро. Стремление исполнительной власти действовать прагматически может быть проиллюстрировано сразу на примере трёх запретов – на оказание помощи коммунистическим странам; государствам, нарушающим права человека; а также тем странам, где произошла смена власти в ходе военного переворота. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Ограничение на оказание помощи коммунистическим странам было кодифицировано уже в изначальной версии Закона об иностранной помощи. В своём нынешнем варианте запрет отсылает к версии 1962 г., которая разрешала помощь коммунистическим странам (на тот момент – СССР, а также *Латвии, Литве и Эстонии* (в законе упомянуты отдельно – прим. В.Б.), Албании, Болгарии, Венгрии ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии, КНДР, КНР, *Тибету* (в законе упомянут отдельно – прим. В.Б.), Монголии, Северному Вьетнаму и Кубе) лишь в том случае, если президент официально заверит Конгресс в том, что либо такая помощь является жизненно важной для обеспечения безопасности США, либо страна-реципиент более не контролируется «международным коммунистическим заговором»; либо такая помощь будет способствовать «освобождению страны-реципиента от международного коммунизма»⁴⁰.

С 1985 г.⁴¹ действует положение, согласно которому президент США имеет право вывести на время ту или иную страну из-под действия данного ограничения ради обеспечения национальных интересов США. По мнению Конгресса, одним из факторов при принятии такого решения должна быть демонстрация страной-реципиентом стремления к учреждению подлинно демократической системы, построенной на уважении международно признанных прав человека. С момента принятия этой поправки она применялась неоднократно⁴², в том чис-

³⁹ Department of State, Foreign Operations, and Related Programs Appropriations Act, 2009 (division H of Omnibus Appropriations Act, 2009, Pub. L. 111-8. 123 Stat. 863-877. 11.03.2009).

⁴⁰ Статья введена: Sec. 301 (f) of the FAA of 1962.

⁴¹ Sec. 1202 of the International Security and Development Cooperation Act of 1985 (Pub. L. 99-83. 99 Stat. 190. 08.08.1985).

⁴² По представлению госсекретаря США из-под действия запрета последовательно выводились следующие фигуры списка: КНР и Тибет – 11 декабря 1985 г.; Югославия – 5 августа 1986 г.; Польша и Венгрия – 7 сентября 1989 г., Чехословакия – 14 июня 1990 г., Болгария – 3 мая 1991 г., Советский Союз – 10 сентября 1991 г., Эстония, Латвия и Литва – 14 сентября 1991 г., Румыния – 15 августа 1991 г. Лаос – 12 мая 1995 г.

ле и по отношению к Китаю и Тибету (1985) и Вьетнаму (2000), которые и по сей день остаются – наряду с КНДР и Кубой – в списке коммунистических стран (в понимании американских законодателей)⁴³.

Важно упомянуть и значимые примеры обхода указанных ограничений в годы холодной войны, которые имели место даже в отношении стран, входивших в ОВД. Так, например, 29 ноября 1961 г. госсекретарь Д. Раск заверил Конгресс в том, что Польша не контролируется СССР и может получать продовольственную помощь от США по Закону 1954 г. В итоге ещё в самый разгар холодной войны в 1964 г. Агентство по международному развитию США (далее – АМР США) оказало помощь исследовательской больнице в Кракове⁴⁴.

Ещё более интересным представляется случай с КНР. В 1980 г. Конгресс учредил Программу содействия торговле и развитию (Trade and Development Program) в рамках Агентства международного сотрудничества в целях развития (IDCA – International Development Cooperation Agency), которое на тот момент объединяло АМР США и Корпорацию частных зарубежных инвестиций. Агентство было уполномочено предоставлять техническую помощь, в том числе и странам, подпадающим под установленные Законом об иностранной помощи запреты, но для этого госсекретарь официально должен был признать ту или иную страну-реципиента «дружественной». Именно в рамках данной программы США выделили, в частности, два гранта КНР – на сумму 400000 долл. на проведение технической оценки проекта строительства ГЭС, а также на проведение предварительной оценки целесообразности строительства завода по производству алюминиевых изделий, шахты для добычи медной руды и обогатительного комбината и производства титановой губки, и, наконец, выделили 0,5 млн долл. на программы обменов инженеров-гидрологов. Запуск данных программ технической помощи, пусть и с небольшим объёмом финансирования, имел важное символическое значение и демонстрировал принципиальное изменение отношения США к взаимодействию с коммунистическим Китаем [16, с. 229-230].

Ограничения на оказание помощи странам, нарушающим права человека.

Введённые в 1974 и 1975 гг. поправки Хамфри-Крэнстона и Харкина, запрещавшие соответственно оказание экономической помощи и помощи в области безопасности странам, нарушавшим права человека, сопровождалась целым рядом оговорок. Так, поправка Хамфри-Крэнстона гласила: «*За исключением чрезвычайных обстоятельств* [курсив мой – В.Б.] президент должен существенно сократить или заморозить помощь в области безопасности стране, чье правительство [курсив мой – В.Б.] систематически [курсив мой – В.Б.] до-

⁴³ Большинство фигурантов изначальной версии списка, а именно Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия, а также СССР, Латвия, Литва и Эстония были исключены из него в 1992 (Sec. 901 of the FREEDOM Support Act - Pub. L. 102-511. 106 Stat. 3320. 14.10.1992), Монголия в 1995 г. (Sec. 573 of the Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act, 1995 (Pub. L. 103-306; 108 Stat. 1653, 23.08.1994), Лаос – уже при администрации Б.Обамы.

⁴⁴ Opinion of the A.I.D. General Counsel's Office, Charles Stephenson (20.01.1964). – Цит. по: [17: 228].

пускает *грубые* [курсив мой – В.Б.] нарушения международно признанных прав человека.

Американская исследовательница К. Аподака убедительно показала, что формулировки поправки Хамфри-Крэнстона, существенно смягчённые после ветирования первоначальной версии Дж. Фордом [23, с. 11], позволяли исполнительной власти фактически игнорировать новые ограничения [30, с. 215, 224]. Большую изощрённость в поиске вариантов обойти наложенные Конгрессом ограничения проявили и представители администрации Дж. Картера, несравненно более озабоченного правозащитной проблематикой, чем его предшественники-республиканцы.

Во-первых, неопределённость формулировки «чрезвычайные обстоятельства» позволяла исполнительной власти придумывать почти любое обоснование для отказа от свертывания помощи стране, допуская грубые нарушения права человека. Так, например, США при администрации Дж. Картера продолжали оказывать помощь диктаторским режимам на Филиппинах и в Южной Корее, шахскому Ирану и Заиру. В 1978 г., госсекретарь С. Вэнс, выступая перед подкомитетом Сената по ассигнованиям на зарубежные операции комитета по международным делам заявил, что несмотря на нарушения Южной Кореей прав человека, США имеют фундаментальные обязательства в области безопасности по сдерживанию КНДР – и что в этих условиях обрезать помощь Сеулу было бы безответственно⁴⁵.

Во-вторых, указание на «правительство» в тексте поправки Хамфри-Крэнстона позволяло чисто гипотетически продолжать оказывать помощь напрямую вооруженным силам. В-третьих, размытость формулировки «грубые» позволяло президентам США регулярно находить оправдание продолжению оказания помощи в том, что совершённые правительством страны-реципиента правонарушения не были достаточно грубыми. Наконец, в-четвёртых, словосочетание «систематически» – позволяло исполнительной власти регулярно считать те или нарушения иррегулярными. Так, например, К. Аподака указывала на то, что администрация Дж. Картера не стала блокировать помощь в области безопасности Индонезии в 1979 г., несмотря на безжалостное уничтожение десятков тысяч людей в Восточном Тиморе после его оккупации Джакартой, из-за наличия у индонезийского правительства плана однажды освободить политзаключенных [8, с. 66-67]. В действительности же это решение Белого дома обуславливалось в первую очередь тем, что Индонезия придерживалась прозападной ориентации.

В-пятых, словосочетание «помощь в области безопасности» – в отсутствие его чёткого законодательного определения позволяло играть с тем, что считать таковой, а что нет. Пользуясь этой неопределённостью, администрация Дж. Картера придумала хитрый ход с разделением военной помощи на четыре подкате-

⁴⁵ Цит. по: [8: 60].

гории⁴⁶. В ситуации, когда давление со стороны Конгресса и неправительственных организаций становилось слишком сильным, администрация блокировала поставки систем только из высшей подкатегории, выводя из-под запрета все остальные. Это, среди прочего, позволяло Белому дому не прекращать полностью военную помощь странам Латинской Америки, которые в тот период имели одни из худших «кредитных историй» в области защиты прав человека.

Это, впрочем, было отнюдь не единственное проявление весьма прагматического отношения администрации Дж. Картера к наложенным Конгрессом запретам. Белый дом принципиально настаивал на том, чтобы прекращение помощи правительством не сказывалось на активности частных корпораций. В итоге, по словам Л. Шульца, «на каждые 10 центов помощи, приостановленной американским правительством, около доллара направлялось репрессивным правительствам американскими корпорациями» [27, с. 341], и такая ситуация сохранялась вплоть до окончания холодной войны.

Не особо впечатляющие результаты были показаны США и в деле соблюдения поправки Харкина. Данная поправка изначально не распространялась на случаи оказания помощи государствам, нарушающим права человека, когда достоверно известно, что «помощь будет напрямую улучшать условия жизни бедных и нуждающихся». При этом члены Конгресса создали видимость установления жесткого контроля за действиями исполнительной власти. Комитетам по международным делам Сената и палаты представителей было предоставлено право требовать от администрации письменного заверения, что такая помощь будет напрямую улучшать условия жизни нуждающихся и объяснять, как именно, а также раскрывать детали такой помощи. Кроме того, допускалась также ситуация, при которой профильные комитеты или любая палата Конгресса могут инициировать процедуру замораживания помощи в случае неудовлетворённости данными администрацией объяснениями.

После окончания холодной войны Конгресс также существенно расширил содержание отчёта о состоянии дел в области защиты прав человека в каждом государстве – получателе американской помощи, который должна была ему предоставлять исполнительная власть. Такой отчёт сегодня составляется под контролем помощника госсекретаря по вопросам демократии, правам человека и труда и специального представителя по вопросам свободы вероисповедания. Данный отчёт содержит информацию о: военных преступлениях, преступлениях против человечества, действиях, которые могут быть квалифицированы как акты геноцида (с 2001 г.); практиках ограничения рождаемости (включая аборты и принудительную стерилизацию) (с 1989 г.); попирании религиозных свобод (с 1998 г.); проявлениях антисемитизма и провоцировании антисемитизма

⁴⁶ Категория 1: новые вооружения: танки, артиллерийские установки, истребители и бомбардировщики и боевые корабли; Категория 2: запасные части для уже приобретенных систем вооружения; Категория 3: системы обеспечения: грузовики, транспортные самолеты и корабли, радары; Категория 4: системы обеспечения безопасности: медицинские вертолеты и оборудование для авиационной морской поисково-спасательной службы.

(с 2004 г.); убийствах без суда и следствия, пытках, а также действиях, которые США предприняли с целью побуждению страны-реципиента к искоренению данной практики (с 2002 г.); обеспечении надлежащей защиты беженцев (с 2001 г.); вербовке детей в вооружённые подразделения, а также мерах, предпринимаемых для искоренения подобной практики (с 2002 г.); характере и масштабах торговли людьми и вовлечённости страны-реципиента в этот процесс, а также предпринимаемых ею действиях с целью предотвращения и искоренения данной практики, оказания помощи её жертвам и т.п. (с 2000 г.)

Вместе с тем структуры исполнительной власти США регулярно находили поводы обойти наложенные Конгрессом ограничения. Подобная практика было особо широко распространена в годы холодной войны, где доминировала логика игры с нулевой суммой, однако и после её окончания Вашингтон распределял помощь вне всякой связи с уровнем соблюдения прав человека в странах-реципиентах, предпочитая руководствоваться экономическими и геостратегическими соображениями.

Ограничение на оказание помощи странам, где демократическое правительство было свергнуто в ходе военного переворота.

Данное ограничение стало одним из немногих, не предусматривавших права на изъятие. Исполнительная власть неоднократно предпринимала попытки добиться кодификации права на введение моратория на действие данного ограничения (например, в 2003 и 2005 гг.), однако успехом они не увенчались.

Во второй половине 1980-х гг. вопросы применения данной нормы обсуждались исключительно в контексте событий, происходивших в Латинской Америке, однако в 1990-е гг. на фоне окончания холодной войны стимулы к введению такого рода санкций расширились. При администрации Дж. Буша-ст. нормой, впрочем, воспользовались лишь единожды. В декабре 1991 г., после того как в первом туре первых демократических выборов в арабском мире в Алжире победили исламисты («Исламский фронт спасения»), правящая партия отменила второй тур выборов, а власть в стране захватили военные (что стало прологом к длительной и кровопролитной гражданской войне), госдепартамент США заморозил помощь алжирскому правительству в соответствии с указанными ограничениями.

При администрации У. Клинтона данный запрет стал использоваться активнее, в первую очередь, в Африке южнее Сахары. Соответствующие санкции были введены в отношении Гамбии (1994), Нигера (1996) и Кот-д'Ивуара (1999). Все это, впрочем, были страны, не представлявшие большой стратегической ценности для Вашингтона. Совсем иное значение имел факт введения санкций против Пакистана в 1999 г. после государственного переворота, приведшего к власти генерала П. Мушаррафа.

Однако после терактов 11 сентября 2001 г. ситуация коренным образом изменилась. Сразу после этих трагических событий администрация Дж. Буша-мл.

восстановила в одностороннем порядке помощь (в том числе военную) Алжиру, в котором она видела союзника в борьбе с терроризмом, несмотря на систематические нарушения военным режимом прав человека, и существенно увеличила её по сравнению с прежними объёмами. Тогда же Белый дом добился отдельного разрешения Конгресса на восстановление помощи Пакистану⁴⁷, позиция которого имела решающее значение в рамках «глобальной войны с терроризмом»⁴⁸. Вместе с тем администрация Дж. Буша-мл. не только отменяла, но и вводила новые запреты на предоставление помощи в связи с военным переворотом. Так произошло, например, в случае с Гвинеей-Биссау и ЦАР в 2003 г. и с Фиджи и Таиландом в 2006 г. Во всех случаях правительство США, обосновывая свои действия, делало прямую отсылку к соответствующей статье Закона 1961 г. Отдельно стоит отметить, что в случае с Таиландом США заморозили только военные поставки в объёме 24 млн долл., выведя из-под санкций помощь в области безопасности [25, с. 2504], что также диктовалось общими стратегическими соображениями.

При администрации Б. Обамы обозначился новый тренд. В ответ на государственные перевороты на Мадагаскаре и в Гондурасе 2009 г., исполнительная власть прекращала помощь, но не делала никаких отсылок к соответствующей статье закона. При этом в 2010 г., после переворота в Гондурасе, осуществлённого совместными усилиями армии и представителей законодательной и судебной ветвей власти, была немного изменена формулировка ограничения – отныне запрет на оказание помощи должен был распространяться на все «перевороты, в которых военные играют решающую роль»⁴⁹.

Особенно широкую огласку получил отказ администрации Б. Обамы от задействия рассматриваемого запрета в отношении Египта в ответ на свержение М. Мурси армией во главе с Абделем Фаттахом ас-Сиси. При этом пресс-секретарь Белого дома Дж. Псаки, в частности, заявляла: «Закон не обязывает нас формально определять, имел ли место переворот, и выносить такое решение – не в наших национальных интересах»⁵⁰. Вместе с тем возмущение американской общественности поведением администрации было настолько бурным, что Конгрессу все-таки пришлось в начале 2014 г. сделать оговорку о том, что действие рассматриваемого запрета распространяется на все страны мира, кроме Египта⁵¹.

Сознательный отказ администрации Б. Обамы от того, чтобы задействовать соответствующую норму закона и заморозить помощь Египту, особенно резко

⁴⁷ An Act to Authorize the President to Exercise Waivers of Foreign Assistance Restrictions with Respect to Pakistan through 30.09.2003, and for Other Purposes (Pub. L. 107-57. 115 Stat. 403. 27.10.2001).

⁴⁸ Fisher M. U.S. Has Spotty Record on Law Requiring It to Cut Aid After Coups // Washington Post. 05.07.2013. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2013/07/05/u-s-has-spotty-record-on-law-requiring-it-to-cut-aid-after-coups> (дата обращения: 20.05.2018)

⁴⁹ Sec. 7008 of the Consolidate Appropriations Act, 2012. Pub. L. 112-74. 125 Stat. 786. 23.12.2011.

⁵⁰ Garrett M. Coup Or Not a Coup? // CBS News. July 26, 2013. URL: <https://www.cbsnews.com/news/egypt-coup-or-not-a-coup/> (accessed: 08.06.2018)

⁵¹ Sec. 7401 (a) Consolidated Appropriations Act of 2014, Pub. L. 113-76. 128 Stat. 5. 17.01.2014.

контрастировал с её поведением в идентичной ситуации по отношению к государственным переворотам в Мали в 2012 г. и в Таиланде в 2014 г. В случае с Мали, где военные захватили власть в тот момент, когда исламисты установили контроль над северной частью страны, США немедленно заморозили всю помощь малийскому правительству, кроме гуманитарной. В Таиланде в 2014 г. США также оперативно заморозили предоставление 4,7 млн долл. помощи Бангкоку.

Поведение Б. Обамы в отношении египетских событий было обусловлено сразу несколькими факторами – и колоссальными абсолютными объёмами помощи Египту (около 1,5 млрд долл.), с 1979 г. почти каждый год входившему в пятёрку крупнейших получателей американской помощи; и её символическим значением в качестве подкрепления Кэмп-Дэвидских договоренностей; и стратегической важностью поддержания отношений с любым режимом в Египте, и, конечно же, нежеланием администрации дополнительно дестабилизировать и без того очень сложную политическую ситуацию в стране.

Случай с Египтом имеет значение, выходящее далеко за пределы ограниченной рассматриваемой категории. Фактически он в очередной раз показал, что США могут оказывать влияние на политические процессы в стране-реципиенте как вводя ограничения на предоставление помощи, предусмотренные законом, так и воздерживаясь от этого. Отказ от задействования предусмотренных законом ограничений также является своего рода актом поощрения реципиента. Тем самым правительству посылается сигнал о заинтересованности в как можно более быстром начале выполнения предъявляемых к нему требований, будь то возвращение к демократии, нарушения прав человека или другие условия.

Ограничения, обусловленные внешнеполитической деятельностью страны-реципиента.

В целом исполнительная власть США применяла ограничения данного типа более последовательно, чем запреты из второй категории. Вместе с тем и здесь в американской истории можно обнаружить эпизоды демонстративного пренебрежения буквой закона во имя обеспечения иных жизненно важных интересов государства. Наиболее ярко избирательность подхода США проявилась в отношении запретов, обусловленных поддержкой страной-реципиентом терроризма и допущенными ею нарушениями режима распространения ядерного оружия.

«Антитеррористические» ограничения. Во внешнеполитической практике США данные ограничения вводились лишь в отношении весьма узкой группы стран. В разное время в список стран-спонсоров терроризма входили: Ливия (1979-2006), Ирак (1979-1982; 1990-2004); Сирия (1979-н/в); Южный Йемен (1979-1990); Иран (1984-н/в); Судан (1993 – н/в); Северная Корея (1988-2008; 2017 – н/в).

Если включение в этот список автоматически блокировало любую помощь со стороны США (кроме гуманитарной), то исключение из него было своего рода актом поощрения для государства-реципиента, поскольку открывало воз-

возможность получения американской помощи. В этой связи обращает на себя внимание пример с Ираком – единственной страной наряду с Северной Кореей, которая исключалась и повторно включалась в данный список. Так, например, исключение Ирака в 1982 г. было напрямую связано со стремлением администрации Р. Рейгана поддержать режим С. Хусейна в войне с Ираном (1980-1988). Оно позволило Белому дому способствовать выдаче Ираку кредитов под гарантии правительства на покупку американского продовольствия на сумму 1,2 млрд долл. в 1982-1989 гг. и других американских товаров (в том числе, по линии Экспортно-импортного банка США на сумму 270 млн долл.)⁵², несмотря на постоянные просрочки с выплатами Багдадом процентов по этим займам. Обращает на себя внимание также и отказ вернуть Ираку статус спонсора терроризма в 1985 г. после предоставления им убежища Абу Аббасу – организатору одного из самых известных террористических актов 1980-х гг. – захвата круизного лайнера Achille Lauro и отклонения просьбы Белого дома о его экстрадиции. Этот шаг мог бы одномоментно лишить правительство США возможности легально (открыто) помогать правительству Ирака, в чём на тот момент администрация Р. Рейгана совсем не была заинтересована. В «чёрный список» режим С. Хусейна попал вновь уже в совершенно других условиях – в 1990 г. после вторжения в Кувейт.

Присутствие страны в списке стран-спонсоров терроризма автоматически отсекало её от участия как в американских программах помощи даже в тех случаях, когда поддержка должна была оказываться не её правительству, а неправительственным организациям. Показательным примером может служить «Инициатива ближневосточного партнерства» (Middle East Partnership Initiative – MEPI), которая была запущена Госдепартаментом США в 2002 г. с целью содействия процессам демократизации в регионе и реализовывалась под контролем дочери вице-президента США Р. Чейни – Элизабет, назначенной помощником заместителя госсекретаря по делам Ближнего Востока. Ливия и Сирия как государства-спонсоры терроризма на тот момент были исключены из сферы действия программы, и для выделения средств представителям сирийской оппозиции по ней американским властям в 2006 г.⁵³ потребовалось предпринимать дополнительные усилия.

Ограничения, обусловленные нарушениями режима ядерного нераспространения.

Такие ограничения также применялись США крайне селективно. Пожалуй, двумя самыми яркими примерами в данном отношении стали Израиль и Пакистан.

⁵² Wines M. Confrontation in the Gulf; U.S. Aid Helped Hussein's Climb; Now, Critics Say, the Bill Is Due // New York Times. 08.08.1990. URL: <https://www.nytimes.com/1990/08/13/world/confrontation-gulf-us-aid-helped-hussein-s-climb-now-critics-say-bill-due.html> (accessed: 08.06.2018)

⁵³ U.S. Department of State. Office of the Spokesman. U.S. Investing \$5 Million to Support Reform in Syria 17.02.2006. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/61535.htm> (дата обращения: 10.06.2018).

Следует отметить, что поправка Гленна, усилившая поправку Саймингтона, была принята как раз на фоне расследования факта противозаконной поставки обогащённого урана американской фирмой NUMEC в Израиль в середине 1970-х гг. Несмотря на то, что как было окончательно подтверждено в 2017 г., американская разведка к 1976 г. знала о тайной израильской ядерной программе⁵⁴, указанные поправки никогда не были задействованы против Израиля, который после заключения Кэмп-Дэвидских соглашений и вовсе стал одним из крупнейших получателей американской помощи в мире. Ежегодные объёмы находятся в диапазоне от 3 до 5 млрд долл.⁵⁵, а совокупный объём помощи, предоставленной с 1976-77 гг. по 2016 г. составил порядка 234 млрд долл. Стремясь сохранить «туман» вокруг ядерной программы Израиля, правительство США принципиально не стало ни прописывать исключение для Израиля в законе, ни применять изъятие, как оно сделало позднее для Пакистана и Индии. Такое поведение всех администраций, начиная с правительства Дж. Картера, вызывало большое общественное недовольство. В 2016 г. на завершающей стадии подготовки меморандума о взаимопонимании между администрацией Б. Обамы и правительством Б. Нетаньяху о предоставлении американской помощи Израилю в течение 10 лет в размере 4 млрд долл. ежегодно, оно даже послужило поводом для подачи иска к федеральному правительству, автором которого стал директор Института исследований ближневосточной политики (Institute for Research: Middle East Policy – IRMEP) Г. Смит⁵⁶.

Что касается Пакистана, то впервые поправка Саймингтона в отношении данной страны была задействована в 1979 г. в связи с осуществленным им импортом оборудования для строительства завода по обогащению урана в г. Кахута. Однако после вторжения СССР в Афганистан в 1981 г. на действие поправки был наложен мораторий, и вплоть до 1990 г. Пакистан получал от США как экономическую помощь, так и военную, уступая по объёмам последней только Израилю и Египту (3,2 млрд долл. в 1981 г. – сроком на пять лет и 4,02 млрд долл. в 1986 г. – сроком на шесть лет). Вскоре после того, как советские войска были выведены из Афганистана, администрация Дж. Буша-ст. задействовала поправку Пресслера⁵⁷, блокировавшую все военные поставки в Пакистан по правительственным каналам, в том числе и продажу 28 самолетов F-16⁵⁸. В 1995 г. была принята поправка Брауна, выведшая почти всю экономическую помощь из-под действия поправки Пресслера.

⁵⁴ Central Intelligence Agency. Special National Intelligence Estimate. Prospects for Further Proliferation of Nuclear Weapons. SNIE-4-1-74. 23.08.1974. Top Secret. Approved for release 30.08.2017. URL: <http://www.israelloobby.org/nukes/2017snie.pdf> (accessed: 08.06.2018).

⁵⁵ Подробнее см.: [5: 129].

⁵⁶ Lawsuit Claims Aid to Nuclear Israel Illegal Under Symington Glenn Amendments // Corporate Crime Reporter. 11.08.2016. URL: http://irmep.org/CFP/S&G/116-cv-01610lo_r2.pdf (дата обращения: 10.06.2018).

⁵⁷ Поправка Пресслера была принята в 1985 г. и наложила отдельное ограничение на оказание экономической и военной помощи именно Пакистану. Отныне исполнительная власть должна была официально уведомлять Конгресс ежегодно о том, что Пакистан не обладает ядерным оружием и что предоставление американской помощи существенно снизит риск получения Пакистаном ядерного оружия (Sec. 620E of the FAA).

⁵⁸ В 1998 г. администрация У. Клинтона предоставила льготные кредиты Пакистану для компенсации понесенных ранее потерь.

В мае 1998 г. после произведённых последовательно Индией и Пакистаном ядерных испытаний администрация У. Клинтона блокировала помощь Дели и Исламабаду на основании поправки Гленна. Однако уже через несколько месяцев из-под действия ограничений были выведены гарантии на экспорт сельскохозяйственной продукции, а в конце года принята первая поправка Браунбэка, позволявшая президенту вывести на год из-под действия поправки Гленна всю помощь, кроме военной, и поставок систем вооружений и продукции двойного назначения. Через год временное ограничение на право на изъятие было снято (вторая поправка Браунбэка), и Белый дом воспользовался этим, сохранив ограничения только на поставки ядерных и ракетных технологий, а также товаров двойного назначения. Эти ограничения просуществовали недолго. В отношении Пакистана они были сняты 22 сентября 2001 г. – спустя всего лишь 11 дней после терактов 11 сентября 2001 г. в момент наложения моратория на действие всех трёх поправок (Саймингтона, Гленна и Пресслера) администрацией Дж. Буш-мл., исходя из соображений национальной безопасности.

Как видно из приведённых выше примеров, исполнительная власть одинаково легко обходила запреты, и будучи связанной структурными ограничениями эпохи биполярности, отставлявшей на второй план все прочие соображения, и после окончания холодной войны, когда угрозы терроризма и нераспространения приобрели несравненно большее значение. Случаи с Северной Кореей и Пакистаном показывают, что и демократические, и республиканские администрации готовы были во взаимодействии с проблемными государствами, чьё поведение угрожало стратегическим интересам США сразу по нескольким направлениям, закрывать глаза на один компонент девиантного поведения в тот момент, когда большее значение приобретал другой.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Масштабы применения Соединёнными Штатами законодательных ограничений на оказание помощи зарубежным странам указывают на крайне важную роль этого механизма в обеспечении национальной безопасности США. Хотя сами ограничения прописаны достаточно хаотично, они образуют сложно структурированную систему норм, которая охватывает как двустороннюю, так и многостороннюю помощь и защищает как экономические, так и политические интересы США. Защита обеспечивается как от действий, предпринимаемых странами – получателями американской помощи в отношении самих Соединённых Штатов, так и, например, в случае резких и непредвиденных изменений в их внутрисполитической жизни, подобных военным переворотам.

2. Фактически мы имеем дело с отдельным правовым режимом. США регулярно выступали в роли первопроходца в деле введения ограничений, которые впоследствии находили отражение и в международном праве, соответствующих решениях многосторонних институтов. Тем не менее даже после кодификации таких решений на глобальном уровне американское правительство всегда сохра-

няло собственные ограничения в качестве демонстрации своей особой озабоченности тем или иным вопросом.

3. Заинтересованность США в формировании такого режима возникла задолго до «однополярного момента». Однако большая часть действующих и ныне ограничений была введена в действие в период холодной войны в целях регулирования тех проблем, которые (как нарушения прав человека или поддержка терроризма) – не были порождением биполярного миропорядка и, соответственно, не исчезли с его окончанием, а наоборот, лишь усугубились.

Это вновь возвращает нас к мысли о преемственности в политике США по обеспечению своего глобального лидерства после окончания Второй мировой войны. Поэтому для понимания логики поведения Соединённых Штатов как сверхдержавы и предугадывания их действий на международной арене принципиально важно отталкиваться не только от реалий текущего момента, но и от углублённого изучения их политики в предшествующие периоды, там, где есть возможность детальной реконструкции с привлечением первоисточников.

4. Возникновение рассмотренного правового режима, сформированного усилиями нескольких поколений членов Конгресса, было обусловлено несколькими внешними и внутренними факторами. С одной стороны, в 1960-70-е гг., когда было принято большинство ограничений, имело место объективное расширение угроз интересам США в «третьем мире». С другой стороны, введение по крайней мере части запретов, объяснялось желанием членов Конгресса воспользоваться своим «правом кошелька» и жёстче регламентировать деятельность исполнительной власти.

Предоставление в большинстве случаев президенту права на изъятие не отменяет сказанного выше, поскольку чаще всего воспользоваться он мог им, только предоставив Конгрессу подробные и обстоятельные объяснения своим действиям. В то же время в Конгрессе не могли не понимать важности сохранения для президента определённой свободы манёвра, отсюда и готовность идти на уступки исполнительной власти, как в случае с отменой автоматического вступления в силу поправки Хикенлупера в начале 1970-х гг. Однако – в наиболее принципиальных вопросах – как, например, в случае с запретом на оказание помощи странам, где произошёл военный переворот, членам Конгресса удалось отстоять его автоматическое вступление в силу, несмотря на все попытки Белого дома добиться права на изъятие. С другой стороны, новые тенденции в применении этой нормы при администрации Б. Обамы – сознательный отказ признавать наличие военного переворота, – в чём-то схожий с отказом выражать позицию по вопросу о наличии у Израиля ядерного оружия, свидетельствуют об отчётливом стремлении Белого дома найти лазейку без нарушения закона. Есть все основания предполагать, что противоречия, вышедшие на первый план в случае с Египтом в 2013 г., ещё дадут о себе знать в будущем.

5. Отсутствие автоматизма во введении большинства запретов предопределило высокую степень непоследовательности в их применении США, отмечав-

шуются многими исследователями. Фактически нельзя назвать ни одной нормы, которая бы выполнялась строго в соответствии с буквой закона, независимо от того, о какой помощи идёт речь – двусторонней или многосторонней, и независимо от характера триггеров, предопределявших введение ограничений. Администрации – и демократические, и республиканские – и в условиях холодной войны, и после её окончания – демонстрировали готовность вводить ограничения в отсутствие явной стратегической или экономической заинтересованности во взаимодействии со страной-реципиентом, и воздерживаться от этого, придумывая какие угодно обоснования, тогда, когда сохранение помощи должно было принести более ощутимые стратегические выгоды.

6. Тем не менее отсутствие последовательности в действиях США не устраняет неопределённость, возникающую всякий раз, когда происходит вольное или невольное нарушение развивающимися странами тех или иных условий, прописанных в американском законодательстве. Угроза блокирования помощи висит над реципиентами «дамокловым мечом», который может удерживать их от тех или иных действий внутри страны, или за её пределами. Безусловно, в отношении отдельных государств отсечение от каналов помощи не играет настолько большой роли в качестве элемента принуждения, как наложение ограничений на торговлю. Однако для некоторых стран прекращение донорской поддержки со стороны США может иметь жизненно важное значение. Речь, в первую очередь, идёт о тех случаях, где доля США как донора в объёмах поступающей в страну помощи является ключевой и где объёмы помощи исчисляются миллиардами долларов.

В то же время потенциал и степень эффективности блокирования помощи как элемента сдерживания или принуждения в современных условиях преувеличивать не стоит. Причина в существенном усложнении архитектуры внешней помощи и резком возрастании объёмов поддержки со стороны «нетрадиционных доноров» – в первую очередь, Китая, России, арабских стран, Турции и др. Большинство этих государств исповедуют совершенно иные принципы предоставления помощи, – и в ряде случаев – готовы заменить США как донора в том случае, если Белый дом прекратит предоставлять помощь той или иной стране.

Применение Соединёнными Штатами описанных в статье рестриктивных мер, безусловно, создаёт дополнительные риски. Однако их правильная оценка требует понимания не только нормативно-правовых и стратегических оснований действий самого Белого дома, но и общей логики развития международных процессов в XXI в., в рамках которых внешняя помощь продолжает играть важную роль в обеспечении развития и безопасности, особенно в странах, затронутых политической нестабильностью и вооружёнными конфликтами.

Список литературы:

1. Балуев Д. Эволюция экономических санкций как инструмента внешней политики: от Второй мировой войны до санкций против России // *Международные процессы*. 2014. Т. 12. № 3. С. 23-33.
2. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 232 с.
3. Седляр Ю.А. Экономические санкции по нераспространению во внешней политике США: политико-правовой аспект // *Вестник РУДН. Серия Международные отношения*. 2014. № 2. С. 33-41.
4. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // *Вестник МГИМО-Университета*. 2018. № 2. С. 26-42.
5. Хлебникова Л.Р. Инструменты внешней помощи в контексте американо-израильского взаимодействия (1948-2014) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2014. № 3. С. 115-149.
6. Шакиров А.Р. Состояние и перспективы развития системы экономических санкций США // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 1. С. 94-100.
7. Шакиров А.Р. США: Официальная помощь развитию // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 3. С. 43-51.
8. Apodaca C. Understanding U.S. Human Rights Policy: a Paradoxical Legacy. N.Y.: Routledge, 2006. 256 p.
9. Barret R.W. Avoiding the Expropriation Nightmare – Tax Consequences and Asset Protection Techniques // *University of Miami Law Review*. 1998. Vol. 52. Pp. 831-854.
10. Brands H. The United States and the Peruvian Challenge, 1968-1975 // *Diplomacy & Statecraft*. 2010. Vol. 31. No. 3. Pp. 471-490.
11. Callaway R., Matthews E. Strategic US Foreign Assistance: the Battle between Human Rights and National Security. Aldershot: Ashgate, 2008. 236 p.
12. Cohen S. Conditioning U.S. Security Assistance on Human Rights Practices // *American Journal of International Law*. 1982. Vol. 76. Pp. 246-279.
13. Crawford G. Foreign Aid and Political Reform: a Comparative Analysis of Democracy Assistance and Political Conditionality. N.Y.: St. Martin's Press, 2001. 314 p.
14. Crawford G., Kacarska S. Aid sanctions and political conditionality: continuity and change // *Journal of International Relations and Development*. 2017. Pp. 1-31. DOI: 10.1057/s41268-017-0099-8
15. Drezner D. The Sanctions Paradox. Economic Statecraft and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 364 p.
16. Encyclopedia of Tariffs and Trade in U.S. History. In 5 vol. / Ed. by C.C. Northrup and E.C. Prange Turney. Westport, CT: Greenwood Press, 2003. 1631 p.
17. Finney L.D. Development Assistance – a Tool of Foreign Policy // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 1983. Vol. 15. Pp. 213-252.
18. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Peterson Institute for International Economics, 2009. 248 p.
19. Johnston N.P. Political Risk and RealPolitik: the Politics of Compensation for Expropriation // *SSRN Electronic Journal*. 08.08.2012. 49 p. DOI: 10.2139/ssrn.2134577
20. Lancaster C. Transforming Foreign Aid: United States Assistance in the 21st Century. Washington, DC: Institute for International Economics, 2000. 127 p.
21. Maurer N. Much Ado about Nothing: Expropriation and Compensation in Peru and Venezuela, 1968-75 // *Harvard Business School Working Paper*. 17.03.2011. No. 097. 18 p.
22. Meernik J., Krueger E., Poe S.C. Testing Models of U.S. Foreign Policy: Foreign Aid during and after the Cold War // *The Journal of Politics*. 1998. Vol. 60. No.1. Pp. 63-85.
23. Miles A. US Foreign Policy and the Rogue State Doctrine. London: Routledge, 2013. 208 p.
24. Miller N.L. The Secret Success of Non-Proliferation Sanctions // *International Organization*. 2014. Vol. 68. No. 4. Pp. 913-944.
25. Note. Congressional Control of Foreign Assistance to Post-Coup States // *Harvard Law Review*. 2014. Vol. 127. Pp. 2499-2520.
26. Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // *International Security*. 1997. Vol. 22. No. 2. Pp. 90-136.
27. Schoultz L. Human Rights and United States Policy toward Latin America. Princeton: Princeton University Press, 1981. 421 p.
28. Schoultz L. The Responsiveness of Policy and Institutional Reform to Aid Conditionality // *Central American Recovery and Development Task Force Report to the International Commission for Central American Recovery and Development*. Ed by W. Ascher, A. Hubbard. London: Duke University Press, 1989. Pp. 410-453.
29. Starr D. The Leahy Laws: Alignment of Human

- Rights with Foreign Security Assistance. N.Y.: Nova Publishers, 2014. 135 p.
30. Stohl M. et al. Human Rights and U.S. Foreign Assistance from Nixon to Carter // Journal of Peace Research. 1984. Vol. 21. No. 21. Pp. 225–226.
31. Swartz D. Indeterminate and Unrecognized: Exploring the Relationship Between the Morsi Ouster, Post-Coup Sanctions, and the Recognition Power // New York University Journal of Legislation and Public Policy. 2015. Vol. 18. No.2. Pp. 377-410.

Об авторе:

Владимир Игоревич Бартенеv – к.и.н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, ул. Ленинские горы, д.1, стр.51.
E-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru.

AID PROHIBITION AS A TOOL OF THE U.S. FOREIGN POLICY: DE JURE AND DE FACTO

V.I. Bartenev
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-110-140

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The United States is indisputable global leader in utilizing tools of economic statecraft to secure national interests both through rewarding foreign countries for policies conforming the Washington interests and through punishing them for a deviant behavior. Foreign assistance is one of such mechanisms of global influence. This paper examines the issue of aid prohibition. The first section contains a catalog and an original typology of effective universal (not country-specific) restrictions on foreign aid provision based on the type of the recipient government's actions or inactions through its domestic policy or international behavior that trigger harming the U.S. economic interests. The paper demonstrates that such a typology is equally applicable to the U.S. bilateral and multilateral aid and invites to differentiate between the restrictions within one category depending on whether they are imposed in response to the recipient's actions against the United States or to its international policy as a whole. The second section assesses the extent to which the U.S. government is consistent in imposing the aid restrictions. The conclusion is drawn that the U.S. has established a parallel (to the international law) legal regime of aid prohibitions that helps them control the developing countries' behavior. Most of the active restrictions and prohibitions were imposed during the Cold War but not as byproducts of the bipolarity, which is another illustration of continuity in the U.S. global policies in the 20th and 21st centuries. The imposition of these restrictions reflects not only a diversification of external threats to the U.S. vital interests, but also the logic of the U.S. domestic political process and the legislators' wish to restrain the executive branch. The President, however, is entitled by law to waive most of the norms out of political or strategic considerations. This helps the U.S. government impose restrictions selectively but does not eliminate a hypothetical risk of aid suspension that can refrain a recipient government from certain domestic or external actions. Nonetheless, the impact of the U.S. aid prohibition as a tool of coercion has been declining because of strengthening of non-Western donors – especially, China, Arab countries, Turkey and Russian Federation.

Key words: United States, foreign assistance, economic sanctions, deviant behavior, coercion, expropriation, military coup, human rights, terrorism, nuclear non-proliferation.

References

1. Baluev D. Evolyutsiya ekonomicheskikh sanktsiy kak instrumenta vneshney politiki: ot Vtoroy mirovoy voyny do sanktsiy protiv Rossii [Economic Sanctions as a Foreign Policy Tool: From World War II to Ukraine]. *Mezhdunarodnye Processy*, 2014, vol. 12, no.3, pp. 23-33. (In Russian).
2. Braterskii M.V. *Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski* [Economic instruments of foreign policy]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010. 232 p. (In Russian).
3. Sedlyar Yu.A. Ekonomicheskie sanktsii po neraspromaneniyu vo vneshnei politike SShA: politiko-pravovoi aspect [Nonproliferation economic sanctions in US foreign policy: political and juridical aspects]. *Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 2, pp. 33-41. (In Russian).
4. Timofeev I.N. Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe ponyatie [Economic sanctions as a concept of power politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2018, no. 2, pp. 26-42. (In Russian).
5. Khlebnikova L.R. Instrumenty vneshnei pomoshchi v kontekste amerikanizatsionnogo vzaimodeistviya (1948-2014) [Foreign aid instruments in the context of the United States – Israel relations (1948–2014)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2014, no. 3, pp. 115–149. (In Russian).
6. Shakirov A.R. Sostoyanie i perspektivy razvitiya sistemy ekonomicheskikh sanktsii SShA [The current state and prospects of economic sanctions system in the USA]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2011, no. 1, pp. 94–100. (In Russian).
7. Shakirov A.R. SShA: Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu [USA: official development aid]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, no. 3, pp. 43–51. (In Russian).
8. Apodaca C. *Understanding U.S. Human Rights Policy: a Paradoxical Legacy*. N.Y., Routledge, 2006. 256 p.
9. Barret R.W. Avoiding the Expropriation Nightmare – Tax Consequences and Asset Protection Techniques. *University of Miami Law Review*, 1998, vol. 52, pp. 831–854.
10. Brands H. The United States and the Peruvian Challenge, 1968-1975. *Diplomacy & Statecraft*, 2010, vol. 31, no. 3, pp. 471–490.
11. Callaway R., Matthews E. *Strategic US Foreign Assistance: the Battle between Human Rights and National Security*. Aldershot, Ashgate, 2008. 236 p.
12. Cohen S. Conditioning U.S. Security Assistance on Human Rights Practices // *American Journal of International Law*. 1982. Vol. 76. Pp. 246-279.
13. Crawford G. *Foreign Aid and Political Reform: a Comparative Analysis of Democracy Assistance and Political Conditionality*. N.Y., St. Martin's Press, 2001. 314 p.
14. Crawford G., Kacarska S. Aid sanctions and political conditionality: continuity and change. *Journal of International Relations and Development*, 2017. Pp. 1-31. DOI: 10.1057/s41268-017-0099-8
15. Drezner D. *The Sanctions Paradox. Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 364 p.
16. Northrup C.C., Prange Turney E.C. (eds.) *Encyclopedia of Tariffs and Trade in U.S. History*. Westport, CT, Greenwood Press, 2003. 1631 p.
17. Finney L.D. Development Assistance – a Tool of Foreign Policy. *Case Western Reserve Journal of International Law*, 1983, vol. 15, pp. 213–252.
18. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Peterson Institute for International Economics, 2009. 248 p.
19. Johnston N. Political Risk and Realpolitik: the Politics of Compensation for Expropriation. *SSRN Electronic Jour-*

- nal. 08.08.2012. 49 p. DOI: 10.2139/ssrn.2134577.
20. Lancaster C. *Transforming Foreign Aid: United States Assistance in the 21st Century*. Washington, DC: Institute for International Economics, 2000. 127 p.
 21. Maurer N. Much Ado about Nothing: Expropriation and Compensation in Peru and Venezuela, 1968-75. *Harvard Business School Working Paper*. 17.03.2011. No. 097. 18 p.
 22. Meernik J., Krueger E., Poe S.C. Testing Models of U.S. Foreign Policy: Foreign Aid during and after the Cold War. *The Journal of Politics*, 1998, vol. 60, no.1, pp. 63–85.
 23. Miles A. *US Foreign Policy and the Rogue State Doctrine*. London, Routledge, 2013. 208 p.
 24. Miller N.L. The Secret Success of Non-Proliferation Sanctions. *International Organization*, 2014, vol. 68, no. 4, pp. 913–944.
 25. Note. Congressional Control of Foreign Assistance to Post-Coup States. *Harvard Law Review*, 2014, vol. 127, pp. 2499–2520.
 26. Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*, 1997, vol. 22, no. 2, pp. 90–136.
 27. Schoultz L. *Human Rights and United States Policy toward Latin America*. Princeton, Princeton University Press, 1981. 421 p.
 28. Schoultz L. The Responsiveness of Policy and Institutional Reform to Aid Conditionality. In: *Central American Recovery and Development Task Force Report to the International Commission for Central American Recovery and Development*. Ed by W. Ascher, A. Hubbard. London: Duke University Press, 1989, pp. 410–453.
 29. Starr D. *The Leahy Laws: Alignment of Human Rights with Foreign Security Assistance*. N.Y., Nova Publishers, 2014. 135 p.
 30. Stohl M. et al. Human Rights and U.S. Foreign Assistance from Nixon to Carter. *Journal of Peace Research*, 1984, vol. 21, no. 2, pp. 225–226.
 31. Swartz D. Indeterminate and Unrecognized: Exploring the Relationship Between the Morsi Ouster, Post-Coup Sanctions, and the Recognition Power. *New York University Journal of Legislation and Public Policy*, 2015, vol. 18, no. 2, pp. 377–410.

About the author:

Vladimir I. Bartenev – Associate Professor, Director for Centre for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. Russia, 119991, Moscow, Leniskie Gory, 1. E-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru.

ОБОРОНА РОССИИ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАПАДЕНИЯ ВЕРОЯТНОГО ПРОТИВНИКА

А.И. Подберёзкин, А.В. Жуков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

В данной статье анализируется концепт стратегической стабильности и его современное развитие в отечественной военно-политической мысли. Авторы отмечают, что расширение смыслового наполнения концепта стратегической стабильности в Российской Федерации вызвано развитием стратегических неядерных сил сдерживания и линией США на снижение зависимости американской внешней и оборонной политики от фактора ядерного сдерживания. Данные изменения военно-политической обстановки в мире привели к снижению стабильности во взаимоотношениях ключевых государств, несмотря на некоторое распространение технологий ядерных вооружений в странах Азии.

В статье предпринята попытка доказать, что Российская Федерация в состоянии противостоять новым вызовам, связанным с качественными изменениями отношений взаимного сдерживания с США. Для этого авторы последовательно анализируют исторический контекст и концептуальные основания политики сдерживания – в том числе, недавние документы, принятые на высшем уровне в России. Кроме того, авторы анализируют недавно принятые на вооружение системы крылатых ракет в России и США, а также системы противоракетной обороны, которые изменяют соотношение сил для гарантированного ответного удара стратегических ядерных сил. Исходя из текущих технологических разработок и временных рамок их внедрения, авторы делают вывод, что России удалось добиться существенных результатов в сфере воздушно-космической обороны, в то время как военно-морская оборона и внедрение новых средств доставки нуждается в дополнительном внимании соответствующих инстанций. Наконец, авторы отмечают, что развитие отечественного военно-промышленного комплекса напрямую зависит от экономического развития страны, а это означает, что степень эффективности российских стратегических вооружений должна оставаться существенно выше, чем у зарубежных аналогов.

Ключевые слова: стратегическое нападение, сдерживание, ядерное оружие, оборона, стратегия, США, Россия, внешняя политика, военная политика.

УДК 355.432.2

Поступила в редакцию 29.09.2018 г.

Принята к публикации 16.12.2018 г.

В отечественной и зарубежной научной литературе немалое внимание уделяется явлению стратегического сдерживания между ключевыми великими державами современности – США и Российской Федерации. В связи с появлением новых вызовов и угроз, сокращением ядерных арсеналов и изменением военно-политической карты мира, некоторые специалисты (такие как, например, Л. Фридман) высказывают мнение, что и содержание стратегического сдерживания будет трансформироваться [3; 8; 10]. Встаёт закономерный вопрос о том, могут ли государства приспособиться к новым условиям и использовать их в своих целях [7; 9]. Многое зависит от концептуализации понятия сдерживания, от определения новых качеств современного сдерживания и новых элементов международной среды [12]. Именно выявлению специфики российских подходов к сдерживанию, концептуализации новых элементов сдерживания в отечественной военной и военно-политической мысли посвящена настоящая статья.

С методологической точки зрения, авторы опираются на дескриптивные и историко-понятийные (Р. Козеллек) подходы, направленные на деконструкцию дискурса о сдерживании и определении текущего понятийного ядра этого концепта в условиях новой военно-политической обстановки в современном мире.

Вторая половина XX в. была во многом обеспечена отсутствием глобальной войны именно из-за существования возможности стратегического сдерживания посредством ядерного устрашения (англ. *deterrence*), которое вплоть до недавнего времени не ставилось под сомнение и рассматривалось не только как стратегическое равновесие, но и, по сути, как военно-стратегическое равенство. Политический суверенитет СССР и России в настоящее время в конечном счёте, как известно, гарантирован возможностями СЯС РФ нанести ядерный удар по территории США и их союзников. Грубо говоря, до сих пор считалось, что политический суверенитет равнозначен способности отразить ядерное нападение, которое рассматривалось как стратегическое нападение, которое могло быть осуществлено, как правило, в очень ограниченном наборе заранее подготовленных планов-вариантов использования СНВ [1].

Эта возможность нанесения Советским Союзом и Россией ответного удара в течение нескольких послевоенных десятилетий обеспечивала стратегическое равновесие и гарантировала СССР, а затем России, практически полную самостоятельность при принятии важнейших политических решений. Причём не только при защите собственной территории, но и интересов своих союзников (СССР несколько раз прибегал к эксплицитным угрозам) и интересов СССР и России за рубежом [6]. В этом смысле стратегическое сдерживание несло в себе и глубокий политический смысл как способность гарантировать защиту интересов национальной безопасности посредством угрозы применения ядерного оружия (рис. 1).

Рис. 1. Эволюция роли ядерного оружия среди средств и способов стратегического нападения

Picture 1. Evolution of nuclear weapon's role in the balance of different means of strategic offence

Однако к началу XXI в. эта ситуация, от которой долгие годы пытались избавиться США, создавая качественно новые системы стратегических наступательных вооружений и управления ими, была поставлена под сомнение. Это означает, что сомнения могут возникать уже и в отношении всего военно-стратегического равновесия, включая военные возможности на разных театрах военных действий и соотношения в самых разных областях. Но такие же сомнения могут возникать и в политическом плане, что уже ставит под вопрос существование суверенитета и независимой политики. Эрозия этих представлений к концу второго десятилетия достигла такого уровня, когда суверенитет России в целом ряде областей, прежде всего политике, экономике, финансах, стал ставиться под сомнение потому, что оказался оторванным от военно-стратегического суверенитета, рассматриваться в качестве возможного для ограничения с помощью силовых, но не военных инструментов политики «силового принуждения».

Более того, во втором десятилетии стало ясно, что против целого ряда силовых средств, способов и угроз со стороны Запада ядерное оружие, включая стратегическое, бесполезно, а его ценность стремительно падает. Соответственно трансформируется и представление о стратегическом сдерживании, которое в XXI в. приобретает более широкое понятие как способность того или иного государства

эффективно управлять своими силовыми компонентами и средствами политики в условиях кризиса. Особенно в связи с появлением новых видов и систем оружия в области противоракетной и противовоздушной обороны (ПРО-ПВО), с одной стороны, космических систем и средств высокоточного оружия (ВТО), с другой. Эта тенденция набирает силу, угрожая к 2025–2030 гг. возникновением такой военно-политической обстановки (ВПО), когда стратегические потенциалы станут экзотическими средствами ведения войны в исключительных обстоятельствах, освобождая руки для любых силовых и собственно военных действий.

С терминологической точки зрения важно понимать, что нужно достаточно определённо отличать стратегические средства и силы для нападения, обороны и сдерживания. Эти силы, в свою очередь, делятся на военные (вооружения, военная и специальная техника и вооружённые силы, ВВСТ и ВС) и невоенные (экономические, политические, информационные и так далее). При этом достаточно условном делении необходимо иметь в виду, что:

- различия между стратегическими, оперативными и тактическими средствами в настоящее время достаточно условны и нередко исчезают;
- как правило, военные и не военные стратегические средства используются системно и совместно. Даже в тех случаях, когда происходит применение только не военных силовых средств, их эффективность обеспечивается стратегическими военными силами. Так, торгово-экономические санкции против Кубы обеспечивали ВМС США, а против России сегодня вся военная машина, включая средства разведки, наблюдения, мониторинга.

Такая же непростая ситуация наблюдается и в области военного искусства, то есть разработки способов и методов наиболее эффективного применения стратегических сил и средств, а также в области политического искусства и его отдельного направления – военно-политического искусства, где в самые последние годы наблюдаются серьёзные изменения. В частности, «стратегическое нападение», «ядерный удар», «стратегическая оборона» и «стратегическое сдерживание» – эти понятия долгое время находились в основе представлений о внешней и военной политике и отношений ядерных держав [6]. Под ними, как правило, понимались вполне определённые представления о роли и значении, а также способах использования ядерного оружия, которое было вполне конкретно связано с существованием и развитием стратегических наступательных вооружений (СНВ), характеристику которых определили в ходе советско-американских переговоров об ограничении СНВ как средств доставки, обладающих дальностью более 5000 км, оснащённых ядерными боеголовками или бомбами.

Эволюция средств стратегического нападения, обороны и сдерживания в XXI в.

За очень короткий период времени в 20–25 лет представление о стратегическом сдерживании в США и отчасти в России претерпело принципиальные из-

менения. Если прежде под этим понятием понималось преимущественно «ядерное сдерживание», то есть возможность нанесения неприемлемого ущерба в случае военного нападения на СССР и Россию, то в настоящее время можно констатировать, что стратегическое сдерживание превратилось по сути в политику обеспечения национальной безопасности – «реализацию органами власти... политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворения национальных интересов»¹.

Другими словами, от очень узкого толкования понятия «стратегическое сдерживание» как синонима «ядерного сдерживания» ушли в направлении очень широкого понимания защиты всех национальных интересов и синонима понятия «обеспечение национальной безопасности», что стало отчасти повторением известного опыта США, когда существовало достаточно узкое понятие «ядерное сдерживание» («deterrence») и более широкое – «сдерживание СССР» («коммунизма»), – определявшееся термином «containment». В те годы (70-е и 80-е) существовала определённая путаница, связанная с тем, что термин («сдерживание») в СССР переводился одинаково при наличии принципиальной разницы в терминологии. Но дело в конечном счёте не в терминах, а в том, что в СССР и позже в России, вплоть до недавнего времени существовала инерция и традиция рассматривать «сдерживание» как именно «ядерное сдерживание», хотя оно уже фактически давно устарело.

Сегодня уже мало кто пользуется этими понятиями в их изначальном смысле, но важно вернуться сейчас коротко к их реальному значению, которое сохранилось так или иначе в военно-теоретическом мышлении Запада. Так, «ядерное сдерживание» («deterrence») вообще-то имело в виду «точный выстрел на охоте», «убийственный выстрел», который в ядерной стратегии мог означать только одно – ядерное уничтожение.

Другое дело – «сдерживание СССР» («containment»), которое означало в изначальном понимании гарантированную защиту ядерного реактора от внешних факторов, то есть защиту государства от внешней угрозы.

В настоящее время мы пришли к пониманию расширенного толкования сдерживания как защиты всех национальных интересов (всеми органами власти и общества и всеми мерами, как указано в Стратегии национальной безопасности), но наша инерция мышления в политике и военной области продолжает хранить традиции «ядерного сдерживания», которые сегодня не отражают реалий, хотя нельзя отрицать и того, что некоторые представители правящей элиты полагают, что для защиты экономических и финансовых интересов можно было бы использовать ЯО.

Таким образом, мы констатируем, что по мере распада Организации Варшавского договора (ОВД) и СССР само представление о «ядерном сдерживании»

¹ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

менялось потому, что ядерное оружие перестало быть универсальным политическим средством для решения важнейших вопросов – экономических, финансовых, политико-дипломатических и даже военных. Его функции существенно ограничались функциями «последнего аргумента» при защите национального суверенитета, но уже слабо используемого при защите невоенных национальных интересов. Что и нашло своё отражение в Военной доктрине России и выступлениях ряда высших руководителей, допустивших применение ядерного оружия в ответ на использование неядерных вооружений. Кроме того, появились целые военно-технические направления (ВТО, ПРО, оружие, основанное на новых физических принципах, и др.), которые стали стремительно девальвировать стратегические ядерные силы (СЯС), а их использование рассматривалось в Военной доктрине России как условие применения ядерного оружия (ЯО).

Наконец, создание в КНР, Индии и других государствах (включая КНДР, Израиль, Пакистан) ядерных потенциалов привело к объективному обесценению ядерного оружия, при котором стратегическое нападение на Россию, например, может быть реализовано неядерными средствами, а политический результат, полученный при этом, может быть приравнен к победе в войне. Так, вполне реализуем сценарий, который попытались осуществить в 1990-е гг. на Северном Кавказе, когда экстремистские силы, подготовленные и финансируемые извне, развертывают ширококомасштабные военные действия против России. Современные потенциальные театры военных действий (ТВД) подобного рода, где ответные действия Вооруженных сил России не будут предполагать применения ядерного оружия (хотя и официальное руководство России и делало на этот счет конкретные оговорки²): Украина, Кавказ, Средняя Азия

Но ключевая причина в изменении роли ядерного оружия заключается в том, что в настоящее время ситуация в ядерной области стремительно меняется вместе с радикальными изменениями международных и военно-политических отношений. Прежде всего, во-первых, потому, что появилась **политическая потребность** у западной военно-политической коалиции принудить Россию к отказу от суверенитета, который остаётся фактически единственным средством, гарантирующим безопасность России, с одной стороны, и сознательное и быстрое развитие Западом новейших **военно-технических средств** (прежде всего, ВТО и гиперзвуковое оружие, а также средства ПРО) для того, чтобы вернуть угрозам использования военной силы реальные и практические возможности. Другими словами, превратить стратегическое нападение из ядерной операции в масштабное использование неядерных сил, естественно, под угрозой ядерной эскалации.

Таким образом, стратегическое нападение стало рассматриваться в качестве реального политического инструмента, а создание потенциала для его применения – как цель военно-технической политики. Такой потенциал должен вклю-

² Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

чать самый широкий набор силовых инструментов, спектр которого включает как самые безобидные возможности «мягкой силы», так и угрозу применения стратегического ядерного оружия.

С политической точки зрения, такая политика Запада стала естественным и логичным продолжением политики после ликвидации СССР и ОВД, которая фактически привела к потере большинством стран советского блока и бывших советских республик своей независимости и суверенитета, когда вопрос вплотную встал об ограничении суверенитета России, мешавшего установлению «общепризнанного» международного порядка.

В течение ряда лет этого успешно добивались применительно к России, «поднимаясь» по различным стадиям эскалации экономических, финансовых, информационных, демографических и иных мер, постепенно сужая возможности принятия самостоятельных решений правящей элитой России.

К концу 1990-х гг. такая эскалация привела к потере Россией значительной части не только финансово-экономического, но и военно-политического суверенитета, что очень хорошо было видно по вмешательству как в военную политику России, так и в Югославии, на Кавказе и в Средней Азии. Последним рубежом сохранения Россией политического суверенитета стал контроль над стратегическими силами («кнопка»), который ассоциировался с президентской властью и полномочиями главнокомандующего [4, с. 659–836]. Однако к концу 1990-х гг. уже и этот контроль становился всё более символическим – хаотичное сокращение СНВ России и физическое устаревание ВВСТ привело к тому, что при отсутствии масштабной модернизации СНВ становились в возрастающей степени символическим и исчезающим потенциалом, который мог «растаять»³.

К началу второго десятилетия нового столетия политика Запада в отношении России стала открыто принимать форму «силового принуждения» (англ. *the power to coerce*), важнейшим элементом которой должна стать концепция «стратегического нападения» [11, с. 5-10]. Эта концепция должна прежде всего гарантировать Западу эффективность использования всех других силовых средств, включая конвенциональные средства, а также обеспечить контроль над эскалацией (сохранение преимуществ на каждой из ступеней развития конфликта) в случае перехода войны на уровень, когда используются стратегические вооружения в ядерном или обычном, неядерном, оснащении. Таким образом стратегический потенциал России – политически и исторически – остался пока что единственной гарантией суверенитета государства, но его эффективность уже поставлена под сомнение.

Выход России из кризиса сопровождался постепенным возвращением ей суверенных функций в области внутренней, финансовой, экономической и военной политики, уступленных ею в 1980-е и 1990-е гг. XX в. Во многом этому способствовала функция возможности нанесения ядерного удара, т.е. возвращение,

³ The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash. 2015. P. 10.

например, международного суверенитета во многом было обеспечено тем, что у России сохранился эффективный ядерный потенциал. Этот потенциал играл и играет исключительно важную роль не только гарантии от ядерного нападения, но и сдерживания от военного нападения вообще и (отчасти) от политического давления. Естественно, что в условиях, когда Запад пытается фактически обесценить этот потенциал, Россия предпринимает все необходимые усилия, чтобы не допустить этого, прежде всего, в военно-технической области, создавая свои системы ВТО и преодоления ПРО, гиперзвуковые системы оружия.

Одновременно в военно-политической области Россия вышла из относительно узкого понимания «стратегического нападения» как нападения с помощью только ядерного оружия. В Концепции национальной безопасности, Военной доктрине, выступлениях высших политических и военных руководителей было сформулировано новое представление о возможности отражения стратегического нападения без ядерного оружия с помощью СНС России и других систем.

Этот подход означал, что в России пересмотрен целый ряд положений военного искусства и политики относительно использования ЯО. Другими словами, у ядерного оружия, в особенности его стратегического потенциала, всегда существовало не только военное, но и политическое назначение – «ядерного сдерживания» или «сдерживания посредством ядерного устрашения» (англ. *deterrence*). В настоящее время понятие «сдерживание» в России трактуется шире, – уже не только как «ядерное сдерживание», но и как военное противодействие стратегическому нападению с применением неядерного оружия, т.е. способности военно-силового противодействия, включая и политическую способность нейтрализовать военные угрозы. Другими словами, сфера политического сдерживания распространяется и на неядерную область.

У этой возможности политического сдерживания, однако, есть и известный огромный недостаток – слишком высока вероятность (более того, она практически неизбежна) эскалации военного конфликта, в том числе, неконтролируемого ядерного конфликта, в результате которого будет нанесён катастрофический ущерб всем участникам военного и ядерного конфликта. Это делает сознательное использование ядерного оружия в качестве политического инструмента крайне рискованным и из-за этого маловероятным, а по мере развития неядерного стратегического ВТО, новых средств поражения и ВКО, – и все менее эффективным.

В период до 2025 г. России предстоит расширять всю линейку средств и способов противодействия стратегическому нападению, не полагаясь только и исключительно на СНВ. В частности, это потребует:

- разработки и модернизации новых СНВ и средств преодоления ПРО;
- разработки и развертывания всего спектра ВТО на разных платформах и в достаточно большом количестве;
- разработки и создания новых систем ВКО, в особенности средств перехвата межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ);

– совершенствования системы управления, раннего обнаружения, оповещения и контроля над ВПО в мире.

Новые представления о средствах стратегического нападения

Стратегическое сдерживание и стратегическая оборона – два не вполне совпадающих понятия. Если «стратегическое сдерживание» можно рассматривать как способность сохранять контроль над кризисной ситуацией и управлять развитием политического и военного конфликта на самых разных его стадиях, то «стратегическая оборона» – собственно военная часть стратегического сдерживания.

В XXI в. стратегическое нападение может быть осуществлено уже не только при помощи ядерных вооружений, но и комплекса неядерных средств, способных выполнить эту стратегическую задачу, без неизбежной угрозы перерастания глобального конфликта во всеобщую ядерную войну [11, с. 5-10]. Перечень таких средств стремительно увеличивается и не ограничен известными сегодня, а способы их применения постоянно совершенствуются, либо создаются сознательно заново. В настоящее время их условно можно разделить на следующие четыре группы:

- стратегические наступательные вооружения (СНВ), включающие широкий спектр вооружений и военной техники наземного, космического, морского и воздушного базирования, оснащённые неядерными боеприпасами;
- стратегические и иные средства воздушно-космической обороны, способные как уничтожать стратегические средства нападения, так и являться таковыми;
- стратегические неядерные вооружения, способных выполнять эти функции, не являясь таковыми по своим тактико-техническим характеристикам (ТТХ);
- ВВСТ и специальная техника, способная обеспечить решение специальных стратегических задач (кибер- и информационное оружие, средства радиоэлектронной борьбы и т.д.).

К стратегическим неядерным средствам можно отнести, например, крылатые ракеты большой дальности, оснащённые неядерными боеприпасами, которые были использованы США в Сирии, а до этого в Ливии, Ираке, Афганистане и Югославии.

Крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) являются основным средством поражения, входящим в состав вооружения самолетов стратегической бомбардировочной авиации ВВС США. Оперативно-тактической особенностью крылатой ракеты (КР) этого класса является режим пассивного следования рельефу местности на предельно малых высотах на дозвуковой скорости. В качестве силовой установки используется турбореактивный двигатель, обеспечивающий наиболее экономичный расход топлива в заданных условиях полета [2].

Сверх- и гиперзвуковые крылатые ракеты

В США одним из приоритетных направлений развития средств воздушно-го нападения является реализация программ создания сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет с большой дальностью стрельбы, которые будут предназначены для нанесения в кратчайшие сроки массированных, одиночно-избирательных ракетных ударов по наземным и морским критичным по времени целям. Во время наземных испытаний двигателя были оценены системы охлаждения, а также управления им на сверхзвуковых скоростях. Его запуск производится с использованием этилена с переходом на керосин марки JP-7. Двигатель SJX61-1 испытан в наземных условиях сначала на скорости, соответствующей максимальному числу $M = 4,5-5$, а затем $M = 6,5$.

В настоящее время специалисты научно-исследовательского центра ВМС совместно с ВВС, НАСА и Управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (ДАРПА) в рамках демонстрационной программы «Революционный подход к критичному по времени дальнему удару» (Revolutionary Approach To Time Critical Long Range Strike, RATTLRS) работают над созданием семейства сверхзвуковых ($M = 3-4$) управляемых ракет классов «воздух – земля» и «корабль – берег». Ракета предназначена для поражения критичных по времени целей. Предполагается, что ракетой класса «воздух – земля» будут оснащены тактические истребители и стратегические бомбардировщики. Стоимость серийного образца ракеты при производстве партии в 2 500 единиц не должна превышать 600 тыс. долл. Основные тактико-технические требования, предъявляемые к сверхзвуковой управляемой ракете, приведены в табл. 1.

Таблица 1. Сравнительные характеристики КРВБ
Table 1. Comparative features of Air-Launched Cruise Missiles

Характеристика	AGM-86C Block 1A	AGM-86D Block 2	AGM-158A	AGM-158B
Дальность стрельбы, км	1 500	1 500–1700	400	800–1000
Скорость полета, м/с	208–236	208–236	208–236	208–236
Точность наведения (КВО), м	5–15	3-5	3	3
Стартовая масса, кг	1 950	1 950	1050	1100–1200
Тип и масса БЧ, кг	Осколочно-фугасная, 1 360	Проникающая, 400	Осколочно-фугасная или проникающая, 430	Осколочно-фугасная или проникающая, 400
Система наведения	ИНС/ПС КРНС + «Терком»	ИНС/ПС КРНС, работающая в дифференциальном режиме, + «Терком»	ИНС/ПС КРНС (начальный и средний участки); ТПВ ГСН и система автоматического распознавания цели (конечный участок)	ИНС/ПС КРНС + ТПВ ГСН и система автоматического распознавания цели

Таким образом, основным вооружением самолетов стратегической бомбардировочной авиации являются крылатые ракеты воздушного базирования как в ядерном (AGM-86B), так и обычном оснащении (AGM-86C и D, AGM-158A и B). С учётом заключенных договоров по сокращению ядерных вооружений, а также по причине истечения срока эксплуатации ракет AGM-86B часть задач будет возложена на крылатые ракеты воздушного базирования в неядерном оснащении, которые, как показали исследования, при высокой точности наведения на цель по эффективности не уступают КР с ядерной БЧ.

Кроме того, в США ведутся интенсивные работы по созданию сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет воздушного базирования с дальностью пуска не менее 1 000 км. Основное преимущество таких КР – малое подлетное время (10–20 мин в зависимости от дальности до цели) и трудность их поражения существующими средствами противовоздушной обороны.

В настоящее время в стране реализуется несколько программ по разработке демонстрационных образцов сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет, в частности RATTLS и X-51A. Они уже проходят летные испытания, и, как планируется, войдут в состав вооружения самолетов стратегической бомбардировочной и тактической авиации [2, с. 60-65].

По сути, разрабатываемые сегодня в США КРВБ и гиперзвуковые системы вполне удовлетворяют требованиям, предъявляемым к средствам стратегического нападения для нанесения высокоточного, разоружающего удара. Эти характеристики – вполне объективны и вытекают из тех технико-технических требований, которые предъявляются к этому виду оружия, что позволяет прогнозировать их массовое поступление на вооружение к 2025 г. Как видно из данных ниже, создаваемые системы оружия изначально предназначены для этих целей.

Таблица 2. Основные тактико-технические требования, предъявляемые к сверхзвуковой управляемой ракете

Table 2. Major tactical and technical criteria of offensive missile

Максимальная дальность стрельбы, км	Не менее 900
Максимальная скорость полета, число М	4,5
Подлетное время до цели на максимальную дальность, мин	15
Точность наведения (КВО), м	Не более 9
Стартовая масса, кг	820
Масса боевой части (не менее), кг	250
Длина, м	4,27–4,72
Максимальный диаметр, м	0,55–0,6

Повышение возможностей использования КР к 2025 г. приведёт к созданию для России качественно новой угрозы массированного нападения с помощью не-

ядерных крылатых ракет стратегического характера. В особенности с различных направлений Мирового океана. Не случайно утвержденная Президентом РФ в июле 2017 г. новая редакция военно-морской политики фиксирует, что «основными показателями состояния национальной безопасности в области военно-морской деятельности являются состав, состояние и возможности Военно-морского флота, обеспечивающие военную безопасность Российской Федерации с океанских и морских направлений, а также защиту национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане».

Россия также будет стремиться к закреплению ВМФ на втором месте в мире по боевым возможностям. «Российская Федерация не допустит существенного превосходства военно-морских сил других государств над Военно-морским флотом и будет стремиться к его закреплению на втором месте в мире по боевым возможностям»⁴.

В документе отмечается, что в мирное время и в период непосредственной угрозы агрессии ВМФ должен быть способен не допустить силовое давление и агрессию в отношении Российской Федерации и ее союзников с океанских и морских направлений, а также оперативно и скрытно разворачивать силы (войска) в удаленных районах Мирового океана. ВМФ должен быть способен обеспечить устойчивое, скрытное и непрерывное управление силами (войсками) в реальном масштабе времени при их нахождении в любых районах Мирового океана.

В военное время флот должен быть способен нанести неприемлемый ущерб противнику в целях его принуждения к прекращению военных действий на условиях гарантированного обеспечения национальных интересов РФ. Флот должен вести успешное противоборство с противником, обладающим высокотехнологичным военно-морским потенциалом, в том числе имеющим на вооружении высокоточное оружие, с группировками его военно-морских сил в ближних, дальних морских зонах и океанских районах.

В эти же годы в других областях военного строительства США произойдут не менее значительные перемены. В частности, среди средств воздушно-космического нападения, а также систем противоракетной обороны.

Средства воздушно-космической обороны и стратегического сдерживания

Исключительно важное значение для стратегического нападения, обороны и стратегического сдерживания приобрели в последние два десятилетия средства воздушно-космической обороны и нападения (ВКО), которые с военно-политической точки зрения стали синонимами государственного суверенитета. Политическая функция средств ВКО как средств стратегического сдерживания от возможного военного нападения в XXI в. стала играть исключительно важную роль. Войны и военные конфликты – от Югославии и Афганистана до Сирии –

⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42117/print> (Дата обращения: 10.12.2018)

показали, что средствам ВКО принадлежит исключительно важная не только военная, но и политическая роль. Это было ясно продемонстрировано той осторожностью, с которой применяются, например, ВВС США, Израиля или Турции против Сирии. Или отсутствием активных боевых действий авиации Украины против вооружённых сил ДНР и ЛНР.

Более того, наличие эффективных средств ВКО обеспечивало и применение ВВС против сухопутных сил с максимальной эффективностью и минимальными потерями. Это было также доказано проведением успешной операции российскими ВКС в Сирии, которые за два года фактически уничтожили основные воинские вооружённые формирования террористов. Таким образом, наличие или отсутствие эффективных средств ВКО в настоящее время можно отождествлять с наличием или отсутствием у государства суверенитета в области его безопасности [5].

Учитывая, что акценты Запада последних лет были сосредоточены на создании потенциала для возможной эскалации воздушно-космического нападения, состоящей из системы широкомасштабной ПРО, нового поколения СНВ и высокоточных стратегических неядерных систем, перед Россией со всей очевидностью формируется угроза, когда США и их союзники смогут использовать это превосходство для проведения политики «силового принуждения», прежде всего с помощью угрозы применения военной силы и шантажа [3]. Это очень хорошо видно на примере развития всей линейки средств воздушно-космического нападения США и их союзников в последние десятилетия, но – что особенно беспокоит – с достаточно определёнными практическими результатами к 2025–2030 гг. Как видно из презентации генерального директора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Я.В. Новикова, потенциал стратегического военного нападения сложится в США в процессе начатого военного строительства с очень высокой степенью вероятности.

Поэтому развитие средств воздушно-космического нападения США требует от России адекватных мер в области воздушно-космической обороны, которые охватывают самый широкий спектр мероприятий, в частности, развертывания систем ПРО-ПВО ближней, средней и большой дальности, которые обладали бы очень высокой эффективностью перехвата значительного количества целей. В настоящее время этим требованиям вполне соответствуют три базовые комплекса:

- ближней дальности «Тор»;
- средней дальности «Бук»;
- большой дальности С-400 и С-500.

Ожидается, что концерн «Алмаз-Антей» начнет серийные поставки зенитно-ракетной системы С-500 «Прометей» в 2019 г., которая сможет обеспечить защиту особо важных районов и воинских частей, на что, естественно, потребуются достаточно много времени. Вероятно, этот период составит 10–15 лет, что существенно отстает от темпов роста западных средств воздушно-космического нападения, что дестабилизирует ВПО в районе 2025–2030 гг.

Во многом это объясняется политикой концерна. Изначально, при его создании исходили из необходимости концентрации в одной структуре прежних советских активов, часть из которых уже была приватизирована и перепрофилирована. Диктовалось это необходимостью модернизации всей линейки ВВСТ, обеспечивающих ПВО войск, объектов и ПРО страны от самых разных средств воздушно-космического нападения.

Кроме того, инновационная политика концерна проводится, исходя из непреложного принципа: если постоянно не двигаться вперед, то рано или поздно тебя начнут обгонять более слабые конкуренты. Именно поэтому «Алмаз-Антей» является мировым «законодателем моды» в области систем противоздушной обороны. Причём комплексы последних разработок в значительной степени решают и задачи противоракетной обороны. Именно поэтому в 2018 г. концерн начинает разработку системы ПВО нового поколения [5]. С-500 и предшествующая ей система С-400, уже эксплуатируемая в войсках, – грандиозный проект. Для выпуска этих систем, а также перспективных разработок комплексов ПВО-ПРО был специально построен Нижегородский машиностроительный завод имени 70-летия Победы. Строительство завода обошлось в 45 млрд руб.

При разработке систем ПВО/ПРО концерн «Алмаз-Антей» идёт, что называется, своим путём, который отличен от того, что делают в этой области американские конструкторы. Новейшая модификация американского ЗРК Patriot PAC-3 использует всего лишь одну ракету, которая должна перехватывать и аэродинамические (самолёты и крылатые ракеты), и баллистические цели. Такой универсализм не идёт на пользу боевым характеристикам. Поэтому вероятность поражения баллистической ракеты противоракетой «Патриот» не превышает 10–15%. И это, не учитывая работы станции радиоэлектронной борьбы, которой может быть оснащена ракета. И нижний порог поражения аэродинамических целей слишком большой, то есть противоракета плохо работает по низколетящим целям.

Правда, сравнительно недавно в сухопутные войска США начали приходить узкоспециализированные мобильные комплексы THAAD. Они предназначены для заатмосферного перехвата баллистических ракет. И в них наличие единственной ракеты вполне оправдано. Вот только к этому комплексу надо приставлять ещё и «Патриот», чтобы иметь возможность защищаться от налетов авиации, а также от атаки крылатых ракет. Кстати, именно такой атакующий набор имеет российский оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер», способный одновременно атаковать и баллистической, и крылатой ракетами.

Будущая система С-500 будет универсальна и по своим возможностям значительно превосходить систему С-400, а тем более очень эффективную С-300. У С-500 будет значительный арсенал противоракет «на все случаи жизни». При этом противоракеты для аэродинамических целей и для баллистических строго разделены, что существенно повышает их боевую и экономическую эффективность. С-500 — это, по сути, два различных комплекса, имеющих общую систему

электропитания. У каждой подсистемы своя радиолокационная станция (РЛС) с активной фазированной антенной решёткой, максимально приспособленная для обнаружения и сопровождения своего класса целей.

Каждый новый комплекс ПВО-ПРО, созданный в концерне «Алмаз-Антей», является развитием предыдущих, от которых он наследует наиболее эффективные средства управления, обнаружения и поражения. В «Прометее» используются ракеты, предназначенные для перехвата аэродинамических целей от С-400 «Триумф». Они имеют различную дальность, высоту перехвата, скоростные и динамические качества. Каждая ракета наиболее адаптирована для поражения своего класса целей. Три ракеты разработаны специально для «Прометей». Самой мощной, которая предназначена для борьбы с аэродинамическими целями, является 40Н6М, имеющая дальность, равную 600 км. Дальность ракеты ТНААД в три раза меньше – 200 км.

Ещё две новые ракеты разработаны в КБ «Факел» для баллистических целей. Это 77Н6-Н и 77Н6-Н1. Их характеристики не разглашаются. Известно лишь, что они справляются не только с баллистическими ракетами средней дальности, но и с МБР на среднем и конечном участках их траектории. И не только с самими ракетами, но и с отделившимися боевыми блоками малой заметности, эффективная площадь рассеяния которых не превышает 0,1 кв. м. При этом скорость поражаемых целей может достигать 7 км/с.

Существует информация, поступавшая от компетентных источников в оборонном ведомстве, согласно которой эти две новые ракеты могут использоваться в перспективной модификации системы ПРО Московского региона и Центрального промышленного района А-235 «Нудоль». Это означает, что с принятием на вооружение мобильной ЗРС С-500 в различных регионах России появится столь же надёжный противоракетный зонтик, как и тот, который сейчас защищает столичный регион.

О возможностях новых ракет можно судить, сравнив их с противоракетой ТНААД, максимальная скорость которой достигает 2800 м/с. У российских ракет, предназначенных для поражения баллистических ракет, – 3600 м/с. По дальности превышение четырёхкратное: 800 км против 200 км. (По некоторым сведениям, самая дальняя ракета «Триумфа» способна улететь на 1500 км). По высоте перехвата выигрыш не столь существенен: 200 км против 150 км. Всё это относится к приращению качества системы по отношению к С-400.

Американский комплекс не в состоянии конкурировать с российским, «Прометей» способен отражать массированные ракетные нападения. Дивизион ЗРС-500 сопровождает 160 целей и одновременно обстреливает 80 из них. К достоинствам системы также следует отнести интегрирование комплексов в единую информационную систему, на которую способны работать как беспилотники, так и самолеты ДЛРОиУ (системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления) и мощные РЛС предупреждения о ракетном нападении семейства «Воронеж» с дальностью в 6000 км. По сравнению с предыдущими ЗРК С-500

повысились возможности не только РЛС и противоракет, но и всего комплекса радиоэлектронного оборудования. Новейшие средства связи, относящиеся к шестому поколению, исключают возможность радиоперехвата, а также полностью защищены от внешних помех. В то же время новейшая аппаратура радиоэлектронной борьбы, использованная в мобильных комплексах, расположенных на пятиосных колесных платформах, позволяет с высокой эффективностью нейтрализовать противорадиолокационные ракеты противника. Также ракеты С-500 оснащены аппаратурой подавления РЭБ уничтожаемых целей.

О скором приходе «Прометей» в ВКС свидетельствует то, что на базе Военной академии воздушно-космической обороны началась подготовка офицеров для работы на этих комплексах ПВО-ПРО.

Противодействие средствам стратегического нападения – приоритетная задача обеспечения военной безопасности и стратегического сдерживания, требующая огромных экономических и финансовых затрат, которые стремительно будут увеличиваться у России. Это особенно важно в условиях обострения международной военно-политической обстановки и роста напряженности в отношениях России и Запада. Между тем, если вернуться к экономическим и технологическим перспективам развития России и других центров силы в мире, то неизбежно придется сделать вывод о том, что противодействовать придется в условиях, когда соотношение экономических сил (по объемам ВВП) с Западом будет 1:30, а в области современных технологий – 1: 70 или даже 1: 100.

Поэтому для России потребуется максимально оптимизировать политику стратегического сдерживания и обороны, которая может быть обеспечена достаточно ограниченным уровнем ВВП и зависящими от этого военными расходами в области производства военных средств стратегического нападения и обороны.

Список литературы:

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. 252 с.
2. Ильин С. Крылатые ракеты воздушного базирования ВВС США: состояние и перспективы развития // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 8. С. 60–65.
3. Карякин В.В., Козин В.П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века. М.: Граница, 2014. 368 с.
4. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: коллективная монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боршполец. М.: МГИМО-Университет, 2014. 874 с.
5. Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО-Университет, 2014. 488 с.
6. Подберезкин А.И. Современная военная политика России. М.: МГИМО-Университет, 2017. 816 с.
7. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 832 с.
8. Barnett W. P. Strategic deterrence among multipoint competitors // *Industrial and Corporate Change*. 1993. Vol. 2. No. 2. Pp. 249-278.
9. Colby E., Solomon J. Facing Russia: conventional defense and deterrence in Europe // *Survival*. 2015. Vol. 57. No. 6. Pp. 21-50.
10. Freedman L. Framing strategic deterrence: old certainties, new ambiguities // *The RUSI Journal*. 2009. Vol. 154. No. 4. Pp. 46-50.
11. Gompert D., Binnendijk H. The Power to

- Coerce: Countering Adversaries Without Going to War. Santa Monica: RAND, 2016. 52 p.
12. Ven Bruusgaard K. Russian strategic deterrence // Survival. 2016. Vol. 58. No. 4. Pp. 7-26.

Об авторах:

Алексей Иванович Подберёзкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Артём Владимирович Жуков – аспирант МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

RUSSIA'S STRATEGIC DETERRENCE AND DEFENSE AGAINST POTENTIAL MEANS AND METHODS OF STRATEGIC ATTACK

A.I. Podberezkin, A.V. Zhukov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-141-158

MGIMO-University

Abstract: The article analyzes the concept of strategic stability and its contemporary development in domestic military-political thought. The authors note that the expansion of the meaningful content of the concept of strategic stability in the Russian Federation occurred as a result of the development of strategic non-nuclear deterrence forces and the US policy to reduce the dependence of American foreign and defense policy on the factor of nuclear deterrence. These changes in the military-political situation in the world have led to a reduction in the stability of the relations of key states, despite some proliferation of nuclear weapon technologies in Asian countries.

The article attempts to prove that the Russian Federation is able to withstand the new challenges associated with qualitative changes in the relations of mutual deterrence with the United States. As to this, the authors consistently analyze the historical context and conceptual foundations of deterrence policy, including recent documents adopted at the highest level in Russia. In addition, the authors analyze the recently adopted cruise missile systems in Russia and the United States, as well as anti-missile defense systems that alter the balance of power for a guaranteed response to strategic nuclear forces. Taking into account the current technological developments and the timeline for their implementation, the authors conclude that Russia has been able to achieve significant results in the field of aerospace defense, while naval defense and the introduction of new means of nuclear weapon delivery need additional attention from authorities. Finally, the authors believe that the development of the domestic military-industrial complex directly depends on the country's economic development, which means that the degree of effectiveness of Russian strategic weapons system must remain significantly higher than that of foreign counterparts.

Key words: strategic attack, containment, nuclear weapons, defense, strategy, USA, Russia, foreign policy, military policy.

References

1. Batalov E.Ya. *Politicheskaya kultura sovremennogo amerikanskogo obshchestva* [The political culture of modern American society]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 252 p. (In Russian)
2. Ilin S. Krylatye rakety vozdušnogo bazirovaniya VVS SShA: sostoyanie i perspektivy razvitiya [The U.S. air force air-launched cruise missiles: status and prospects of development]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2011, no. 8, pp. 60–65. (In Russian)
3. Karyakin V.V., Kozin V.P. *Voennaya politika i strategiya SShA v geopoliticheskoy dinamike XXI veka* [Military policy and strategy of the United States in the geopolitics of the XXI century]. Moscow, Granitsa Publ., 2014. 368 p. (In Russian)
4. *Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoy obstanovki: kollektivnaya monografiya* [Some aspects of the military-political situation analysis: collective monograph]. Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 874 p. (In Russian)
5. Podberezkin A.I. *Yevraziyskaya vozdušno-kosmicheskaya oborona* [Eurasian aerospace defense]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 488 p. (In Russian)
6. Podberezkin A.I. *Sovremennaya voennaya politika Rossii* [Modern military policy of Russia]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. 816 p. (In Russian)
7. Popov I.M., Khamzatov M.M. *Voyna budushchego: Kontseptualnye osnovy i prakticheskie vyvody. Ocherki strategicheskoy mysli* [The war of the future. Conceptual foundations and practical conclusions. Essays on strategic thinking]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 832 p. (In Russian)
8. Barnett W.P. Strategic deterrence among multipoint competitors. *Industrial and Corporate Change*, 1993, vol. 2, no. 2, pp. 249-278.
9. Colby E., Solomon J. Facing Russia: conventional defense and deterrence in Europe. *Survival*, 2015, vol. 57, no. 6, pp. 21-50.
10. Freedman L. Framing strategic deterrence: old certainties, new ambiguities. *The RUSI Journal*, 2009, vol. 154, no. 4, pp. 46-50.
11. Gompert D., Binnendijk H. *The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War*. Santa Monica, RAND Publ., 2016. 52 p.
12. Ven Bruusgaard K. Russian strategic deterrence. *Survival*, 2016, vol. 58, no. 4, pp. 7-26.

About the authors:

Alexei I. Podberezkin – Doctor of History, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO.
E-mail: podberezkin@gmail.com.

Artem V. Zhukov – post-graduate student, MGIMO. Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ И НЕРЕШЁННЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

И.В. Фомин, К.П. Кокарев, Б.И. Ананьев, Н.Ю. Силаев, А.А. Сушенцов, А.Д. Чеков

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Статья посвящена определению набора методологических решений, доминирующих в современных прогностических исследованиях в сфере международных отношений. Проведён анализ 160 прогностических статей из лидирующих журналов по международным отношениям за период с 2006 по 2015 гг. При анализе опробована специально разработанная типология прогностических исследований: введено различие «слабых прогнозов» (вероятностные предиктивные утверждения, которые возникают как экстраполяции на основе дедуктивных номотетических теорий) и «сильных прогнозов» («идеографические» прогнозы, предполагающие построение сценариев возможного развития событий в конкретных ситуациях и с конкретным набором участников). Установлено, что доминирующим типом прогнозов в современной науке о международных отношениях являются слабые прогнозы — исследования, строящиеся на вероятностных прогностических экстраполяциях формальных статистических моделей; доминирование этих методик остаётся тотальным, несмотря на то, что почти два десятка лет назад были продемонстрированы их несовершенство и ограниченность. Кроме того, в результате анализа, проведённого с опорой на методику проекта Teaching, Research, and International Policy (с рядом дополнительных модификаций) установлено, что доминирующее положение в сфере международных прогнозов занимают позитивистские познавательные установки и количественные методы. Из числа традиционных подходов к исследованию международных отношений лидирующее

УДК- 327

Поступила в редакцию 04.10.2018 г.

Принята к публикации 28.11.2018 г.

¹ За помощь в кодировании материалов авторы статьи выражают благодарность студентам магистратуры по направлению «Международные отношения» МГИМО МИД России Гавриленко-Горошевскому Никите Сергеевичу, Дельвиной Анне Станиславовне и Ткачу Дмитрию Николаевичу, студентам Liberal Arts College Института общественных наук РАНХиГС Бавтрукевич Анне Алексеевне, Корнееву Андрею Дмитриевичу, Крутову Дмитрию Андреевичу, Лапкиной Виктории Константиновне и Федоренко Дмитрию Олеговичу, а также студентам Факультета международных отношений Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС Бондик Анжелике Андреевне, Ворониной Дарье Евгеньевне и Кузиной Екатерине Олеговне.

положение в сфере прогнозов занимает либерализм. Его, однако, опережают вне-парадигмальные исследования — не опирающиеся ни на одну из традиционно выделяемых парадигм (реализм, либерализм, конструктивизм, марксизм). Марксистские исследования в проанализированном массиве полностью отсутствуют. Зафиксированная ситуация в целом совпадает с положением вещей, характерным для дисциплины международных отношений в целом. Полученные в ходе исследования выводы проинтерпретированы с точки зрения возможных направлений для развития методов прогнозирования в российской школе международных отношений.

Ключевые слова: прогнозирование, методология, методы, подходы, парадигмы, теория международных отношений, TRIP, сильные и слабые прогнозы

В области международных исследований, как и в других сферах общественнонаучного знания, одним из самых сложных и рискованных направлений исследовательской работы является прогнозирование. Исследовательские стандарты, сформированные под влиянием традиций естественнонаучных дисциплин, во многом связывают научность именно со способностью производить дедуктивные номотетические модели, обладающие предсказательной силой. Однако специфика предмета социальных наук накладывает существенные ограничения на возможности выработки такого рода предиктивных концепций.

Наиболее отчётливо специфика социальной действительности в контексте задач по выработке предиктивных моделей для международных отношений была очерчена в вышедшей почти два десятка лет назад статье под красноречивым названием «Бог дал физике легкие проблемы. Адаптация социальной науки к непредсказуемому миру» [13]. Авторы этой работы, С. Бернстайн, Р. Н. Лебов, Дж. Г. Стайн и С. Вебер, привели ряд убедительных аргументов, призванных продемонстрировать, что попытки выработки предсказательных теорий в международных исследованиях укоренены в далеко не бесспорной идее об однопорядковости социальных и физических феноменов.

Для мира физических феноменов предсказания по поводу будущих состояний некоторых систем действительно можно вывести на основе знания некоторых номотетических законов и значений определённого набора переменных. Таким, например, может быть предсказание положения планет Солнечной системы в тот или иной момент времени в будущем. Однако если задача состоит в том, чтобы, скажем, предсказать расстановку шаров на бильярдном столе после удара кием, то решить её тем же способом уже не получится. Несмотря на то, что и небесные тела, и бильярдные шары подчиняются общим физическим законам, во втором случае предсказание практически невозможно. Сложность системы, в которой даже небольшие изменения в значениях одной из многочисленных переменных ведут к существенным изменениям всей системы, не позволяет вырабатывать для такой системы детерминистические предсказания. Именно в этом,

как указывают С. Бернстайн и его соавторы, состоит одна из причин, по которой составление прогнозов в сфере международных отношений весьма затруднено. Ведь социальные системы, по поводу которых стремятся делать прогнозы исследователи-международники, гораздо больше напоминают именно биллиардные столы, а не системы планет [13, с. 45].

Для физических феноменов, впрочем, существуют способы получения прогнозов и без опоры на детерминистические законы: естественнонаучные закономерности и предсказания зачастую имеют не детерминистический, а вероятностный характер. Таковы, например, закон Бойля-Мариотта или закон радиоактивного распада. Однако для применения аналогичных пробабиллистских моделей в отношении социальных феноменов существует также ряд серьёзных ограничений. В частности, законы в физике вероятностным образом описывают взаимодействие триллионов атомов и молекул. В мире социальных феноменов масштаб процессов несопоставим. Задаваясь, например, целью вероятностного исследования войн или военных союзов, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой малого числа кейсов. Попытки же расширить число изучаемых случаев ведут к объединению под общим концептуальным зонтиком разнопорядковых явлений, что подрывает устойчивость теоретической рамки исследования.

Не стоит упускать из внимания и тот факт, что не все обществоведческие категории поддаются кодированию и операционализации через количественные переменные. Как правило эти категории не корреспондируют напрямую с определёнными наблюдаемыми феноменами, а опираются на специфический способ «идеализации», задаваемый выбранной теоретической перспективой [13, с. 46]. Кроме того, на возможности применения статистических методов накладывает ограничения комплексный характер феноменов мировой политики, обусловленный их нелинейностью, эквивинальностью и множественностью обуславливающих их причинно-следственных связей [13, с. 46-47].

Наконец, социальная действительность фундаментальным образом отличается от физической реальности в том плане, что если планеты и атомы не обладают способностью к научению на основе своего и чужого опыта, то для социальных акторов такая способность является одной из ключевых характеристик. По этой причине при изучении социальной действительности мы никогда не можем добиться выделения единиц анализа в виде кейсов, которые были бы в полной мере независимы друг от друга, от предыдущего опыта, от ожиданий по поводу будущего и от знаний, которые о них может получить исследователь [13, с. 47].

В 2000 г., когда была опубликована статья «Бог дал физике легкие проблемы», её авторы упрекали учёных-международников в чрезмерном увлечении упражнениями по фальсификации гипотез на основе статистических исследований, выстроенных в духе дедуктивной логики, а также в том, что «научные методы» стали самоцелью, а сама «наука» — лишь игрой разума. Критике подверглись и те, кто, напротив, был слишком увлечён проблемами актуальной политики

и вовсе не обращал внимания на теоретические вопросы [13, с. 44-45]. Именно в поисках выхода из этой ситуации С. Бернстайн и его соавторы обратились к проблеме прогнозирования. Приводя аргументы против попыток выстраивания работы по шаблону естественнонаучных предсказаний, они, тем не менее, вовсе не отбрасывали возможность прогностических изысканий. Предлагалось лишь избрать альтернативный подход к прогностическим задачам, который предполагал бы не поиск общих предиктивных моделей, а работу по составлению различных сценариев будущего, которые интегрировали бы в сюжетные линии уже известные элементы и связи в совокупности с элементами неопределёнными. Было высказано предположение, что внедрение такого подхода (т.н. «форвард-ризонинг») — это как раз тот вектор, который позволит сделать дисциплину международных отношений более сбалансированной: компенсировать перекокс в сторону дедуктивных вероятностных теорий и выстроить эффективное взаимодействие с актуальной политической аналитикой.

Сегодня, спустя почти два десятка лет со времен выхода статьи С. Бернстайна и его соавторов, уместно задаться вопросом о том, произошёл ли в международных исследованиях «прогностический поворот» в духе тех установок, которые предлагали Бернстайн и его коллеги. Именно этот вопрос является для представленного здесь исследования центральным. Мы постараемся понять, как «адаптируется к непредсказуемому миру» дисциплина международных отношений сегодня.

Избранный нами ракурс во многом вдохновлён также идеей Дж. Миршаймера о том, что предиктивное знание опирается на знание теоретическое [23, с. 436]. Одна из наших задач состоит в том, чтобы определить, какие теории² международных отношений доминируют сегодня в прогностических работах. Помимо этого, мы обратимся к рассмотрению и других методологических аспектов (познавательных установок, методов, эмпирических оснований), которые определяют сегодня лицо этой области исследований. Иными словами, мы предпримем попытку в различных измерениях очертить методологический профиль, доминирующий сегодня в прогностических академических исследованиях мировой политики, определив, какие подходы и методы занимают в этой сфере главенствующие позиции.

Цели и задачи, которые мы ставим перед собой в этой статье, во многом продиктованы тем фактом, что данная работа является стартовым этапом реализуемого в МГИМО проекта «Трансформация системы международных отношений в контексте смены технологического уклада». Этот проект предполагает проведение целой серии прогностических исследований о влиянии технологических инноваций на мировую политику. Необходимым первым шагом в этой работе для нас было уяснение методологических доминант, характерных для современ-

² Здесь и далее в статье мы используем слова *подход*, *парадигма* и *теория* как синонимы для обозначения традиционно выделяемых школ мысли в международных отношениях. Как правило, в ядро списка таких подходов принято включать реализм, либерализм и конструктивизм.

ного предиктивного знания о мировой политике. На основе полученных результатов мы постараемся наметить пути для продвижения на этом поле не только нашего собственного проекта, но и для российской школы международных исследований в целом.

Научоведческий взгляд на международные исследования

При формировании замысла исследования, представленного в настоящей статье, мы опирались на традицию науковедческого и наукометрического изучения методологических и парадигмальных размежеваний в международных отношениях. История изысканий такого рода насчитывает уже несколько десятилетий. Одна из наиболее важных работ в этой области — монография «Власть силовой политики» Дж. Васкеса была опубликована в 1983 г. Она посвящена анализу развития дисциплины международных отношений сквозь призму философской концепции Томаса Куна. Васкес отмечал, с одной стороны, доминирование реализма в науке о международных отношениях, с другой — его ограниченную объяснительную силу. Ключевые аргументы работы были развиты в её значительно обновлённом и расширенном издании, включавшем анализ тенденций развития дисциплины к рубежу тысячелетий [28]³.

Впрочем, тезис о центральной роли реализма был подвергнут сомнению со стороны Т. Уокера и Дж. Мортон, которые в своём исследовании 2005 г. пришли к выводу, что влияние реалистской парадигмы постепенно сокращается, и реалистские подходы замещаются либеральными [29]. Эти выводы — в отношении сравнительного ослабления реализма — подтверждаются и другими исследованиями; их авторы, анализируя наукометрические показатели, приходят к выводу о растущем теоретическом разнообразии исследований по международным отношениям в США [19].

В то же время недавняя работа П. Кристенсена [17] показывает, что три основные теоретические подхода, принятые в рамках дисциплины — реалистский, либеральный и конструктивистский — по-прежнему задают её структуру. Особенно важно, что Кристенсен прослеживает теоретические расколы при помощи сетевого анализа цитирований в публикациях ведущих журналов, наглядно подтверждая имеющиеся у исследователей интуитивные догадки. В то же время он подчёркивает, что представление о замыкании в себе различных теоретических «лагерей» не соответствует действительности: они коммуницируют между собой более интенсивно, чем об этом принято думать.

Помимо парадигмальных размежеваний, ещё одна существенная для международных исследований линия раскола пролегает между приверженцами использования качественных и количественных методов. В этом отношении для

³ Почти тогда же вышел в свет сборник статей «Прогресс в теории международных отношений» [15], авторы которого предложили взглянуть на различные теории международных отношений и на полемику между их последователями с точки зрения концепции научно-исследовательских программ Имре Лакатоса.

международных исследований не в меньшей мере, чем для политической науки актуальны наблюдения Дж. Махони и Г. Гертца о двух методологических «культурах» — количественной и качественной [18]. Заслуживает внимания также методологическая полемика между С. Уолтом и Л. Мартин по поводу возможностей использования формальных моделей, разработанных в соответствии с теорией рационального выбора, в исследованиях по международной безопасности [22; 30].

Российские исследователи также не остаются в стороне от дискуссий об аппарате наук о мировой политике. В частности, изучению фундаментальных размежеваний, лежащих в основе различия количественных и качественных политологических методов, уделяется внимание в серии исследований Центра перспективных методологий ИНИОН РАН под руководством М.В. Ильина [4; 11]. Также ряд важных наблюдений об актуальных методологических трендах в международных исследованиях представил П.А. Цыганков, который в ряде недавних своих работ обращает внимание на конвергенцию теории международных отношений с методологическим аппаратом социологии [10]. Кроме того, ряд важных вопросов о современном состоянии теории международных отношений [2] был несколько лет назад поставлен одними из ведущих ученых МГИМО Т.А. Алексеевой и М.М. Лебедевой в рамках открытой дискуссии на страницах журнала «Полис». Участники дискуссии наметили контуры, по которым развивается теоретическое измерение современной отечественной школы международников и поставили вопросы о том, насколько близко сегодня дисциплина приблизилась к новым «большим дебатам» [1; 5; 6; 9].

Также ряд важных наблюдений о методологической специфике международных исследований в российских научных центрах был обозначен М.М. Лебедевой в брошюре «Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя» [7]. В ней, в частности, указывалось, что отечественная наука о международных отношениях сформировалась главным образом на базе исторического знания. Сама по себе такая ситуация не уникальна и характерна для многих других стран, однако если в западных университетах параллельно с дисциплиной международных отношений развивалась ещё и политическая наука, то в СССР такого второго фокуса исследований мировой политики не существовало (политология была институционализована лишь в конце 1980-х гг.) [7, с. 8]. В результате возник дефицит в освоении российскими международниками позитивистских исследовательских установок, на необходимость догоняющего освоения которых указывают, например, авторы книги «Российская наука международных отношений: новые направления» [8, с. 393]. В той же работе предпринята и попытка очертить российскую версию «больших дебатов», представив их как столкновение лагерей западников, евразийцев, либералов, реалистов и неомарксистов [8, с. 85-113].

Проект ТРИП

Основным ориентиром при выборе методологии исследования, представленного в нашей статье, служил опыт проекта ТРИП (TRIP, Teaching, Research, and International Policy) [19; 20; 27]. Он реализуется под эгидой американского Колледжа Уильяма и Мэри и направлен на системное изучение современного состояния и ключевых трендов развития в сфере международных отношений как области знания. Одним из важнейших результатов проекта стало проведение комплексного исследования теоретико-методологического профиля американской науки о международных отношениях [19]. Участники проекта ТРИП опирались на базу данных, составленную из статей, опубликованных в ведущих научных журналах о международных отношениях в период с 1980 по 2007 г. Выборка статей из этих журналов была вручную классифицирована по 29 критериям, включая используемые методы и парадигмы, а также исследуемые регионы, тематические фокусы и многие другие параметры⁴. Вторым источником выступили результаты опросов американских исследователей-международников⁵, которые авторы проекта ТРИП проводили в 2004, 2006 и 2008 гг.⁶

Ключевой вывод авторов исследования заключается в том, что традиционное представление о доминировании в академической науке по международным отношениям четырёх «ключевых парадигм»: реализма, либерализма, марксизма и конструктивизма, — не отражает реальное состояние американской науки о международных отношениях. Согласно авторским заключениям, большая часть статей в 12 ведущих научных журналах по международным отношениям (от 30% в 1980 г. до более чем 50% в 2006 г.) относятся к категории «внепарадигмальных» работ (Рис. 1). К этой группе авторы причисляют работы, содержащие «статьи, в которых выдвигается и проверяется когерентная теория, но при этом они не укладываются однозначно в рамки одной из четырёх основных парадигм (реализм, либерализм, марксизм, конструктивизм)» [21, с. 8-9]. При этом существование общего мнения о доминировании парадигм в науке о международных отношениях авторы склонны отчасти объяснять тем, что научные статьи, написанные в русле реализма, либерализма, марксизма или конструктивизма имеют более высокий уровень цитируемости, нежели внепарадигмальные работы [19, с. 446-447].

Другой важный вывод, о котором мы уже упоминали выше, заключается в опровержении «общепринятого мнения о том, что реализм ... является

⁴ Полный список критериев классификации научных статей приводится в руководстве по кодированию (кодбуке) проекта ТРИП: [21].

⁵ В соответствии с терминологией TRIP, понятие «исследователь-международник» включает в себя преподавателей и научных сотрудников американских колледжей и университетов с четырёхлетней программой обучения, которые ведут в исследования в области международных отношений, или же читают курсы по данной дисциплине.

⁶ Подробнее о методологии проекта TRIP см. [19, с. 440-441].

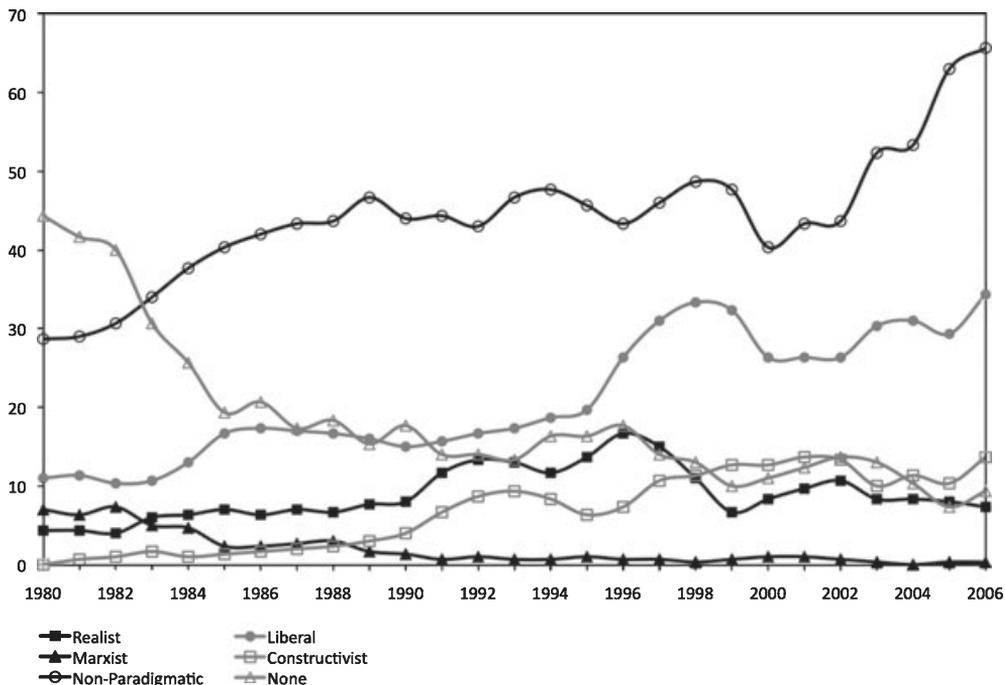

Рисунок 1. Распределение статей по признаку используемых парадигм (в %), 1980-2006 гг. [19].

Figure 1. Percentage of Articles by Paradigm, 1980–2006 [19].

главным теоретическим подходом в международных отношениях». Согласно результатам проведённых авторами опросов, в представлении американских исследователей-международников процент реалистских работ среди общего числа статей, опубликованных в 12 ведущих научных журналах о международных отношениях, варьировался от 39% в 1980-е гг. до 28% в 2008 г. Опросы также показали, что американские исследователи-международники придерживаются мнения о том, что среди всех четырёх ведущих парадигм именно реализм является ведущей по числу опубликованных работ, практически всегда опережая по объёму своей доли идущий на втором месте либерализм, за исключением периода 1990-х гг. [19, с. 442-443]. Однако согласно результатам обработки собранной базы данных, авторы проекта ТРИП установили, что доля реалистских статей в общем объеме исследований по международным отношениям никогда не превышала 15%, всегда уступая количеству статей, развивающих либеральную парадигму. При этом авторы отмечают, что в научных статьях реализм чаще всего выступает в качестве конкурирующей альтернативной теории (Рис. 2) [19, с. 448].

Также в рамках проекта ТРИП удалось продемонстрировать доминирующее и всё более преобладающее положение позитивистских познавательных установок (Рис. 3) и количественных методов анализа (Рис. 4) в международных исследованиях.

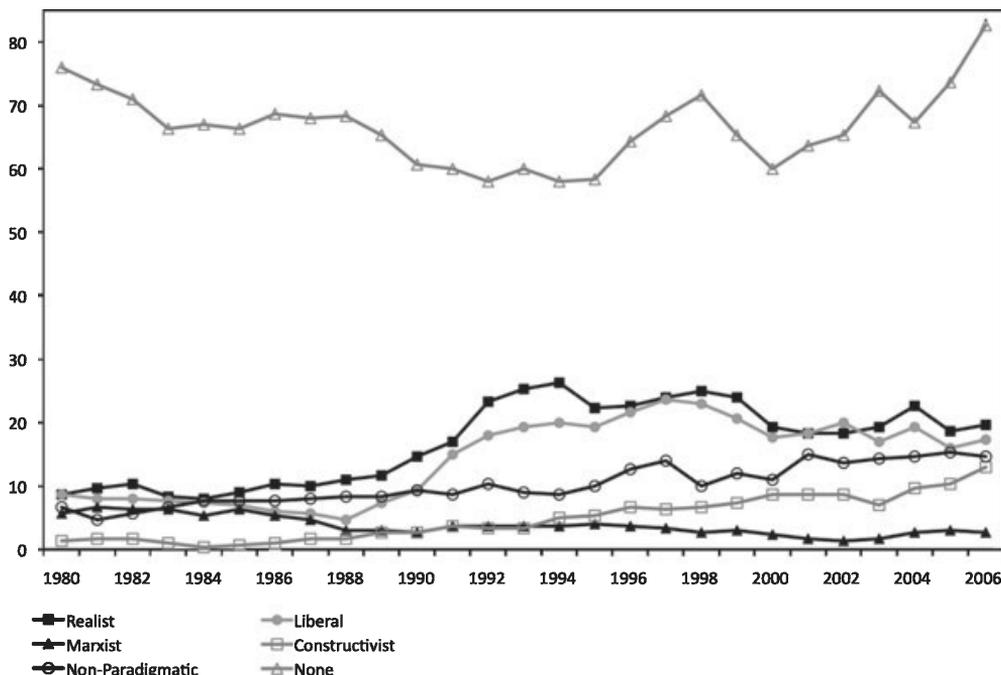

Рисунок 2. Распределение статей по признаку альтернативных парадигмы, которые рассматриваются всерьёз (в %), 1980–2006 гг. [19].

Figure 2. Percentage of Articles by an Alternative Paradigm Seriously, 1980–2006 [19].

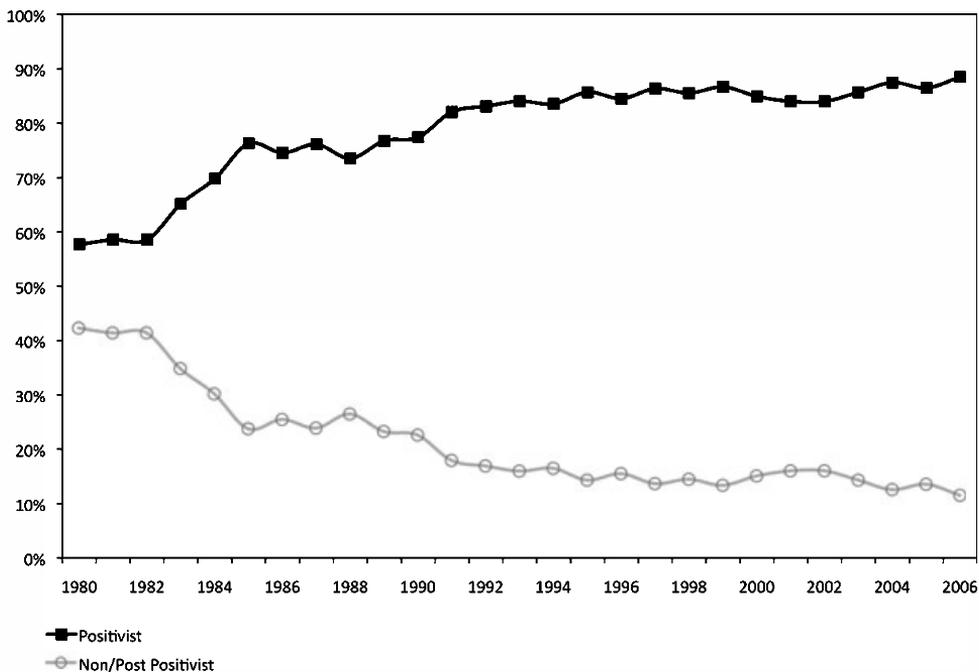

Рисунок 3. Распределение статей по признаку используемых эпистемологических установок (в %), 1980–2006 гг. [19].

Figure 3. Percentage of Articles by Epistemology Employed, 1980–2006 [19].

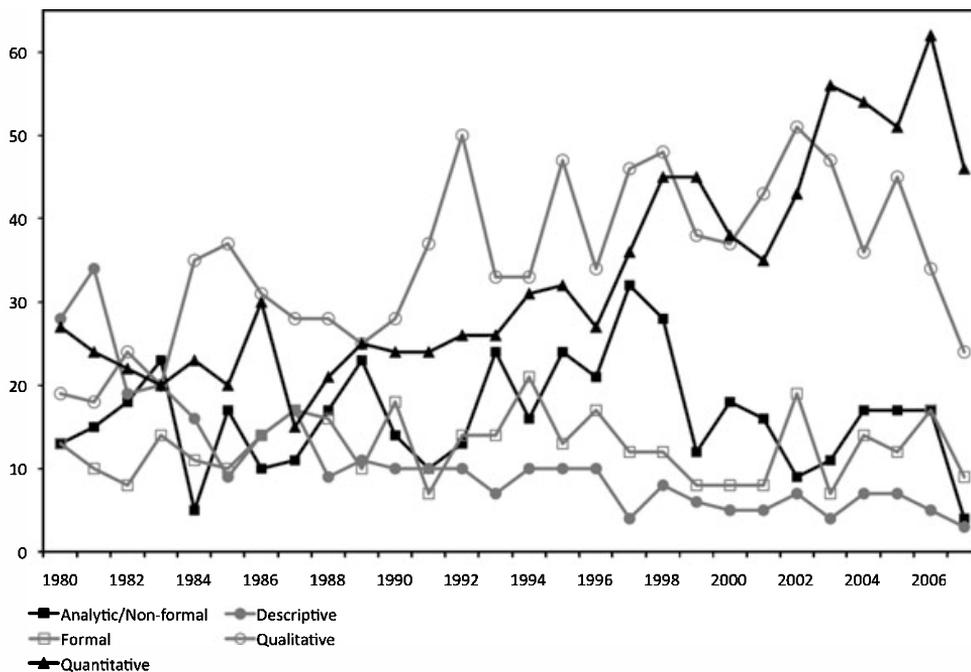

Рисунок 4. Распределение статей по признаку используемых методов (в %), 1980-2006 гг. [19].

Figure 4. Percentage of Articles by Methodology Employed, 1980–2006 [19].

Материалы и методы

Именно позаимствованное из проекта ТРИП руководство по кодированию материалов стало ключевым элементом методологии нашего исследования. Решение ориентироваться на него было продиктовано тем фактом, что выработанные авторами ТРИП аналитические установки показали свою эффективность. И хотя многие из категорий и принципов кодирования являются неоспорными, они, на наш взгляд, сегодня наиболее близки к тому, чтобы стать образцом для других исследований такого рода. Кроме того, опора на используемый и популярный инструмент позволяет соотнести наши результаты с работами, уже прошедшими проверку академическим сообществом.

Ключевая задача нашего исследования в общих чертах была очень близка к той, которая решалась в рамках проекта ТРИП. В нашем случае цель тоже состояла в том, чтобы составить методологический портрет дисциплины международных отношений, как она представлена в ведущих мировых научных журналах. При этом, однако, мы стремились не охарактеризовать всю дисциплину в целом, а исследовать только ту её часть, которая сфокусирована на проблемах предсказания будущего. Но и для этой области мы не пытались составить полную карту, а стремились определить только то, какие способы получения знания занимают в этой сфере доминирующее положение. По этой причине нас интере-

совали не все прогностические исследования о мировой политике и даже не все американские или «западные» работы, посвящённые этой проблематике, а лишь те из них, которые занимают в дисциплине передовые позиции с наукометрической точки зрения.

В целом программа нашего исследования состояла из трёх этапов:

Определение набора публикаций, занимающих лидирующее положение в корпусе современных научных статей, посвящённых международным отношениям.

Формирование списка ключевых слов для автоматического отбора статей, содержащих выводы предиктивного характера.

Ручное кодирование корпуса статей, автоматическим образом сформированного на основе списка ключевых слов.

При формировании корпуса лидирующих публикаций мы руководствовались двумя критериями. Для включения в анализируемый массив статья, во-первых, должна быть опубликована в одном из ведущих журналов⁷, посвящённых международным отношениям, в период с 2006 по 2015 г.⁸, во-вторых, быть написана автором, который за этот период опубликовал не менее двух статей в этих изданиях. В результате мы получили подборку публикаций наиболее авторитетных авторов в наиболее авторитетных научных журналах.

Такой сложный механизм был выбран по причине того, что однократное попадание исследователя в число авторов одного из ведущих мировых журналов ещё не говорит о том, что его мнение обладает значительным авторитетом. Однако при появлении в ведущих журналах нескольких публикаций одного автора, можно уже с большей уверенностью говорить о том, что его позиция интересует сообщество и разделяется большинством исследователей. Данное предположение было подтверждено тем фактом, что после проведения поиска и оценки полученного массива мы обнаружили, что в Scopus, в которой проиндексировано семь из восьми журналов, статьи авторов, которые имеют более двух публикаций в журналах из нашего перечня, получают 48% цитат: 3393 цитирований из 7004 приходится на статьи выделенных нами авторов⁹.

При формировании списка ведущих журналов мы опирались на данные рейтинга SJR за 2015 г. в рубрике «Политическая наука и международные отноше-

⁷ Наше исследование сфокусировано на международных отношениях как научной дисциплине, поэтому исследуемый массив ограничен журналами, индексируемыми в научных базах данных. При этом за пределами рассмотрения могут оказаться важные прогностические работы, выпускаемые влиятельными экспертными центрами и публикуемые в полиси-журналах. Методологический профиль этой области международных исследований заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования.

⁸ Именно такой десятилетний период был выбран для того, чтобы анализируемые публикации, с одной стороны, не были бы слишком старыми и отражали бы современные научные тенденции, а с другой стороны, не были бы слишком новыми, чтобы гарантированно быть прочитанными, процитированными и проиндексированными в базах данных.

⁹ В случае проверки по базе Web of Science аналогичный показатель составил 30% (744 цитирований из 2415). Такое значение можно объяснить тем, что цитаты в базе Web of Science относятся к только одному журналу из числа вошедших в анализируемый нами список, а не к семи, как в случае со Scopus.

ния». В перечень вошли восемь лидирующих журналов, для которых международные отношения являются главным тематическим фокусом:

European Journal of International Relations,
International Organization,
International Security,
International Studies Quarterly,
Journal of Conflict Resolution,
Journal of Peace Research,
Security Studies,
World Politics.

Перечень журналов был сформирован именно по таким принципам, исходя из задач изучения прогностических исследований как части дисциплины международных отношений. При этом за пределами рассмотрения мы оставили статьи по международной проблематике, которые публикуются в специализированных журналах, посвящённых прогнозированию.

Такие журналы как «Futures: the journal of policy, planning and futures studies», «Foresight: The International Journal of Applied Forecasting», Journal of Forecasting занимают сегодня авторитетные позиции, но относятся скорее к инфраструктуре форкастинговых исследований как самостоятельной дисциплины¹⁰ (International Journal of Forecasting, например, функционирует как издание Международного института прогнозистов¹¹). По своему методологическому и предметному профилю эти издания в значительной мере тяготеют к изучению и предсказанию процессов, к которым применимы статистические вероятностные методы (большое число однотипных кейсов, поддающихся количественному кодированию). Таковы, скажем, прогностические работы, посвящённые проблемам рынков, производства и потребления, демографии и пр. Некоторые из этих журналов иногда публикуют статьи по темам, имеющим отношение к международной проблематике. Это, однако, случается нечасто. Готовя свое исследование, мы проанализировали в пилотном формате выпуски ведущих журналов такого рода за последние три года и не обнаружили достаточного для анализа массива статей по тематике международных отношений.

Исключая специализированные форкастинговые журналы из рассмотрения, мы ориентировались также и на то, чтобы сделать своей задачей картирование пространства прогностических исследований в рамках дисциплины международных отношений, но не картирование пространства международных исследований в рамках дисциплины форкастинга. По этой причине мы остановились на списке из восьми журналов, приведённом выше и сформировали набор ключе-

¹⁰ Процесс выделения форкастинга в самостоятельную дисциплину — и тем самым, по сути, отмежевание прогностических исследований от иных социальных и политических дисциплин — заслуживает отдельного науковедческого изучения.

¹¹ International Institute of Forecasters.

вых слов, который позволял бы автоматически отобрать из этих журналов статьи, содержащие прогностические выводы.

Список поисковых терминов (Прил. 1) был составлен нами на основе ручного анализа аннотаций статей нескольких случайно выбранных выпусков журналов из перечня. Перед аналитиками при этом ставилась задача отобрать статьи, основные выводы которых содержали эксплицитные предположения о будущем положении дел в мировой политике, и выделить в заголовках и аннотациях указывающие на это слова. Сформированный на основе этих слов поисковый запрос был впоследствии дополнен несколькими словами-исключениями, перечень которых был составлен на основе результатов анализа нескольких случайно выбранных результатов из поисковой выдачи. Помимо этого, впоследствии, на этапе кодирования, аналитики имели возможность исключать из массива статьи, попавшие туда вследствие неточности автоматизированного отбора. В результате, из 172 статей, попавших в поисковую выдачу, в итоговый массив для анализа вошли 160 (распределение статей по журналам представлено в Прил. 2).

Эти 160 статей были вручную закодированы по набору из восьми перечисленных ниже параметров. Каждая из статей кодировалась как минимум двумя аналитиками независимо друг от друга. В том случае, если по каким-то параметрам между вариантами кодировки двух аналитиков возникали расхождения, для кодирования проблемных параметров привлекался третий аналитик, который мог как согласиться с вариантом одного из аналитиков, так и выбрать свой вариант ответа.

Перечень кодируемых параметров был следующим (кодирование всех параметров за исключением 1, 2, 6 и 8 допускало несколько вариантов ответа):

1. Основная парадигма (реализм / либерализм / марксизм / конструктивизм / внепарадигмальные исследования¹² / атеоретические исследования)¹³.
2. Эпистемологическая установка (позитивизм / интерпретивизм).
3. Методы (качественные исследования / количественные исследования / формальное моделирование / контрфактические исследования / неформальные концептуальные (аналитические) исследования / описательные исследования / экспериментальные исследования).
4. Временной охват эмпирической базы исследования.
5. Географический охват эмпирической базы исследования.
6. Наличие политических рекомендаций (да / нет).
7. Срок прогноза.
8. Характер прогноза.

¹² Мы используем термин *внепарадигмальные исследования*, следуя за авторами проекта ТРИП, однако, если попытаться подыскать для такого рода работ «катафатическое» обозначение, то их стоило бы назвать *исследованиями на основе теорий среднего уровня* (подробнее см. напр.: [25]).

¹³ Подробнее см. Прил. 3.

Кодирование статей по первым шести параметрам осуществлялось с опорой на руководство для кодирования материалов проекта ТРИП¹⁴. В дополнение к параметрам, взятым из ТРИП, были введены параметры «срок прогноза» и «характер прогноза», позволяющие кодировать характеристики, специфические именно для прогностических работ.

О сильных и слабых прогнозах

Кодирование характера прогноза в рамках нашей методики предполагало выбор одного из двух вариантов: «сильный прогноз» или «слабый прогноз». При этом под слабыми прогнозами понимались нечёткие, общие прогностические утверждения — о том, какие факторы сделают определённое развитие событий в будущем более вероятным, а под сильными прогнозами — конкретные, определённые прогностические утверждения о том, какие тренды и какие события будут иметь место в будущем.

Введенное нами понятие слабых прогнозов — это попытка очертить тот тип вероятностных предиктивных утверждений, которые возникают как экстраполяции на основе дедуктивных номотетических теорий (увлечение которыми как раз и критикуют в своей статье С. Бернштейн и его соавторы [13, с. 43-53]). Категория же сильных прогнозов, по нашему замыслу, должна включать конкретные прогнозы, особенно распространённые в прикладной политической аналитике, а также более сбалансированные сценарные прогнозы по модели форвард-ризонинга, предложенной Бернштейном [13, с. 53-59]. В общих чертах различие слабых и сильных прогнозов можно представить как опрокинутое в прогностическое знание различие номотетического и идеографического подходов [31, с. 12]. Слабыми мы называем «номотетические» прогнозы, выводимые как общие закономерности, а сильными — прогнозы «идеографические», формулируемые как знание о конкретных будущих фактах.

В качестве примера слабого прогноза, можно привести, скажем, статью А. Эскриба-Фолька и Дж. Райта «Справиться с тираном. Международные санкции и выживание авторитарных правителей» [16]. В этом исследовании авторы изучают влияние экономических санкций на стабильность авторитарных режимов различного типа посредством количественного анализа данных об эпизодах введения санкций за период с 1960 по 1997 г. В финальной части ста-

¹⁴ ФВ при этом в кодбук ТРИП [21] были внесены некоторые изменения: были детализированы перечни вариантов ответа, использовавшиеся при кодировании географического охвата эмпирической базы (region under study) (например, Канада выделена в отдельный вариант ответа в отличие от варианта «Канада и Западная Европа» в кодбуке ТРИП). Кроме того, из списка методологий исключен пункт «policy analysis» по той причине, что такой анализ едва ли может рассматриваться в качестве самостоятельной методологии, так как определяется не столько через инструментальный анализ, сколько через его предмет. При этом полиси-анализ в любом случае нуждается в дополнительной методологической спецификации, поскольку распадается на количественные и качественные разновидности, которые и могут быть закодированы в соответствующей графе.

ты авторы заключают, что «санкции могут дестабилизировать некоторые диктаторские режимы, но не все из них»: «В персоналистских режимах санкции увеличивают вероятность потери власти автократом, а в однопартийных и военных режимах санкции либо неэффективны, либо контрпродуктивны. Кроме того, [...] санкции оказывают менее дестабилизирующее воздействие в нефтедобывающих странах». Также А. Эскриба-Фольк и Дж. Райт добавляют: «Если требуется, чтобы санкции были эффективны в дестабилизации диктатуры, они должны бить по источникам дохода, которые необходимы диктатору, чтобы оставаться у власти. [...] Наши результаты дают основания предположить, что [...] в персоналистских режимах, когда санкции сокращают ресурсы, доступные для патронажа, диктаторы не могут адекватно подстроиться под ситуацию и с высокой вероятностью сталкиваются с давлением, которое ведет к дестабилизации режима» [16, с. 355-356].

Как видно из этого примера, такого рода прогнозы ничего (или почти ничего) не сообщают о будущем мировой политики с точки зрения конкретных действующих лиц, событий и процессов, однако они формулируют общие закономерности, из которых могут делаться обобщённые предиктивные выводы пробабилистского характера. Такие, например, как предположение о большей эффективности санкций, которые бьют по ключевым для диктатора источникам дохода.

Что касается сильных прогнозов, то здесь можно привести в качестве примера работу на похожую тему — статью «Стратегия выживания Пхеньяна. Инструменты авторитарного контроля в Северной Корее» Д. Баймэна и Дж. Линд [14]. В этом исследовании, опубликованном в 2010 г., авторы обращались к вопросу о будущем северокорейского режима, исследуя арсенал средств, которые используются властями КНДР для предотвращения возможных попыток переворота, а также анализируя потенциал различных инструментов внешнего принуждения, которые можно использовать в отношении северокорейских лидеров. Рассматривая среди прочего и перспективы применения экономических санкций, авторы отмечали: «Санкции, нацеленные на ослабление экономики в целом вряд ли дадут большой принуждающий эффект; Ким Чен Ир (так же как Сталин, Саддам, и многие другие диктаторы) защищает свой селекторат, перекладывая бремя санкций на народ. Более действенный рычаг экономического давления на режим Кима — это прямая угроза отрезать ему доступ к свободно конвертируемой валюте и премиальным товарам, которые нужны ему, чтобы подкупать селекторат» [14, с. 72].

Как можно убедиться, Баймэн и Линд излагают выводы, во многом сходные с теми, которые высказывают в своей статье Эскриба-Фольк и Райт, однако избирают при этом другой ракурс, не стараясь зафиксировать некоторую общую закономерность, а пытаясь ответить на весьма конкретные вопросы. О том, как конкретные политические акторы будут действовать при том или ином конкретном развитии событий. Статья Баймэна и Линд не является при

этом примером совсем уж радикального проявления логики сильного прогноза, поскольку её авторы приходят к своим пусть и очень конкретным выводам через отсылку к неким общим закономерностям, как минимум ставя режим Кимов в один ряд с другими похожими режимами. Более того, Баймэна и Линд, так же, как и Эскриба-Фолк и Райт, цитируют вполне «номотетическую» работу Р. Папе «Почему санкции не работают» [24]. Для нас, однако, важно обратить внимание именно на такой пример прогностической работы, поскольку он, с одной стороны, наглядно показывает специфику сильных прогнозов, а, с другой стороны, демонстрирует, что сильное прогнозирование отнюдь не тождественно радикальному идеографическому подходу.

Впрочем, пример сильного прогноза с более выраженным идеографическим началом также стоит привести. Такова, например, статья всё той же Дж. Линд в соавторстве с Б. Беннетом под названием «Крах Северной Кореи. Военные миссии и их задачи» [12]. В ней авторы опираются на анализ большого корпуса источников по северокаорейской проблематике и проблемам безопасности в Восточной Азии в целом. Исследовательские вопросы при этом формулируются с высокой степенью предметной фокусировки — авторы ставят своей задачей понять, каковы возможные сценарии краха северокаорейского режима, какими могут быть последствия такого краха в плане международной безопасности, военные миссии какой численности могут потребоваться для стабилизации ситуации, какие задачи им предстоит выполнять и сотрудничество каких международных политических игроков потребуется для планирования таких операций.

Результаты

Именно с данных о месте слабых и сильных прогнозов в современных международных отношениях имеет смысл начать обсуждение результатов нашего исследования. Цифры, полученные по результатам анализа, показывают, что *сильные прогнозы* на сегодняшний день не только не являются преобладающим способом рассуждения о будущем в академическом секторе международных исследований, но занимают в нём положение близкое к маргинальному. Из всех проанализированных в рамках нашей работы статей в категорию сильных прогнозов попали менее 10 % (Рис. 5, Табл. 8). Иными словами, подавляющее большинство передовых прогностических статей о мировой политике не содержали сценариев конкретных будущих событий с указанием определённого набора международных акторов. Дополнительно на периферийное положение сильного прогноза как жанра академического исследования указывает тот факт, что более 98 % проанализированных статей относились к «неопределённому будущему» (Табл. 7), то есть не предполагали прогноза в привязке к определённому временному периоду.

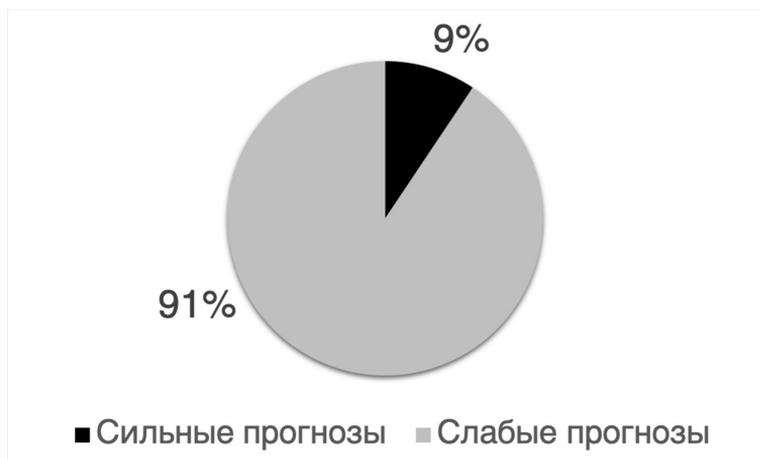

Рисунок 5. Распределение прогностических статей по признаку наличия в них сильных или слабых прогнозов (в %).

Figure 5. Percentage of Prognostic Articles by the Type of Prognosis (Strong / Weak).

Источник: Собственные данные.

Таким образом, доминирующим типом предиктивных исследований мировой политики выступают сегодня слабые прогнозы, то есть исследования, строящиеся на вероятностных прогностических экстраполяциях формальных мо-

Рисунок 6. Распределение прогностических статей по признаку используемых парадигм (в %).

Figure 6. Percentage of Prognostic Articles by Paradigm (Constructivism, Liberalism, Marxism, Realism, Non-paradigmatic, Atheoretic).

Источник: Собственные данные.

делей. Иными словами, если исходить из узкого значения термина прогноз, то прогнозирование вообще занимает периферийное положение в пространстве исследований мировой политики. По крайней мере, именно такова ситуация в академическом сегменте этой дисциплины.

Что же касается методологических размежеваний в проанализированном массиве, то, как показывают результаты нашего исследования, в целом в пространстве прогностических исследований преобладают внепарадигмальные исследования (45%) (Рис. 6, Табл. 1). Из числа же традиционных парадигм лидирующее положение занимает либерализм (25,6%). Марксистские исследования в проанализированном массиве полностью отсутствуют.

Таким образом, в общих чертах картина, которую мы наблюдаем в современных прогностических исследованиях международных отношений сходна с той, что была зафиксирована в рамках проекта TRIP при изучении состояния академических исследований мировой политики в США (Рис. 1). Заметно отличается лишь положение реализма, доля которого в статьях из проанализированного массива прогностических статей оказалась в два раза больше, чем в массиве, исследовавшем в рамках проекта ТРИП. Эти различия, впрочем, могут объясняться разницей в наборе исследуемых журналов и анализируемых периодов.

Есть, однако, ещё один факт, который позволяет предположить, что положение реализма в пространстве прогностических исследований действительно несколько более влиятельно, чем его положение в дисциплине международных отношений в целом. Как показал проведённый в рамках нашего исследования анализ парадигмальных расхождений в сфере сильных прогнозов, в этой области реализм занимает доминирующее положение (более 50%). Этот вывод, однако, требует дополнительной проверки, поскольку, как было показано выше, в проанализированном массиве количество сильных прогнозов слишком мало.

Несмотря на то, что позиции сильных прогнозов у реалистов довольно сложно оценить статистически, качественный анализ немногочисленных статей с сильными реалистскими прогнозами, позволяет сделать предположение о том, что к построению сильных прогнозов подталкивают сами базовые положения этой школы мысли и устоявшаяся в ней традиция выстраивания рассуждений. Необходимость фокусироваться на государствах как ключевых акторах мировой политики, на их силовом потенциале, интересах и действиях заставляет писать в духе, напоминающем сильный прогноз. При этом даже сильные реалистские прогнозы далеко не всегда содержат рассмотрение возможных сценариев развития событий и конкретные политические рекомендации. Зачастую они строятся вокруг размышлений о том, как конкретные участники международных отношений будут реагировать на действия друг на друга и изменение общей ситуации.

Что касается соотношения позитивистских и интерпретивистских эпистемологических установок, то в этом плане прогностические исследования (Рис. 7, Табл. 2) также в целом сходны с общим массивом статей по международным отношениям (Рис. 3). В плане используемых методов в прогно-

стических исследованиях наблюдается существенное преобладание количественных методов (Рис. 8, Табл. 3), сходное с тем, что было зафиксировано в рамках проекта TRIP (Рис. 4). Доля исследований с использованием методов формального моделирования при этом составляет 68%, а доля качественных исследований — 22%.

Рисунок 7. Распределение прогностических статей по признаку используемых эпистемологических установок (в %).

Figure 7. Percentage of Prognostic Articles by Epistemology Employed (Positivism/Interpretivism).

Источник: Собственные данные.

Вероятно, гораздо более высокая доля «формального моделирования» в наших результатах по сравнению с результатами проекта ТРИП связана с тем, что мы расширительно истолковали само понятие *формального моделирования*, которое в кодбуке ТРИП описано не слишком отчётливо. Возможно, авторы ТРИП предполагали, что в эту категорию следует относить лишь теоретико-игровые модели и модели теории рационального выбора. В нашем же анализе мы отнесли к этой категории также все объяснительные статистические модели, включая регрессионные.

Еще одно существенное расхождение между результатами нашего исследования и данными проекта ТРИП наблюдается в том, что касается доли статей, содержащих политические рекомендации (Рис. 9, Табл. 6). Наш анализ показал, что политические рекомендации содержатся в более чем 27% проанализированных прогностических публикаций, при том что в массиве, исследованном в рамках проекта ТРИП, их доля составила только 12% [19, с. 440].

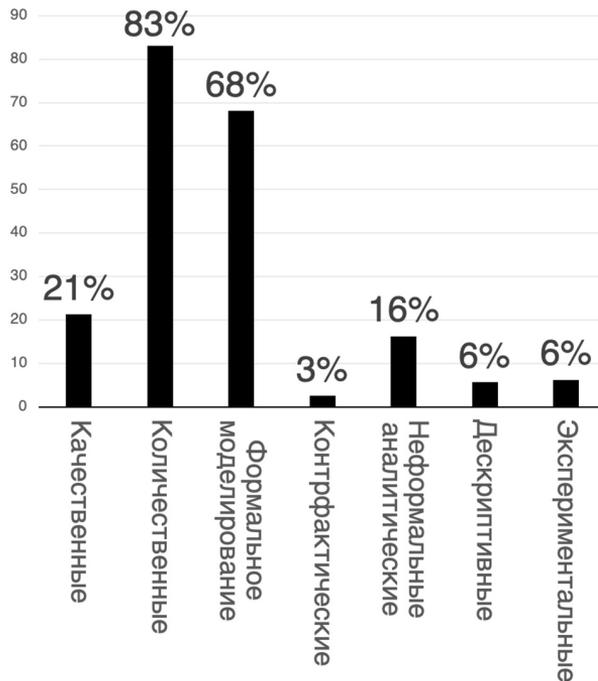

Рисунок 8. Распределение прогностических статей по признаку используемых методов (в %).

Figure 8. Percentage of Prognostic Articles by Methodology Employed (Qualitative, Quantitative, Formal Modelling, Counter-Factual, Non-formal Analytic, Descriptive, Experimental).

Источник: Собственные данные.

Эмпирическую базу проанализированного массива прогностических исследований по большей части составляют данные глобального географического охвата (Рис. 10, Табл. 5). Такого рода исследования составляют более половины всех проанализированных прогностических статей. В тех же, что сосредоточены на конкретных регионах, преобладают исследования, сфокусированные на США, Западной Европе, Ближнем Востоке и Восточной Азии (включая Китай). Такое распределение, вероятно, связано со страновой принадлежностью журналов, занимающих лидирующее положение в дисциплине. Кроме того, фокус на Соединённых Штатах, очевидно, может объясняться ещё и особым положением этого государства в нынешней международной системе.

По своему временному охвату эмпирическая база проанализированных статей по большей части состоит из данных за период после Второй мировой войны с доминированием последних трёх десятилетий (Рис. 11, Табл. 4). Это, вероятно, объясняется тем фактом, что именно для этих периодов существуют наиболее полные и разнообразные базы данных, позволяющие проводить исследования с использованием количественных методов. Здесь есть повод ещё раз вспомнить

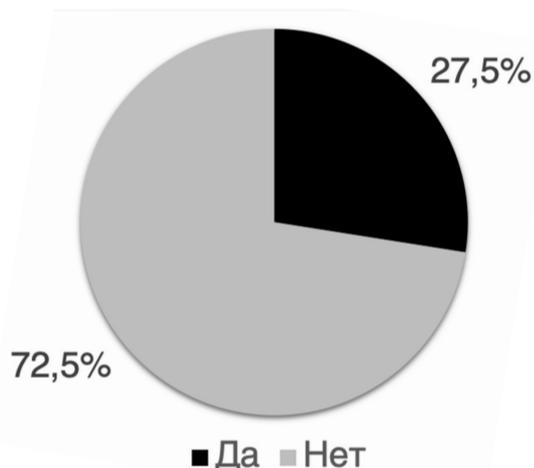

Рисунок 9. Распределение прогностических статей по признаку наличия / отсутствия (да / нет) политических рекомендаций (в %).

Figure 9. Percentage of Prognostic Articles in Which Policy Recommendations Are Offered / Not Offered.

Источник: Собственные данные.

о критике, которую адресовали международникам С. Бернстайн и его соавторы. Наблюдение о том, что предметом исследования в мейнстриме международных отношений становится как правило не то, что важно исследовать, а то, что исследовать проще [13, с. 44], сохраняет актуальность сегодня так же, как и два десятилетия назад.

Подводя итоги нашего исследования, стоит отметить, что наиболее интересным и важным нам представляется результат, который удалось получить при исследовании пропорции *сильных* и *слабых* прогнозов. Исходя из данных ТРИП о преобладании в современных международных отношениях внепарадигмальных позитивистских количественных исследований, можно было ожидать, что позиции номотетических и пробабилистских подходов корпусе прогностических работ будут сильны, однако в наших исходных интуициях мы все же не предполагали, что доминирование таких подходов окажется столь тотальным, а маргинализация сценарных подходов к прогнозированию столь выраженной.

Можно, однако, предположить (соответствующая гипотеза потребует проверки в рамках будущих исследований), что публикации о сильных прогнозах более распространены в публикациях экспертных центров (таких, например, как RAND Corporation), а также в так называемых полиси-журналах (Survival, Security Studies и т.п.), более ориентированных на рассуждения о сценариях будущего развития событий с фокусом на действия конкретных международных акторов. На это, в частности, указывает тот факт, что среди сильных прогнозов больше доля публикаций, содержащих политические рекомендации (Табл. 6).

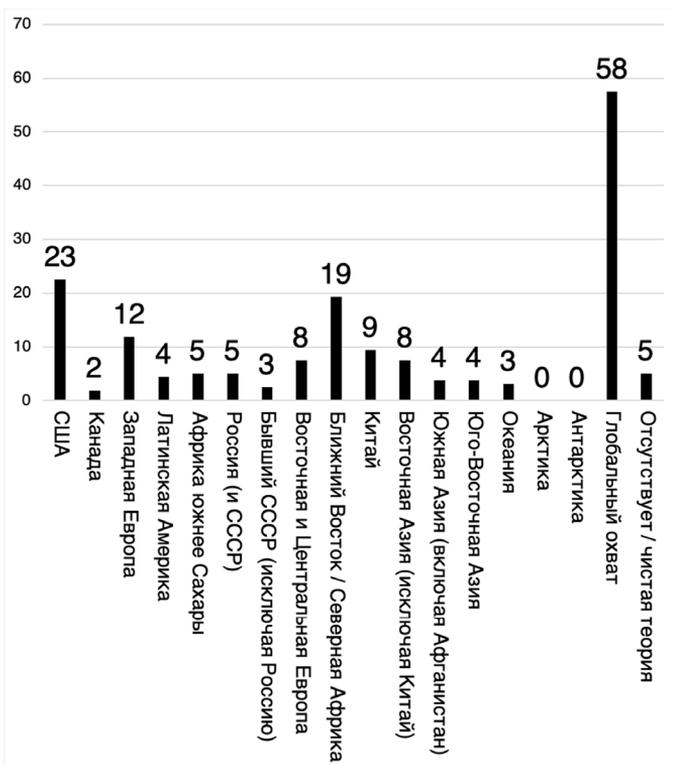

Рисунок 10. Распределение прогностических статей по признаку географического охвата эмпирической базы (в %).

Figure 10. Percentage of Prognostic Articles by Region Under Study.

Источник: Собственные данные.

Кроме того, интересными представляются выводы (пусть пока ещё и требующие дополнительного подтверждения) о сильных позициях реалистской традиции в сфере сильных прогнозов и в целом о более выраженном её влиянии по сравнению с ситуацией в дисциплине в целом. Этот результат может показаться контринтуитивным, если принять во внимание, например, мнение Дж. Снайдера, который, говоря о «слепых пятнах» реализма указывал на его неспособность «учитывать прогресс и изменения, происходящие в международных отношениях» [26, с. 59]. Однако возможно взглянуть на это и иначе, предположив, что тот факт, что для реализма, в отличие от либерализма, характерно отсутствие любых предзаданных представлений о фактическом или желаемом «пункте назначения», к которому движется мировая политика, делает его не менее, а более восприимчивым к проблемам неопределённости будущего. Это, впрочем, пока скорее только предположение, требующее дальнейшего более детального изучения.

В начале этой статьи мы отмечали, что проведённое нами исследование является первым этапом для запуска на базе МГИМО крупного прогностического проекта о будущем международных отношений в контексте технологических

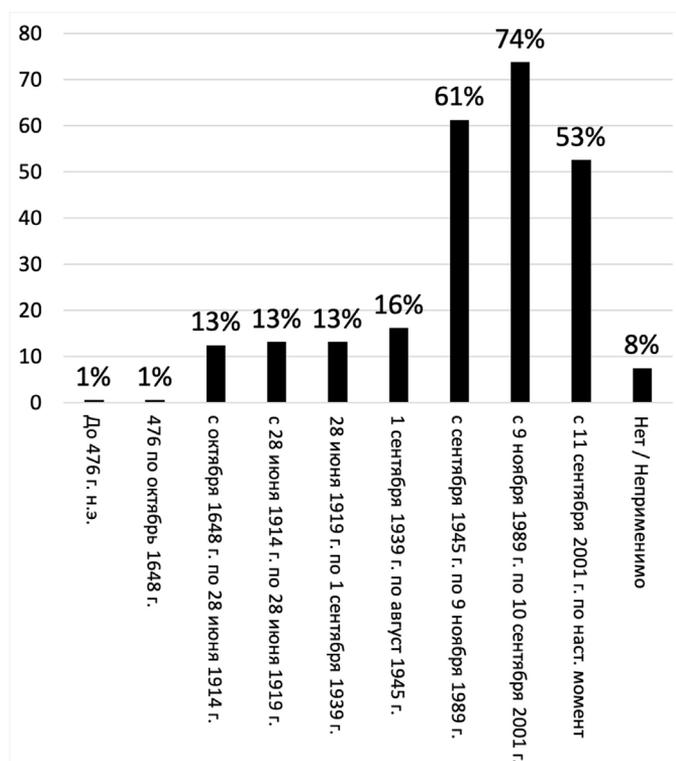

Рисунок 11. Распределение прогностических статей по признаку временного охвата эмпирической базы (в %).

Figure 11. Percentage of Prognostic Articles by Time Period Under Study.

Источник: Собственные данные.

инноваций¹⁵. Нам важно было понять, какие теоретические и эпистемологические установки доминируют сегодня в области академического мейнстрима международных исследований, с тем чтобы определить наиболее выигрышные подходы и наметить перспективные направления для своей будущей работы. Однако положение дел, которое мы зафиксировали, скорее подталкивает не к тому, чтобы следовать в колее нынешнего академического мейнстрима, а к тому, чтобы искать вдохновения за пределами этой области и выработать оригинальные подходы и решения самостоятельно.

Как показал наш анализ, те задачи и вызовы, которые были очерчены для предиктивных международных исследований ещё двадцать лет назад не потеряли своей актуальности и по сей день. «Увлечение дедуктивной логикой, фальсифицируемыми гипотезами и статистической проверкой узких предположений» [13, с. 45] — это то, что мы по-прежнему почти повсеместно наблюдаем в академическом мейнстриме международных исследований. И это была бы не такая уж плохая картина, если бы доминирование этих подходов не было бы столь

¹⁵ В проанализированном нами массиве предиктивных статей исследования о технологических аспектах мировой политики составили только 2,5%.

тотальным: если бы номотетические вероятностные модели, которыми столь увлечены международники академического цеха соединялись бы с задачами определения конкретных актуальных трендов и выработки сценариев будущего. Поиском такого рода трендов и сценариев, разумеется, заняты специалисты из сферы экспертизы и консалтинга, но для академического сектора международных исследований эти задачи по-прежнему остаются в «слепой зоне».

В этой ситуации особенно важно правильно оценить сильные и слабые стороны отечественной школы международных отношений. Её положение сегодня довольно специфично в том смысле, что для неё увлечение внепарадигмальными вероятностными моделями и количественными методами свойственно гораздо в меньшей степени. Это обстоятельство существенным образом затрудняет интеграцию российской традиции в современный политологический мейнстрим, отбрасывая ее на периферию глобального научного дискурса о международной политике и вынуждая примерять на себя роль «догоняющего».

Однако можно в этом положении вещей усмотреть и особого рода возможности и перспективы. Альтернативой «догоняющему развитию» («парадигме освоения» в терминах А.Д. Богатурова [3]) могла бы стать более сосредоточенная работа именно в тех областях, которые остаются «слепыми зонами» доминирующих сегодня в науке подходов. Этот путь более сложный, но и более перспективный, чем простая гонка за лидером. Для продвижения по нему российским исследователям придётся решать сразу две задачи: с одной стороны, оперативно брать на вооружение актуальные ныне для мирового академического мейнстрима подходы, с другой — искать им альтернативы и дополнения с опорой на уже существующие наработки отечественной традиции и на новые решения, которые ещё предстоит изобрести. Как показал наш анализ, одна из областей, где есть место для такого рода оригинальных подходов, — это сценарные прогностические исследования. В этой сфере задача соединения научного знания об общих закономерностях развития международных процессов с направленным в будущее отслеживанием конкретных сюжетов и тенденций по-прежнему актуальна, а может быть даже актуальна как никогда.

Приложения

Приложение 1. Ключевые слова и поисковые запросы

Список ключевых терминов для поиска в названии, кратком содержании и ключевых словах и примеры оформления запросов по базам журнальных статей Scopus и Web of Science

Включено	Исключено
chance	future application
expect	future of the discipline
forecast	future of the field

Включено	Исключено
foresight	future of the theory
foresee	future research
future	future study
likelihood	new possibility
possibility	
predict	
probability	
prognosis	
scenario	

Поисковый запрос для Scopus

ISSN (1354-0661) OR ISSN (0020-8183) OR ISSN (0162-2889) OR ISSN (0043-8871) OR ISSN (0022-0027) OR ISSN (0022-3433) OR ISSN (0020-8833) OR ISSN (0963-6412) DOCTYPE (ar) AND (TITLE-ABS-KEY (foresee*) OR TITLE-ABS-KEY (expect*) OR TITLE-ABS-KEY (predict*) OR TITLE-ABS-KEY (foresight*) OR TITLE-ABS-KEY (forecast) OR TITLE-ABS-KEY (likelihood) OR TITLE-ABS-KEY (probabilit) OR TITLE-ABS-KEY (possibilit) AND NOT TITLE-ABS-KEY ("new possibilit*") OR TITLE-ABS-KEY (chance) OR TITLE-ABS-KEY (expect) OR TITLE-ABS-KEY (prognosis) OR TITLE-ABS-KEY (scenario*) OR TITLE-ABS-KEY (future) AND NOT TITLE-ABS-KEY ("future research") AND NOT TITLE-ABS-KEY ("future application") OR TITLE-ABS-KEY ("future stud") OR TITLE-ABS-KEY ("future of the field") OR TITLE-ABS-KEY ("future of the discipline") OR TITLE-ABS-KEY ("future of the theor")) AND (LIMIT-TO (PUBYEAR, 2015) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2014) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2013) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2012) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2011) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2010) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2009) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2008) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2007) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2006)) AND (LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Weidmann, N.B.#25223959600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Gleditsch, K.S.#6603569863") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Asal, V.#23990369500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Beardsley, K.#6602155179") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Buhaug, H.#13407965000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Maoz, I.#6701886308") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Neumayer, E.#7004548786") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Plümper, T.#6602664375") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Rathbun, B.C.#16310498400") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Baccini, L.#36112973000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Brancati, D.#8928406500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Böhmelt, T.#35329018600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Cederman, L.E.#6602313667") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Choi, S.W.#55493254900") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Clare, J.#56213230200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Colaresi, M.#6603145078") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Enders, W.#34769960900") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Escribà-Folch, A.#25924879500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID,

"Gibler, D.M.#6602893487") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Goldsmith, B.E.#8513879000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Hobfoll, S.E.#7006091746") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Kathman, J.D.#22634874100") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Maoz, Z.#6603201949") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Brandt, P.T.#35884396500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Brulé, D.J.#6603347920") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Butler, C.K.#7201550806") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Canetti, D.#7801376387") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Carey, S.C.#14029716000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Davies, G.A.M.#21933844900") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Daxecker, U.E.#22950035800") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "De Mesquita, B.B.#6602108447") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Dietrich, S.#56954444500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Eck, K.#16051955700") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Ferrero, M.#13004050300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Fey, M.#7102639384") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Foster, D.M.#35493965200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Garriga, A.C.#35069453600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Gartner, S.S.#7006656565") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Gelpi, C.F.#7003945061") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Grauer, R.#55094973400") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Grieco, J.M.#9640121100") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Hafner-Burton, E.M.#8698423600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Hainmueller, J.#13204316000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Haynes, K.#55372433300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Hiscox, M.J.#6506688421") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Horowitz, M.C.#26662701200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Mitchell, N.J.#7102467109") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Newman, A.L.#7201587288") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Palmer, G.#7202018626") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Park, J.#15058220400") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Peterson, T.M.#36667039200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Piazza, J.A.#8218844000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Pierskalla, J.H.#35303507600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Posner, E.#35303318200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Ramsay, K.W.#14034688600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Reiter, D.#7004342527") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Ritter, E.H.#55068106700") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Russett, B.#7003920974") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Schneider, G.#55057826200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Schubiger, L.I.#56725827200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Sharvit, K.#13105510600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Shelef, N.G.#20735768700") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Smith, A.#7406751794") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Snyder, J.L.#7401499150") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Sobek, D.#10639174300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Stinnett, D.M.#16310905800") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Tago, A.#55917294300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Thies, C.G.#7004477817") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Tingley, D.H.#12446550300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Beardsley, K.C.#6602155179")

Поисковый запрос для Web of Science

IS=(0162-2889) AND TS = (foresee* OR expect* OR predict* OR foresight* OR forecast* OR (likely NOT (were \$\$\$ likely OR was \$\$\$ likely OR been likely)) OR likelihood OR probabilit* OR (possibilit* NOT (new possibilit*)) OR chance* OR expect* OR prognosis OR scenario* OR (will NOT ("will to" OR "will for" OR "will be shown" OR "will be demonstrated")) OR "won't" OR (future NOT ((future research) OR (future application*) OR (future stud*) OR (future of the field*) OR (future of the discipline*) OR (future of the theor*)))) AND PY = (2006 OR 2007 OR 2008 OR 2009 OR 2010 OR 2011 OR 2012 OR 2013 OR 2014 OR 2015) AND AU = ((TOFT MD OR BROOKS SG OR CAVERLEY JD OR DOWNES AB OR GLASER CL OR IKENBERRY GJ OR JOHNSON DDP OR KASTNER SL OR LAKE DA OR LIND J OR MONTEIRO NP OR ROSATO S OR SAROTTE ME OR SHAPIRO JN OR WOHLFORTH WC))

DOCUMENTYPES: (Article). Indexes=SCI-EXPANDED, SSCI, A&HCI, CPCI-S, CPCI-SSH, BKCI-S, BKCI-SSH, ESCI. Timespan=All years

Приложение 2. Распределение статей проанализированного массива по журналам

Журнал	Количество статей
Journal of Conflict Resolution	40
Journal of Peace Research	39
International Studies Quarterly	35
International Security	27
International Organization	19
Security Studies	6
European Journal of International Relations	4
World Politics	2
ВСЕГО СТАТЕЙ	172

Приложение 3. Принципы отнесения статей к одной из парадигм (на основе кодбука TRIP [21, с. 6-9]).

Реалистские	<i>Реалистские</i> статьи зачастую отталкиваются от следующих предположений: (1) государства являются доминирующими акторами в международных отношениях; (2) государства являются унитарными, рациональными акторами; (3) государства преследуют собственные интересы, которые определяются в терминах силы; (4) международная система является анархичной. Для отнесения статьи к реалистской парадигме ключевыми объясняющими переменными в ней должны выступать сила и анархия. В число других объясняющих переменных реалистского анализа входят гегемония, полярность, баланс между наступлением и обороной. относительная и абсолютная мощь.
Либеральные	Статья кодируется как <i>либеральная</i> , если она согласуется со следующими предположениями: 1) основными акторами международных отношений выступают индивиды и частные группы, которые организуются и обмениваются информацией для продвижения собственных интересов; 2) государство выступает представителем некоторого подмножества социальных акторов (внутренних, а иногда

Либеральные	и международных) при посредовании внутривполитических институтов, которые передают запросы должностным лицам, уполномоченным действовать от имени государства; (3) характер международной системы (в том числе поведение государства и модели конфликтов и сотрудничества) определяется конфигурацией государственных предпочтений, а не распределением сил или доминирующей системой экономического производства; (4) в результате изменения моделей своих предпочтений государства могут разрабатывать общие нормы и институты, которые берут на себя выполнение некоторых функций, характерных для внутривполитических институтов. Либералы часто подчеркивают важность следующих объясняющих переменных (по крайней мере одна из них должна присутствовать в статье, чтобы ее можно было отнести к <i>либеральным</i>): внутривполитические институты, предпочтения социальных акторов и транснациональных акторов, относительная конкурентоспособность экономических производителей на международном рынке, экономическая взаимозависимость, международное право, режимы, международные институты, идеи и убеждения.
Конструктивистские	Статья кодируется как <i>конструктивистская</i> , если ее авторы предполагают, что идентичность акторов и реальность институтов являются результатом социального конструирования. Конструктивисты используют множество независимых переменных, характерных для либерализма, таких как режимы, нормы, идентичности и институты, а иногда и другие независимые переменные, характерные для реализма или марксизма. В дополнение к каузальным переменным, которые они разделяют с другими парадигмами, конструктивисты часто рассматривают в качестве объясняющих переменных организационную культуру, дискурсивные процессы и принципиальные убеждения.
Марксистские	Статья кодируется как <i>марксистская</i> , если в ее основе лежат следующие предположения: (1) экономические акторы являются доминирующей единицей анализа в международной политике; (2) международная система является иерархической; (3) механизмы доминирования консервируют низкий уровень развития. В своем анализе марксистские подходы, как правило, используют в качестве ключевых каузальных переменных классовую структуру, мировую капиталистическую систему и роль элит в этой системе. Некоторые марксистские подходы ссылаются на роль «культурной гегемонии», но при этом, согласно таким концепциям, идеи отражают интересы доминирующего экономического класса в обществе.
Внепарадигмальные	Категория <i>внепарадигмальных</i> исследований охватывает статьи, в которых выдвигается и проверяется когерентная теория, но при этом они не укладываются однозначно в рамки одной из четырех основных парадигм (реализм, либерализм, марксизм, конструктивизм).
Атеоретические	Те статьи, которые вообще не имеют какой-либо теоретической основы, кодируются как <i>атеоретические</i> . Как правило, атеоретические статьи носят исключительно описательный характер или посвящены проверке гипотезы, полученных индуктивно и не связанных с какой-либо теорией или парадигмой.

Приложение 4. Результаты анализа статей

Таблица 1. Число прогностических статей по признаку используемой парадигмы

Table 1. Number of Prognostic Articles by Paradigm

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
Конструктивизм	0	20	20
Либерализм	1	40	41
Марксизм	0	0	0
Реализм	8	17	25
Внепарадигмальные	6	66	72
Атеоретические	0	2	2
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 2. Число прогностических статей по признаку используемой эпистемологической установки**Table 2. Number of Prognostic Articles by Epistemology Employed**

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
Позитивизм	9	139	148
Интерпретивизм	6	6	12
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 3. Число прогностических статей по признаку используемых методов**Table 3. Number of Prognostic Articles by Methodology Employed**

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
Качественные	6	28	34
Количественные	8	125	133
Формальное моделирование	7	102	109
Контрфактические	3	1	4
Неформальные аналитические	5	21	26
Дескриптивные	2	1	9
Экспериментальные	1	9	10
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 4. Число прогностических статей по признаку временного охвата эмпирической базы**Table 4. Number of Prognostic Articles by Time Period Under Study**

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
До 476 г. н.э.	0	1	1
476 по октябрь 1648 г.	0	1	1
с октября 1648 г. по 28 июня 1914 г.	1	19	20
с 28 июня 1914 г. по 28 июня 1919 г.	1	20	21
28 июня 1919 года по 1 сентября 1939 года	1	20	21
1 сентября 1939 г. по август 1945 г.	1	25	26
с сентября 1945 г. по 9 ноября 1989 г.	8	90	98
с 9 ноября 1989 г. по 10 сентября 2001 г.	10	108	118
с 11 сентября 2001 г. по настоящий момент	13	71	84
Нет / Неприменимо	0	12	12
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 5. Число прогностических статей по признаку географического охвата эмпирической базы

Table 5. Number of Prognostic Articles by Region Under Study

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
США	8	28	36
Канада	0	3	3
Западная Европа	3	16	19
Латинская Америка	1	6	7
Африка южнее Сахары	0	7	8
Россия (и СССР)	3	5	8
Бывший СССР (исключая Россию)	1	3	4
Восточная и Центральная Европа	3	9	12
Ближний Восток / Северная Африка	3	28	31
Китай	5	10	15
Восточная Азия (исключая Китай)	5	7	12
Южная Азия (включая Афганистан)	2	4	6
Юго-Восточная Азия	0	6	6
Океания	0	5	5
Арктика	0	0	0
Антарктика	0	0	0
Глобальный охват	4	88	92
Отсутствует / чистая теория	0	8	8
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 6. Число прогностических статей по признаку наличия политических рекомендаций

Table 6. Number of Prognostic Articles in Which Policy Recommendations Are Offered

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
Рекомендации есть	9	35	44
Рекомендаций нет	6	110	116
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 7. Число прогностических статей по признаку срока прогноза

Table 7. Number of Prognostic Articles by Prognostic Timespan

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
до 2013 год	0	1	1
с 2014 по 2019 год	1	1	2
с 2020 по 2029 год	0	0	0
с 2030 по 2049 год	0	0	0
с 2050 по 2069 год	0	0	0
с 2070 по 2100 год	0	0	0
XXII век	0	0	0
XXIII век и позже	0	0	0
Неопределенное будущее	14	144	158
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 8. Число прогностических статей по признаку наличия в них сильных или слабых прогнозов

Table 8. Number of Prognostic Articles by the Type of Prognosis (Strong or Weak)

	Количество
Сильные прогнозы	15
Слабые прогнозы	145
ВСЕГО СТАТЕЙ	160

Список литературы:

1. Алексеева Т. Дебаты о “Великих дебатах”: как структурировать теорию международных отношений? // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 9–21.
2. Алексеева Т., Лебедева М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29–43.
3. Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 195–198.
4. Ильин М.В., Авдонин В.С., Фомин И.В. Методологический вызов. Где границы применимости методов? Каковы критерии их эффективности? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2017. № 7. С. 5–24.
5. Коньшев В., Сергунин А. “Великие дебаты”: способ структурирования или периодизации теории международных отношений? // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 156–164.
6. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых “великих дебатов”? // Полис. Политические Исследования. 2013. № 2. С. 66–78.
7. Лебедева М.М. Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя. Москва: Спецкнига, 2013. 24 с.
8. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. Москва: ПЕР СЭ, 2005. 415 с.
9. Сафронова О.В., Коршунов Д.С. “Новые” или “старые” великие дебаты? // Полис. Политические Исследования. 2013. № 4. С. 182–187.
10. Цыганков П.А. Социологические термины и подходы в анализе международных отношений // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические Науки. 2016. № 4. С. 28–37.
11. Avdonin V., Fomin I., Ilyin M. Integrative Methodologies for Political Science: Studying Measures, Forms and Meanings // 25th World Congress of Political Science: July 21-25, 2018: Brisbane, Australia: IPSA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wc2018.ipasa.org/index.php/events/congress/wc2018/paper/integrative-methodologies-political-science-studying-measures-forms> (дата обращения: 08.11.2018).
12. Bennett B.W., Lind J. The Collapse of North Korea: Military Missions and Requirements // International Security. 2011. № 2. Pp. 84–119.
13. Bernstein S. [et al.]. God Gave Physics the Easy Problems: Adapting Social Science to an Unpredictable World // European Journal of International Relations. 2000. № 1. Pp. 43–76.
14. Byman D., Lind J. Pyongyang's Survival Strategy: Tools of Authoritarian Control in North Korea // International Security. 2010. № 1. Pp. 44–74.
15. Elman C., Elman M.F. Progress in International Relations Theory: Appraising the Field / C. Elman, M.F. Elman, MIT Press, 2003.
16. Escribà-Folch A., Wright J. Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers // International Studies Quarterly. 2010. № 2. Pp. 335–359.
17. Kristensen P.M. International Relations at the End: A Sociological Autopsy // International Studies Quarterly. 2018.
18. Mahoney J., Goertz G. A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research // Political Analysis. 2006. № 03. Pp. 227–249.
19. Maliniak D. [et al.]. International Relations in the US Academy: International Relations in the US Academy // International Studies Quarterly. 2011. № 2. Pp. 437–464.
20. Maliniak D. [et al.]. Is International Relations a Global Discipline? Hegemony, Insularity, and Diversity in the Field // Security Studies. 2018.

- № 3. Pp. 448–484.
21. Maliniak D., Peterson S., Tierney M. TRIP Journal Article Database Codebook: [Version 2.0. Revised: 5/18/16] [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: https://trip.wm.edu/home/phocadownload/trip_journal%20article%20database_codebook2%201.pdf (дата обращения: 08.11.2018).
 22. Martin L.L. The Contributions of Rational Choice: A Defense of Pluralism // *International Security*. 1999. № 2. Pp. 74–83.
 23. Mearsheimer J.J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations // *European Journal of International Relations*. 2013. № 3. Pp. 427–457.
 24. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work // *International Security*. 1997. № 2 (22). Pp. 90–136.
 25. Reus-Smit C. Beyond Metatheory? // *European Journal of International Relations*. 2013. № 3. Pp. 589–608.
 26. Snyder J. One world, rival theories // *Foreign policy*. 2004. № 145. Pp. 52–62.
 27. Teaching, Research, and International Policy Project. TRIP Journal Article Database Release (Version 3.1) [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: <https://trip.wm.edu/> (дата обращения: 08.11.2018).
 28. Vasquez J.A. The power of power politics: from classical realism to neotraditionalism / J.A. Vasquez. New York: Cambridge University Press, 1998. 448 p.
 29. Walker T.C., Morton J.S. Re-Assessing the «Power of Power Politics» Thesis: Is Realism Still Dominant? // *International Studies Review*. 2005. № 2. Pp. 341–356.
 30. Walt S.M. Rigor or Rigor Mortis? Rational Choice and Security Studies // *International Security*. 1999. № 4. Pp. 5–48.
 31. Windelband W. Geschichte und Naturwissenschaft: Rede zum Antritt des Rectorats der Kaiser-Wilhelms-Universität Strassburg, geh. am 1. Mai 1894 / W. Windelband, Strassburg: Heitz, 1894. 27 S.

Об авторах:

Иван Владленович Фомин – к.п.н., научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; доцент Департамента политической науки Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, 101000, Россия, Москва, улица Мясницкая, д. 20; научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН, 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: fomin.i@gmail.com.

Константин Павлович Кокарев – старший преподаватель Liberal Arts College ИОН РАНХиГС, ведущий специалист Научной библиотеки РАНХиГС. 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: kokarev-kp@ranepa.ru.

Борис Игоревич Ананьев – преподаватель кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: ananyevboris92@gmail.com.

Николай Юрьевич Силаев – к.и.н., старший научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Андрей Андреевич Сушенцов – к.п.н., директор Лаборатории анализа международных процессов и Института международных исследований Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru.

Александр Дмитриевич Чеков – аналитик Лаборатории анализа международных процессов, преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: a.d.chekov@gmail.com.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002).

FORECASTING PRACTICES IN ACADEMIC IR: METHODOLOGICAL MAINSTREAM AND UNSOLVED PROBLEMS

I.V. Fomin, K.P. Kokarev, B.I. Ananyev, N.Yu. Silaev, A.A. Sushentsov, A.D. Chekov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-159-193

MGIMO University,
INION RAN,
National Research University Higher School of Economics,
RANEPA

Abstract: The article is devoted to the analysis of research tools that are dominant in international relations forecasting. The study is based on quantitative description of 160 prognostic articles from leading journals on international relations for the period from 2006 to 2015. An innovative typology of prognostic studies is proposed and tested. The typology introduces a distinction between «weak prognoses» (probabilistic predictive statements that appear as extrapolations of deductive nomothetical theories) and «strong prognoses» («ideographic» predictions that are formulated as scenarios of possible future developments in specific situations and with specific sets of actors). The study shows that it is the weak prognoses that are the dominant type of forecasts in contemporary international studies. The dominance of the weak approach to forecasting remains total, despite the fact that it is almost two decades ago that its fundamental limitations were demonstrated and a “forward reasoning” approach suggested as an alternative. The methodology of Teaching, Research, and International Policy project was applied for a more detailed epistemological profiling of the field. It showed that academic forecasting in international relations is dominated by quantitative methods and positivist non-paradigmatic approaches. As to the traditional paradigms, it is liberalism that is the most common with Marxism being completely neglected. The described profile of the field follows the trends that are inherent in the discipline of international relations in general. The findings of the study can be interpreted from the perspective of possible tracks for the development of forecasting methods in the Russian school of international relations.

Key words: forecasting, methodology, methods, approaches, paradigms, theory of international relations, TRIP, strong and weak prognosis

References

1. Alekseeva T. Debaty o “Velikikh debatakh”: kak strukturirovat’ teoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii? [The debates about “great debates”: how to structure the theory of international relations?]. *Polis. Political Studies*. 2016, no. 6, pp. 9–21. (In Russian)
2. Alekseeva T., Lebedeva M. Chto proiskhodit s teoriei mezhdunarodnykh otnoshenii [What Is Happening to the Theory of International Relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. 2016, no. 1, pp. 29–43.
3. Bogaturov A. Desiat’ let paradigmy

- osvoeniĭa [Ten Years of Capturing Paradigm]. *Pro et contra*. 2000, vol. 5, no. 1, pp. 195–198. (In Russian)
4. Il'in M.V., Avdonin V.S., Fomin I.V. Metodologicheskiĭ vyzov. Gde granitsy primenimosti metodov? Kakovy kriterii ikh ěffektivnosti? [Methodological challenge. What are restraints for method application? What are the criteria of its success?] *METHOD: Moskovskiiĭ ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. 2017, no. 7, pp. 5–24. (In Russian)
 5. Konyshchev V., Sergunin A. "Velikie debaty": sposob strukturirovaniĭa ili periodizatsii teorii mezhdunarodnykh otnosheniĭ? ["The Great Debates": The Means of Structuring or Periodization of International Relations Theory?]. *Polis. Political Studies*. 2017, no. 4, pp. 156–164. (In Russian)
 6. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Teoriĭa Mezhdunarodnykh Otnosheniĭ: Kanun Novykh "Velikikh Debatov"? [International relations theory: on the threshold of new «Great Debates»?]. *Polis. Political Studies*. 2013, no. 2, pp. 66–78. (In Russian)
 7. Lebedeva M.M. *Rossiiskie issledovaniĭa i obrazovanie v oblasti mezhdunarodnykh otnosheniĭ: 20 let spustiĭa* [Russian Research and Education in the field of International Relations: 20 Years Later]. Moscow: Spetskniga, 2013. 24 p. (In Russian)
 8. TSyngankov A.P., TSyngankov P.A. (eds.) *Rossiiskaĭa nauka mezhdunarodnykh otnosheniĭ: novye napravleniĭa* [Russian Science of International Relations: New Currents]. Moscow: PER SĖ, 2005. 415 p. (In Russian)
 9. Safronova O.V., Korshunov D.S. "Novye" ili "Starye" Velikie Debaty? ["New" or "Old" great debates?]. *Polis. Political Studies*. 2013, no. 4, pp. 182–187. (In Russian)
 10. TSyngankov P.A. Sotsiologicheskie terminy i podkhody v analize mezhdunarodnykh otnosheniĭ [Sociological Concepts and Approaches in Analysis of International Relations]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriiĭa 12: Politicheskie Nauki*. 2016, no. 4, pp. 28–37. (In Russian)
 11. Avdonin V., Fomin I., Ilyin M. *Integrative Methodologies for Political Science: Studying Measures, Forms and Meanings*. 25th World Congress of Political Science: July 21-25, 2018: Brisbane, Australia: IPSA. Available at: <http://wc2018.ipso.org/index.php/events/congress/wc2018/paper/integrative-methodologies-political-science-studying-measures-forms> (accessed: 08.11.2018).
 12. Bennett B.W., Lind J. The Collapse of North Korea: Military Missions and Requirements. *International Security*. 2011, vol. 36, no. 2, pp. 84–119.
 13. Bernstein S. God Gave Physics the Easy Problems: Adapting Social Science to an Unpredictable World. *European Journal of International Relations*. 2000, vol. 6, no. 1, pp. 43–76.
 14. Byman D., Lind J. Pyongyang's Survival Strategy: Tools of Authoritarian Control in North Korea. *International Security*. 2010, vol. 35, no. 1, pp. 44–74.
 15. Elman C., Elman M.F. *Progress in International Relations Theory: Appraising the Field*. MIT Press, 2003.
 16. Escribà-Folch A., Wright J. Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers. *International Studies Quarterly*. 2010, vol. 54, no. 2, pp. 335–359.
 17. Kristensen P.M. International Relations at the End: A Sociological Autopsy. *International Studies Quarterly*. 2018, 62(2), pp. 245–259. DOI: 10.1093/isq/sqy002
 18. Mahoney J., Goertz G. A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research. *Political Analysis*. 2006, vol. 14, no. 3, pp. 227–249.
 19. Maliniak D. International Relations in the US Academy: International Relations in the US Academy. *International Studies Quarterly*. 2011, vol. 55, no. 2, pp. 437–464.
 20. Maliniak D. Is International Relations a Global Discipline? Hegemony, Insularity, and Diversity in the Field. *Security Studies*. 2018, vol. 27, no. 3, pp. 448–484.
 21. Maliniak D., Peterson S., Tierney M. *TRIP Journal Article Database Codebook: [Version 2.0. Revised: 5/18/16]*. 2016. Available at: <https://trip.wm.edu/>

- home/phocadownload/trip_journal%20article%20database_codebook2%201.pdf (accessed: 08.11.2018).
22. Martin L.L. The Contributions of Rational Choice: A Defense of Pluralism. *International Security*. 1999, vol. 24, no. 2, pp. 74–83.
 23. Mearsheimer J.J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations. *European Journal of International Relations*. 2013, vol. 19, no. 3, pp. 427–457.
 24. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*. 1997, vol. 22, no. 2, pp. 90–136.
 25. Reus-Smit C. Beyond Metatheory? *European Journal of International Relations*. 2011, vol. 17, no. 3, pp. 589–608.
 26. Snyder J. One world, rival theories. *Foreign policy*. 2004, no. 145, pp. 52–62.
 27. Teaching, Research, and International Policy Project. *TRIP Journal Article Database Release (Version 3.1)*. 2017. Available at: Available at <https://trip.wm.edu/> (accessed: 08.11.2018).
 28. Vasquez J.A. *The power of power politics: from classical realism to neotraditionalism*. New York: Cambridge University Press, 1998. 448 p.
 29. Walker T.C., Morton J.S. Re-Assessing the «Power of Power Politics» Thesis: Is Realism Still Dominant? *International Studies Review*. 2005, vol. 7, no. 2, pp. 341–356.
 30. Walt S.M. Rigor or Rigor Mortis? Rational Choice and Security Studies. *International Security*. 1999, vol. 23, no. 4, pp. 5–48.
 31. Windelband W. *Geschichte und Naturwissenschaft: Rede zum Antritt des Rektorats der Kaiser-Wilhelms-Universität Strassburg, geh. am 1. Mai 1894*. Strassburg: Heitz, 1894. 27 S. (In German)

About the authors:

Ivan V. Fomin – Ph.D. (Political Science), Research Associate of the Laboratory for International Trends Analysis at MGIMO University (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia), Associate Professor at the National Research University Higher School of Economics, Faculty of Social Sciences, School of Political Science (Ulitsa Myasnitskaya, d. 20, 101000, Moscow, Russia), Research Associate at INION RAN, Center for Advanced Methods of Social Studies and Humanities (Nakhimovskiy Prospekt, d. 51/21, 117997, Moscow, Russia). E-mail: fomin.i@gmail.com.

Konstantin P. Kokarev – Senior Lecturer at Liberal Arts College ISS, RANEPa, lead specialist at RANEPa Academic Library (Prospekt Vernadskogo, d. 82, str. 1, 119571 Moscow, Russia). E-mail: kokarev-kp@ranepa.ru.

Boris I. Ananyev – Lecturer at MGIMO University, Department of Political Theory (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia). E-mail: ananyevboris92@gmail.com.

Nikolay Yu. Silaev – Ph.D. (History), Senior Researcher at MGIMO University, the Institute of International Studies (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia). E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Andrey A. Sushentsov – Ph.D. (Political Science), Director of the Laboratory for International Trends Analysis at MGIMO University (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia). E-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru.

Alexandr D. Chekov – Analyst of the Laboratory for International Trends Analysis at MGIMO University (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia). E-mail: a.d.chekov@gmail.com.

This research is funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement number 14.461.31.0002).

ДИСКУРС УКРАИНСКИХ ЭЛИТ В ОТНОШЕНИИ ТЕРРИТОРИИ И НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА 2009-2018 ГГ.: АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕКМЕНТА FACEBOOK

А.А. Токарев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Конфликт на юго-востоке Украины приобрёл затяжной характер, прежде всего, в силу отсутствия консенсуса между ключевыми игроками. Украинские элиты и общество не сформировали консолидированной позиции по отношению к Донбассу. В исследовании предпринята попытка ответить на вопрос: каковы специфика и динамика дискурса украинских элит в отношении Донбасса за последние 10 лет? Целью исследования является анализ семантики, частотности и эмоциональности двух магистральных дискурсов (в отношении населения и территории Донбасса) в динамике при помощи анализа национального сегмента Facebook. Данная работа была проведена в несколько этапов: с ноября 2016 г., когда мы с коллегами начали мозговые штурмы, по май 2018 г., когда были получены финальные графики: выделение лидеров мнений в соцсети, скачивание их постов с 1 января 2009 г. по 15 февраля 2018 г., вычленение из дискурса постов, посвящённых Донбассу, создание вокабуляра, позволяющего дифференцировать дискурсы по степени их эмоциональности, оценка степени их частотности, объяснение динамики дискурсов. Базой данных выступают 653 662 739 символов на семи языках из 1 069 687 постов 376 топ-блогеров украинского Facebook, скачанных и проанализированных при помощи информационно-аналитической системы «Семантический архив». Результаты анализа показывают, что, во-первых, «рождением» дискурсов о территории и населении является рубеж 2013-2014 гг. – до этого частота упоминаний Донбасса почти равна нулю. Во-вторых, в отличие от территории в отношении населения присутствует значимый негативный дискурс, причём он немного усилился в относительной степени после 2014 г., но существовал всегда. В отношении территории, напротив, дискурс ненависти практически отсутствует. Основным является нейтральный дискурс. В самом начале рассматриваемого периода он вытесняет позитивный дискурс, показывая, как велика неопределённость в отношении территории, сохраняя свою относительную долю, начиная с января 2011 г. Количество позитивных и негативных дискурсов по отношению к территории кратно меньше, чем в отношении населения, что позволяет сделать выводы о высокой степени неопределённости элит по отношению к территории и низкой вероятности перехода этого нейтрального дискурса в позитивный.

УДК 327.56, 316.472.47

Поступила в редакцию 15.10.2018 г.

Принята к публикации 29.11.2018 г.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, Facebook, Украина, конфликт, Донбасс, сентимент-анализ, контент-анализ.

Конфликт на Донбассе имеет затяжной характер, прежде всего, из-за отсутствия консенсуса между ключевыми игроками. Россия заинтересована в сохранении Донбасса в рамках украинского государства, но с такими полномочиями, которые позволят местным лидерам блокировать сближение Украины с НАТО, что явным образом противоречит российским национальным интересам. Украина, напротив, дискурсивно всячески подчёркивает целостность «государственного тела» и юридический суверенитет Киева над конфликтными территориями, но де-факто не стремится принимать отдельные районы Донецкой и Луганской областей (далее – ОРДЛО) под свой контроль. США стремятся сохранить, если и не ситуацию масштабной войны, то высокий уровень напряжённости на российско-украинских границах и – шире – внутри Европы, чтобы не допустить сближения России и «старой» континентальной Европы, России и Китая, геополитическое и экономическое соперничество с которым будет основным фактором, определяющим внешнюю политику США в первой половине XXI в. ДНР и ЛНР не готовы к реинтеграции, во-первых, в украинское государство, т.к. оно не способно предоставить гарантии безопасности их элитам, во-вторых, – в украинское общество, т.к. оно воспринимает население Донбасса в большинстве своём в качестве «террористов».

Украинские элиты и украинское общество не знают, что делать с Донбассом. Официальная пропаганда направлена на поддержание приемлемого уровня ненависти к России как «агрессору» и участникам ополчения ДНР и ЛНР как «террористам» и «участникам бандформирований», управляющимся «напрямую из России» и сформированным «преимущественно российскими военными или наёмниками». Тотальное упрощение реальной картины – характерная черта современного украинского общества. С одной стороны, и власть, и общество сходятся в том, что «Донбасс – это наша территория, и её необходимо возвращать». С другой стороны, конкретные предложения и стратегии в отношении возвращения ОРДЛО под контроль Киева и, что важнее, – в отношении населения Донбасса, украинские элиты не обсуждают. Малейшие намёки на необходимость переговоров с непризнанными республиками или важность того, чтобы учесть мнение России, как это предлагали, например В. Пинчук, Н. Савченко или В. Медведчук, принимаются мейнстримом в штыки, а их выразители объявляются «предателями», «нерукопожатными» и пр. Опираясь на отдельные сообщения, раскручиваемые в СМИ, можно заключить, что Украина думает только о «тотальном завоевании подконтрольных террористам территорий тогда, когда США и Европа поставят летальное оружие и неофициально дадут «добро» на операцию по боснийскому сценарию». Однако проведенное исследование показывает, что это не так.

Написание данной статьи мотивировано следующим исследовательским вопросом: каковы специфика и динамика дискурсов украинских элит в отношении Донбасса за последние 10 лет?

Для того чтобы ответить на него, необходимо было:

1) сформировать две базы данных (БД): а) список крупнейших блогеров национального сегмента Facebook, отобранных по определенным критериям; б) массив из всех написанных ими постов, начиная с 1 января 2009 по 15 февраля 2018 г.;

2) сформулировать набор синонимов, позволяющих выявить регионализацию внутри общего дискурса, в т.ч. выделить объект «Донбасс». Провести несколько итераций, уточняя каждый поисковый объект;

3) сформировать третью БД, вычленив из общей БД с постами те, которые посвящены Донбассу;

4) создать словарь дискурса по отношению к территории и населению Донбасса посредством мозгового штурма, в котором участвовали бы в обязательном порядке сами граждане Украины;

5) посредством сентимент-анализа дифференцировать полученный словарь на отдельные дискурсы. Проранжировать каждый из них по степени эмоциональности на цифровой шкале для оценки степени их частотности;

6) при помощи машинного анализа выявить частотность каждого из дискурсов и визуализировать её при помощи графиков;

7) объяснить динамику каждого из дискурсов, сопоставляя пики частотности их использования с событиями.

В отношении методологии представленного исследования необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, это не классический дискурс-анализ, а анализ дискурса/дискурсов, отобранных по единственному общему признаку – площадке опубликования (Facebook). Несмотря на то, что «не-нейтральность языка» – именно то, что нас интересует, три измерения дискурса – коммуникативное (дискурс как посредник), семиотическое (дискурс как пространство) и когнитивное (дискурс как глубина) [7] – остаются за рамками внимания. Использование критического дискурс-анализа Т. ван Дейка невозможно как минимум, потому что объём собранной базы данных не позволяет считать её обычным текстом. Во-вторых, не имея под рукой подходящего метода для анализа огромного объёма текста в почти 700 млн символов, пришлось разработать свой метод¹. В-третьих, данное исследование носит сугубо прикладной характер. Оно не предполагает широких теоретических обобщений, поскольку имеет узкий предмет (дискурсы украинских элит в отношении конкретного региона). Разработанный метод может применяться в дальнейшем для анализа конкретных

¹ Подробнее об ограничениях ИАС «Семантический архив» см. раздел «Сложности операционализации при машинном анализе данных»: Токарев А.А. Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса (2009–2018): исследование национального сегмента Facebook. Семантика, частотность, эмоциональность, регионализация. Монография / Алексей Токарев. Москва: МГИМО-Университет, 2018. С. 14-16.

политических трендов в социальных сетях, например, армянской «революции» 2018 года. В-четвёртых, понятие «дискурс» здесь используется в самом широком смысле. В терминах Ф. де Соссюра можно сказать, что дискурс представляет здесь не набор правил (т.е. язык), а речь (индивидуальное использование языка в повседневности). Именно поэтому разделение одной общей «речи» из 1 млн 69 тыс. постов на семь «дискурсов» осуществлено исключительно по статистическим (положение на шкале эмоциональных оценок после сентимент-анализа проведённого экспертами), а не лингвистическим основаниям.

При работе с большими объёмами неструктурированных данных выявляется противоречие между методологическими подходами дискурсологов и политологов/международников. Первые могут на основании анализа пяти названий телесюжетов и пяти газетных заголовков² говорить об «образе беженцев в российских СМИ». К небольшим по объёму текстам, стоящим после этих заголовков, коллеги вполне способны применять методы классического дискурс-анализа. Когда перед политологом стоит задача анализа не десяти текстов, а более миллиона, едва ли он надеется хотя бы прочесть их, не говоря уже о вдумчивом анализе. Классический количественный контент-анализ вполне может применяться в данном случае в качестве метода (что и будет продемонстрировано в данном исследовании). В общем виде дилемма, стоящая перед учёным, выглядит так: большая глубина анализа vs. большая широта анализа. В первом случае мы делаем глубокие выводы на основании незначительного корпуса текстов, во втором – наоборот.

После Евромайдана начал формироваться корпус исследовательской литературы о влиянии социальных сетей на эти события [9; 14; 17]. Попытка провести количественный контент-анализ украинских социальных сетей была предпринята М. Минаковым. Украинский коллега исследует частоту упоминания менее десяти слов, разбивая употреблявших их пользователей на базовые кластеры «сепаратисты» vs. «украинцы» [15]. Вряд ли на основании столь незначительной выборочной совокупности можно делать выводы о дискурсе больших общностей. Коллеги из ИСП РАН разработали специальный метод анализа социальных сетей с помощью «фреймворка», с помощью которого осуществляется поиск и анализ аккаунтов в Facebook и Twitter по установленным демографическим группам [3].

Существует большое количество западных исследований, посвящённых Facebook в самых разных отраслях науки, от математики до психологии. Исследуются влияние этой социальной сети на учёбу в университете и позиционирование себя в социуме, конкуренция между Facebook и прочими соцсетями, страницы муниципалитетов в Англии и даже аккаунты отдельных банков [19]. Хороший обзор научной литературы в рамках сетевого похода вообще и анализа социальных сетей, в частности, сделан Д. Мальцевой [5]. Обзор исследований

² Гзверева Н. Способы репрезентации беженцев в российском публичном пространстве. Беженцы в российских СМИ: не своя катастрофа. Гефтер. URL: <http://gefeter.ru/archive/18823> (дата обращения: 01.12.2018).

социальных сетей в рамках четырёх подходов (структурного, ресурсного, нормативного и динамического) представлен Т. Батурой из СО РАН [2]. Собственную интересную методику исследования сетевых дискуссий в Twitter разработали коллеги из НИУ ВШЭ [6].

Сентимент-анализ постов, опубликованных в ходе Евромайдана, представлен в исследовании Б. Этлинга [10]. В данном случае автор делает акцент на связи языка постов (русского, украинского и английского) с их содержанием. Это хорошо фундированное исследование, основанное на отлично проработанной методологии, с одним лишь упущением: автор не обозначает источники поиска постов, используя общие фразы о «Facebook, Twitter и блогах», хотя и говорит о цифрах в сотни тысяч постов. Контент-анализ топовых украинских политиков в Facebook сделала А. Горошко [11]. Его явный минус опять же состоит в небольших масштабах – украинская коллега исследует лишь десять аккаунтов. Кроме того, она анализирует только общедоступную статистику профилей – данные о том, сколько оригинальных постов создают десять украинских политиков, а сколько являются репостами, представляются научно малозначимыми. Одно из исследований российских учёных было посвящено изучению протестного поведения в социальных сетях во время Евромайдана. [1]. Украинский кризис рассматривается в количественном исследовании С. Пашахина из НИУ ВШЭ [18]: на основании 45 000 текстовых материалов сайтов «Первого канала» и украинского «Пятого канала». С одной стороны, контент-анализ даёт представление о наиболее употребимых словах и специфике редакционной политики в отношении освещения конфликта на каналах, близких к власти. С другой стороны, остаются вопросы, насколько результаты исследования двух каналов можно экстраполировать на медиа-политики обеих стран и должен ли быть контент-анализ дополнен другими методами.

Почему украинский Facebook? Аргументация выбора

Тезис о многократно возросшей роли Интернета (и социальных сетей) в общественной жизни, особенно после событий «арабской весны», не требует доказательств. Позиция российского государства, выраженная главой Роскомнадзора А. Жаровым, отражает реальность: «Как показывает практика организации массовых беспорядков в России, в том числе прошлогодние события в Западном Бирюлеве, на Манежной площади, или зарубежные примеры – в Турции, в Великобритании, на Ближнем Востоке, в Греции, на Украине, – социальные сети играют организующую роль»³. К примеру, 54 из 70 протестов в Египте с 2004 по 2011 г. были организованы онлайн [13, с. 232]. С другой стороны, чиновники часто воспринимают Facebook как источник всех бед, хотя он – не более, чем инструмент.

³ Мухаматулин Т. 2014. 10 лет назад появилась социальная сеть Facebook. Доступ: https://m.gazeta.ru/science/2014/02/05_a_5880181.shtml (проверено: 8.07.2018).

В России социальные сети являются вторичным инструментом общественной коммуникации для политиков по сравнению с их интервью и сообщениями «источников» на телевидении и в прессе. Поэтому топ-политики крайне редко ведут свои аккаунты в социальных сетях самостоятельно. На Украине, напротив, власть и лидеры общественного мнения в буквальном смысле «живут» в Facebook. Эта сеть служит одним из важнейших инструментов их взаимодействия с обществом в целом и своими избирателями, в частности. Многие топ-овые политики ведут аккаунты самостоятельно, что делает Facebook важным каналом коммуникации и формирования новостного потока. О многих политических событиях украинцы узнают именно из социальной сети.

Для того чтобы продемонстрировать роль Facebook в украинском обществе, лучше всего обратиться к статистике. Facebook является лидером среди всех социальных сетей и занимает третье место по частоте заходов среди всех сайтов, уступая лишь Google и Youtube. В 2017 г. число пользователей этой сети достигло 9 млн в 42-миллионной стране⁴, год спустя — 11 млн, т. е. четверти населения — речь идёт о зарегистрированных аккаунтах (количество ботов, по некоторым оценкам, может достигать половины). Причём основной рост в 2,5 млн пользователей пришёлся на май, когда официальный Киев запретил использовать российские социальные сети (к примеру, Instagram за лето-2017 вырос почти в два раза: с 3,7 млн пользователей до 6 млн). Частота заходов в Facebook стабилизировалась в последние полтора года после запрета, и составляет 60–65%. Это значит, что 2/3 интернет-пользователей Украины ежедневно используют этот сайт.

Украинское общество принимает активное участие в политике по важнейшим государственным вопросам. Поэтому Facebook можно назвать зеркалом украинской политики. Если какого-то события или процесса не видно в этой сети, значит оно не имеет политического значения. Так, ни один из множества планов по реинтеграции Донбасса оказался не замечен блогосферой. Facebook был, безусловно, главным каналом коммуникации на Евромайдане⁵. Собственно, первый Евромайдан в ноябре 2013 г., начался как раз с призыва украинского журналиста в Facebook. Как пишут сами украинцы, «в тот вечер пост собрал более тысячи лайков, около 900 репостов, 1200 комментариев и несколько тысяч людей на Майдане. Сейчас такое количество реакций на пост Найема считается обыденностью»⁶. Как напоминает А. Ронжин из университета Бильбао, «благодаря использованию Facebook и Twitter, украинский протест стал не только одним из самых массовых в Европе за последнее время, но и самым социальным» [19].

⁴ Здесь и далее цифры статистики см. подробнее в Социальные сети на Украине до и после запрета российских ресурсов: Токарев А.А. Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса (2009–2018): исследование национального сегмента Facebook. Семантика, частотность, эмоциональность, регионализация. Монография / Алексей Токарев. — Москва: МГИМО-Университет, 2018. — С. 22–25.

⁵ В официальном украинском дискурсе эти события и последовавший за ними государственный переворот называются «Революция достоинства».

⁶ Пашинська А. 2017. Анатомія українського Facebook. Боти політиків, рейтинги, перемога на виборах. Доступ: https://espreso.tv/article/2017/12/13/reytyng_ukrayinskogo_facebook (проверено 15.01.2018).

М. Макдаффи и Дж. Такер прямо указывают, что «в 2013 г. Facebook был главной платформой для политических дискуссий и ресурсом номер один для посещения среди независимых сайтов внутри Украины, несмотря на то, что наиболее посещаемой социальной сетью (и вторым после Google по частоте заходов) была российская «ВКонтакте»») [14, с. 173]. «На протяжении всех протестов Facebook, похоже, был основным сайтом для организации и координации ресурсов и событий, хотя Twitter и «ВКонтакте» также сыграли свою роль... – пишут они далее. – На главной странице «Евромайдан» собралось огромное количество юзеров, установив рекорд для роста в Украине. В течение двух недель на странице было более 125 000 подписчиков, и эти цифры продолжали расти в ходе протестов. В отличие от Facebook, Twitter, похоже, был менее значим для фактической организации протестов и материалов. Большинство постов, размещённых в Facebook, были репостнуты в Twitter» [14, с. 174].

Интересен вопрос – почему именно Facebook сыграл ключевую роль в организации Евромайдана, а не Twitter или ВКонтакте? В сравнении с «арабской весной» украинский казус выглядит особо. В Африке американские социальные сети создавали альтернативную диссидентскую реальность. А. Хондкер метко назвал её «виртуальным гражданским обществом», доказывая, что оно появляется, когда в стране наблюдается явный недостаток свободы слова [12, с. 680]. На Украине, несмотря на неопатримониальный характер политического режима, связанный с функционированием множества патрон-клиентских связей между государством и финансово-промышленными группами (ФПГ), дефицита свободы слова и конкуренции в медиа никогда не наблюдалось. Тем интереснее социокультурные аспекты роли Facebook в протестах, поскольку никакой питательной среды для возникновения в социальных сетях некоей альтернативной реальности не существовало: в традиционных медиа власть и отбивалась, и критиковалась, а различные оппозиционные группировки имели все возможности для зарабатывания очков. Согласно данным О. Онуч из университета Манчестера [17], полученным в ходе фокус-группового исследования, Facebook был основным уникальным каналом коммуникации в рамках Евромайдана, уступая лишь комбинированному радио и телевидению: 37.2 % опрошенных сообщили, что они протестуют, по крайней мере частично, в результате чтения на Facebook того, что перепостили их друзья.

Таким образом, чтобы понимать дискурс украинских элит, необходимо исследовать именно Facebook.

Формирование списка аккаунтов

Очевидно, что итоговый список из 376 блогеров не является исчерпывающим. Наверняка на Украине существует ещё несколько десятков или даже сотен людей, которые в той или иной мере оказывают влияние на формирование общественного мнения. Вопрос «кого считать интеллектуальной элитой?» имеет

множество ответов. Во-первых, далеко не все, кто внесён в список, являются интеллектуалами – часть из них, бизнесмены, селебритиз, военные или националисты, которые стали известны совсем не благодаря усилиям мозга. При этом критерий профессиональной занятости для включения в список не будет работать для всех случаев: к примеру, известный певец Святослав Вакарчук или шоумен Владимир Зеленский имеют влияние на массовое сознание украинцев гораздо большее, чем большинство депутатов Верховной рады и членов кабинета министров. Во-вторых, существует обратная зависимость увеличения количества блогеров от снижения барьера френдов: чем ниже эта граница, тем больше людей может быть включено в список для исследования. В рамках второй-третьей волны исследования, снижая барьер, мы столкнулись с дефицитом популярных блогеров внутри украинского политикума: в нынешнем созыве ВРУ есть с десятков депутатов, у аккаунтов которых число подписчиков от 1000 до 0. В-третьих, исследование исключает из поля зрения читательского внимания тех интеллектуалов, которые не имеют аккаунта в Facebook. В-четвёртых, наверняка остаются блогеры с числом подписчиков 5000+, не включённые в исследование. При этом среди политической, медийной, финансово-промышленной и военной элиты мы охватили большинство. Как минимум, это подтверждается источником «Топ-300 Facebook Украины», из которого в нашем списке присутствуют все блогеры⁷ (надёжность источника вызывает вопросы).

Наконец, количество подписчиков является непостоянной характеристикой аккаунтов в списке. К примеру, между второй и третьей волнами, т.е. апрелем 2017 и январём 2018 гг., количество подписчиков Анатолия Шария выросло с 203 264 до 261 852 чел. В данном случае убеждён, что точность не важна, поскольку, во-первых, украинский Facebook постоянно растёт, соответственно, обновляя в бóльшую сторону числа подписчиков у большинства из топовых аккаунтов. Во-вторых, они остаются влияющими на общественное мнение акторами вне зависимости от увеличения числа читающих их.

Итак, при постановке задач и отработке методологии мы с коллегами помнили, что а) Facebook не является единственным каналом коммуникации с населением; б) мы не охватываем всех интеллектуалов, формирующих политическую повестку, и всех лиц, принимающих решения; в) даже в рамках обозначенного нами барьера в 5000+ подписчиков в итоговый список вошли не все неполитические блогеры; г) далеко не все блогеры вели аккаунты на протяжении всего исследуемого периода, что обуславливает неравномерное распределение общего дискурса по годам (чем позже, тем больше объём); д) количество подписчиков – непостоянная величина, кроме того, не все из них – уникальные пользователи, поскольку часть является ботами.

Таковы основные ограничения репрезентативности и оговорки, о которых следует помнить при дальнейшем чтении. Кроме того, исследование трендов

⁷ Топ-300 украинского Facebook. 2017. Доступ: https://microtargeting.com.ua/?sort=-fact_reach (проверено 20.02.2018). (01.11.2017 - 07.11.2017). Доступ: <https://microtargeting.com.ua> (проверено 8.07.2018).

внутри других каналов коммуникации (прежде всего, телевидения и прессы), безусловно, влияло бы на репрезентативность. Но, во-первых, украинские телевизор и газета едва ли будут иметь противоположные тренды по отношению к национальному сегменту Facebook, скорее, они повторяют их. Во-вторых, огромный объём собранной БД позволяет, не забывая вышеупомянутые важные ограничения, считать исследование успешным, отвечающим на сформулированные вначале вопросы и решающим поставленные задачи. На настоящем этапе можно уверенно утверждать, что 1 069 687 постов этих 376 чел. за последние 10 лет репрезентативно отображают мнение украинских элит о населении и территории Донбасса.

Сам список формировался в несколько этапов. На первом при помощи мозгового штурма мы с коллегами набросали список тех украинских лидеров общественного мнения, которых смогли вспомнить, получив 116 позиций. Потом мы разослали этот список коллегам с просьбой верифицировать, что увеличило его до 135. В дальнейшем мы использовали различные украинские неакадемические публикации, посвящённые составлению всевозможных «топов» украинского сегмента социальной сети⁸ – на первом этапе в исследовании участвовало 175 аккаунтов. На втором этапе мы добавили в список депутатов ВРУ и глав ОГА, что увеличило его до 239 позиций. На третьем этапе нам помог список «Тор Facebook-страниц украинского политикума (01.11.2017 – 07.11.2017)», в котором, как уверяли авторы исследования, «собраны Big Data со всего украинского сегмента Facebook. Мы посчитали настоящие охваты публикаций страниц и то, насколько они действительно популярны»⁹. Особо подчеркну, что методология исследования публично недоступна, а сам ресурс носит, прежде всего, коммерческий характер, не имея отношения к академической науке. Таким образом, к финалу работы со списком мы достигли значения в 555 аккаунтов, 179 крайних строк в котором не включены в машинный анализ, поскольку эти аккаунты имеют менее 5000 подписчиков. Таким образом машина выкачивала посты 376 блогеров, написанные с 1 января 2009 г., когда на Украине появился Facebook,

⁸ Исследованиями эти журналистские материалы мы называем с очень большой натяжкой. В отсутствие серьёзных академических проектов, посвящённых украинской блогосфере, мы пользуемся тем, что есть в публичном доступе. Рейтинг популярных сайтов. Доступ: <https://tns-ua.com/news/rejting-populyarnih-saytiv-za-listopad-2017> (проверено 15.09.2017). Рейтинг самых популярных аккаунтов политиков и блогеров Украины в Facebook в августе 2015 года. – Politolog.net. Доступ: <http://politolog.net/ukrnews-pphp/rejting-samyx-populyarnyx-akkauntov-politikov-blogerov-ukrainy-v-facebook-za-avgust-2015-g/> (проверено 17.09.2017). Рейтинг самых популярных аккаунтов политиков и блогеров Украины в Facebook в мае 2015 года. – Биржевой лидер. Доступ: <http://antikor.com.ua/articles/45909-nazvany-populjarnye-akkaunty-politikov-i-blogerov-ukrainy-maja-2015-g-v-facebook> (проверено 10.11.2017). ТОП-20 украинских политиков по приросту подписчиков на Facebook. – ЛігаБізнесІнформ. Доступ: <http://biz.liga.net/all/it/stati/3056600-pomeryalis-facebookom-kto-iz-politikov-luchshiy-bloger-v-2015-om.htm> (проверено 21.11.2017). Топ-300 украинского Facebook. Доступ: https://microtargeting.com.ua/?sort=-fact_reach (проверено 20.02.2018). ТОП-50 украинских блогеров в Facebook и Twitter. – Рейтинг НВ. Доступ: <http://nv.ua/publications/virtualnye-geroi-politiki-i-zhurnalisty-tesnyat-pop-znamenitostey-v-facebook-i-twitter-infografika-nv-22945.html> (проверено 15.12.2017).

⁹ ТОР FACEBOOK-СТРАНИЦ УКРАИНСКОГО ПОЛИТИКУМА (01.11.2017 - 07.11.2017). Доступ: https://microtargeting.com.ua/?utm_source=espresso&utm_medium=link&utm_campaign=rating&utm_content=12.17&sort=rating&page=1 (проверено: 8.07.2018).

по 15 февраля 2018 г., когда мы решили, что наша методология достаточно адекватна, чтобы прекратить работу над ней и запустить выкачку постов. Так мы получили 1 069 687 постов объёмом в 653 662 739 символов. Для понимания масштабов я разделил их на объём авторского листа в 40 000 знаков. 16 341 авторский лист, т.е. более 16 000 ВАКовских статей – объём нашей БД.

Методология сентимент-анализа дискурса о населении и территории Донбасса

Исследование дискурсов при помощи сентимент-анализа было многоэтапным. На первом мы использовали метод «снежного кома», спросив 35 человек, живущих на Донбассе, как на Украине называют их и территорию. Опрос не кодифицировался – мы просто сохраняли новые словоформы как часть вокабуляра. Каждый респондент рекомендовал следующего. Часть нашей команды просмотрела случайным образом выбранные 500 постов в каждом году: всего 5000 постов на предмет поиска слов-маркеров в отношении территории и населения. Так мы получили набор из 283 синонимов (91 – про территорию, 192 – про людей)¹⁰. Те синонимы, которые были присланы на русском, в обязательном порядке переводились на украинский. И наоборот (см. таблицы 1-2¹¹). Поэтому общее число синонимов для включения в поисковый объект составляет 566.

Таблица 1. Синонимы, посвящённые территории, кластеризированные при помощи сентимент-анализа

Table 1. Synonyms for territory clustered by sentiment-analysis

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -2 до -1,5	Нов...ия, Бы...енд, Да...ия, Л...он	Нов...ія, би...енд, Да...ія, Л...он	9	Нов...*, Бы...енд*, Да...сс*,Л...он*	Новов...*, би...*, Да...*, Л...он*,
От -1,5 до -0,9	Ка...ан, До...э, обитель зла, «р...ий мир»	Ка...ан, До...е, оселя зла, ру...ій мір	21	Ка...ан*, Дон...*, обител* зл*, ру...* мир*	Ка...ан*, До...*, осел* зл*, ру...* мір*

¹⁰ Здесь снова необходимо сделать отступление: безусловно, данный список синонимов не является исчерпывающим. С учётом того, что большинство из тех словоформ, что нам присылали, преимущественно обценные, и мы вообще никогда их не слышали, потенциал украинцев по использованию русского и украинского языков неисчерпаем. Тем не менее, полагаю, что общая картина соотношения позитивных и негативных дискурсов вполне может быть ясна, исходя из результатов нашего анализа.

¹¹ Для примера оставлены по 3-4 синонима и их количество слов в каждом из интервалов, чтобы не выйти за разрешённый объём статьи. Количество слов оставлено реальным. Реально используемую в отношении жителей Донбасса обценную лексику журнал не может привести полностью в силу этических соображений и ограничений законодательства РФ.

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -0,9 до -0,3	псевдо-квази-республики, Януковичленд, Ахметовленд, вотчина Януковича, махновщина	псевдо-квази-республіки, Януковичленд, Ахметовленд, вотчина Януковича, махновщина	17	псевдо-квази-республик*, Януковичленд*, Януковичлэнд*, Ахметовленд*, Ахметовлэнд*, вотчин* Янукович*, махновщин*	псевдо-квазі-республік*, Януковичленд*, Ахметовленд*, вотчин* Янукович*, махновщин*
От -0,3 до 0,3	регион Ахметова, ОРЛО, ОРДЛО, Домбасс, ДонБосс	регіон Ахметова, ОРЛО, ОРДЛО, Донбас / Домбас, ДонБосс	22	регион* Ахметов*, ОРЛ*, ОРДЛ*, Домбасс*, ДонБосс*	регіон* Ахметов*, ОРЛ*, ОРДЛ*, Донбас*, Домбас*, ДонБосс*
От 0,3 до 0,9	ЛНР, ДНР, Новороссия, Восточный регион	ЛНР, ДНР, Новоросія, Східний регіон	14	ЛНР*, ДНР*, Новоросс*, Восточн* регион*	ЛНР*, ДНР*, Новорос*, Східн* регіон*
От 0,9 до 1,5	Донбасский край, Донецкий край, наша земля	Донбаський край, Донецький край, наша земля	7	Донбасск* кра*, Донецк* кра*, наш* зем*	Донбаськ* кра*, Донецьк* кра*, наш* земл*
От 1,5 до 2	город шахтёрской славы	місто шахтарської слави	1	город* шахтёрск* слав*	міст* шахтарськ* слав*

Таблица 2. Таблица. Синонимы, посвященные людям, кластеризированные при помощи sentiment-анализа

Table 2. Synonyms for population clustered by sentiment-analysis

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -2 до -1,5	у...ны, лишне... бы...о, бы...о сс... ое, пи...сты	у...ни, зайве... бы...о, бы...о сс...е, пі...сти	67	у...н*, лишнех...* бы...*, бы...* сс...*, пи...*	У...*, зайвех...* би...*, би...* сс...*, пі...*
От -1,5 до -0,9	отброшенный г..., да...ие янучары, уркаганы, гопота обыкновенная, урки, ва...ые обыватели	відкинутий г..., да...і янучари, вуркагани, гопота звичайна, урки, ва...і обивателі	554	отброшенн* г...*, да...* янучар*, уркаган*, гопот* обыкновенн*, урк*, ва...* обывател*	відкинут* г...*, да...* янучар*, вуркаган*, гопот* звичайн*, урк*, ва...* обивател*
От -0,9 до -0,3	москалы, можемповторить, мотороллы, люди Яныка, захарченки	москалі, можемповторити, мотороли, люди Яника, захарченки	24	москал*, можемповторит*, моторолл*, люд* Янык*, захарченки (морф)	москал*, можемповторит*, моторол*, люд* Яник*, захарченки (морф)
От -0,3 до 0,3	регионалы, жители с реки Кальмиус, повстанцы, донецкие пацаны	регіонали, мешканці з ріки Кальміус, повстанці, донецькі пацани	14	регионал*, жител* с рек* Кальмиус*, повстанц*, донецк* пацан*	регіонал*, мешканц* з ріки Кальміус*, повстанц*, донецьк* пацан*

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От 0,3 до 0,9	бедолаги, луганчане, бедняги, заложники, переселенцы	бідолахи, луганчани, бідолашні, заручники, переселенці	23	бедолаг*, луганчан*, бедняг*, заложник*, переселенц*	бідолах*, луганчан*, бідолашн*, заручник*, переселенц*
От 0,9 до 1,5	шахтёры, горняки, металлурги, украинские парни и девчата, украинцы	шахтарі, гірники, металурги, українські хлопці та дівчата, українці	9	шахтёры / шахтеры (морф), горняк*, металлург*, украинск* парн* и девчат*, украинц*	шахтарі (морф), гірник*, металург*, українськ* хлопц* та дівчат*, українц*
От 1,5 до 2	трудовой Донбасс	трудоий Донбас	1	тудов* Донбасс*	тудов* Донбас*

После того как мы получили 283 синонима, встала задача по их этической оценке. Была предложена простая шкала, где -1 обозначает негативное отношение, 0 – нейтральное, +1 – позитивное. Однако, когда каждый из нас проставил значения для пробных 100 слов, выяснилось, что даже внутри нашего небольшого исследовательского коллектива наблюдается значительный разброс мнений. Так возникло две идеи. Во-первых, провести большую дифференциацию дискурсов, добавив по ещё одному интервалу на полюсах. Во-вторых, объективизировать собственные оценки, подключив к исследованию несколько десятков коллег.

Каждое из слов мы предложили оценить им по шкале от -2 до +2: «Если оно кажется вам положительным, ставьте +2, нейтрально-положительным +1, нейтральным – 0 и т.д.». В экспертном опросе участвовали 69 коллег из России, Украины и Донбасса, которым мы гарантировали анонимность. Мы старались подбирать тех коллег, которые, по нашему мнению, хорошо понимают русский и украинский язык, чувствуют его, способны провести тонкую дифференциацию дискурсов.

Прошедшие четыре года сильно изменили не только обывателей, но и учёных, некоторые из которых больше не разделяют принципы нахождения «над схваткой» и сохранения уважительного отношения к коллегам, несмотря на их гражданство. Тем не менее, 14 граждан Украины согласилось участвовать в нашем опросе. Кроме них анкету заполнили пятеро представителей ДНР. К нашему удивлению, нашлись люди, которые ставили положительные значения совершенно обценным терминам, меняя статус исследующих на исследуемых. Тех коллег, которые ставили высокие положительные оценки подобным словам, мы исключили из исследования, оставив в итоге 69 человек.

Об общих результатах можно судить, во-первых, по количеству слов в дискурсах (см. таблицы 11-12). В негативных дискурсах намного больше слов, чем в позитивных. «Трудовой Донбасс» как самый положительный синоним вообще находится в одиночестве – сравните с объёмом фантазии украинских блогеров в отношении обценной лексики в адрес территории и населения Донбасса. Во-

вторых, тот факт, что слова «люди», «украинцы», «луганчане», «шахтёра» и прочие, являющиеся абсолютно нейтральными по смыслу, перешли в категорию положительных, заставляет посмотреть на полюс отрицательности. На фоне «дебиллов с мазохистскими подходами» и «недоношенных макак» и они смотрятся верхом человеколюбия. В-третьих, средний балл по территории: -0,4, по жителям: -0,9, общий: -0,73. Положительное отношение со стороны украинской блогосферы здесь найти трудно.

Интервальная шкала была поровну поделена на семь дискурсов: от -2 до -1,5; от -1,5 до -0,9; от -0,9 до -0,3; от -0,3 до 0,3; от 0,3 до 0,9; от 0,9 до 1,5; от 1,5 до 2. Слова и фразы с соответствующими оценками были помещены внутрь интервалов и предложены системе в качестве поисковых объектов. После этого мы смогли посмотреть на частотность каждого из семи дискурсов.

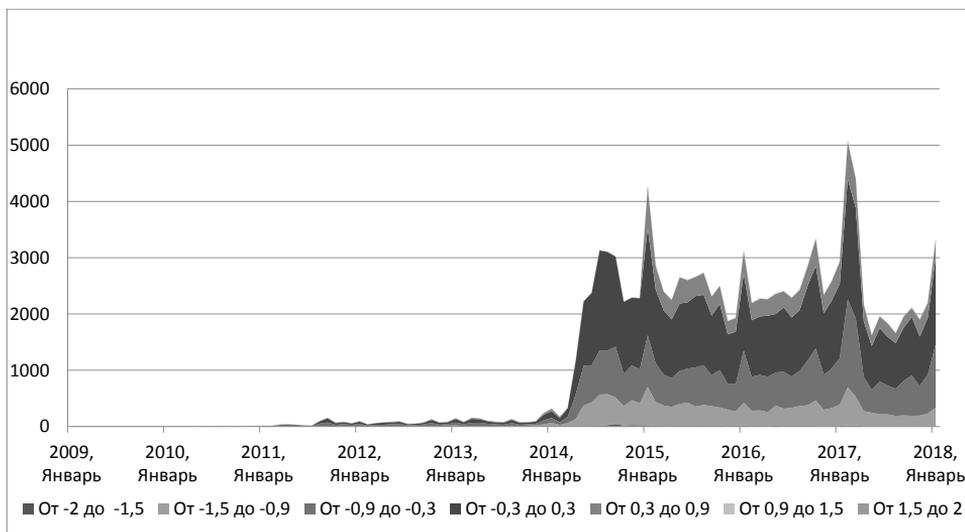

Рис. 1. Визуализация частотности синонимов о территории по итогам сентимент-анализа

Figure. 2. Visualization of the synonyms' frequency about the territory based on sentiment-analysis

Общая черта на обоих графиках: «рождение» всех дискурсов в январе 2014 г. (на рисунках 1 и 2 в середине нейтральные дискурсы, наверху позитивные, внизу негативные). Рубеж 2013-2014 гг., тлеющий «Евромайдан», окончившийся государственным переворотом, и начало крымской операции ВС России, крайним образом изменили рассматриваемые дискурсы. Территория и население Донбасса ворвались в повестку, взрывным образом символизируя бифуркацию рубежа 2013-2014 г. После января 2014 г. различия на графиках состоят в явной определённости элит по отношению к населению. Количество нейтрального (тёмно-серого) дискурса минимально на рисунке 2. В отдельные пиковые моменты он попросту исчезает, будучи «прокальваемым» негативными дискурсами, которые

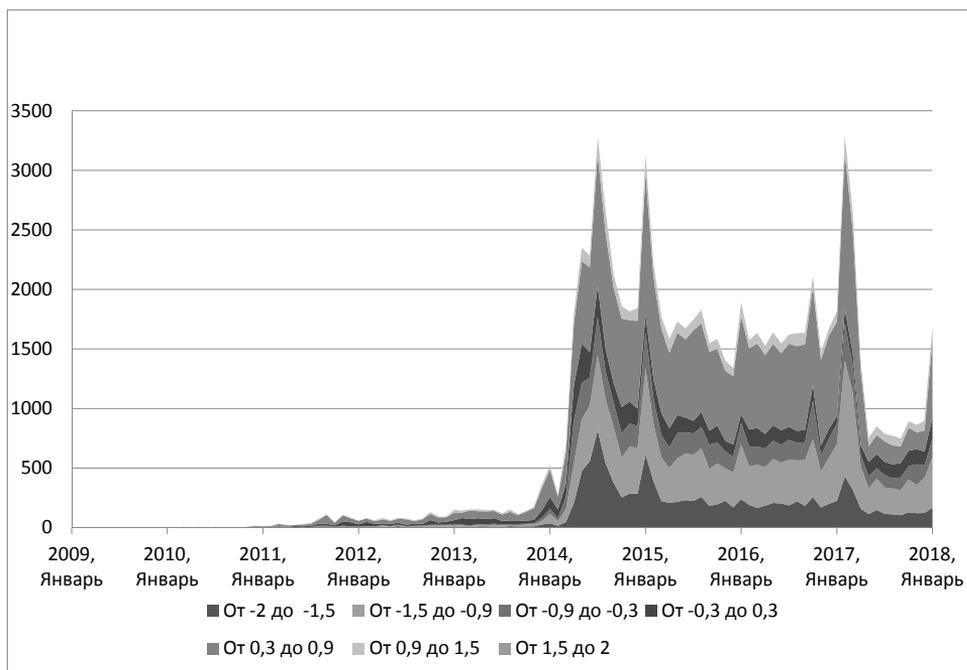

Рис. 2. Визуализация частотности синонимов о населении по итогам сентимент-анализа

Figure. 2. Visualization of the synonyms' frequency about the population based on sentiment-analysis

смыкаются с нейтрально-позитивным светло-серым. Самый позитивный дискурс отсутствует в принципе. Это неудивительно, учитывая, что в него по итогам сентимент-анализа была включена лишь одна единица («трудовой Донбасс» – см. таблицу 2). В отличие от территории в отношении населения присутствует значимый негативный дискурс.

В отношении территории, напротив, негативный дискурс практически отсутствует. Основным является серый нейтральный дискурс. В самом начале рассматриваемого периода он вообще вытесняет позитивный дискурс, показывая, как велика неопределённость в отношении территории, сохраняя свою относительную долю, начиная с января 2011 г. Количество позитивных и негативных дискурсов по отношению к территории кратно меньше, чем в отношении населения, что позволяет сделать выводы о высокой степени неопределённости элит по отношению к территории и низкой вероятности перехода этого нейтрального дискурса в позитивные, поскольку по сравнению с графиками «Население» на «Территории» явно заметно доминирование негативных дискурсов над позитивными. Отношение к населению предельно поляризовано, отношение к территории характеризуется неясностью.

Три максимальных пика внимания в отношении населения приходятся на август 2014, январь-февраль 2015 (Иловайский и Дебальцевский котлы) и

январь-март 2017 г. (блокада Л/ДНР со стороны партии «Самопомощь» и «ветеранов АТО»). В целом пики внимания сохраняют относительное распределение дискурсов. Исключение составляет лишь пик в конце лета 2014 г., когда рост нейтрального дискурса заместил собой позитивный дискурс. Во всех остальных случаях соотношение цветов изменяло расположение в пространстве, но между собой они соотносились прежним образом, что позволяет сделать вывод об устоявшемся отношении лидеров общественного мнения к территории и населению в последние четыре года.

База данных, которую мы собрали в поисках ответа на достаточно узкий исследовательский вопрос, огромна. Эта БД лежит на сервере МГИМО и ждёт своего звёздного часа. Спросят ли её об отношении Украины к России с обязательным акцентом на объяснение динамики? Или о восприятии украинскими элитами «крымской весны» (а ответы будут не так однозначны, как кажется на первый взгляд)? Захотят ли углубить моё поверхностное представление о регионах Украины, попробовав кластеризировать их на основе частотности упоминания событий вместо стандартных географических, экономических и лингвистических характеристик? Смогут ли увидеть больше, чем семь дискурсов? Попробуют ли исследовать не то, что писалось, а тех, кто писал? В эти почти 700 миллионов символов заложены ответы на ещё не заданные вопросы, позволяющие понять то, что и как писали украинские элиты в последние 10 лет.

Список литературы:

1. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3. С. 36 – 74.
2. Батура Т.В. Методы анализа компьютерных социальных сетей // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2012. Т. 10. № 4. С. 13 – 28.
3. Коршунов А. Анализ социальных сетей: методы и приложения // Труды института системного программирования РАН. 2014. №1. С. 439 – 456.
4. Лысенко М.В., Давыдов А.А. Египетская революция в Твиттере – безмасштабная сеть? // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С. 307 – 312.
5. Мальцева Д.В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 3 – 14.
6. Нигматуллина К.Р., Бодрунова С.С. Методика качественного анализа дискуссий в Twitter // Медиаскоп. 2017. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2293> (дата обращения: 08.07.2018).
7. Пахалюк К. Что значит изучать политический дискурс? Некраткий обзор теорий и методов // Гефтер. 18.05.2018. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/24982> (дата обращения: 01.12.2018).
8. Balci Ş., Gölcü A. The Role and Impacts of Social Media in Social Movements: “Example of the Arab Spring” // The Asian Conference on the Social Sciences 2013. Official Conference Proceedings. May 2013. Osaka, Japan. Pp. 269-281.
9. Bohdanova T. Unexpected revolution: the role of social media in Ukraine’s Euromaidan uprising // European View. 2014. Vol. 13. Pp. 133-142.
10. Etlings B. Russia, Ukraine, and the West: Social Media Sentiment in the Euromaidan Protests. Berkman Center Research 2014. №. 2014-13. 14 p. DOI: 10.2139/ssrn.2501761
11. Goroshko O. Leaders 2.0 through Crisis Communications in Ukraine: Or Facebook in

- Use // Chorzowskie Studia Polityczne. 2014. № 8. Pp. 177–197.
12. Khondker H.H. Role of the New Media in the Arab Spring // Globalizations. 2011. Vol. 8. No. 5. Pp. 675–679.
 13. Lim M. Clicks, Cabs, and Coffee Houses: Social Media and Oppositional Movements in Egypt, 2004–2011 // Journal of Communication. 2012. No. 62. Pp. 231–24.
 14. MacDuffee Metzger M., Joshua A. Tucker Social Media and EuroMaidan: A Review Essay // Slavic Review. 2017. Vol. 76. No. 1. Pp. 169–191. DOI: 10.1017/slr.2017.16
 15. Minakov M. Novorossiya and the Transnationalism of Unrecognized Post-Soviet Nations // Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporar Ukraine. Ed. by T.Beichelt, S.Worschech. Stuttgart: Ibedem, 2017. Pp. 68–88.
 16. Lutsevych O. How to finish a revolution: Civil society and democracy in Georgia, Moldova and Ukraine. Chatam House, 2012. 20 p.
 17. Onuch O. EuroMaidan Protests in Ukraine: Social Media Versus Social Networks // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. No. 4. Pp. 217–235.
 18. Pashakhin S. Topic Modeling for Frame Analysis of News Media // Proceedings of the AINL FRUCT 2016. Pp. 103–105.
 19. Ronzhyn A. The use of Facebook and Twitter During the 2013–2014 Protests in Ukraine // Proceedings of the European Conference on Social Media. Ed. by Rospigliosi A., Greener S. Brighton, UK, July 2014. Pp. 442–449.

Об авторе:

Алексей Александрович Токарев – к. полит. н., старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-12024 "Информационно-аналитическая система 'Индекс Евразии'"

UKRAINIAN ELITES DISCOURSE IN RESPECT OF THE DONBASS TERRITORY AND POPULATION OF 2009-2018: ANALYSIS OF THE NATIONAL FACEBOOK SEGMENT

A.A. Tokarev
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-194-211

Institute for International Studies of MGIMO–University

Abstract: The conflict in the South-East Ukraine has acquired a protracted character, primarily due to the lack of consensus among key players. Ukrainian elites and society have not formed a consolidated position in relation to the Donbas. The study attempts to answer the question: what are the specifics and dynamics of the Ukrainian elites' discourse in relation to the Donbas over the past 10 years?

The aim of the study is to analyze the semantics, frequency and emotionality of the two major discourses – in relation to the population and the territory of Donbas – using the analysis of the national Facebook segment. This work proceeded in several stages: from November 2016, when my colleagues and I began brainstorming, until May 2018, when the final sched-

ules were obtained: the allocation of opinion leaders in the social network, downloading their posts from January 1, 2009 to February 15, 2018, the isolation from the discourse of posts devoted to the Donbas, the creation of a vocabulary that allows differentiating discourses according to the degree of their emotionality, an assessment of their frequency degree, an explanation of the discourses dynamics through event analysis.

The database consists of 653 662 739 characters in 7 languages from 1,069,687 posts of 376 Ukrainian Facebook top-bloggers, downloaded and analyzed using the information-analytical system «Semantic Archive». The results of the analysis show that, firstly, the «birth» of discourses about both the territory and the population is the 2013-2014 boundary. Before that, the frequency of mentioning the Donbas is zero. Secondly, unlike the territory in relation to the population there is a significant negative discourse, and it has slightly increased in relative degree after 2014, but has always existed.

Regarding the territory, on the contrary, the hatred discourse is absent. The neutral discourse dominates this agenda. At the very beginning of the period under review, it displaces positive discourse, showing how great is the uncertainty with regard to the territory, maintaining its relative share, beginning in January 2011. The number of positive and negative discourses in relation to the territory is a multiple of that for the population, which allows to draw conclusions about the high degree of uncertainty of elites in relation to the territory and the low probability of the transition of this neutral discourse into positive ones.

Key words: social networks analysis (SNA), Facebook, Ukraine, conflict, Donbass, sentiment analysis, content analysis.

References

1. Azarov A.A. Brodovskaya E.V. Dmitrieva O.V. Dombrovskaya A.Yu., Fil'chenkov A.A. Strategii formirovaniya ustanovok protestnogo povedeniya v seti internet: opyt primeneniya kiberneticheskogo analiza (na primere evromajdana, noyabr' 2013 g.) [Strategies for the formation of attitudes of protest behavior in the Internet: the experience of using cybermetric analysis (using the example of Euro-Maidan, November 2013)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2014, no. 3, pp. 36 – 74 (in Russian).
2. Batura T.V. Metody analiza komp'yuternykh social'nykh setei [Methods for analyzing computer social networks]. *Vestnik NGU. Seriya: Informatsionnye tekhnologii*, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 13–28 (in Russian).
3. Korshunov A. Analiz social'nykh setei: metody i prilozheniya [Analysis of social networks: methods and applications]. *Trudy Instituta Sistemnogo Programirovaniya RAN*, 2014, no.1, pp. 439–456 (in Russian).
4. Lysenko M.V., Davydov A.A. Yegipetskaya revolyutsiya v Tvitтере – bezmasshtabnaya set? [Egyptian revolution on Twitter]. *Sistemnyy monitoring globalnykh i regionalnykh riskov: Arabskaya vesna 2011* [System monitoring of global and regional risks: Arab Spring 2011]. Moscow, LKI Publ., 2012. Pp. 307 – 312. (In Russian)
5. Maltseva D.V. Setevoy podkhod kak fenomen sotsiologicheskoy teorii [Network approach as a phenomenon of sociological theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 4, pp. 3 – 14. (In Russian)
6. Nigmatullina K.R., Bodrunova S.S. Metodika kachestvennogo analiza diskussiy v Twitter [Method of qualitative analysis of discussions in Twitter]. *Mediascope*, 2017, iss. 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/2293> (Accessed: 08.07.2018). (In Russian).
7. Pakhalyuk K. Chto znachit izuchat politicheskii diskurs? Nekratkiy obzor teorii i metodov [What does it mean to study political discourse? Nekratky review of theories and methods] *Gefter*, 18.05.2018. Available at: <http://gefter.ru/archive/24982> (Accessed: 01.12.2018). (In Russian).
8. Balci Ş., Gölcü A. The Role and Impacts

- of Social Media in Social Movements: “Example of the Arab Spring”. *The Asian Conference on the Social Sciences 2013. Official Conference Proceedings*, May 2013, Osaka, Japan, pp. 269-281.
9. Bohdanova T. Unexpected revolution: the role of social media in Ukraine’s Euromaidan uprising. *European View*, 2014, vol. 13, pp. 133–142.
 10. Etling B. Russia, Ukraine, and the West: Social Media Sentiment in the Euromaidan Protests. *Berkman Center Research*, 2014, no. 2014–13. 14 p. DOI: 10.2139/ssrn.2501761
 11. Goroshko O. Leaders 2.0 through Crisis Communications in Ukraine: Or Facebook in Use. *Chorzowskie Studia Polityczne*, 2014, no. 8, pp. 177–197.
 12. Khondker H.H. Role of the New Media in the Arab Spring. *Globalizations*, 2011, vol. 8, no. 5, pp. 675–679.
 13. Lim M. Clicks, Cabs, and Coffee Houses: Social Media and Oppositional Movements in Egypt, 2004–2011. *Journal of Communication*, 2012, no. 62, pp. 231–324.
 14. MacDuffee Metzger M., Joshua A. Tucker Social Media and EuroMaidan: A Review Essay. *Slavic Review*, 2017, vol. 76, no. 1, pp. 169–191. DOI: 10.1017/slr.2017.16
 15. Minakov M. Novorossiia and the Transnationalism of Unrecognized Post-Soviet Nations. *Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporar Ukraine*. Ed. by T.Beichelt, S.Worschech. Stuttgart, Ibedem Publ., 2017. Pp. 68-88.
 16. Lutsevych O. *How to finish a revolution: Civil society and democracy in Georgia, Moldova and Ukraine*. Chatam House Publ., 2012. 20 p.
 17. Onuch O. EuroMaidan Protests in Ukraine: Social Media Versus Social Networks. *Problems of Post-Communism*, 2015, vol. 62, no. 4, pp. 217–235.
 18. Pashakhin S. Topic Modeling for Frame Analysis of News Media. *Proceedings of the AINL FRUCT 2016*. Pp. 103-105.
 19. Ronzhyn A. The use of Facebook and Twitter During the 2013–2014 Protests in Ukraine. *Proceedings of the European Conference on Social Media*. Ed. by Rospigliosi A., Greener S. Brighton, UK, July 2014. Pp. 442-449.

About the author:

Alexey A. Tokarev – PhD in Political Science, Senior Research Fellow at Center for Global Issues, Institute for International Studies of MGIMO–University.
E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-03-12024“ Information and Analytical System “Eurasia Index”

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ ПОЛИТИКИ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ

И.И. Писарев

Дальневосточный федеральный университет

Статья рассматривает русскоязычные эквиваленты ключевых англоязычных терминов терминологического аппарата исследований политики групп интересов. Исследование основывается на терминологическом и статистическом анализе следующих терминов этой политики – «lobbying», «advocacy», «interest groups» и производных от них русскоязычных терминов.

В статье подробно анализируются и сравниваются сущностные признаки русскоязычных эквивалентов для выявления наиболее подходящих вариантов с целью упорядочения русскоязычного терминологического аппарата.

Терминологический анализ проведённого исследования выявил 22 наиболее близких русскоязычных термина-эквивалента: пять эквивалентов для термина «lobbying», девять эквивалентов для термина «advocacy» и восемь эквивалентов для термина «interest groups».

Статистический анализ случаев употребления 22 отобранных эквивалентов за период с 1992 по 2016 г. проводился с использованием баз данных научных статей на сайте www.cyberleninka.ru. Задачей данного анализа стало определение наиболее часто употребляемых русскоязычных эквивалентов из вариантов, отобранных в ходе терминологического анализа исследования.

На основе проведённого терминологического и статистического анализа рассматриваемых русскоязычных эквивалентов автором были определены их наиболее рекомендуемые для русскоязычных публикаций варианты.

Ключевые слова: политика групп интересов, терминологический аппарат, терминологический анализ, статистический анализ, лоббирование, адвокатирование, активизм, группы интересов, русский и английские языки.

УДК- 327.8

Поступила в редакцию 29.05.2018 г.

Принята к публикации 15.12.2018 г.

В последние десятилетия в мире и в России растёт интерес исследователей к теме представительства интересов различных групп в общественно-политическом процессе. Конкурентное и кооперативное взаимодействие этих групп при обращении к законодательным органам власти с целью внесения нового или изменения существующего законодательства порождает *политику групп интересов*. Употребление терминов, характерных для этой политики, становится всё более распространённым не только в научной речи, но и в широкой общественно-политической дискуссии. Наряду с популярными терминами «лоббирование» и «лоббист» всё чаще на страницах научных изданий и в СМИ появляются такие термины, как «частные интересы» и «общественные интересы», «группы интересов», «лоббизм», «адвокатирование», «адвокаси» и др.

В настоящее время отношения между этими понятиями не до конца прояснены. Исследователи зачастую по-разному и неоднозначно трактуют одни и те же понятия. Сложно в этом контексте не согласиться с мнением В.Н. Конышева и А.А. Сергунина, которые применительно к одному из рассматриваемых в данной работе терминов, пишут, что *«феномен лоббизма существует в окружении смежных понятий, состоит с ними в разных отношениях логического включения и подчинения и не может быть всеми трактован однозначно»* [9, с. 101].

Из всего многообразия терминов политики групп интересов для анализа в данном исследовании отобрано 22 русскоязычных термина, являющихся эквивалентами ключевых англоязычных терминов, описывающих политику групп интересов: «lobbying», «advocacy» и «interest groups».

Данная статья состоит из трёх частей: в первой дается описание исследовательской области, в рамках которой проводится анализ, определяется исследуемая в работе проблема, а также описываются методы исследования; во второй главе осуществляется сопоставительное терминологическое и статистическое исследование русскоязычных терминов, благодаря чему из всего разнообразия отобранных терминов определяются самые удачные и подходящие; в третьей главе анализируются тренды употребления анализируемых терминов за последние 25 лет.

Некоторые рассматриваемые в исследовании термины уникальны при переводе и в таких случаях они анализируются отдельно (как, например, термин «активизм»). Другие же термины оказываются синонимичными эквивалентами одного и того же английского термина – в таких случаях в этой работе они будут рассматриваться попарно (например, термины «адвокатирование» и «адвокация»), или даже группами по три (например, термины «представительство общественных интересов», «защита общественных интересов» и «продвижение общественных интересов»).

В данной статье рассматриваются ключевые термины политики групп интересов, используемых в русскоязычной научной литературе, с точки зрения:

– сопоставительного терминологического анализа русскоязычных терминов, выявленных в научных публикациях о деятельности групп интересов в

целях определения пула наиболее подходящих русскоязычных эквивалентов англоязычных терминов «lobbying», «advocacy» и «interest groups»;

– статистического анализа частотности употребления отобранных русскоязычных терминов на основе их представленности в различных русскоязычных научных базах данных, агрегированных на сайте одной из крупнейших российских научных электронных библиотек www.cyberleninka.ru за период с 1992 по 2016 г.

Область исследования, терминологический аппарат и метод проведения исследования

Политика групп интересов как область научных исследований

Область политологических исследований, называемая за рубежом «*interest group politics*» (рус. – *политика групп интересов*) существует уже более века и в настоящее время проходит своё становление и в российской политической науке. Первыми мыслителями, которые обратили внимание на группы интересов, были Дж. Мэдисон и А. де Токвиль. Среди политологов одним из первых и ключевых автором по этому вопросу принято считать А. Бенгли, который в 1908 г. опубликовал основополагающую книгу «Процесс государственного управления» [24]. В США формирование области исследований политики групп интересов шло в течение всего XX в. [25]. Известными исследователями стали Труман, Шатшнайдер, Олсон и др. В Европе данная область начала развиваться в последние десятилетия ушедшего столетия в связи с углублением общеевропейских интеграционных процессов и расширением функций основных органов власти Европейского союза [26].

Исследования проблематики групп интересов переживали и подъемы, и спады, но в настоящее время можно утверждать, что они полностью институционализировались. Ежегодно в США и Европе публикуется множество статей и книг, анализирующих деятельность групп интересов. Учебные курсы, связанные с политикой групп интересов, читаются в большинстве американских университетов и во многих университетах Европы. Наряду с другими политологическими изданиями публикуется научный журнал *Interest Groups & Advocacy*, статьи в котором посвящены исключительно политике групп интересов.

В России начало формирования научного дискурса по тематике политики групп интересов можно отнести к началу 1990-х гг. Развивается он лишь в нескольких университетах: в МГИМО (курс «GR-менеджмент»¹), МГУ (курс «Лоббирование корпоративных интересов в органах государственной власти»²), ВШЭ (англоязычный курс «Lobbying and Advocacy Work»³), СПбГУ (курс «Лоббирование

¹ Программа по дисциплине «GR менеджмент (2015 г.) <https://mgimo.ru/upload/iblock/5fc/5fc4f6cc53c6b21fedb3a8836a9ab48f.pdf>

² Модуль регистрации на курс «Лоббирование корпоративных интересов в органах государственной власти» https://lk.msu.ru/course/subscribe?course_id=47

³ Программа дисциплины «Lobbying and advocacy work» (2013 г.) <https://www.hse.ru/ma/politanaliz/courses/147534856.html>

ние государственных и частных интересов в институтах Европейского Союза»)⁴ и Казанском федеральном университете (курс «Лоббизм и лоббистская деятельность»⁵). Кроме того, на кафедре теории и практики взаимодействия бизнеса и власти ВШЭ ведётся общеуниверситетский факультатив «GR в современной России: теория и практика», а в МГИМО в 2017 г. создана магистерская программа «GR и международный лоббизм».

Политика групп интересов – область исследований в России хоть и не новая, но пока ещё не дошедшая до того, чтобы сформировать свою собственную обширную аудиторию исследователей, которые бы воспринимали себя как часть общности учёных, работающих в одной области. Несмотря на то, что в российских научных журналах публикуется немало статей, связанных с деятельностью групп интересов, в нашей стране пока не появилось своего отдельного журнала по этой теме.

Анализом политики групп интересов занимаются в большей мере политологи, но также много исследователей из других гуманитарных дисциплин, таких как международные отношения [21], юриспруденция [14], экономика [5], менеджмент [16], социология [9] и др. Внутри политологии, кроме специалистов, занимающихся анализом самой политики групп интересов, этой темы также касаются исследователи общественных движений, гражданского общества, отношений между работодателями и профсоюзами, public relations [26] и др.

Необходимо отметить, что в английском языке термин «interest group politics» является термином устоявшимся, чего пока нельзя сказать о термине «политика групп интересов» в русском языке. В пределах политики групп интересов, которая представляет собой объединяющее «зонтичное» понятие, англоязычные исследователи выделяют два вида представительства интересов: (1) представительство частных интересов, обозначаемое термином «*lobbying*», и (2) представительство общественных (публичных) интересов, обозначаемое термином «*advocacy*».

Для исследований политики групп интересов характерен свой терминологический аппарат. Наиболее близким эквивалентом «interest group politics» можно считать термин «лоббистская деятельность» [12], хотя это не совсем удачный перевод, поскольку он отражает лишь один из многих компонентов политики групп интересов.

Применительно к проблематике формирования терминологического аппарата различных областей знаний С.В. Гринев-Гриневиц в своей книге «Терминология» указывает на определённые негативные явления, типичные для этого процесса:

– омонимия, различное толкование терминов представителями разных научных школ и направлений;

⁴ Рабочая программа дисциплины «Лоббирование государственных и частных интересов в институтах Европейского Союза» (2012г.) <http://smpanel.pu.ru/panel/users/joymix/pr8.doc>

⁵ Программа дисциплины «Лоббизм и лоббистская деятельность» (2014г.) <https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/63831.pdf>

- синонимия, достигающая в некоторых областях знания 50% от общего числа терминов;
- произвольная вариантность форм терминов;
- нечёткое определение понятий [4, с. 5].

На основании анализа русскоязычных научных публикаций в области исследований политики групп интересов можно сказать, что *главной терминологической проблемой русскоязычных исследований по этой теме является множественность эквивалентов ключевых англоязычных терминов политики групп интересов, что порождает путаницу в русскоязычном терминологическом аппарате политики групп интересов, что препятствует формированию единого исследовательского поля.*

Данная публикация ставит перед собой цель упорядочения терминологического аппарата политики групп интересов.

Методы исследования

Данное исследование использует два ключевых метода – метод сопоставительного терминологического анализа и статистический метод анализа упоминаний исследуемых терминов в российских научных публикациях, представленных на сайте российской научной электронной библиотеки www.cyberleninka.ru в период с 1992 по 2016 г.

Ключевым элементом сопоставительного терминологического анализа является исследование *терминов*. А.В. Суперанская даёт следующее определение: «Термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях» [18, с. 14]. По мнению А.Я. Нестеровой, «термин – это динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания, перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализированному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и деятельности» [15, с. 227]. Вместе вся совокупность терминов определённой области исследований формирует её *терминологический аппарат*, который не является статичным, поскольку он динамично меняется и поскольку внутри него одни термины приходят на смену другим, а значения отдельных терминов проясняются и выявляются их новые характеристики.

Несмотря на наличие значительного количества русскоязычных публикаций по теме политики групп интересов, необходимо отметить, что до сих пор эта область исследований не сформировала зрелого терминологического аппарата. В настоящее время существует уже несколько публикаций, посвящённых именно теме терминологии, используемой применительно к политике групп интересов на русском языке [11; 17; 22]⁶.

⁶ Толстых П.А., Профессиональный словарь лоббистской деятельности URL: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=1

Анализ в данном исследовании осуществляется в несколько этапов:

1. *Отбор русскоязычных эквивалентов трёх ключевых англоязычных терминов «lobbying», «advocacy» и «interest groups» на основе русскоязычных научных публикаций о деятельности групп интересов. Целью отбора является определение первичного пула наиболее удачных русскоязычных эквивалентов исследуемых англоязычных терминов.*

2. Статистический анализ общего количества случаев употребления отобранных русскоязычных эквивалентов исследуемых терминов за период с 1992 по 2016 г. с использованием баз данных научных статей на сайте www.cyberleninka.ru. Целью данного анализа является определение наиболее часто употребляемых русскоязычных эквивалентов исследуемых англоязычных терминов из вариантов, отобранных на первом этапе исследования.

3. Сопоставительный терминологический анализ на основе сравнения между собой отобранных русскоязычных эквивалентов рассматриваемых англоязычных терминов. Целью данного анализа является выработка рекомендации по использованию конкретных отобранных русскоязычных терминов для использования в публикациях. Рекомендация по использованию каждого термина дается в пределах следующих оценок: «высокая», «средняя» и «низкая».

4. Статистический анализ количества употребления русскоязычных эквивалентов исследуемых терминов по отдельным годам за период с 1992 по 2016 гг. с использованием базы данных научных статей на сайте www.cyberleninka.ru. Целью этого анализа является выявление исторических трендов частотности использования анализируемых русскоязычных терминов, позволяющих в долгосрочной перспективе выявлять то, какие из терминов будут пользоваться в научном языке большей популярностью.

Рамки анализируемого в работе временного периода – с 1992 по 2016 г. – обусловлены тем, что именно в 1992 г., согласно статистике частотности употребления анализируемых в работе терминов на сайте www.cyberleninka.ru, стали появляться первые русскоязычные научные статьи, имеющие отношение к политике групп интересов, и тем, что на момент публикации данного исследования в 2018 г. на сайте www.cyberleninka.ru ещё не были размещены все научные материалы по тематике данной работы за 2017 г.

Статистический анализ данных по упоминанию терминов, используемых в данной работе, был проведён в период с 20 по 27 января 2018 г. При верификации табличных данных по прошлым годам возможно изменение данных по отдельным из них ввиду того, что сайт www.cyberleninka.ru активно улучшает цифровую доступность научных статей прошлых лет в результате чего могут меняться в сторону увеличения значения данных результатов поиска не только за текущий период, но и за прошедшие годы.

При проведении второй и четвертой стадий анализа на сайте www.cyberleninka.ru использовался семантический инструментарий средств, список которых приведён на странице <https://cyberleninka.ru/search#>.

Основными логическими операторами в поисковой системе сайта, используемые в статистическом анализе данной работы, являются верхние кавычки (« »), восклицательный знак (!) и год публикации (@год).

Логический оператор *верхние кавычки* позволяет осуществлять поиск для терминов-выражений, в отношении которых он должен осуществляться по всем словам, составляющим термин-выражение в связке. Например, поисковый запрос по термину *защита общественных интересов* без кавычек будет выдавать результаты со всеми статьями, в которых отдельно встречаются слова «защита», «общественных» и «интересов» (по такому запросу сайт выдаёт 114446 поисковых результатов). Поисковый запрос «*защита общественных интересов*» с кавычками выдаёт только те результаты, где все три слова встречаются вместе (количество таких поисковых результатов составляет 440), и именно эти результаты являются релевантными для данного исследования.

Логический оператор *восклицательный знак* позволяет отсекал ненужный контекст поиска при условии, что термин-выражение является многоконтекстным. Например, выражение «защита общественных интересов» может употребляться в двух контекстах: (1) в судебном контексте и (2) в контексте политики групп интересов. Для данного исследования не интересен судебный контекст, поскольку оно является политологическим, а не юридическим. С этой целью используем логический оператор *восклицательный знак* со словом *суд*, типичным для судебного контекста. Поисковый запрос в этом случае будет выглядеть так:

«защита общественных интересов» !суд

Вместо 440 поисковых результатов по обоим контекстам использование логического оператора *восклицательный знак* совместно со словом «суд» позволяет выявить 245 поисковых результатов, релевантных для данного исследования.

Использование логического оператора @год позволяет из всего объёма результатов поиска по определённому термину выделять результаты по конкретному году. Применительно к термину «защита частных интересов» с учётом операторов *верхние кавычки*, *восклицательный знак* и *год* будет выглядеть так:

«защита общественных интересов» !суд @год 2014

За 2014 г. поисковая система выдаёт 27 результатов. Меняя значение 2014 г. на любой другой год в промежутке между 1992 и 2016 гг., формируем соответствующую выборку по частоте упоминаний термина «защита общественных интересов» внутри контекста политики групп интересов в российской научной печати за этот период.

Сложности употребления русскоязычных эквивалентов

Русскоязычные эквиваленты термина «lobbying»

Лоббирование vs. лоббизм

Двумя ключевыми и наиболее частотными терминами политики групп интересов в русском языке можно считать термины «лоббирование» и «лоббизм».

Несмотря на то, что данные термины являются синонимичными, некоторые исследователи в публикациях отдают предпочтение первому, а другие – второму.

Аналогично для обозначения представительства частных интересов и в англоязычных научных публикациях существует два термина – «*lobbying*» и «*lobbyism*», однако это не создаёт конкуренции между ними, поскольку, судя по результатам запроса в поисковой системе научных публикаций *Google Scholar*, первое употребляется в научной речи практически в 25 раз чаще, чем второе (на термин «*lobbying*» система выдаёт 535 000 результатов поиска, а на термин «*lobbyism*» – 21 400 результатов).

Рассматривая понимание данного явления, можно в полной мере согласиться с Т.Ю. Фалькиной и И.О. Агаповым, утверждающими, что «*В научной среде под лоббированием обычно понимается деятельность заинтересованных лиц по продвижению частных интересов в органах публичной власти. При этом заинтересованные лица могут действовать как индивидуально, так и коллективно, как непосредственно, так и через представителей, как от своего имени, так и от имени третьих лиц*» [22, с. 29]. Такое определение можно считать адекватным как с точки зрения анализа зарубежных исследователей, так и с точки зрения российской правовой науки ввиду описательной полноты и фактической достоверности термина, которые даются авторами.

Необходимо отметить, что в научном обороте термины «лоббирование» и «лоббизм» часто используются как равнозначные [17, с. 15], зачастую оба термина могут использоваться в одних и тех же публикациях [14, с. 74], перемежаясь внутри текста без того, чтобы авторы наделяли их какими-либо различными смыслами и значениями.

Такая двойственность при передаче англоязычного термина «*lobbying*» в русском языке ставит перед исследователями непростой вопрос: *какой из терминов выбрать – «лоббирование» или «лоббизм»?*

Отвечая на данный вопрос, Р.В. Зелепукин разграничивает эти русскоязычные термины с позиции двух следующих точек зрения:

1) с языковой точки зрения. В английском языке суффикс *-ism* указывает на совокупность внутренних свойств рассматриваемого явления, выражающую общее представление о нём, а суффикс *-ing* обозначает какое-либо движение, процесс. Подобные языковые функции носят рассматриваемые суффиксы и в русском языке (соответственно *-изм* и *-ован-*);

2) как соотношение части и целого. Лоббизм – это явление общественной жизни, а лоббирование – это воплощение лоббизма в конкретной жизненной ситуации, характеризующееся определёнными объектами, целями и методами [8, с. 307].

Данное разграничение можно считать весьма условным, в связи с чем его с трудом можно считать ключевым критерием того, какой из терминов стоит выбирать исследователям при написании своих работ.

Дополнительно к обозначенному выше разграничению между терминами Р.В. Зелепукина существует расхожая гипотеза о том, что термин «лоббизм» явля-

ется более академичным, более научным термином, чем термин «лоббирование». С точки зрения этой гипотезы, в научных публикациях количество употреблений термина «лоббизм» должно быть кратно большим, чем количество употреблений термина «лоббирование». С целью проверки данной гипотезы обратимся к статистике использования обоих терминов на сайте www.cyberleninka.ru. Результаты запросов данной системы представлены в Таблице 1, которая наряду с указанием частотности употребления этих терминов в самой нижней своей части, также даёт указание на различность кратности их употребления.

Табл. 1. Частотность употребления русскоязычных эквивалентов термина «lobbying» в различных базах данных научных статей

Table 1. Frequency of use of Russian-language equivalents of the term «lobbying» in various databases of scientific articles

Термин	Базы данных научных статей					
	BAK	RSCI	Scopus	AGRIS	WOS	ESCI
лоббирование	5195	536	51	102	44	43
лоббизм	1449	170	12	14	29	13
кратность	3,6	3,2	4,3	7,3	1,5	3,3

Судя по данным этой таблицы, нужно отметить, что *термин* «лоббирование» в русскоязычной научной литературе используется многократно чаще, чем термин «лоббизм». В зависимости от базы данных первый термин в 1,5 – 7,3 раза употребляется чаще, чем второй. Базы данных BAK, RSCI и ESCI показывают примерно равные значения кратности, которые варьируются в диапазоне от 3,3 до 3,6, в то время как база данных AGRIS даёт наиболее высокое значение кратности – 7,3.

Таким образом, статистический анализ, приведённый в Таблице 1, показывает, что гипотеза о большей научности и академичности термина «лоббизм» не подтверждается реальными данными по частотности употребления терминов «лоббизм» и «лоббирование».

Ввиду более частого употребления термина «лоббирование» в сравнении с термином «лоббизм» при выборе из двух имеющихся вариантов можно в большей степени рекомендовать именно его.

Рекомендация к использованию: лоббирование – высокая, лоббизм – средняя.

Представительство / защита / продвижение частных интересов

Одновременно с существованием двух русскоязычных терминов «лоббирование» и «лоббизм», являющихся эквивалентами термина «lobbying», в русском языке есть возможность передачи данного англоязычного термина через русскоязычные термины-выражения «представительство частных интересов», «продвижение частных интересов» и «защита частных интересов».

Т.Ю. Фалькина и И.О. Агапов, рассматривая понятия представительства и продвижения интересов, делают попытку их различения следующим образом:

«под представительством интересов предлагается понимать деятельность граждан, направленную на взаимодействие с государственными органами и органами местного самоуправления с целью оказания влияния на разработку и принятие указанными органами нормативных и распорядительных актов, административных, политических и иных решения; под продвижением интересов — устное или письменное взаимодействие представителя интересов с должностным лицом органа государственной власти или местного самоуправления с целью оказания влияния на разработку и принятие указанными органами нормативных актов, политических, экономических, административных и иных решений **в интересах коммерческой организации или индивидуального предпринимателя**, от имени которых действует представитель интересов» [22, с. 31]. Такое различие между терминами представляется не вполне верным, поскольку можно осуществлять одновременно представительство и продвижение как общественных, так и частных интересов без разграничений на то, что «представительство» относится к интересам граждан, а «продвижение» — к интересам коммерческих организаций. Представляется, что более резонным было бы использовать в данном случае разграничение не по линии «представительство» vs. «продвижение» интересов, а по линии русскоязычных эквивалентов терминов «lobbying» и «advocacy». К сожалению, Т.Ю. Фалькина и И.О. Агапов в своей работе не анализируют понятие «защита частных интересов».

Резюмируя описанное выше, можно сказать, что как «представительство частных интересов», так и «продвижение частных интересов» применительно к политике групп интересов можно считать синонимичными терминами. Несколько выбивается из этого ряда синонимов термин «защита частных интересов» ввиду многоконтекстности, вызванной использованием данного термина не только в контексте политики групп интересов, но ещё и в контексте его применения в судебных разбирательствах.

Ввиду того, что статистика не показывает высокой частотности использования данных трёх терминов по сравнению с терминами «лоббирование» и «лоббизм», они не были включены в Таблицу 1. Несмотря на высокую аналитическую ценность терминов «представительство / продвижение / защита частных интересов» во всех базах данных научных публикаций на сайте www.cyberleninka.ru выдаётся всего 12 результатов по запросу термина «представительство частных интересов», 26 результатов по запросу термина «продвижение частных интересов» и 80 результатов по запросу термина «защита частных интересов». Видимо, такие низкие значения частотности употребления анализируемых трёх терминов можно объяснить тем, что в русском языке хорошо прижились термины «лоббирование» и «лоббизм», взявшие на себя функцию обозначения представительства / продвижения / защиты частных интересов.

Рекомендация к использованию: все три термина – средняя.

Русскоязычные эквиваленты англоязычного термина «advocacy»

Англоязычный термин «advocacy» не имеет прямого перевода в русском языке [17, с.16]. Сложность его использования состоит в том, что в устной и письменной речи в русском языке для этого однословного термина зачастую требуется либо дополнительное пояснение его значения, либо передача его значения несколькими словами.

В английском языке под термином «advocacy» обычно понимают защиту общественных интересов в виде работы по представительству, продвижению и защите прав граждан в области экологии, здравоохранения, других областях, а также защиту прав женщин, детей, представителей этнических, сексуальных, религиозных или иных меньшинств и групп, например, потребителей, людей с инвалидностью, и даже защиту прав животных. Данным направлением деятельности обычно занимаются различные некоммерческие организации, включая фонды, экологические организации, общества помощи, общества защиты прав потребителей, профсоюзы, религиозные и другие организации. В связи с тем, что в русском языке у термина «advocacy» нет хорошего однозначного и однословного эквивалента, возникает проблема, что само явление, которое обозначает данный термин, не оказывается однозначно названным в обыденной и научной речи. Судя по научным публикациям, этот термин среди всех терминов терминологического аппарата политики групп интересов получил самый широкий спектр вариантов эквивалентности на русском языке.

Прежде чем рассматривать русскоязычные эквиваленты термина «advocacy», необходимо рассмотреть его изначальные англоязычные значения. Сайт Оксфордских учебных словарей даёт два следующих значения термина «advocacy»:

1. (общее значение) общественная поддержка идеи, определенных действий или убеждений;
2. (узкоспециализированное значение) работа юристов, выступающих по рассматриваемым делам в суде⁷.

Принимая во внимание значения термина в английском языке, можно ожидать, что термин «advocacy» в русскоязычной научной литературе также будет нести два значения. Поиск с использованием англоязычного термина «advocacy» на сайте www.cyberleninka.ru выдаёт 1596 результатов как по общему, так и по узкоспециализированному значению, в то время как поиск только по общему значению (поиск по термину «advocacy» за вычетом результатов поиска, среди которых упоминается термин «адвокатура») выдает практически в два раза меньше результатов.

Термин «advocacy» при заимствовании в русский язык из английского можно считать примером безэквивалентной лексики. В подтверждение этого

⁷ Oxford Learners' Dictionaries, Oxford University Press, 2017, URL <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/advocacy>

Оригинал на английском языке:

1. (formal) the giving of public support to an idea, a course of action or a belief;
2. (specialist) the work of lawyers who speak about cases in court.

В.Н. Конышев и А.А. Сергунин говорят о том, что «это слово не имеет прямого перевода в русском языке, но широко известно в западном политическом лексиконе и политической практике» [11, с. 101].

При переводе безэквивалентной лексики исследователи Семина и Трофимова выделяют два её типа: (1) термины, которые обозначают явления, временно отсутствующие в системе экономических понятий языка-реципиента; и (2) термины, обозначающие явления, недавно проникнувшие в его языковую среду. Причиной безэквивалентности является то, что такие термины ещё не сформировали определённую категорию в понятийно-терминологической системе языка-реципиента [18, с. 68].

Язык-реципиент может использовать несколько подходов для адаптации такой лексики при её переходе из языка-донора: калькирование, транскрипцию, транслитерацию и описательный перевод.

Рассмотрим, какие эквиваленты становится возможным подобрать к термину «advocacy» в русском языке, используя указанные выше подходы:

- 1) Калькирование: адвокатирование, адвокация;
- 2) Транскрипция: эдвокаси;
- 3) Транслитерация: адвокаси;
- 4) Описательный перевод: представительство общественных интересов; продвижение общественных интересов; защита общественных интересов.

Каждый из указанных выше подходов, применительно к переводу термина «advocacy», к сожалению, имеет свои недостатки. Сложностью калькирования является то, что зачастую к калькированному термину приходится добавлять сопроводительный комментарий, проясняющий суть этого термина на русском языке. Сложностью транскрипции и транслитерации, несмотря на то, что с их помощью термин письменно доносится до человека на родном для него языке, является то, что его значение также остается нераскрытым, как и в случае калькирования. Сложностью описательного перевода является большая громоздкость нового термина в языке-реципиенте: вместо однословного термина в языке-доноре в качестве перевода в языке-реципиенте появляется термин, состоящий из несколько слов.

На примере вариантов, перечисленных в Таблице 2, рассмотрим, как в русском языке осуществляется адаптация термина «advocacy» и какие варианты перевода на русский язык эта адаптация порождает.

Адвокаси vs. эдвокаси

Ни транскрипция (заимствование слова в устной форме – «эдвокаси»), ни транслитерация (заимствование слова в письменной форме – «адвокаси»), судя по данным Таблицы 2, не получили широкого распространения в русскоязычной научной литературе, что убирает эти терминологические варианты из списка достойных кандидатов на использование в научных публикациях.

Кроме того, подтверждением того, что ни один из этих двух вариантов не вошёл в активный языковой обиход является то, что ни один из них не является

Табл. 2. Частотность употребления русскоязычных эквивалентов термина «advocacy» в различных базах данных научных статей

Table 2. Frequency of use of the Russian-language equivalents of the term «advocacy» in various databases of scientific articles

Термин	Базы данных научных статей					
	BAK	RSCI	Scopus	AGRIS	WOS	ESCI
адвокатирование	67	8	н/д	1	н/д	5
адвокация	22	1	1	н/д	н/д	1
активизм	1218	121	22	7	14	8
«представительство общественных интересов»	49	4	1	н/д	4	н/д
«продвижение общественных интересов»	19	2	н/д	н/д	н/д	н/д
«защита общественных интересов»	335	27	1	2	3	н/д
«защита общественных интересов» !суд	192	12	н/д	2	1	н/д

Пояснения к таблице:

– В таблицу не включены следующие термины: (а) «адвокаси», «эдвакаси» из-за низких значений в результатах поиска, (б) «агитация» и «пропаганда», описываемые ниже в тексте исследования, из-за многоконтекстности этих двух терминов, (в) «лоббирование» из-за ошибочности его употребления в контексте представительства *общественных* интересов, поскольку этот термин относится к представительству *частных* интересов.

– В таблицу включен термин «активизм», который несмотря на то, что он не является русскоязычным термином, происходящим от исходного англоязычного термина «advocacy», он все же рассматривается здесь в качестве его достойного эквивалента в русском языке.

– Ввиду многоконтекстности термина «защита общественных интересов» дается два варианта подсчета результатов поисковых запросов по нему: (а) многоконтекстное значение количества результатов, которое учитывает все контексты его использования и (б) ограниченное по контекстности значение количества результатов поиска, которое не учитывает публикации, в которых одновременно используется термин «суд», что необходимо для получения более объективного значения количества публикаций в контексте исследования терминологического аппарата политики групп интересов.

включённым в словарный запас пакета Microsoft Office – оба этих слова подчёркиваются программой MS Word как незнакомые ей.

Рекомендация к использованию: низкая.

Адвокатирование vs. Адвокация

Пожалуй, наиболее подходящим из всех эквивалентов термина «advocacy» в русском языке можно считать термин «адвокатирование». Из всех перечисляемых в данном разделе исследования терминологических вариантов этот вариант,

судя по данным Таблицы 2, является одним из лидеров по употреблению в научных публикациях в своей категории. Судя по данным этой таблицы, термин «адвокатирование» втрое превышает термин «адвокация» по числу упоминаний в научных публикациях, по причине чего его можно в большей степени рекомендовать для употребления в научной речи.

При анализе термина «адвокатирование» необходимо обращать внимание на значительное количественное различие его использования в научной и обыденной речи. Так, несмотря на небольшое количество употреблений термина «адвокатирование» в научной литературе (в базе данных сайта www.cyberleninka.ru находится 97 результатов поиска по этому термину), поисковая система «Яндекс» находит 27 тыс. результатов поиска по этому термину в русскоязычном сегменте сети Интернет. Такая разница (практически в триста раз) свидетельствует об очень большой недоизученности адвокатирования в русскоязычной научной литературе.

Положительным свойством терминов «адвокатирование» и «адвокация» является их краткость (нет необходимости одно английское слово переводить несколькими русскими) и очень хорошая передача ими смысла англоязычного термина «advocacy».

Рекомендация к использованию: адвокатирование – высокая, адвокация – средняя.

Активизм

Кроме русскоязычных терминов, образованных от родового англоязычного термина «advocacy», существует ещё и термин «активизм», который, видимо, является наиболее частотным эквивалентом англоязычного термина «advocacy». Сам по себе термин «активизм» в русском языке используется очень давно и без каких-либо привязок к политике групп интересов. Несмотря на своё изначально иноязычное происхождение, данный термин используется в русском языке в большом количестве контекстов, что делает вычленение его использования в контексте политики групп интересов крайне проблематичным.

Если для понимания того, насколько адекватными будет использование термина «активизм» в контексте политики групп интересов обратиться к Философскому академическому словарю, то в нём можно увидеть следующие определения этого термина: «Активизм (от лат. *activus* – активный) 1) взгляд, согласно которому сущность человека заключается не в созерцании, а в деятельном преобразовании внешнего мира; 2) моральное требование, заключающееся в том, что нужно всегда переходить от наблюдения к делу, от теории к практике»⁸. Оба приведённых определения термина «активизм» весьма близки по смыслу к термину «advocacy».

Вместе с тем придание данному термину контекста политики групп интересов требует дополнительных эпитетов-пояснений: употребление, например,

⁸ Философская энциклопедия, определение слова «активизм» URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/38/%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%98%D0%97%D0%9C

эпитета «гражданский» применительно к термину «активизм» делает словосочетание «гражданский активизм» более понятным аудитории русскоязычных читателей именно в контексте политики групп интересов. При этом наряду с «гражданским активизмом» (162 результата поиска на сайте www.cyberleninka.ru) в общественном дискурсе существуют и другие более «узконаправленные» виды активизма, такие как «политический активизм» (198 результатов), «молодежный активизм» (49 результатов), «экологический активизм» (26 результатов), «женский активизм» (восемь результатов), «интернет-активизм» (15 результатов), «медиа-активизм» (15 результатов), «религиозный активизм» (восемь результатов) и другие его виды.

Рекомендация к использованию: высокая.

Представительство / продвижение / защита общественных интересов

Из всех исследуемых в данной части работы терминологических вариантов такие русскоязычные эквиваленты термина «advocacy» как «представительство общественных интересов», «продвижение общественных интересов» и «защита общественных интересов» представляются как наиболее понятные для неподготовленной русскоязычной аудитории. Сложностью таких эквивалентов является их излишняя длина – когда вместо одного английского слова «advocacy» используется по три русских слова в каждом из трёх вариантов перевода.

Смысловый анализ данных трёх русскоязычных терминов говорит о близости их значений и практически полной синонимичности двух из них – представительства и продвижения общественных интересов. Так же как и в случае термина «защита частных интересов», термин «защита общественных интересов» можно считать многоконтекстным ввиду его использования не только в контексте политики групп интересов, но и в судебном контексте.

Рекомендация к использованию: высокая (применительно ко всем трём названным вариантам)

Лоббирование

Очень часто *ошибочно* англоязычный термин «advocacy» переводят в русском языке термином «лоббирование» несмотря на существующую между ними большую разницу, обусловленную противоположностью их значений. Разница между терминами «lobbying» и «advocacy» в английском языке заключается в том, что под первым понимается продвижение *частных* интересов ограниченного количества лиц (представителей одной компании, предприятия, отрасли, ассоциации частных или юридических лиц), а под вторым понимается продвижение *общественных* интересов, относящихся к неограниченному кругу лиц, составляющих социум. К примеру, деятельность экологической организации, которая борется за общественное благо в виде чистой экологии, может приводить к появлению общественного блага в виде улучшения экологической ситуации не только для членов данной организации, а для всего общества и для каждого

человека, живущего в нём. С другой стороны, продвижение частных интересов ассоциации предприятий химической промышленности, например, в части снижения экологических требований при производстве продукции в большей степени будет нацелено на извлечение блага для предприятий-членов ассоциации. В результате ошибочного использования термина «лоббирование» применительно к продвижению *общественных* интересов к этому термину приходится добавлять дополнительное прилагательное, проясняющее его значение. Среди некорректно сформированных неологизмов можно встретить такие варианты, как, например, «социальный лоббизм» [23, с. 113], «некоммерческий лоббизм» [1, с. 527], «гражданский лоббизм» [10, с. 265], «общественное лоббирование» [7, с. 360] и даже «народное лоббирование» [6].

Примером ошибочного употребления термина «лоббирование» применительно к *общественным* интересам может являться следующая цитата: «Другая форма лоббирования – это лоббирование в Администрации Президента и правительстве. Как показывает практика, здесь преобладающим является кулуарный лоббизм, то есть неофициальное давление на конкретного чиновника. При этом используется влияние ближайшего окружения чиновника, его пристрастия, его психологические особенности. Также используются методы прямого воздействия посредством организации кампаний в средствах массовой информации, с помощью которых у чиновника создается впечатление общественной значимости проблемы» [14, с. 74]. В этой цитате есть как описание действий, определяемых термином «лоббирование» («неофициальное давление на конкретного чиновника»), так и описание действий, определяемых термином «адвокатирование» («Также используются методы прямого воздействия посредством организации кампаний в средствах массовой информации, с помощью которых у чиновника создается впечатление общественной значимости проблемы»). Оба явления имеют разную природу: как с трудом можно себе представить то, что представитель группы общественных интересов, например, экологических, осуществлял «кулуарный» или «коррупционный» лоббизм отдельного чиновника в целях защиты или продвижения общественного блага, так сложно представить и то, чтобы представитель группы частных интересов, например, производителя химической продукции, продвигал интерес представляемой им группы «в средствах массовой информации, с помощью которых у чиновника создается впечатление общественной значимости проблемы». Необходимо отметить, что такое использование терминов – это не ошибки отдельных авторов в понимании темы, а вопрос того, что терминологический аппарат политики групп интересов всё ещё формируется и того, что термины этого аппарата всё ещё не вошли друг с другом в положение более точно определённых отношений, из-за чего в русском языке одно явление (advocacy) называется термином, который в языке-оригинале приписывается другому явлению (lobbying).

Рекомендация к использованию: низкая.

Агитация и пропаганда

При подготовке текстов о деятельности групп интересов для русскоязычных авторов существует соблазн использовать такие термины, как «агитация» и «пропаганда» в качестве русскоязычного эквивалента термину «advocacy», однако оба этих термина по сути являются очень затёртыми клише и штампами из советского политического прошлого. Главным недостатком использования этих терминов является их восприятие широкой аудиторией как синонимов принуждения и насаждения определённых точек зрения, в основном политических. Несмотря на такие достоинства терминов «агитация» и «пропаганда», как лёгкость их понимания любой аудиторией, длительность их нахождения в русскоязычной обыденной, публицистической и научной речи, отсутствие необходимости дополнительных пояснений к этим терминам, за ними в русском языке закрепилась ещё более неоднозначная слава, чем за термином «лоббирование».

Рекомендация к использованию: низкая (применительно к обоим терминам).

Русскоязычные эквиваленты англоязычного термина «interest groups»

Одним из наиболее простых в употреблении русскоязычных терминов, рассматриваемых в данной работе, является термин «группы интересов», который происходит от англоязычного термина «interest groups». Простота употребления данного термина заключается в том, что он не требует дополнительных слов-пояснений, раскрывающих его суть. Кроме того, употребление данного термина можно считать удобным в связи с тем, что со смысловой точки зрения он является «химически чистым», «без примесей» других контекстов, как в случае с термином «защита частных интересов», который имеет значительную примесь судебного контекста. В противоположность другим рассматриваемым в статье терминам, термин «группы интересов» «прижился» в основном в политологии и не применяется активно в других областях знаний. Кроме того, в политоло-

Таблица 3. Частотность употребления русскоязычных эквивалентов термина «interest groups» в различных базах данных научных статей

Table 3. Frequency of use of the Russian equivalents of the term «interest groups» in various databases of scientific articles

Термин	Базы данных научных статей					
	BAK	RSCI	Scopus	AGRIS	WOS	ESCI
«группы интересов»	3172	359	н/д	27	43	20
«заинтересованные группы»	1629	184	11	26	9	12
«группы влияния»	1446	130	14	20	14	9
«группы давления»	842	77	2	6	15	
лобби	1443	159	10	17	13	11
«лоббистские группы»	227	20	4	3	н/д	1
«группы специальных интересов»	208	30	3	3	2	7
«группы особых интересов»	101	16	3	2	н/д	4

гии его употребление сконцентрировано в основном в исследованиях политики групп интересов.

Простота его употребления вместе с тем является мнимой, поскольку термин имеет в русском языке несколько терминов-близнецов, среди которых такие термины, как «заинтересованные группы», «группы влияния», «группы давления», «лоббистские группы» и родоначальник всего терминологического аппарата политики групп интересов – термин «лобби». Употребление всех названных терминов имеет историческое объяснение: они появились на начальной стадии формирования исследовательской области политики групп интересов, когда уже было понятно, что ключевыми участниками этой политики были группы, но было не совсем понятно, каким прилагательным описывать эти группы.

Группы интересов vs. заинтересованные группы

Термин «группы интересов» является одним из наиболее важных и фундаментальных для политики групп интересов. Энциклопедия «Британника» даёт следующее определение групп интересов: «это объединения отдельных граждан, либо организаций, обычно формально организованных, объединённых по поводу одной или нескольких проблем и ставящие перед собой цель оказания влияния на принимаемое законодательство в свою пользу»⁹.

Следует обратить внимание, что в русскоязычных публикациях в области политики групп интересов силён конспирологический уклон, который постулирует доминирование групп частных интересов, которые обладают денежными ресурсами, над группами общественных интересов, которые такими ресурсами не обладают. Примером может быть следующая цитата: «Первая проблема – это то, что в решениях государственных органов власти, в частности Государственной думы, преобладает защита интересов отдельных слоёв общества, групп давления. Это обусловлено тем, что только определённые группы могут лоббировать свои интересы в силу наличия у них достаточных денежных средств» [14, с. 74]. Безусловно, деньги в политике групп интересов важны, но они не являются решающим фактором: в борьбе между группами частных и общественных интересов часто могут побеждать последние, если они хорошо организованы в ассоциации, коалиции или сети, в которых находится большое количество участников.

Наряду с термином «группы интересов» в русскоязычном дискурсе политики групп интересов существует также термин «заинтересованные группы», который представляется не очень удачной калькой англоязычного термина «interest groups». Поскольку оба термина («заинтересованные группы» и «группы интересов») являются практически полными синонимами без каких-либо значительных семантических различий, нет смысла употреблять в литературе оба термина одновременно. Для авторов публикаций можно рекомендовать выбрать один из них – более благозвучный, релевантный и удобный термин «группы интересов».

⁹ Encyclopedia Britannica, entry on the "Interest group" URL: <https://www.britannica.com/topic/interest-group>

Рекомендация к использованию: группы интересов – высокая, заинтересованные группы – низкая.

Группы влияния vs. группы давления

В русскоязычной терминологии политики групп интересов наряду с другими терминами существуют синонимичные термины «группы влияния» и «группы давления». Термин «группы влияния», по-видимому, является изобретением российских исследователей, поскольку в английском языке его эквивалента не существует, хотя и существует термин «группы давления» (англ. – *pressure groups*). В понимании обоих терминов в русском языке можно выделить два подхода: (1) использование обоих терминов как *морально устаревших эквивалентов* термина «группы интересов», и (2) их использование в качестве *разновидности* групп интересов. Первый подход предполагает, что в настоящее время не каждая группа в политике групп интересов может обладать влиянием или уж тем более не каждая группа может оказывать давление, поэтому наделять все группы интересов свойством того, что все они оказывают влияние и давление, будет неверным. На начальных этапах становления терминологического аппарата политики групп интересов, когда аналитически более точный термин «группы интересов» ещё не употреблялся исследователями широко, использование терминов «группы влияния» и «группы давления» могло быть хоть как-то оправдано. Использование терминов, связанных с давлением и влиянием на ранних этапах исследований данной области добавляло группам конспирологического могущества, которое решало исход их борьбы с другими группами. Второй подход предполагает, что сейчас исследователи более глубоко изучают различные разновидности групп интересов, и действительно, какие-то из этих разновидностей могут обладать потенциалом влияния и давления, но и то только при условии того, что термины «группы влияния» и «группы давления» являются более частными понятиями по отношению к более общему понятию – «группам интересов». Примерно то же самое наблюдается и в английском языке, где в настоящее время активнее используется термин «*interest groups*» в противоположность термину «*pressure groups*».

Рекомендация к использованию: низкая (применительно к обоим терминам).

Лобби vs. лоббистские группы

Термин «лобби» является родовым для всей политики групп интересов, поскольку через него раскрывается этимология слова «лоббирование» и в каждой книге об этом явлении общественной жизни существует вступительная глава, которая повествует о его появлении в *кулуарах* (англ. – *lobby*) Британского парламента или в *лобби* отеля «Уиллард» в Вашингтоне времён правления президента Улисса Гранта. Термин «лобби» можно считать довольно распространённым в литературе. Он является одним из наиболее старых терминов в области исследований политики групп интересов. По своему смыслу он является синонимом тер-

мина «лоббистские группы». Вместе с тем оба термина «лобби» и «лоббистские группы» можно считать несколько устаревшими благодаря их конспирологичности и применительно к серьёзным исследованиям рекомендовать их употребление можно в основном в историческом контексте. Вместо использования терминов «лобби» и «лоббистские группы» можно рекомендовать к употреблению более политически нейтральный термин «группы интересов». В публицистике и обыденной речи, не претендующей на научность, оба этих термина, видимо, будут существовать ещё долго.

Рекомендация к использованию: низкая (применительно к обоим терминам).

Группы специальных интересов vs. группы особых интересов

В английском языке термин «special interest groups» в дискуссиях о политике групп интересов присутствует одновременно с термином «interest groups». Несмотря на определение «special» перед словами «interest groups», сам термин «special interest groups» по смыслу практически ничем не отличается от термина «interest groups». Единственное различие между двумя этими терминами в английском языке состоит в том, что термин «special interest groups» звучит чуть более конспирологично. Исторически сложилось так, что посредством заимствования в русский язык перешли оба термина – и «interest groups», и «special interest groups». При этом ввиду существования двух вариантов перевода слова «special» в русском языке («особый» и «специальный») термин «special interest groups» «разветвился» на два русскоязычных термина – «группы *особых* интересов» и «группы *специальных* интересов». Рекомендовать один термин из двух в большей степени можно на основе статистического преобладания термина «группы специальных интересов» над термином «группы особых интересов», хотя последний термин и звучит более органично для русского языка.

Рекомендация к использованию: высокая – «группы специальных интересов», средняя – «группы особых интересов».

Частотность употребления ключевых терминов терминологического аппарата политики групп интересов в русскоязычных научных публикациях в период с 1992 по 2016 г.

В данной части статьи приводится анализ частотности употребления терминов терминологического аппарата политики групп интересов в русскоязычных научных публикациях по отдельным годам за последние два с половиной десятилетия, что позволяет отследить тренды изменения частотности употребления отдельных терминов терминологического аппарата политики групп интересов. Рисунки 1, 2 и 3 в доступной форме демонстрируют анализируемые тренды частотности употребления исследуемых терминов терминологического аппарата политики групп интересов.

Частотность употребления русскоязычных эквивалентов термина «lobbying»

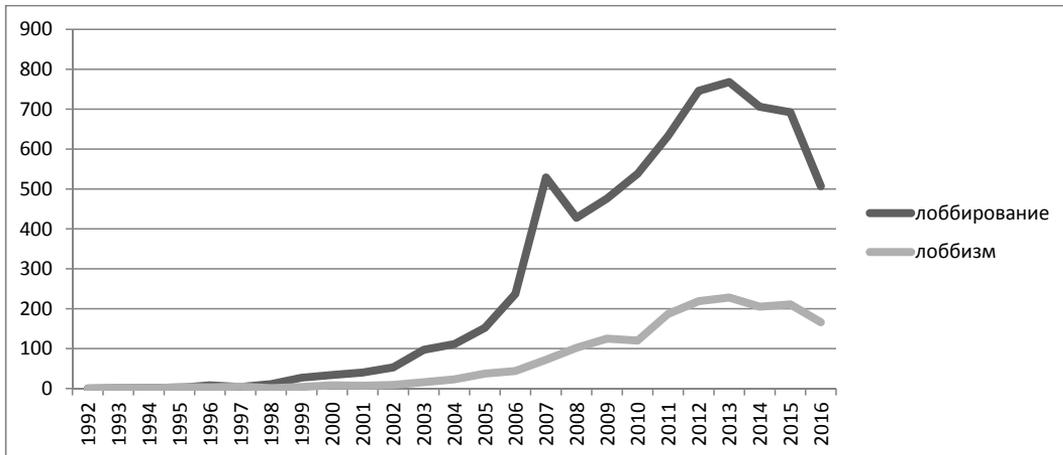

Рис. 1. Частотность употребления терминов «лоббирование» и «лоббизм» по отдельным годам в период с 1992 по 2016 гг. на основе информации в базах данных научных публикаций, размещённых на сайте www.cyberleninka.ru (числовые данные представлены в Таблице 4)

Pic. 1. Frequency of use of the terms «lobbying» and «lobbying» for individual years in the period from 1992 to 2016. based on information in the databases of scientific publications posted on the website www.cyberleninka.ru (numerical data are presented in Table 4)

Пояснение к рисунку

– В график не включены термины «защита частных интересов», «представительство частных интересов» и «продвижение частных интересов» из-за низких значений в результатах поиска.

Рис. 1, представленный выше, даёт представление о том, как менялась частотность использования терминов «лоббирование» и «лоббизм» в научных публикациях с 1992 по 2016 г. График демонстрирует, что начало использования терминов пришлось на 1993 г., когда оба термина только начали появляться в научных статьях, что делает их одними из самых старых терминов терминологического аппарата политики групп интересов. Оба термина появляются в научном обороте одновременно, однако по прошествии лет термин «лоббирование» оказывается многократно более востребованным у исследователей, чем термин «лоббизм». Данные графика подтверждают более высокую рекомендацию использования термина «лоббирование» по сравнению с термином «лоббизм».

Частотность употребления русскоязычных эквивалентов термина «advocacy»

Особенностью политики групп интересов как области исследований является большая сфокусированность авторов научных публикаций на анализе деятельности групп частных интересов и меньшая сфокусированность на анализе деятельности групп общественных интересов. Это происходит, видимо, из-за того, что в русскоязычной научной и обыденной речи отсутствует термин, являющийся *полноценным* эквивалентом термина «advocacy». Данное обстоятельство приводит к тому, что в русскоязычной дискуссии о политике групп интересов *практически не видно групп общественных интересов*, которые являются не менее важным элементом этой политики, чем группы частных интересов. При этом необходимо признать, что существует обширный пласт русскоязычной литературы по деятельности некоммерческих организаций. Нельзя сказать, что эта тема групп общественных интересов не исследована вообще, она скорее мало исследована с точки зрения подходов политики групп интересов. В Рис. 2 рассмотрим насколько часто используются русскоязычные эквиваленты за исследуемый период времени.

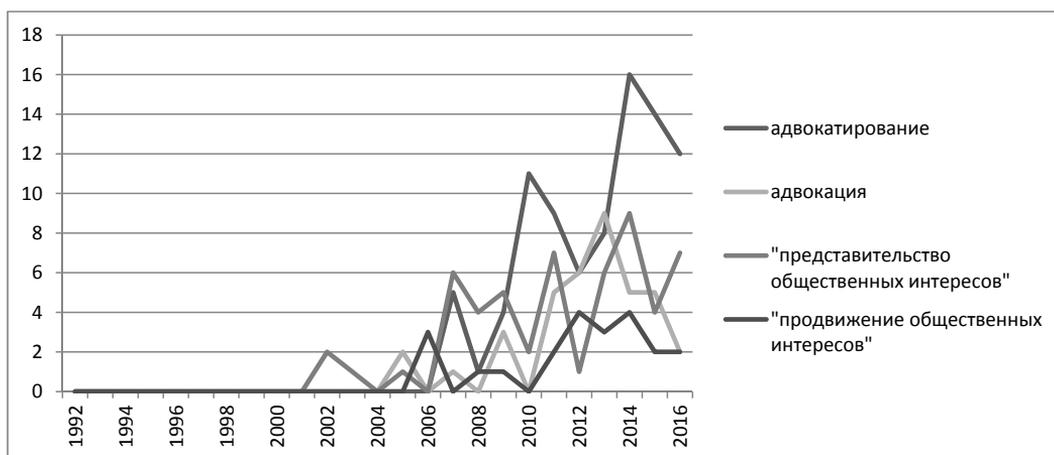

Рис.2. Частотность употребления эквивалентов термина «advocacy» по отдельным годам в период с 1992 по 2016 гг. на основе информации в базах данных научных публикаций, размещённых на сайте www.cyberleninka.ru (числовые данные представлены в Таблице 4)

Pic.2. Frequency of using the equivalents of the term “advocacy” for individual years from 1992 to 2016. based on information in the databases of scientific publications posted on the website www.cyberleninka.ru (numerical data are presented in Table 4)

Пояснения к рисунку:

– В график не включены следующие термины: (а) «адвокаси», «эдвокаси» из-за низких значений в результатах поиска, (б) «активизм», «защита общественных интересов», «агитация» и «пропаганда» из-за многоконтекстности, (в) «лоббирование» из-за ошибочности его употребления в контексте защиты *общественных* интересов.

Судя по представленному графику, русскоязычные эквиваленты термина «advocacy» начали своё формирование в научном обороте на десять лет позже, чем русскоязычные эквиваленты термина «lobbying», что можно объяснить изначально более поздним интересом исследователей к анализу деятельности групп общественных интересов, нежели чем к анализу деятельности групп частных интересов. Судя по структуре трендов частотности употребления рассматриваемых в графике терминов, можно предположить, что в течение ближайших 10-15 лет они повторят судьбу терминов-эквивалентов термина «advocacy» и количество исследований на эту тему будет расти.

Среди двух терминов-близнецов – «адвокатирование» и «адвокация» – более часто авторами используется первый, по причине чего его можно рекомендовать для употребления в большей степени.

Динамика тройки терминов «представительства», «защиты» и «продвижения» интересов не даёт чёткого понимания того, какой из этих терминов станет лидирующим. Отсутствие такой чёткости понимания усугубляется тем, что «защита общественных интересов» к тому же является многоконтекстным термином, что ещё больше осложняет ситуацию ввиду неясности того, какой из контекстов употребления возобладает.

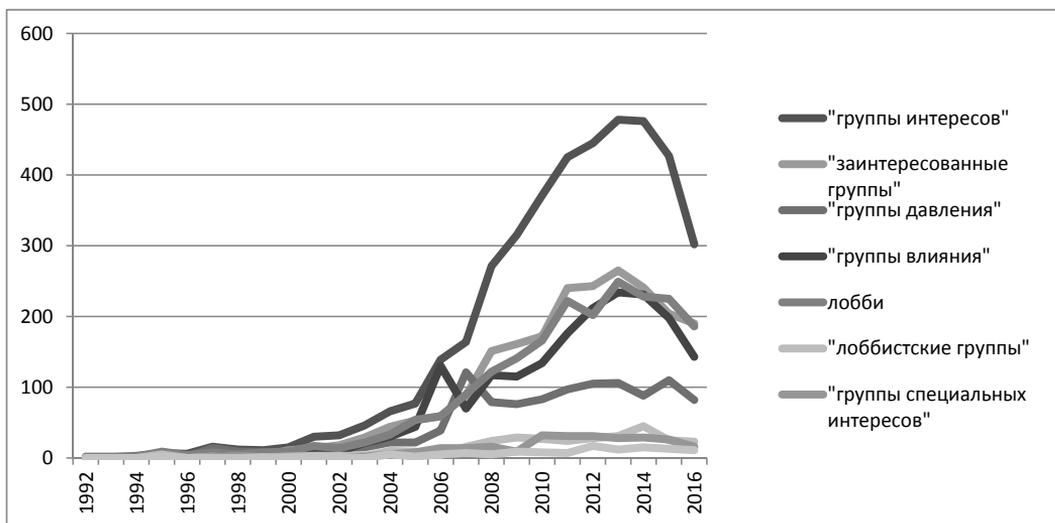

Рис. 3. Частотность употребления эквивалентов термина «interest groups» по отдельным годам в период с 1992 по 2016 гг. на основе информации в базах данных научных публикаций, размещённых на сайте www.cyberleninka.ru (числовые данные представлены в Таблице 4)

Pic. 3. Frequency of using equivalents of the term «interest groups» for individual years in the period from 1992 to 2016 based on information in the databases of scientific publications posted on the website www.cyberleninka.ru (numerical data are presented in Table 4)

Из всех терминов, указанных на графике в наибольшей степени можно рекомендовать использование в научных работах термина «адвокатирование» ввиду чёткости и ясности его семантики и более конкурентоспособных позиций в научном обороте, чем у других терминов. Кроме того, конкуренцию данному термину будет составлять в большей степени термин «активизм», который, несмотря на свою многоконтекстность, является очевидным лидером по количеству употреблений в научных публикациях.

Частотность употребления русскоязычных эквивалентов термина «interest groups»

На Рис. 3 однозначным лидером по частотности упоминаний является термин «группы интересов», что неудивительно, поскольку он является прямым эквивалентом термина «interest groups». В паре синонимов «группы интересов» и «заинтересованные группы» лидерство показывает также именно он, из чего можно вывести рекомендацию о его предпочтительности при написании работ в рамках исследовательского поля политики групп интересов не только с позиции неправильности кальки «заинтересованные группы», но и с позиции статистического превосходства термина «группы интересов». Анализ синонимической пары «группы давления» и «группы влияния» показывает статистическое превосходство у термина «группы влияния», что удивительно, поскольку аналогичной синонимической пары нет в английском языке – в английском языке эквивалента этому термину нет, ведь в нём из двух этих терминов существует только термин «pressure groups» («группы давления»). В синонимической паре «лобби» и «лоббистские группы» лидерство занимает первый из двух терминов. Судя по данным графика, по частотности использования он даже больший конкурент термину «группы влияния», чем термину «лоббистские группы». В семантической паре «группы специальных интересов» и «группы особых интересов» лидирует первый термин – вместе с тем нельзя сказать, что это уверенное лидерство.

Результаты исследования и их обсуждение

На основе проведённого сопоставительного терминологического и статистического исследования для трёх ключевых англоязычных терминов политики групп интересов выявлено 22 наиболее близких русскоязычных термина-эквивалента (пять эквивалентов для термина «lobbying», девять эквивалентов – для термина «advocacy» и восемь эквивалентов – для термина «interest groups»). Каждому из 22-х терминов была определена рекомендация к использованию в пределах значений «высокая», «средняя» или «низкая». По результатам анализа семь терминов получили высокую оценку, четыре – среднюю и 11 – низкую. Выставленные оценки не измеряют качество терминов самих по себе, а указывают на их предпочтительность для употребления в контексте терминологического аппарата политики групп интересов в целях формирования более связ-

ного исследовательского поля и преодоления разрозненности исследований, касающихся предмета деятельности групп интересов. По результатам исследования из рассмотренного русскоязычного эквивалентного разнообразия трёх групп терминов можно рекомендовать следующие наиболее подходящие варианты эквивалентов: англоязычный термин «lobbying» – русскоязычный термин «лоббирование», англоязычный термин «advocacy» – русскоязычные термины «адвокатирование» и «активизм», англоязычный термин «interest groups» – русскоязычный термин «группы интересов». Все рассмотренные в работе термины обладают различной частотностью использования в научных публикациях. Частотность использования терминов из терминологического аппарата политики групп интересов можно считать показателем уровня развитости данной области политической науки на русском языке.

Проведённое исследование терминологического аппарата политики групп интересов в русском языке позволяет прийти к выводу о том, что данный аппарат, начав появляться в 1992 г., всё ещё только формируется и в настоящее время является не до конца оформленным, неоднородным, а зачастую и тавтологичным.

Формирование более чёткого терминологического аппарата политики чрезвычайно важно в контексте её исследования. Принимая во внимание мнение С.В. Гринева-Гриневиц относительно того, что *«удачные термины могут способствовать развитию науки, а неудачные – тормозить развитие научных знания»* [4, с. 6], можно говорить о том, что выделение наиболее удачных терминов в терминологическом аппарате политики групп интересов будет способствовать развитию всей исследовательской области, которая ею занимается.

Оценивая русскоязычный терминологический аппарат политики групп интересов, необходимо отметить, что большая часть его терминов приходится на иноязычные заимствования, что создаёт определённые сложности употребления этих терминов в исследованиях. Русскоязычные эквиваленты терминов «lobbying» и «interest groups» начали входить в терминологический аппарат политики групп интересов с 1992 г. практически одновременно, в то время как эквиваленты термина «advocacy» начали входить в него с опозданием на 10 лет, что может объяснить меньшую развитость пласта исследований, связанных с этим термином и социальным явлением, которое он обозначает. В настоящее время в русскоязычной политической речи всё ещё не определился однозначный эквивалент термина «advocacy», хотя на эту роль и претендуют два термина – «адвокатирование» и «активизм». По словам исследователей, отсутствие в языке терминов-эквивалентов указывает на временное отставание в развитии определённой системы понятия языка [18, с. 68], но несмотря на это и на то, что термин «advocacy» и его эквиваленты сложно приживаются в русском языке, значимость явления, описываемое ими, в российском обществе только растёт. Рассуждая о будущем эквивалентов термина «advocacy» в русском языке (будут ли это термины «адвокатирование», «активизм» или какие-то иные термины),

можно говорить о том, что не получится однозначно определить или «назначить» его русскоязычный термин-эквивалент. Язык, как живая система, со временем, видимо, сам определит наиболее приемлемый эквивалент этого термина, поскольку количество широко обсуждаемых тем, касающихся представительства общественных интересов, в российском социуме год от года становится всё больше и больше.

Аналогично с дисбалансом формирования её понятийного аппарата, существует и дисбаланс исследований внутри самой политики групп интересов. Так же как в русском языке нет однозначно закрепившегося термина, обозначающего продвижение общественных интересов, исследования групп общественных интересов тоже получили фрагментарное развитие в русскоязычных исследованиях. В будущих научных публикациях в области политики групп интересов ещё, видимо, придётся многое сделать для того, чтобы компенсировать сложившийся дисбаланс в сторону представительства публичных интересов, не фиксируя исследовательский фокус только на представительстве частных интересов. В настоящее время проблема исследований заключается не только в том, что анализа деятельности групп общественных интересов меньше, чем анализа деятельности групп частных интересов, но и в том, что в исследованиях смешиваются контексты деятельности обоих типов групп интересов без их разделения. А в условиях смешивания и неразделения контекстов деятельности групп частных и общественных интересов проходит вымывание из исследований последних и *лоббирование* в ущерб *адвокатированию* начинает восприниматься как общественное зло и коррупция, что порождает множественные конспирологические интерпретации деятельности групп интересов. Благодаря новым исследованиям групп общественных интересов исследовательская область политики групп интересов может значительно улучшить свои показатели качественно и количественно, преодолевая ситуацию того, что, по словам Котомина, в этой области *«многие исследования носят поверхностный характер»* [12, с. 449].

Список литературы:

1. Алексанян А., Цивилизованный лоббизм в системе «Власть—общество» // Юридическая техника. 2014. №8. С. 527-531.
2. Будагов Р.А., История слов в истории общества. М.: Просвещение, 1971. 256 с.
3. Галагузова М.А., О роли понятийно-терминологического аппарата педагогических исследований // Сибирский педагогический журнал. 2010. №1. С. 86-91.
4. Гринев-Гриневиц С.В., Терминоведение. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
5. Данков А.Н., Шомко О.А., Политическая экономика лоббирования: формирование экономической политики под влиянием групп интересов в демократической системе - Сер. WP// Центральный экономико-математический ин-т, Российская академия, 2006. 64 с.
6. Дискуссия «Виртуальное имущество. Первый законопроект о регулировании криптовалюты». Канал РБК, 09.12.2017
7. Дорошенко В.И., Олейник С.Л., Самоорганизация населения как элемент социально-экономического развития Украины // Вестник БГУ. 2015. №3. С. 350-360.

8. Зелепукин Р.В., Понятие и происхождение лоббирования как политико-правового института // Вестник ТГУ. 2011. №8. С. 305-310.
9. Кибак И.А., Об участии социолога на этапе официального обсуждения законопроекта в законодательном органе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №1 (25). С. 20-28
10. Киселев К.В., Структурирование местных сообществ и группы интересов // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2010. №10. С. 259-270.
11. Коньшев В.Н., Сергунин А.А., О понятийном аппарате в исследованиях феномена лоббизма // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. №6. С. 100-107.
12. Котомин Д.С., Некоторые аспекты исследования технологии лоббистской деятельности // Юридическая техника. 2009. №3. С. 448-451.
13. Кошкина Е.А., Понятийно-терминологический аппарат педагогики как предмет историко-педагогического исследования // Образование и наука. 2012. №5. С. 83-95.
14. Маркова О.А., Проблемы правового регулирования лоббизма в России. Лоббирование общественных интересов на примере общественных организаций по защите прав потребителей // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2008. №2. С. 73-78.
15. Нестерова Я.А., Чернуха Т.В., Термин и терминология. Политическая лексика // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2008. №2. С. 226-236.
16. Никулин Л. Ф., Мамедов Р. А. Лоббирование как механизм менеджмента // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. №1. С. 38-40.
17. Орлов К.А., Агапов И.А., Теоретико-правовой анализ понятийно-категориального аппарата лоббизма // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. №4. С. 15-20.
18. Семина М.А., Трофимова Н.А., Способы перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский в текстах экономической тематики // Rhema. Рема. 2013. №4. С. 67-71.
19. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В., Общая терминология. - М., 2003. 248 с.
20. Толстых П.А., Профессиональный словарь лоббистской деятельности URL: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=1
21. Точёная А.О., Американско-китайские отношения в 1989–1999 гг. Влияние прокитайского лобби // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. №2 (27). С.94-98.
22. Фалькина Т.Ю., Агапов И.О., К вопросу о легальном определении лоббирования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №1. С. 29-32.
23. Фельдман П.Я., К вопросу о классификации лоббистских технологий // Власть. 2012. №4. С. 111-114.
24. Bentley A. F. The Process of Government, Chicago: University of Chicago Press, 1908. 504 p.
25. Daniel J. Tichenor, Richard A. Harris, The Development of Interest Group Politics in America: Beyond the Conceits of Modern Times, Annual Review of Political Science, 2005. P. 251-270
26. Jan Beyers, Rainer Eising, William Maloney - Researching Interest Group Politics in Europe and Elsewhere: Much We Study, Little We Know? // West European Politics, Vol. 31, No. 6, 2008. P.1103-1128.

Об авторе:

Иван Иванович Писарев – преподаватель Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. 690920, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, Кампус ДВФУ. E-mail: pinoy@mail.ru.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE KEY ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE TERMS IN STUDIES OF INTEREST GROUP POLITICS

I.I. Pisarev

DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-212-241

Far Eastern Federal University

Abstract: This research article investigates the Russian equivalents of the key terms of the English language interest group politics research vocabulary in relation to the issues that their application is causing in research publications. The study is based on the terminological and statistical analyses of the following terms of the interest group politics: lobbying, advocacy, and interest groups and the Russian equivalents that derive from them.

The article offers a detailed analysis and comparison of the essential properties of these Russian equivalents to identify the most suiting of them with an ultimate goal of harmonization of the Russian research vocabulary of the interest group politics.

Terminological analysis of the study has revealed 22 closest Russian equivalents of the three English terms, including 5 Russian equivalents of the term lobbying, 9 Russian equivalents of the term advocacy, and 8 Russian equivalents of the term interest groups.

Statistical analysis of the application of these 22 selected Russian equivalents studied in timeframe between 1992 and 2016 is based on the investigation of the research publication databases of the www.cyberleninka.ru website. The purpose of this analysis was to identify the most frequently used Russian equivalents of the English terms under study selected from a pool of options revealed during terminological analysis.

Based on the terminological and statistical analyses of the pool of the Russian equivalents of the three key terms of the English language interest group politics research vocabulary, the author identifies the most highly recommended ones of them for application in the Russian language research publications.

Key words: interest group politics, vocabulary, terminological analysis, statistical analysis, lobbying, advocacy, activism, interest groups, Russian and English languages.

References

1. Aleksanian A., *Tsvivilizovannyi lobbizm v sisteme «Vlast-obshchestvo»* [Civilized Lobbying in the System of Relations Between the Government and the Population]. *Iuridicheskaja tekhnika*. 2014, no. 8, pp. 527-531. (In Russian)
2. Budagov R.A., *Istoriia slov v istorii obshchestva* [The History of Words and the History of the Society]. Moscow: Prosvetshchenie, 1971. 256 p. (In Russian)
3. Galaguzova M.A. *O roli poniatiino-terminologicheskogo apparata pedagogicheskikh issledovaniï* [About the Role of Research Vocabulary in Teaching Research]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 2010. №1. S. 86-91. (In Russian)
4. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie. Uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Term Studies: College Students Textbook]. Moscow: Izdatelskii tsentr "Akademiia", 2008. 304 p. (In Russian)
5. Dankov A.N., Shomko O.A., *Politicheskaja ekonomiiia lobbirovaniia:*

- formirovanie ekonomicheskoi politiki pod vliianiem grupp interesov v demokraticheskoi sisteme* [Political Economy of Lobbying: Formation of Economic Policies under the Pressure of Interest Groups in a Democratic System]. Tsentralnyi ekonomiko-matematicheskii in-t, Rossiiskaia akademiia, 2006. 64 p. (In Russian)
6. Diskussiiia «Virtualnoe imushchestvo. Pervyi zakonoproekt o regulirovanii kriptovalyuty» [Virtual Property. The Bill Draft on Regulation of Cryptocurrencies]. *Kanal RBK*, 09.12.2017 (In Russian)
 7. Doroshenko V.I., Oleinik S.L., Samoorganizatsiia naseleniia kak element sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Ukrainy [Self-Organization of the Population as an Element of Socio-Economic Development of Ukraine]. *Vestnik BGU*. 2015, no. 3, pp.350-360. (In Russian)
 8. Zelepukin R.V., Poniatie i proiskhozhdenie lobbirovaniia kak politiko-pravovogo instituta [Definition and Origins of Lobbying as Political and Legal Institution]. *Vestnik TGU*. 2011, no. 8, pp. 305-310. (In Russian)
 9. Kibak I.A., Ob uchastii sotsiologa na etape ofitsialnogo obsuzhdeniia zakonoproekta v zakonodatelnom organe [About Participation of Sociologists on the Stage of Official Deliberations of Law Drafts]. *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 2014, №1 (25), pp.20-28 (In Russian)
 10. Kiselev K.V., Strukturirovanie mestnykh soobshchestv i gruppy interesov [Structuring of the Local Communities and Interest Groups]. *Nauchnyi ezhegodnik IFiP UrO RAN*. 2010, no. 10. pp.259-270. (In Russian)
 11. Konyshv V.N., Sergunin A.A., O poniatiinom apparate v issledovaniiaakh fenomena lobbizma [About Research Vocabulary in Studies of Lobbying Phenomenon]. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2011, no. 6, pp.100-107. (In Russian)
 12. Kotomin D.S., Nekotorye aspekty issledovaniia tekhnologii lobbiistkoi deiatelnosti [Some Issues of Research of Technologies of Lobbying]. *Iuridicheskaiia tekhnika*. 2009, no. 3, pp.448-451. (In Russian)
 13. Koshkina E.A., Poniatiino-terminologicheskii apparat pedagogiki kak predmet istoriko-pedagogicheskogo issledovaniia [Research Vocabulary of Teaching Studies as a Matter of Historical and Teaching Studies Research]. *Obrazovanie i nauka*. 2012, №5, pp.83-95. (In Russian)
 14. Markova O.A., Problemy pravovogo regulirovaniia lobbizma v Rossii. Lobbirovanie obshchestvennykh interesov na primere obshchestvennykh organizatsii po zashchite prav potrebiteli [Issues of Regulation of Lobbying in Russia. Public Interests Advocacy among Consumer Rights NGOs]. *Gumanitarnyi vektor. Seriia: Pedagogika, psikhologiya*. 2008, no. 2, pp.73-78. (In Russian)
 15. Nesterova Ia.A., Chernukha T.V., Termin i terminologiya. Politicheskaiia leksika [Terms and Terminology. Political Vocabulary]. *Izvestiia TulGU. Gumanitarnye nauki*. 2008, no. 2, pp.226-236. (In Russian)
 16. Nikulin L. F., Mamedov R. A. Lobbirovanie kak mekhanizm menedzhmenta [Lobbying as a Management Mechanism]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*. 2008, no. 1, pp.38-40. (In Russian)
 17. Orlov K.A., Agapov I.A., Teoretiko-pravovoi analiz poniatiino-kategorialnogo apparata lobbizma [Theoretical and Legal Analyses of Lobbying Research Vocabulary]. *Vestnik Uralskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2014, №4, pp. 15-20. (In Russian)
 18. Semina M.A., Trofimova N.A., Sposoby perevoda bezekvivalentnoi leksiki s angliiskogo iazyka na russkii v tekstakh ekonomicheskoi tematiki [Ways of Translation of Culture-Specific Terms from English into Russian in Economic Texts]. *Rhema*. 2013, no.4, pp.67-71. (In Russian)
 19. Superanskaia A.V., Podolskaia N.V., Vasileva N.V., *Obshchaia terminologiya* [General Terminology]. Moscow, 2003. 248 p. (In Russian)

20. Tolstykh P.A. *Professionalnyi slovar lob-bistskoi deiatel'nosti* [Professional vocabulary of lobbying] URL: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=1 (In Russian)
21. Tochenaiia A.O., Amerikano-kitaiskie otnosheniia v 1989-1999 gg. Vliianie prokitaiskogo lobbi [US-China Relations in 1989-1999: The Impact of Pro-Chinese Lobby Groups]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2013, no.2 (27), pp.94-98. (In Russian)
22. Falkina T.Iu., Agapov I.O., K voprosu o legalnom opredelenii lobbirovaniya [On the Issue of Legal Definition of Lobbying]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2016, no.1. pp. 29-32. (In Russian)
23. Feldman P.Ia., K voprosu o klassifikatsii lobbitskikh tekhnologii [On the Issue of Classification of Lobbying Technologies]. *Vlast*. 2012, no. 4, pp.111-114. (In Russian)
24. Bentley A.F. *The Process of Government*. Chicago: University of Chicago Press, 1908. 504 p.
25. Tichenor D.J., Harris R.A. The Development of Interest Group Politics in America: Beyond the Conceits of Modern Times. *Annual Review of Political Science*. 2005, vol. 8, pp.251-270. DOI: 10.1146/annurev.polisci.7.090803.161841
26. Beyers J., Eising R., Maloney W. Researching Interest Group Politics in Europe and Elsewhere: Much We Study, Little We Know? *West European Politics*. 2008, vol. 31, no. 6, pp.1103-1128. DOI: 10.1080/01402380802370443

About the author:

Ivan I. Pisarev – instructor at the Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, 690920, Vladivostok, Russky Island, Ajax, FEFU Campus. E-mail: pinoy@mail.ru.

МИРОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Е.С. Зиновьева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Развитие научно-технологической сферы, в особенности информационно-коммуникационных технологий, оказывает существенное влияние на мировые политические процессы. Оно усиливает глобализацию и взаимозависимость, расширяет субъектную сферу мировой политики за счёт усиления возможностей негосударственных акторов, трансформирует национальный суверенитет, а также приводит к появлению новых, высокотехнологичных вызовов и угроз международной и национальной безопасности. Преодоление этих вызовов и угроз в силу их транснационального характера предполагает сотрудничество между разнотипными акторами мировой политики. Учитывая множественную субъектность такого сотрудничества, а также сложность, изменчивость и всепроникающий характер предмета сотрудничества (технологий), следует признать, что для изучения данной проблемы мировой политики традиционные рационалистические подходы не совсем подходят.

С помощью критического обзора сложившихся в научной литературе подходов к исследованию науки и технологий в международных отношениях, автор доказывает, что наиболее перспективным теоретическим направлением в данной области является социальный конструктивизм. Он показывает, что технологии встроены в социальные отношения, что между технологиями и социальными структурами существует конститутивная взаимосвязь. Поэтому характеристики и направления использования технологий могут становиться предметом политической конкуренции, в том числе на международном уровне. Распространение технологий приводит к глобализации «привязанных» к ним социальных структур и отношений, которые изначально имели локальное происхождение. Естественно, что данный процесс сопровождается политическим соперничеством, встречая сопротивление со стороны агентов альтернативных социальных структур.

В качестве кейса, позволяющего оценить аналитический потенциал данного подхода, в статье рассматриваются вопросы управления Интернетом и обеспечения международной информационной безопасности. Показано, что с момента создания Интернета его характеристики и управление в значительной степени определялись под влиянием национальных интересов США, в результате чего сформирова-

УДК 327.8

Поступила в редакцию 29.09.2018 г.

Принята к публикации 14.12.2018 г.

ровалась государственно-частная модель управления в форме ICANN. Вследствие распространения Интернета, его технологические особенности и характеристики сложившейся модели управления стали оказывать влияние уже на международную политику и практику международного сотрудничества в сфере информационно-коммуникационных технологий. В рамках ООН получили распространение форматы многоуровневого сотрудничества, в которых участвуют представители государств, бизнеса, гражданского общества и исследовательского сообщества. Прежде всего, это созданный в 2006 г. Форум по вопросам управления Интернетом. Однако подобные модели международного сотрудничества не вполне соответствуют сохраняющимся этатистским характеристикам современной международной системы, в результате чего они претерпевают корректировку. Так, в сфере информационной безопасности негосударственные акторы обладают лишь совещательными полномочиями, ключевым же форматом взаимодействия остается межправительственное сотрудничество. Как представляется, именно в этом направлении будет развиваться и глобальный режим управления Интернетом.

Ключевые слова: Международное сотрудничество, теория международных отношений, научно-технологическое развитие, международная информационная безопасность, управление Интернетом

Актуальные тенденции развития науки и технологий

Современный этап развития международной системы характеризуется возрастающим темпом технологического развития, который сопряжён с усиливающимся влиянием науки и технологий на природу международных взаимодействий. Сегодня внешнеполитические возможности и потенциал влияния государства на международной арене в значительной мере определяются уровнем развития технологий, науки и образования. Научно-технологический процесс способствует глобализации и усилению взаимозависимости, ускоряет формирование полицентричного мира, так как технологии по своей сути транснациональны и быстро распространяются среди государств. Однако, трансграничный трансфер технологий не только способствует становлению полицентричности, но и усиливает характерную для международной системы поляризацию и конфликтность. Сохраняющаяся асимметрия доступа к научным достижениям способствует закреплению неравенства в мире, порождает соперничество за обладание передовыми технологиями, обостряет существующие международные противоречия. Примером может послужить т.н. «цифровой разрыв» – неравномерное развитие информационных технологий между странами, регионами, внутри государств.

Особенностью современного этапа научно-технологического развития является также расширение субъектной сферы международного взаимодействия. Государства вынуждены считаться с новыми участниками международного взаимодействия, в частности, с бизнес-структурами. Бизнес становится активным игроком в тех областях, которые ранее считались прерогативой государств – в

частности, в конце XX – начале XXI в. наметилась коммерциализация космоса, до этого доступного лишь государствам в силу сложности и ресурсоёмкости этой отрасли. Именно в результате деятельности крупного бизнеса происходит транснациональное распространение высоких технологий. Ведущие транснациональные корпорации, базирующиеся в государствах-членах ОЭСР, финансируют развитие технологий в подразделениях, размещенных в развивающихся государствах, и более того, способствуют внедрению технологических инноваций. Научные сообщества, университеты и научно-исследовательские центры, внутригосударственные регионы, организации гражданского общества также выступают в роли акторов в международных научно-технологических отношениях.

В результате развития науки и технологий помимо преимуществ появляются и новые угрозы безопасности на всех уровнях – от локального до глобального. Несмотря на то, что подобные угрозы безопасности не всегда исходят от государств, обеспечение международной безопасности остаётся, прежде всего, государственной прерогативой, а поскольку большинство современных угроз носят глобальный характер, бороться с ними невозможно без принятия согласованных мер. В этой связи расширяется практика международного сотрудничества, направленного на обеспечение международной стабильности и противодействие новым вызовам, возникающим по мере технологического развития. Причём форматы взаимодействия и состав участников не ограничен правительствами, хотя они и играют координирующую роль.

Исследователи предлагают различные подходы к оценке современного этапа научно-технологического развития, однако большинство из них согласны с тем, что ИКТ играют ключевую роль в этом процессе, в том числе и в сфере международной политики. Примечательно, что исследованием мирополитического измерения научно-технологического развития занимаются многие экономисты, чьи работы впоследствии оказывают влияние и на международные исследования. Так, академик РАН С.Ю. Глазьев полагает, что на современном этапе общество находится в рамках пятого технологического уклада, в рамках которого широкое распространение получили пользовательские компьютеры, а также мобильные телефоны, что сделало возможным получать доступ в Интернет, и использовать связанные с этим пользовательские сервисы и технологические возможности [3]. Западные учёные используют термин NBIC для описания современного технологического уклада, что подразумевает конвергенцию четырёх типов технологий: нано-, био-, инфо- и когно-технологий [17]. В последнее время вместо термина используется NBICS (нано-, био-, инфо-, когно- и социальные технологии), что отражает растущую значимость социальных технологий. Популярность приобретает концептуализация современного этапа технологического развития в терминах «промышленной революции 4.0» (Industry 4.0). Автором концепции является К. Шваб, президент Всемирного экономического форума, который полагает, что повсеместное распространение устройств, подключенных к Интернету, влечёт за собой трансформацию промышленного производства, основанную на ин-

теграции виртуальных и реальных производительных сил, что в свою очередь коренным образом изменяет все сферы жизни общества и государства (как это произошло, в своё время, в ходе других промышленных революций после появления парового двигателя, конвейера и массового производства, компьютеров и ЭВМ) [8]. В рамках «четвёртой промышленной революции» происходит гибкое взаимодействие виртуальных и физических систем на глобальном уровне, синтез новых технологий и их взаимодействие в физической, виртуальной и биологической сферах. В качестве примера достижений «четвёртой промышленной революции» можно привести создание виртуальных помощников – таких, как «Алиса» от компании Яндекс или Siri от компании Apple; цифровых платформ, интегрирующих возможности виртуального и реального миров, как например, Uber или «Яндекс Такси»; появление «умных заводов», опирающихся на возможности «Интернета вещей», что позволяет существенно сократить количество рабочих. В целом технологические трансформации, лежащие в основе «четвёртой промышленной революции» оказывают синергетический эффект на современное общество, трансформируя сложившиеся связи и отношения, в сфере экономики, политики, общественной жизни, в том числе на международном уровне.

В результате научно-технологического развития система международных отношений усложняется, увеличивается количество связей между элементами, возрастает скорость трансформаций. Все это находит своё отражение в теории международных отношений, формируются направления мирополитической концептуализации научно-технологического развития.

Теория международных отношений о роли науки и технологий в мировой политике

Теория международных отношений уделяет относительно мало внимания изучению специфики взаимного влияния мировой политики и технологий в отличие от ряда других гуманитарных дисциплин, в частности философии, где сформировалось отдельное направление, посвящённое анализу роли науки и технологий в соответствующей предметной области – а именно, философия технологий. В западной научной литературе помимо философии технологий (которая в большей степени характерна для российских исследований) сложилось самостоятельное направление «исследования науки и технологий» (science and technology studies), однако оно также существует как самостоятельное направление и мало пересекается с исследованиями в области теории международных отношений.

Значительная часть исследований в области мировой политики лишь косвенно затрагивает вопросы технологического развития (так, например, К. Уолц полагал, что появление ядерного оружия стало одной из основных причин формирования стабильной биполярной системы международных отношений [16]). Большинство международных исследований находится под влиянием пара-

дигмы технологического детерминизма. В качестве примера можно привести работы следующих авторов, исследующих процессы информатизации и влияния информационной революции на общественное развитие, в том числе на мировую политику: Д. Белла [2], А. Тоффлера [15], а также российских авторов, Д.Г. Балуева [1], Ю.Б. Кашлева [4], Д.Н. Пескова [7] и др. Они анализируют информационную революцию как движущую силу общественных трансформаций, перехода от индустриального общества к постиндустриальному, как ключевой драйвер процессов глобализации, трансформации государственного суверенитета, выхода новых акторов на международную арену. В рамках технологического детерминизма технологии рассматриваются как независимый, фактически автономный агент общественных изменений.

Примером детерминистского подхода к оценке роли науки и технологий в мировой политике является классификация основных направлений их влияния на мировую политику, предложенная «американским исследователем, профессором Массачусетского технологического института Е. Скольниковым [13]:

- изменение баланса сил, международного порядка, его структуры, принципов организации, взаимоотношений между субъектами международной политики;
- трансформация процессов, протекающих в международной системе, а именно: дипломатии и переговоров, войны и конфликтов, международной торговли и иных экономических взаимоотношений;
- появление новых возможностей и ограничений во внешней политике государств, не только политических, но и социальных, позволяющих обойти физические, природные барьеры;
- создание новых образов, на основании которых мы воспринимаем международную действительность, теоретических концепций мировой политики и информационных ресурсов для принятия внешнеполитических решений» [5, с. 20].

Критики технологического детерминизма (они преимущественно работают в рамках «исследований науки и технологий») ставят под вопрос возможность рассмотрения технологий в качестве автономного агента изменений, не зависящего от своего социального контекста. Технологическое развитие рассматривается ими как продукт человеческой деятельности, вписанный в сложный социальный, экономический, политический и культурный контекст [14]. Французский философ Ж.Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна: доклад о знании» отмечает, что вера в научно-технологический прогресс, характерная для технологического детерминизма, была одним из метанарративов, характерных для эпохи модерна. На современном этапе, в условиях информационной революции и сопутствующего ей усложнения общества, она более не является адекватным инструментом анализа действительности [6].

Конструктивистский подход к изучению технологий позволяет увидеть конститутивную связь между социальными структурами и включёнными в них технологиями. Наличие такой связи означает, что технологии формируют социаль-

ные отношения (в том числе и политические) в той же мере, в какой социальные отношения определяют технологии. В этой связи оправданным становится не только изучение влияния технологического развития на мировую политику, но и влияние политической сферы на научно-технологический прогресс.

Как отмечает Д. Херрера, любая технология тесно связана с политикой, так как, во-первых, определение ключевых характеристик технологий является предметом политических противоречий, а во-вторых, любая технология предполагает формирование практических знаний, воплощённых в материальных результатах её использования, а также институтах, необходимых для управления её развитием и использованием [12]. П. Хаас, показывая в своих исследованиях, что эпистемические сообщества, участвующие в разработке технологий и последующей координации их использования, на начальном этапе развития некоторой технологии существенно влияют на её свойства и на общественные отношения, в том числе мировую политику, в которую эта технология встраивается. На более поздних этапах развития технологии сама она становится объектом влияния со стороны международных отношений и мировой политики [11].

В настоящее время в научных работах преобладает конструктивистский подход к оценке влияния новых технологий на политику; большинство работ, посвящённых взаимному влиянию научно-технологического развития и мировой политики написаны именно в этом ключе. При этом проблематика международного сотрудничества в рамках данной парадигмы остаётся относительно малоизученной, как в российской, так и в зарубежной научной литературе. Вместе с тем конструктивистская парадигма позволяет выявить некоторые тенденции, которые характерны для международного взаимодействия и кооперации в данной области.

Международное сотрудничество в сфере управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности: новая модель взаимодействия в сфере науки и технологий

Для понимания специфики международного научно-технологического сотрудничества в качестве кейса будет рассмотрено международное сотрудничество в сфере обеспечения информационной безопасности и управления Интернетом. Выбор кейса обусловлен, с одной стороны, тем что информационно-коммуникационные технологии являются наиболее значимым и политически оспариваемым пунктом в международной повестке дня, в том числе в контексте своего развития и использования. Именно они формируют ключевую инфраструктуру современного глобального информационного общества. С другой стороны развитие информационных технологий является наиболее изученной областью международного взаимодействия. Таким образом, с точки зрения различных стратегий отбора кейсов [10], данный кейс является отклоняющимся. Проверка потенциала конструктивизма при анализе международного сотрудни-

чества по вопросам использования и управления информационно-коммуникационными технологиями позволит оценить возможность применения данной теории к другим областям глобальной научно-технологической сферы.

Показательно, что международное сотрудничество в данной области реализуется в рамках форматов многоуровневой дипломатии, которая предполагает участие не только государств, но и негосударственных акторов – бизнеса, гражданского общества, научного сообщества.

Изначально, многоуровневое взаимодействие получило институционализацию на международном уровне в ходе формирования международного режима управления Интернетом. Показательно, что в соответствии с определением, представленным в итоговом отчете Рабочей группы по вопросам управления Интернетом ООН «управление Интернетом представляет собой разработку и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и применение Интернета»¹. Таким образом, многоуровневый формат управления нашел свое закрепление в рамках ООН. Однако, его институционализации предшествовали длительное политическое соперничество альтернативных позиций, главной из которых остаётся доминирующая позиция США в глобальном режиме управления Интернетом.

США, финансируя работы по созданию этой сети, участвовали и в определении характеристик её управляющих структур. Интернет был создан в рамках Агентства перспективных разработок (Advanced Research Project Agency, ARPA) Министерства обороны США. Изначально управление технической инфраструктурой, обеспечивающей связную работу сети, выполнялось отдельными исследователями и исследовательскими структурами, работающими по контракту с Министерством обороны. С конца 1980-х гг. по мере роста количества пользователей и коммерческого потенциала новой технологии, государства, как развитые, так и развивающиеся, стали стремиться усилить своё влияние в регулировании данной технологии, в том числе принимая внешнеполитические усилия, направленные на интернационализацию управления Интернетом.

В целях сохранения контроля над ключевыми элементами инфраструктуры Интернета и недопущения их интернационализации, правительство США приняло решение передать функции управления системой доменных имен (Domain Name System, DNS – ключевая техническая система, обеспечивающая связную работу сети в глобальном масштабе)² некоммерческой организации ICANN. В ноябре 1998 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между ICANN и Министерством торговли США, который стал правовой основой существования

¹ Доклад рабочей группы по управлению Интернетом. Шато де Босси, 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wgig.org/docs/WGIGReport-Russian.pdf> (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

² DNS (англ. Domain Name System — система доменных имён) — распределённая система (распределённая база данных), способная по запросу, содержащему доменное имя хоста (компьютера или другого сетевого устройства), сообщить IP-адрес или (в зависимости от запроса) другую информацию.

новой структуры. ICANN была создана как неправительственная организация, зарегистрированная в США, и её работа регулируется соответствующими нормами законодательства США³.

В её функции входит решение следующих задач:

- координация работ по выработке технических параметров Интернет-протоколов;
- выполнение административных функций по управлению базами данных корневого сервера системы доменных имен (в том числе создание новых доменов верхнего уровня);
- распределение блоков IP-адресов.

Соглашение между ICANN и Министерством торговли США в последний раз было продлено 30 сентября 2016 г., оно даёт этому государственному ведомству полномочия по контролю над деятельностью ICANN. В 2016 г. под давлением международного сообщества была предпринята очередная попытка реформы ICANN. Функции управления адресным пространством сети были переданы дочерней организации ICANN Public Technical Identifiers (PTI). Данная организация формально независима от Министерства торговли США (то есть для внесения изменений и в базу данных корневого зоны, и в целом для выполнения своих административных функций ей не требуется формального одобрения со стороны Министерства торговли США), но при этом она зарегистрирована в США и не имеет права выводить критические инфраструктуры адресного пространства Интернета за пределы штата [13]. Большая часть Совета директоров организации была назначена представителями ICANN, все они – граждане развитых государств. Решения в рамках PTI принимаются на основании многоуровневой модели, в которой право голоса имеют государства, организации гражданского общества, бизнес, эксперты. PTI по отношению к ICANN выполняет функции субподрядчика; работа PTI будет прекращена в том случае, если Министерство торговли США расторгнет контактные отношения с ICANN [13]. Таким образом, вышеназванная реформа не решает проблем с легитимностью существующей модели управления Интернетом, оставляя правительству США весьма существенные рычаги влияния.

На современном этапе государствам и иным субъектам мировой политики приходится встраиваться в существующую систему управления Интернетом, вследствие чего широкое распространение получает многоуровневая дипломатия, формируются так называемые «гибридные» организации и складываются новые модели сотрудничества при участии государств и негосударственных акторов мировой политики. В 2006 г. под эгидой Генерального секретаря ООН был создан Форум по вопросам управления Интернетом, функционирующий как многоуровневая переговорная площадка, в рамках которой на равных принима-

³ Ответственность и прозрачность ICANN: структура и принципы // Принципы управления ICANN. Октябрь 2007 [Электронный ресурс]. URL:<http://www.icann.org/en/transparency/acct-trans-frameworks-principles-russian-17oct07.pdf> (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

ют участие государства, бизнес, НПО и представители академического сообщества. Хотя многие исследователи склонны видеть в создании подобного рода переговорных площадок инструмент доминирования в международных процессах развитых стран, широкое распространение многоуровневых моделей глобального управления представляет собой одну из современных тенденций мировой политики.

В научном и политическом дискурсе стран Запада, мультистейкхолдеризм или многоуровневое управление, структурно и институционально воплощённое в работе ICANN и РТИ, поддерживается в качестве неотъемлемой нормы, ценностной основы управления Интернетом [14]. Вместе с тем, как показывает конструктивистский анализ, подобный дискурс может быть рассмотрен в качестве инструмента нейтрализации критики в отношении сложившихся моделей управления Интернетом. Инклюзивность и многоуровневость управления преподносятся как наиболее эффективный способ регулирования глобальной электронной сетью. Однако нельзя упускать из внимания тот факт, что такая модель управления полностью соответствует национальным интересам США. Поэтому сложившийся режим управления Интернетом непропорционально усиливает политические позиции Вашингтона в данной области и таким образом не является политически нейтральным. Мультистейкхолдеризм в большей степени служит задаче усиления сложившихся на сегодняшний день властных отношений в глобальном информационном пространстве, а не росту влияния негосударственных акторов мировой политики в сфере управления Интернетом.

К такому выводу приходят и западные исследователи. Так, директор исследовательского института по науке в области кибербезопасности при Университетском колледже Лондона М. Карр прямо указывает на наличие политической борьбы между государствами за доминирующую модель управления Интернетом. Победа мультистейкхолдеризма объясняется, прежде всего, политическим весом США и ЕС, а не её «естественной безальтернативностью». Кроме того, эта модель может быть подвергнута критике с точки зрения принципов демократической подотчётности. Они просто не могут быть реализованы в многоуровневом, инклюзивном формате управления. Однако, ведущие западные государства (основные поборники демократических ценностей) стараются не только защитить мультистейкхолдеризм в сфере управления Интернетом, но и распространить эту модель на регулирование других сфер глобального управления [9].

Позиция России по вопросам международного управления Интернетом основана на необходимости обеспечить равный учёт интересов всех государств, заинтересованных в стабильности и безопасности ресурса, зависимость от которого возрастает. Россия выступает за усиление роли государств в управлении Интернетом и интернационализацию данного процесса, передачу контрольных функций специализированной межправительственной организации.

Вместе с тем показательно, что многоуровневое взаимодействие получает распространение и широкую правительственную поддержку и в ходе между-

народного взаимодействия по обеспечению международной информационной безопасности. 5 декабря 2018 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята российская резолюция по международной информационной безопасности «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»⁴. В соответствии с документом в ООН впервые создаётся рабочая группа по МИБ открытого состава (РГОС) по международной информационной безопасности. В резолюции предусмотрен механизм консультаций РГОС с негосударственными игроками – бизнесом, неправительственными организациями и научным сообществом, что даёт возможность подключить их к дискуссии по принципиально важным аспектам использования ИКТ.

Таким образом, в международной безопасности, традиционно наиболее чувствительной сфере международных отношений, где традиционно доминируют национальные государства, наметилась тенденция к принятию многоуровневых форматов взаимодействия.

Данная тенденция прослеживается не только в рамках ООН, но и на примере других международных организаций, в том числе, в ходе работы ОДКБ в сфере обеспечения информационной безопасности. Так Консультационный координационный центр ОДКБ по вопросам реагирования на компьютерные инциденты в своей работе опирается на разработки национальных компаний в области защиты информации⁵ [10].

Вместе с тем в рамках международного сотрудничества в сфере международной информационной безопасности именно государства обладают ведущей, координирующей ролью в рамках многоуровневых моделей управления, в то время как негосударственным акторам отводятся консультативные функции. Таким образом, государства стараются переформатировать многоуровневую модель управления с учётом своих интересов.

Эволюция режима управления Интернетом показывает, что технологии не являются политически нейтральными, а характеристики технологий являются предметом политической борьбы, в том числе на международном уровне. Характеристики сети и системы управления Интернетом и глобальным информационным обществом на начальном этапе развития сети отражали природу мировой политики того периода: ведущие позиции США в области высоких технологий, в особенности информационно-коммуникационных. При этом США проводили политическую линию на поддержку коммерческих инициатив в информационной сфере. В этих условиях сформировалась сначала государственно-частная модель управления Интернетом в рамках ICANN и впоследствии РТИ. По мере усиления полицентричности в рамках международной системы в целом и гло-

⁴ О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по международной информационной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3437775 (Дата обращения 08.12.2018 г.)

⁵ Паданов Е. Журнал «Международная жизнь» - Вызовы информационной безопасности и опыт ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=12965&SECTION_ID=92 (Дата обращения 10.12.2018 г.)

бального информационного общества, в частности, многоуровневое взаимодействие было институционализировано в рамках Форума по вопросам управления Интернетом ООН. Однако перспективы интернационализации управления Интернетом – передачи функций IANA к межправительственной организации – до сих пор остаются предметом политических противоречий.

Со временем многоуровневая модель международного сотрудничества стала применяться в управлении другими аспектами информационного общества, в том числе в обеспечении международной информационной безопасности.

При этом, многоуровневые форматы также трансформируются, учитывая изменяющиеся характеристики политики. Государства стараются сохранить за собой основную координирующую роль, передавая негосударственным акторам только консультативные полномочия.

Таким образом, социальный конструктивизм хорошо объясняет процессы, происходящие в сфере информационных технологий, в том числе и отклоняющийся кейс – международную информационную безопасность, которая традиционно рассматривается как уникальный случай международного взаимодействия и сотрудничества.

Список литературы:

1. Балуев Д.Г. Информационная революция и современные международные отношения. Нижний Новгород, 2001. 108 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования: пер. с англ. М.: Academia, 1999. 788 с.
3. Глазьев С.Ю. Уроки современной революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: «Экономическая газета», 2011. 330 с.
4. Кашлев Ю.Б. Информационный взрыв: международный аспект. М.: Международные отношения, 1988. 208 с.
5. Крутских А.В., Зиновьева Е.С. Информатизация и макротехнологии. Новое лицо мировой политики. // Международные процессы. 2014. Т. 12, № 1-2. С. 20-32.
6. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. Пер. с фр. М.: «Институт экспериментальной социологии», СПб: «АЛЕТЕЙЯ», 1998. 168 с.
7. Песков Д.Н. Интернет в мировой политике: формы и вызовы // Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов; МГИМО(У) МИД России. М.: Просвещение, 2004. С. 155-172.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2017. 208 с.
9. Carr M. Power Plays in Global Internet Governance // Millennium-Journal of International Studies. 2015. Vol. 43. №. 2. Pp. 640-659.
10. Gerring J. What is a case study and what is it good for? // American political science review. 2004. Vol. 98. №. 2. Pp. 341-354.
11. Haas P. Epistemic Communities and International-Policy Coordination – Introduction // International Organization. 1992. №. 46 (1). Pp. 1-35.
12. Herrera G. L. Technology and international systems // Millennium-Journal of International Studies. 2003. №. 3. Pp. 559.
13. Skolnikoff E. B. The elusive transformation: science, technology, and the evolution of international politics. Princeton University Press, 1994. 336 p.
14. Smith M., Marx L. Does technology drive history. The dilemma of technological determinism. MIT Press, 1994. 298 p.
15. Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence in the 21st Century. N.Y.: Bantam Books, 1990. 640 p.
16. Waltz K. N. Theory of international politics. Waveland Press, 2010. 251 p.
17. Wolbring G. Why NBIC? Why human performance enhancement? // Innovation: The European journal of social science research. 2008. №. 1. Pp. 25-40.

Об авторе:

Елена Сергеевна Зиновьева – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. Email: zinovjeva@mail.ru.

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта (уникальный идентификационный номер RFMEFI57217X0005) при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Российской Федерации.

CONCEPTUALIZATION OF THE INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

E.S. Zinovieva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-242-254

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: The development of science and technology, in particular information and communication technologies, has a significant impact on world political processes. It strengthens globalization and interdependence, expands the number of actors in world politics by strengthening the capabilities of non-state actors, it transforms national sovereignty, and also leads to the emergence of new, high-tech challenges and threats to international and national security. Due to their transnational nature overcoming these challenges and threats implies cooperation between different types of actors in world politics. Multiplicity of actors, as well as the complexity, variability and pervasive nature of the subject of cooperation (technology), make traditional rationalist schools of thought not quite suitable for studying this sphere of world politics.

On the basis of a critical review of the prevailing approaches to the study of science and technology in international relations, the author argues that the most promising theoretical school of thought in this field is social constructivism. It shows that technology is embedded in social relations, there is a constitutive relationship between technology and social structures. Therefore, the characteristics and implementation of technology can become the subject of political competition, including the international level. The spread of technology leads to the globalization of social structures and relations that are tied to them, which initially had a local origin. Naturally, this process is accompanied by political rivalry, generating resistance from agents of alternative social structures.

As a case study to evaluate the analytical potential of this approach, the article deals with the issues of Internet governance and international information security. It is shown that since the creation of the Internet, its characteristics and governance were largely determined by the national interests of the United States, resulting in a public-private governance model in the form of ICANN. Due to the proliferation of the Internet, its technological features and characteristics of the established governance model influence policies and practices of international relations in the field of information and communication technologies. Multi-level cooperation formats have spread within the UN, bringing together representatives of states, business, civil society and the research community. First of all, it is the Internet Governance Forum created in 2006. However, such models of international cooperation do not fully correspond to the remaining

statist characteristics of the modern international system, as a result they undergo adjustment. Thus, in the field of information security, non-state actors have only consulting powers, while the key format of interaction remains intergovernmental cooperation. It seems that the global regime of Internet governance is developing in this direction.

Key words: international cooperation, international relations theory, science and technology, international information security, internet governance

References

1. Baluyev D.G. *Informatsionnaya revolyutsiya i sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* [Information revolution and modern international relations]. Nizhniy Novgorod, 2001. 108 p. (In Russian).
2. Bell D. Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society: the experience of social forecasting]. Moscow: Academia, 1999. 788 p. (In Russian).
3. Glaz'yev S.Yu. *Uroki sovremennoy revolyutsii: krakh liberal'noy utopii i shans na «ekonomicheskoye chudo»* [The lessons of the modern revolution: the collapse of liberal utopia and the chance for an "economic miracle"]. Moscow: «Economicheskaya gazeta», 2011. 330 p. (In Russian).
4. Kashlev Yu.B. *Informatsionnyy vzryv: mezhdunarodnyy aspekt* [Information explosion: an international aspect]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1988. 208 p. (In Russian).
5. Krutskikh A.V., Zinov'yeva Ye.S. Informatizatsiya i makrotekhnologii. Novoye litso mirovoy politiki [Informatization and macrotechnology. The new face of world politics.]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. 2014, vol. 12, no. 1-2, pp. 20-32. (In Russian).
6. Liotar ZH.F. Sostoyaniye postmoderna [The state of the postmodern]. Moscow: «Institut eksperimental'noy sotsiologii», 1998. 168 p. (In Russian).
7. Peskov D.N. *Internet v mirovoy politike: formy i vyzovy* [Internet in world politics: forms and challenges] in *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Modern international relations and world politics] Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: Prosveshcheniye, 2004. Pp. 155-172 (In Russian).
8. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: EKSMO, 2017. 208 p. (In Russian).
9. Carr M. Power Plays in Global Internet Governance. *Millennium-Journal of International Studies*. 2015, vol. 43, no. 2, pp. 640-659.
10. Gerring J. What is a case study and what is it good for? *American political science review*. 2004, vol. 98, no. 2, pp. 341-354.
11. Haas P. Epistemic Communities and International-Policy Coordination – Introduction. *International Organization*. 1992, no. 46 (1), pp. 1-35.
12. Herrera G. L. Technology and international systems. *Millennium-Journal of International Studies*. 2003, no. 3, pp. 559.
13. Skolnikoff E. B. *The elusive transformation: science, technology, and the evolution of international politics*. Princeton University Press, 1994. 336 p.
14. Smith M., Marx L. *Does technology drive history. The dilemma of technological determinism*. MIT Press, 1994. 298 p.
15. Toffler A. *Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence in the 21st Century*. N.Y.: Bantam Books, 1990. 640 r.
16. Waltz K. N. *Theory of international politics*. Waveland Press, 2010. 251 p.
17. Wolbring G. Why NBIC? Why human performance enhancement? Innovation: *The European journal of social science research*. 2008, no. 1, pp. 25-40.

About the author:

Elena S. Zinovieva – PhD in Political Science, associate professor at the Department of World Politics, MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: elena.zinovieva@gmail.com.

РАЗВИТИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

И.В. Данилин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается трансформация научно-технологической и инновационной политики с учётом акцентов на развитии перспективных технологий. Непосредственной причиной роста актуальности технологической тематики стали кризис и рецессия, однако реальные истоки лежат в долгосрочных социально-экономических проблемах, которые, в свою очередь, формируют требования к политике по развитию перспективных технологий. Другая группа требований связана с изменением инновационных процессов, включая формирование распределённых инновационных экосистем, рост значения диффузии и адаптации новых технологий. Новые задачи потребовали трансформации политики. Основной площадкой экспериментов выступают крупные технологические программы, такие как Индустрия 4.0 в Германии. Можно выделить несколько направлений изменений. Прежде всего, это создание институтов, обеспечивающих помимо исследований и разработок коммуникацию субъектов, формирование экосистем и кластеров в сфере новых технологий. Далее, это акцент на диффузию технологий через специализированные платформы, экосистемы и сопутствующие институты. Данные изменения сталкиваются с серьёзными вызовами. Традиционные инструменты поддержки слабо соотносятся с потребностями новых субъектов и процессов, что нередко ведёт к неэффективности мероприятий. Вызовом является учёт последствий глобализации, в частности, взаимопроникновения инновационных систем. С учётом масштаба ожидающихся изменений, необходим как рост координации государственных усилий, так и повышение связанности и конвергенция научно-технологической и инновационной политики со смежными направлениями, включая социальную политику. Последняя приобретает особую роль в силу значения человеческого капитала, социальных и ценностных соображений для развития и диффузии новых технологий – от системы переподготовки кадров до адаптации старших поколений к новым реалиям. Эти перемены, с свою очередь, потребуют изменений в подходах к политическому процессу в сфере научно-технологического развития, включая совершенствование практик управления на основе ожиданий и поиск принципиально новых решений.

Ключевые слова: перспективные технологии; экосистемы; научно-технологическая политика; инновационные системы; большие вызовы.

УДК 327.7

Поступила в редакцию 14.10.2018 г.

Принята к публикации 01.12.2018 г.

В конце 2000-х – 2010-х гг. в центре внимания государств, экономических субъектов, научного и аналитического сообщества и широких кругов общественности оказался целый ряд «прорывных» (disruptive) или перспективных¹ (emerging) технологий, претендующих на статус нового поколения технологий широкого применения (ТШП) [14]. К ним относятся новые информационные – цифровые (искусственный интеллект, интернет вещей – IoT, облачные вычисления и пр.) и передовые производственные (3D-печать, робототехника и пр.) технологии, зелёная энергетика и электро-транспорт, финансовые технологии (т.н. финтех – в том числе на основе блокчейн) и иные².

На новых технологических направлениях растут расходы на исследования и разработки (ИР), венчурные инвестиции, патентование и публикационная активность, реализуются масштабные опытно-демонстрационные проекты, а по отдельным направлениям – таким, как солнечная энергетика или финтех – идёт активное масштабирование конечных решений.

Одновременно происходят характерные изменения государственной научно-технологической и инновационной политики большинства крупных экономик, включая государства БРИКС – что стало особенно заметно после мирового финансово-экономического кризиса. За немногими исключениями технологическая повестка заняла одно из центральных мест в антикризисных программах стран Запада [3]. А в 2010-2015 гг. все крупнейшие экономики мира инициировали флагманские технологические программы.

Интенсивные дискуссии сформировали неформальный консенсус относительно характера влияния новых технологий на мировую экономику. Едва ли не общепризнанным является ожидание радикальной трансформации – новой технологической «революции», сопоставимой с интернет-революцией 1990-х гг. или даже превосходящей её по масштабу изменений (концепции т.н. «сингулярности»). Апологеты этих идей обещают преобразования на уровне национальных экономик, отдельных отраслей и рынков, глобальных стоимостных цепочек (ГЦЦ)³. В реальности, конечно, в силу масштабов и известной инерции экономических процессов изменения будут локализованы на отдельных рынках,

¹ В российской практике часто переводятся как «возникающие» или «зарождающиеся» технологии (см., например: MiSET2014: Как возникают технологии? Форсайт-центр НИУ ВШЭ. 04.08.2018.URL: <https://foresight.hse.ru/news/130150029.html> (Дата обращения: 10.08.2018). Однако поскольку в английском значении акцент делается на высокой скорости развития того или иного технологического домена и перспективах его влияния на отрасль/рынок возникновения и смежные направления [23], на наш взгляд, определение «перспективные» в данном случае более релевантно. Хотя, строго говоря, феномены и сами термины «прорывные» и «перспективные» технологии не идентичны, в данной статье они будут употребляться как синонимы.

² Новые финансовые технологии // Глобальные технологические тренды. Информационный бюллетень. Тренд-леттер №11. 2016. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ «ВШЭ». [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/trendletter/news/197551098.html> (дата обращения: 24.11.2018); OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. Paris: OECD Publishing, 2016. Pp.77-126. DOI: 10.1787/sti_in_outlook-2016-en; The Next Production Revolution: Implications for Governments and Business. Paris: OECD Publishing, 2017. Pp.73-242. DOI: 10.1787/9789264271036-en.

³ См., например: Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.

в отдельных глобальных стоимостных цепочках и подотраслях. Но в целом они действительно будут значительными.

Новое поколение прорывных и перспективных технологий формирует серьёзные вызовы для государственной научно-технологической политики и в целом системы государственного управления. В зарубежной и отечественной литературе интерес к данной проблематике растёт. При сохранении внимания к форсайту как важному инструменту управления на основе ожиданий [5; 11], всё больший интерес вызывает проблематика «государства развития» и его импликаций для инновационно-технологических процессов [16] – как из-за осмысления причин и последствий мирового кризиса, так и вследствие успехов Китая. Расширяется изучение отдельных передовых практик и подходов к научно-технологическому и инновационному развитию – в том числе в контексте появления нового поколения технологий, роста сложности инновационных процессов и формирования экосистем и т.д. [6; 7; 9; 10].

И всё же, как представляется, данная проблема требует более системного подхода, фиксирующего основные проблемы и задачи и при этом учитывающего более широкий контекст развития прорывных и перспективных технологий. Данной задаче и посвящена эта статья.

В теоретико-методологическом отношении исследование базируется на сочетании подходов, определённых в концепциях технологий широкого применения, подрывных и открытых инноваций и инновационных экосистем, «тройной» и «четверной» спиралей, а также на основе теоретических построений, определённых теорией национальных инновационных систем.

Спрос на «революцию»: социально-экономические факторы и импликации для политики

Поскольку наиболее масштабные и известные программы поддержки прорывных и перспективных технологий берут своё начало в 2009-2012 гг., неформальной точкой отсчёта можно было бы считать мировой кризис. Кризис, а также посткризисный период с его аномально слабой восстановительной динамикой стран Еврозоны, Японии, да и США, вкупе с долгосрочными тенденциями снижения темпов роста ВВП КНР (переход к т.н. «новой норме» экономического роста), действительно остро поставили вопросы конкурентоспособности и инновационного развития. Важным показателем в данном отношении можно считать активизацию дискуссий о «вековой стагнации», исчерпаниии существующей научно-технологической базы роста экономики – включая дискуссии о новых технологических «укладах» [1; 4]. Да и быстрое распространение в общественно-политическом лексиконе «техно-революционных» нарративов после 2008-2009 гг. (от Четвёртой промышленной революции до «сингулярности»), косвенно указывает именно на кризис и связанные с ним процессы как на основной источник внимания к «прорывным» и перспективным технологиям.

Между тем, и кризис, и связанные с ним дискуссии стали, скорее, лакмусом более долгосрочных проблем мировой экономики.

Так, за последние три десятилетия значимым стало замедление темпов прироста производительности труда в развитых экономиках – на фоне компьютерной и интернет-революции и иных технологических и инновационных прорывов.

Отдельным вопросом являются последствия глобализации.

С одной стороны, произошла относительная деиндустриализация развитых стран в пользу КНР и иных развивающихся экономик. Что, в свою очередь, остро поставило вопрос о будущих источниках экономического и инновационного развития, т.к. промышленность остаётся неоспоримым лидером по расходам на ИР и патентованию и выполняет важные, системообразующие функции в национальных инновационных системах (НИС) [7].

С другой стороны, развивающиеся государства столкнулись с серьёзными сложностями перехода к интенсивному инновационному развитию. Несмотря на изменения последних десятилетий, сравнительно небольшая группа стран Запада до сих пор аккумулирует основные научно-технологические и инновационные ресурсы – в т.ч. нематериальные активы, кадры, финансы и пр., контролируя ключевые этапы создания стоимости. В последнем отношении полезно напомнить, например, о высокой концентрации усилий и затрат по формированию тех же прорывных и перспективных технологий. Например, 88% изобретений в сфере искусственного интеллекта приходится на транснациональные корпорации (ТНК), зарегистрированные в США, Японии, КНР, Р.Корее и на Тайване⁴. В этих условиях для развивающихся стран формирование мощной современной НИС и переход к собственным глобально конкурентоспособным инновациям становится всё более сложной задачей. Причём формирование цифровой экономики, видимо, лишь обострит данную проблему⁵.

Наконец, существенный блок проблем, оказывающих прямое влияние на спрос на прорывные и перспективные технологии, связан с т.н. «большими вызовами»⁶, от экологии и до роста затрат на здравоохранение и старения населения (в том числе в КНР). Преодолеть их за счёт существующих подходов невозможно по чисто ресурсным причинам. А различные организационные и регуляторные решения – например, глобальные режимы для экологии или реформы пенсионной системы и системы здравоохранения – показали себя как не очень эффективные меры в силу объективной сложности проблем и множества взаимопровергающих интересов.

Наконец, для всех крупнейших ключевых экономик существенным фактором остаются ресурсные ограничения. Для стран Запада основной причиной яв-

⁴ См. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017 Paris: OECD Publishing, 2017. DOI:10.1787/9789264268821-en. P.20-22, 33

⁵ См.: Trade and Development Report 2018. Power, Platforms and Free Trade Delusion. UNCTAD. New York and Geneva: United Nations, 2018. Pp.70-80

⁶ См., например: OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. Pp.21-76

ляются бюджетные дефициты при исторически невысоких темпах роста ВВП. Китай в настоящий момент не сталкивается с подобной проблемой, но нарастающие социально-демографические, экологические и иные проблемы на фоне снижения темпов роста экономики и глобальной ценовой конкурентоспособности указывают, что и здесь доступность ресурсов развития снизится уже в обозримой перспективе. И это при том, что в силу более низкого качества институтов НИС от Китая, как представляется, потребуется пропорционально более высокий объём затрат для обеспечения сопоставимых результатов.

Вполне объяснимо, что обострение всех этих вызовов и дискуссий об их решении в период кризиса и рецессии привели к росту внимания к новым технологиям. Разные страны и группы субъектов полагали, что технологические прорывы могли бы помочь как минимум с поиском приемлемого решения существующих проблем, а как максимум – снять их с повестки дня. При этом нередко одни и те же технологии рассматривались как ответ на взаимоисключающие задачи. Характерный пример даёт анализ документов, связанных с передовыми производственными технологиями. Для ФРГ, США и ряда иных развитых стран они виделись, в том числе, как ответ на вызов Китая и, шире, глобальной конкурентоспособности. Для самой КНР или, например, России – очередным способом догнать и перегнать традиционных лидеров и повысить качество экономического роста в условиях сокращения возможности эксплуатации фактора отсталости и т.д.

В совокупности причины и ограничения интереса субъектов к развитию прорывных и перспективных технологий – вплоть до полуажиотажного спроса на «революционные» нарративы и решения – создают вполне предметный комплекс требований к научно-технологической и инновационной политике. Это неоднозначные макроэкономические условия, которые снижают предсказуемость и ресурсное обеспечение политики; учёт последствий глобализации (в том числе рост конкуренции за кадры и рынки, транснационализация экономических процессов и фрагментация субъектов НИС); рост акцента на кратко- и долгосрочных социально-экономических задачах; расширенное партнёрство с частным сектором в том числе для преодоления ресурсных ограничений⁷.

Специфика современных инновационных процессов

Если социально-экономические тренды предопределили сам рост акцента на новых технологиях и рамочные требования к реализации научно-технологической и инновационной политики по их развитию, то её настройка определяется в значительной мере изменением характера инновационной деятельности.

Прежде всего, мы наблюдаем рост «открытости» инновационных процессов, диверсификации числа игроков и горизонтальных взаимодействий субъектов,

⁷ Во многом подтверждается динамикой 2010-х гг.: OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. Pp.166-184

включая формирование экосистем, сетей и инновационных кластеров как едва ли не ключевой тренд организации продуктивной инновационной деятельности [8; 13; 18; 24; 26]. Феномен объясняется, в частности, растущим значением цифровых технологий – в том числе как части иных прорывных/перспективных технологий и как инструментов обеспечения инновационных процессов (платформы кооперации, обмена данными и пр.), высокой специализацией научно-технологических и инновационных функций, а также спецификой самих новых технологий, включая их комплексный, междисциплинарный характер. Свою лепту вносит и доступ малых и средних (МСП) и микро-предприятий к большим объёмам венчурного капитала и иных инвестиций, а также стратегическим фокусом крупных компаний на диалог с МСП, что стимулирует появление большого числа новых технологических игроков. Всё большую роль в инновационных процессах играют также сообщества практики, промежуточные и конечные потребители – ранние и квалифицированные пользователи [10; 22; 26]. Рискнём предположить, что в новых условиях оценка производительности инновационных систем в сфере прорывных и перспективных технологий может даже описываться в терминах закона Меткалфа (ценность сети пропорциональна квадрату числа её пользователей).

Несмотря на огромное значение ИР и сопутствующей деятельности, всё более значительная часть вызовов современного технологического и инновационного развития связана с диффузией технологий, включая формирование новых стандартов и норм, перестройки технологических и бизнес-процессов, формирования перспективных схем монетизации прорывных и передовых технологий. Более того, эта часть инновационного процесса оказывается центральной для их успеха⁸. Это тем более верно в современных условиях, с их растущей избыточностью информации и информационными асимметриями, естественными ресурсными ограничениями (в условиях глобальной конкуренции) и объективной сложностью и затратностью перестройки организационных, технологических и бизнес-процессов в рамках отдельных компаний (особенно МСП), ГСЦ и целых отраслей [17; 20; 25]⁹. Одновременно, успех этих процессов определяет и совокупность социально-экономических эффектов от новых технологий, что уже является предметом интереса государства.

Взаимосвязанной темой является акцепция рынком прорывных и перспективных технологий и, особенно, ТШП. Поскольку новые технологии нередко меняют основы сложившейся системы оценки ценности продукта и культуру потребления, этот вопрос является значимым для их развития, создавая первично серьёзные барьеры на пути распространения передовых решений.

В данном отношении в качестве своего рода кейса можно было бы привести пример автономного вождения. Несмотря на объективные изменения культуры

⁸ См.: OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. P. 56

⁹ См.: The Next Production Revolution... Pp. 244-245, 248-250, 327, etc.

использования автомобилем и позитивный фон в СМИ, рост рынка сдерживается (если не принимать во внимание отдельные категории жителей мегаполисов) культурно-социальными факторами, включая нехватку информации и доверия, отсутствие культуры использования, опасения социальных последствий (безработица и пр.). Несмотря на постепенное улучшение ситуации, проблема чётко просматривается при анализе опросов даже в таких странах, как ФРГ (где уровень доверия к автопроизводителям традиционно высок) и США (с их культом цифровых технологий)¹⁰.

В настоящий момент в той или иной мере данные факторы учитываются в государственной политике, но сказать, что она в полной мере соответствует новым реалиям инновационного и научно-технологического развития, уже нельзя. Отсюда эксперименты с глобальными режимами, государственными закупками¹¹ и иными способами преодоления барьеров на ранних этапах диффузии и масштабирования новых технологий. Однако паллиативные меры, связанные с модернизацией существующего инструментария и подходов, как представляется, исчерпали себя.

Научно-технологическая и инновационная политика: направления эволюции

Избранный фокус на развитие прорывных и перспективных технологий объективно требует интенсификации и перестройки научно-технологической и инновационной политики как наиболее развитых, так и развивающихся стран.

Сразу оговоримся, что речь идёт не о ресурсном обеспечении инновационно-технологических процессов. Анализ бюджетов ИР показывает, что хотя объём государственных расходов, вероятно, не вполне соответствуют масштабам поставленных задач, ресурсы корпоративного и венчурного секторов позволяют поддерживать адекватный уровень финансирования науки, технологий и инноваций. Причём ситуация сохранится на перспективу, т.к. рост мировой экономики требует постоянной технологической подпитки и, в свою очередь, обеспечивает возможность наращивать ИР и иные затраты/инвестиции. Так, согласно оценкам ИМЭМО РАН, на период до 2035 г. сохранится опережающая динамика роста расходов на ИР относительно роста мирового ВВП – с увеличением на-укоёмкости экономики мира и крупнейших экономик. При пересчёте на постоянные цены 2016 г., общий объём расходов на ИР в мире практически удвоится –

¹⁰ Ferris R. There is a ton of people who still don't want to ride in self-driving cars, says survey // CNBC. 24.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnn.com/2017/08/24/consumers-still-anxious-about-autonomous-cars-says-gartner.html> (дата обращения: 01.08.2018); Hutson M. People don't trust driverless cars. Researchers are trying to change that // Science. 2017. Dec. 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sciencemag.org/news/2017/12/people-don-t-trust-driverless-cars-researchers-are-trying-change> (дата обращения: 01.08.2018); Giffi C.A., Vitale J., Schiller T., Robinson R. A reality check on advanced vehicle technologies. Deloitte. 08.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/industry/automotive/advanced-vehicle-technologies-autonomous-electric-vehicles.html> (дата обращения: 01.08.2018).

¹¹ OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. Pp. 48, 51, 176, 179-180

с 1,7 трлн долл. США в 2016 г. до 3,3 трлн долл. в 2035 г.¹². Причём рост будет значим как в быстрорастущих (Китай, Индия и пр.), так и в развитых экономиках. Нет никаких сомнений и в том, что развитие прорывных и перспективных технологий получит необходимый уровень поддержки.

Таким образом, основные вызовы носят институциональный и инструментальный характер. Данная проблема, в целом, очевидна для ключевых субъектов, в наиболее развитых странах, КНР, России и иных государствах. Как следствие, наблюдается поиск новых (или обновлённых) форм и способов реализации государственной поддержки прорывных и перспективных технологий¹³ [7]. Но если совершенствование традиционных инструментов и подходов происходит на регулярной основе, то основной площадкой для экспериментов с 2010 г. выступают уже упоминавшиеся крупные «зонтичные» технологические программы, объединяющие разные группы мероприятий. Среди них хорошо известная Индустрия 4.0 в Германии, Manufacturing U.S.A. и Инициатива в сфере исследования мозга в США, программы «Сделано в Китае 2025» и «Интернет+» (КНР) и «Делай в Индии» (Индия), «Общество 5.0» (Япония), Национальная технологическая инициатива и Программа цифровая экономика в России и многие другие [2; 7; 15; 19]¹⁴.

С известной долей условности и с пониманием непрерывности процесса экспериментирования с инструментарием научно-технологической и инновационной политики, можно выделить несколько новых направлений государственных усилий.

Во-первых, наблюдается выраженный рост интереса к инструментам, поддерживающим новые, распределённые формы коммуникации и взаимодействия субъектов. Сюда относятся усилия, которые вслед за известным исследователем промышленной политики Д. Родриком можно назвать стратегической коллаборацией и координацией государственных и частных усилий [21, р. 27], реализация идеологии т.н. «тройной» [8] и «четверной» спиралей (взаимодействие государства, бизнеса, науки и общественных структур), поддержка экосистем и кластеров [6]. Не считая таких уже классических примеров, как, например, Технологические платформы Европейского союза, одним из трендов можно назвать формирование многофункциональных распределённых институтов, обеспечивающих реализацию и координацию проектной деятельности субъектов по перспективным научно-технологическим направлениям, доступ к уникальному

¹² Прогноз заведующего Сектором прогнозирования мировой экономики ИМЭМО РАН Г.И. Мачавариани на основании данных IMF, World Economic Outlook Database, World Bank Group, WDI database.

¹³ OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. Pp. 61-188; The Next Production Revolution... Pp. 328, 228, etc.

¹⁴ См. также: Securing the future of German manufacturing industry. Recommendations for implementing the strategic initiative Industrie 4.0. Final report of the Industrie 4.0 Working Group. Acatech. National Academy of Science and Engineering. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.acatech.de/fileadmin/user_upload/Baumstruktur_nach_Website/Acatech/root/de/Material_fuer_Sonderseiten/Industrie_4.0/Final_report__Industrie_4.0_accessible.pdf (дата обращения: 01.09.2018); The Next Production Revolution... Pp.329-335, 342-351; Fukuyama M. Society 5.0: Aiming for a New Human-Centered Society // Japan Spotlight. July / August 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.jef.or.jp/journal/pdf/220th_Special_Article_02.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

оборудованию, компетенциям и базами данных, и, одновременно, выступающих как организаторы формирования экосистем, прото-кластеров и стоимостных цепочек в сфере новых прорывных и перспективных технологий. Характерными примерами подобных структур являются институты промышленных инноваций в США, катаapult-центры в Великобритании, частично – с учётом уже сложившихся практики – институты Общества Фраунгофера в Германии и пр. [7; 9; 20; 25]¹⁵.

Заметим, что до определённой степени подобные институты способствуют также формированию системы ранних и квалифицированных пользователей. С одной стороны, они снижают информационные асимметрии субъектов за счёт интенсивных информационных, просветительских мероприятий, создания опытно-демонстрационных и пилотных площадок и проектов. С другой – формируют предметный опыт и практики использования новейших технологий через вовлечение в проектную деятельность и коммуникацию широкого круга малых, средних и крупных предприятий и университетов, льготный доступ к новому оборудованию или услугами и т.д.

Новое качество в меняющихся условиях приобретают и традиционные инструменты, такие, как кластеры [6] или центры научно-технологического превосходства (ЦП), необходимые для усиления или поддержания глобальной конкурентоспособности страны и/или региона по избранным направлениям развития. Так, статус ЦП, помимо междисциплинарного характера ИР, интенсивного межорганизационного и международного сотрудничества предполагает также решение задач коммуникации и коллаборации ключевых субъектов науки, технологий и инноваций – от формирования экспертных сетей до участия в формировании ядра будущих инновационно-технологических кластеров¹⁶.

Одним из основных изменений является постепенный переход к поддержке прорывных и перспективных технологий на всех ключевых этапах жизненного цикла.

Речь, в частности, идёт о продолжающемся смещении акцентов на усилия по обеспечению условий масштабирования и акцепции новых технологий экономикой. Первым этапом этого процесса стала политика по обеспечению трансфера технологий, активность которой нарастает с 1980-х гг. Однако всё более актуальной оказывается смежная задача, связанная с диффузией прорывных и перспективных технологий и созданию условий максимизации их социально-экономических эффектов. Данные мероприятия долгое время поддерживались слабо или вообще находились вне внимания регуляторов (де-факто рассматривались либо как искажающие правила рынка, либо как выходящие за пределы компетенций научно-технологической и инновационной политики). Сохранение подобного подхода не представляется возможным, особенно

¹⁵ The Next Production Revolution... Pp. 342, 351

¹⁶ См.: Promoting Research Excellence: New Approaches to Funding. Paris: OECD Publishing, 2014. DOI: 10.1787/9789264207462-en. 216 p.

с учётом объективных барьеров на пути развития и масштабирования новых технологий как ТШП. Как следствие, на одно из ключевых мест выходят вопросы работы с т.н. «мягкой» инфраструктурой диффузии – специализированными платформами «стратегической» коллаборации и координации, экосистемами и сопутствующими институтами, такими, как профессиональные общества и пр. Как показывает анализ профильных усилий в рамках текущих флагманских программ [2; 9; 20], а также платформ, успехи в данном процессе есть, однако они сдерживаются несоответствием инструментов государственного бюджетирования и регулирования реалиями распределённых инновационных систем.

Выводы и дискуссия

Разработка, диффузия и масштабирование прорывных и перспективных технологий становится всё более актуальной задачей, требующей высокого динамизма преобразований научно-технологической и инновационной политики. В соответствии с законом необходимого разнообразия (закон Эшби) традиционные, даже модернизированные институты, подходы, инструменты и практики управления не полностью отвечают новым задачам и процессам научно-технологического и инновационного развития, сложность, взаимосвязанность и дифференцированность которых нарастает. Это тем более верно, что любое новое поколение прорывных и перспективных технологий требует особого обращения, вплоть до новых агентов развития. Последнее, в целом, подтверждается историей науки и техники: как пример можно привести роль крупных инвестиционных банков во «второй» промышленной революции, госпрограмм и госструктур в развитии ядерного и космического мегапроектов; венчурного капитала, «предпринимательских» университетов и специализированных государственных институтов развития (от американской DARPA до финских SITRA и TEKES) в период компьютерной и интернет-/коммуникационной революции. Несмотря на наличие целого ряда гибридных и транзитных институтов, формировавшихся со второй половины XX в. в ответ на меняющиеся условия научно-технологического и инновационного развития, и активное экспериментирование с новыми формами, данный процесс находится на ранней стадии. Помимо прочего, это объясняется пока не до конца очевидными последствиями и параметрами развития самих прорывных и перспективных технологий¹⁷, но также последствиями очередного раунда глобализации конца 1990-х – 2000-х гг., динамикой «больших вызовов» и иными внешними факторами.

Как показывает проведённое исследование, на данный момент фиксируется несколько основных направлений – и, одновременно, вызовов – эволюции научно-технологической и инновационной политики в части поддержки прорывных

¹⁷ См., например, относительно цифровых технологий: Trade and Development Report 2018. Pp. 80-87

и перспективных технологий. Все они определяются комбинацией рамочных социально-экономических процессов и интересов субъектов, а также характеристиками новых инновационных процессов и самих технологий. Связаны они, прежде всего, с перестройкой инструментария, форм и задач политики под распределённые процессы, сетевые формы отношений и новые виды субъектов, возникающие в сфере прорывных и перспективных технологий, а также с переходом к управлению развитием на принципах жизненного цикла, где новый фокус (не снижая поддержки ИР и ключевых субъектов) делается в том числе на диффузии и совершенствовании социально-экономических параметров новых технологий за пределами традиционных усилий по их трансферу и поддержки коммерциализации.

В значительной мере препятствием на пути к успеху этих новых мероприятий и форм являются доминирующие нормы, подходы и культура научно-технологической и инновационной политики. Наиболее очевидно это при анализе применимости традиционных инструментов бюджетирования для поддержки экосистем [2; 9]. Однако и на техническом уровне (постановка задач, разработка системы контроля и пр.) наблюдаются серьёзные проблемы. В частности, чиновникам нередко сложно идентифицировать конкретный результат или субъект-бенефициара господдержки. Хорошим примером является ситуация, когда де-факто результатом должна стать система горизонтальных связей со всеми сопутствующими синергетическими эффектами и эффектами перелива, не поддающаяся чёткой квантификации, тем более на коротких и равных – отчётных – промежутках времени. Как следствие, государственные и окологосударственные структуры формируют пакет мер и пытаются оценить параметры их эффективности на априори нерелевантных принципах, что нередко ведёт или к трате ресурсов, или к невольному искажению задач, когда те же экосистемные и диффузионные процессы регулятор вынуждено подгоняет под лекала классических ИР или иной проектной деятельности.

Отдельным фактором является учёт последствий глобализации. В частности, фокус, позитивные и негативные критерии выбора объектов поддержки становится всё менее очевидными в условиях доминирования ГСЦ, высокой роли иностранных ТНК в инновационном развитии страны пребывания (актуально даже для США), появления международной научной и технологической специализации, трансграничной синергии/интеграции отдельных НИС (страны ЕС, Израиль – США и пр.) или их элементов (кластеров, экосистем и пр.). Как представляется, всплеск экономического национализма и протекционизма в мире ясно показывает, что даже параметры ответа на этот вызов пока не осмыслены, кроме, разве что, регионального измерения. В последнем отношении отдельные научно-технологические инновационные мероприятия ЕС могут служить если и не эталоном, то, по крайней мере, важным кейсом.

Наконец, поскольку новые ТШП способны вызвать масштабные изменения социально-экономических процессов, налицо необходимость роста системно-

сти мер госполитики¹⁸. Помимо нормальной межведомственной координации в сфере науки, технологий и инноваций, речь идёт также о повышении связанности, а местами даже конвергенции научно-технологической и инновационной политики с иными направлениями, включая финансовую, промышленную (отраслевую) и социальную. Причём в силу роста значения человеческого капитала, значения социальных и ценностных соображений для диффузии технологий и иных соображений, социально-гуманитарное измерение приобретает особое значение. Наиболее очевидные последствия касаются формирования новых компетенций (в рамках изменений сферы образования и системы переподготовки кадров), коррекции паттернов потребления (включая стандарты, стимулирующие финансовые меры и пр.), предотвращения негативных трендов на рынках труда – таких, как нехватка квалифицированного персонала или угроза структурной безработицы, адаптации старших поколений к новым реалиям жизни (безотносительно к феномену т.н. «серебряного» спроса, т.е. рынков, ориентированных на лиц старшего возраста). Отработанных решений или хотя бы чёткого понимания пути изменений в данном отношении пока также нет.

Все эти перемены, в свою очередь, требуют серьёзных изменений в подходах к организации и реализации политического процесса, связанного с определением перспективных целей и задач, выбора и доработки необходимых инструментов, диалога с ключевыми субъектами о развитии прорывных и перспективных технологий и, шире, научно-технологической и инновационной деятельности. Последние 25 лет в практике как развитых, так и развивающихся стран все активно используется форсайт, а также иные элементы т.н. управления на основе ожиданий (*anticipatory governance*) [5; 11; 12]. Однако, тренды социально-экономического и научно-технологического развития показывают, что эффективность этих инструментов остаётся пока не полностью удовлетворительной. Возможно, развитие новых цифровых технологий, включая искусственный интеллект, позволит повысить их продуктивность – хотя они же явно поставят целый ряд болезненных вопросов об этических стандартах, конфиденциальности (“privacy”), угрозах правам и свободам граждан и пр. Как представляется, требуется следующий шаг как в научно-обоснованном анализе возможностей госполитики будущего относительно прорывных и перспективных технологий, так и в выработке практических подходов к ее формированию и реализации.

Список литературы:

1. Варнавский В.Г. Экономический рост в США: тренды и факторы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т.60. № 2. С. 26-39.
2. Данилин И.В., Мамедьяров З.А. Национальная технологическая инициатива: новый фокус и вызовы реализации российской инновационной политики / *Год планеты*. Вып. 2016 г.: экономика, политика, безопасность. Гл. ред. В.Г. Барановский. М.: Идея-Пресс, 2016. С. 121-131.
3. Иванова Н.И. Данилин И.В. Антикризисные

¹⁸ См. также: OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. P.172

- программы в инновационной сфере // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 1. С. 26-37.
4. Капелюшников Р.И. Идея «вековой стагнации»: три версии // *Вопросы экономики*. 2015. № 5. С. 104 – 133
 5. Кинэн М. Технологический Форсайт: международный опыт // *Форсайт*. 2009. Т. 3. № 3. С. 60–68
 6. Куценко Е.С. Рациональная кластерная стратегия: маневрируя между провалами рынка и государства // *Форсайт*. 2012. Т. 6. № 3. С. 6-15
 7. *Отраслевые инструменты инновационной политики*. Отв. ред. акад. Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 161 с.
 8. Чесбро Г. *Открытые инновации. Создание прибыльных технологий*. М.: Поколение, 2007. 336 с.
 9. Bonvillian W.B. *Advanced Manufacturing: A New Policy Challenge* // *Annals of Science and Technology Policy*. 2017. Vol. 1. № 1. Pp 1-131. DOI: 10.1561/110.00000001
 10. Fuchs E.R.H. *Rethinking the role of the state in technology development: DARPA and the case for embedded network governance* // *Research Policy*. 2010. Vol. 39. Issue 9. Pp. 1133-1147
 11. Fuerth L.S. *Foresight and anticipatory governance* // *Foresight*. 2009. Vol. 11, no. 4. Pp.14-32. DOI: 10.1108/14636680910982412
 12. Fuller S. *Knowledge politics and new converging technologies: a social epistemological perspective* // *Innovation: the European journal of social science research*. 2009. Vol. 22, no. 1. Pp. 7-34. DOI: 10.1080/13511610902770552
 13. Hwang V.W., Horowitz G. *The Rainforest: The Secret to Building the Next Silicon Valley*. Los Altos Hills, CA: Regenwald, 2012. 304 p.
 14. Jovanovic B., Rousseau P.L. *General purpose technologies* / *Handbook of Economic Growth*, Vol. 1B. Ed.by Aghion P., Durlauf S.N. Amsterdam: Elsevier B.V., 2005. Pp. 1181-1224. DOI: 10.1016/S1574-0684(05)01018-X
 15. Ling Li. *China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of "Made-in-China 2025" and "Industry 4.0"* // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol 135. Pp. 66–74. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.028
 16. Mazzucato M. *The Entrepreneurial State – Debunking Public vs. Private Sector Myths*. London: Demos, 2011. 150 p.
 17. Müller J.M., Buliga O., Voigt K.-I. *Fortune favors the prepared: How SMEs approach business model innovations in Industry 4.0* // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol.132. Pp.2-17. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.12.019
 18. Oh D.-S., Phillips F., Park S., Lee E. *Innovation ecosystems: A critical examination* // *Technovation*. 2016. Vol. 54. Pp.1-6
 19. Rajan J., Mehta Y. *Manufacturing Sectors in India: Outlook and Challenges* // *Procedia Engineering*. 2017. Vol.174. Pp.90–104. doi:10.1016/j.proeng.2017.01.173
 20. Reynolds E.B., Uygun Y. *Strengthening advanced manufacturing innovation ecosystems: The case of Massachusetts* // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. 14 p. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.06.003
 21. Rodrik D. *Normalizing Industrial Policy*. Working Paper no.3. Commission on Growth and Development. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2008. [Электронный ресурс]. 40 p. URL: https://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/489960-1338997241035/Growth_Commission_Working_Paper_3_Normalizing_Industrial_Policy.pdf (дата обращения: 01.02.2017)
 22. Rogers E. *Diffusion of Innovations*. 4th edition. New York: The Free Press, 1995. 524 p.
 23. Rotolo D., Hicks D., Martin B. *What Is an Emerging Technology?* // *Research Policy*. 2015. Vol. 10. Issue 44. P. 1827-1843.
 24. Russell M. G., Smorodinskaya N.V. *Leveraging complexity for ecosystemic innovation* // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Issue 136. Pp. 114–131. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.11.024
 25. Tassef G. *Competing in Advanced Manufacturing: The Need for Improved Growth Models and Policies* // *Journal of Economic Perspectives*. 2014. Vol.28. Issue 1. Pp.27-48. DOI: 10.1257/jep.28.1.27
 26. von Hippel E.A. *Democratizing Innovation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. 204 p.
 27. Wolf I. *The Interaction Between Humans and Autonomous Agents / Autonomous Driving: Technical, Legal and Social Aspects*. Maurer M., Gerdes J.Ch., Ladenburg B.L. (Eds.). Berlin: Springer, 2016. 706 p.
 28. Wübbke J., Meissner M., Zenglein M.J., Ives J., Conrad B. *Made in China 2025*. Mercator Institute for China Studies. *Papers on China*. 2016. №2. 74 p. URL: https://www.merics.org/sites/default/files/2017-09/MPOC_No.2_MadeinChina2025.pdf

Об авторе:

Иван Владимирович Данилин – старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. Заведующий Отделом науки и инноваций, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова (ИМЭМО) РАН. Россия, 117997, Москва, улица Профсоюзная, д.23, E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.000)

EMERGING TECHNOLOGIES DEVELOPMENT: CHALLENGES FOR THE SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION POLICIES

I.V. Danilin
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-255-270

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: The article discusses transformations of science, technology and innovation policy as a result of emphasis on the emerging technologies. Crisis and recession were the immediate causes for their actualization, but real reasons appear to be long-term socio-economic problems, which, in turn, form requirements for emerging technologies policies. Another group of policy factors are defined by the evolution of innovation processes, including rise of innovation ecosystems and growing importance of technology diffusion. New tasks required policy transformations, with important experiments realized within technological programs like Industrie 4.0. Among key policy trends was creation of new institutions that provide, in addition to research and development, communication of actors, formation of ecosystems and clusters in the area of emerging technologies. Another focus was technology diffusion through standards, specialized platforms and related institutions. These novelties face serious challenges. Traditional policy instruments do not correlate with the needs of new actors and processes, resulting in inefficiency of efforts. Another challenge is globalization, also growing interdependencies of innovation systems. Given the scale of expected changes, there is a need for both increased coordination of government efforts, as well as increased coherence and convergence of science, technology and innovation policy with related areas, including social policy. The latter is especially important due to the human capital and social dimensions of emerging technologies development and diffusion. In turn, these changes will require new approaches to the political process in science and technology area, including improvements in anticipatory governance practices and search for new, innovative solutions.

Key words: Disruptive and emerging technologies; ecosystems; science and technology policies; innovation systems.

References

1. Varnavskii V.G. Ekonomicheskiy rost v SShA: trendy i faktory [Economic growth in the U.S.A.: trends and factors]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 2016, vol.60, no.2, pp. 26-39. (In Russian).
2. Danilin I.V., Mamed'iarov Z.A. Natsional'naiia tekhnologicheskaiia initsiativa: novyi fokus i vyzovy realizatsii Rossiiskoi innovatsionnoi politiki [National Technology Initiative: New Focus and Challenges of Russian Innovation Policy Realization]. *God planety*. 2016. Ekonomika, politika, bezopasnost'. Ed. by V.G. Baranovskii. Moscow: Ideia-Press, 2016. Pp.121-131. (In Russian).
3. Ivanova N.I. Danilin I.V. Antikrizisnye programmy v innovatsionnoi sfere [Anticrisis Programs in the Innovation Sphere]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 2010, no.1, pp. 26-37 (In Russian)
4. Kapeliushnikov R.I. Ideia «vekovoi stagnatsii»: tri versii [Ideas of Secular Stagnation: Three Versions]. *Voprosy ekonomiki*. 2015, no.5, pp. 104 – 133. (In Russian).
5. Kinen M. Tekhnologicheskii Forsayt: mezhdunarodnyy opyt [Technology Foresight: International Experience]. *Foresight-Russia*. 2009, vol. 3, no 3, pp. 60-68. (In Russian).
6. Kutsenko E.S. Ratsional'naiia klasternaia strategii: manevriruia mezhdur provalami rynka i gosudarstva [Rationalizing the Cluster Strategy: Maneuvering Between Market and State Failures]. *Foresight-Russia*. 2012, vol. 6, no. 3, pp.6-15 (In Russian)
7. Otrasleye instrument innovatsionnoi politiki [Instruments of Industrial Innovation Policy]. Ed by. N.I. Ivanova. Moscow: IMEMO RAN, 2016. 161 p.(In Russian)
8. Chesbrough W. *Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology*. Harvard Business School Publishing Corporation, 2006. 228 p.
9. Bonvillian W.B. Advanced Manufacturing: A New Policy Challenge. *Annals of Science and Technology Policy*. 2017, vol. 1, no. 1, pp. 1-131. DOI: 10.1561/110.00000001
10. Fuchs E.R.H. Rethinking the role of the state in technology development: DARPA and the case for embedded network governance. *Research Policy*. 2010, vol. 39, no. 9, pp. 1133-1147.
11. Fuerth L.S. Foresight and anticipatory governance. *Foresight*. 2009, vol. 11, no. 4, pp.14-32. DOI: 10.1108/14636680910982412
12. Fuller S. Knowledge politics and new converging technologies: a social epistemological perspective. *Innovation: the European journal of social science research*. 2009, vol. 22, no. 1, pp. 7-34. DOI: 10.1080/13511610902770552
13. Hwang V.W., Horowitz G. *The Rainforest: The Secret to Building the Next Silicon Valley*. Los Altos Hills, CA: Regenwald, 2012. 304 p.
14. Jovanovic B., Rousseau P.L. General purpose technologies in *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1B. Ed.by Aghion P., Durlauf S.N. Amsterdam: Elsevier B.V., 2005. Pp. 1181-1224. DOI: 10.1016/S1574-0684(05)01018-X
15. Ling Li. China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of "Made-in-China 2025" and "Industry 4.0". *Technological Forecasting and Social Change*. 2018, vol. 135, pp. 66-74. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.028
16. Mazzucato M. *The Entrepreneurial State – Debunking Public vs. Private Sector Myths*. London: Demos, 2011. 150 p.
17. Müller J.M., Buliga O., Voigt K.-I. Fortune favors the prepared: How SMEs approach business model innovations in Industry 4.0. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018, vol.132, pp.2-17. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.12.019
18. Oh D.-S., Phillips F., Park S., Lee E. Innovation ecosystems: A critical examination. *Technovation*. 2016, vol. 54, pp.1-6.
19. Rajan J., Mehta Y. Manufacturing Sectors in India: Outlook and Challenges. *Procedia Engineering*. 2017, vol. 174, pp.90-104. doi:10.1016/j.proeng.2017.01.173
20. Reynolds E.B., Uygun Y. Strengthening advanced manufacturing innovation ecosystems: The case of Massachusetts. *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. 14 p. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.06.003

21. Rodrik D. *Normalizing Industrial Policy*. Working Paper no.3. Commission on Growth and Development. The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. 2008. 40 p. URL: https://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/489960-1338997241035/Growth_Commission_Working_Paper_3_Normalizing_Industrial_Policy.pdf (accessed: 01.02.2017).
22. Rogers E. *Diffusion of Innovations*. 4th edition. New York: The Free Press, 1995. 524 p.
23. Rotolo D., Hicks D., Martin B. What Is an Emerging Technology? *Research Policy*. 2015, vol. 10, no. 44, pp. 1827-1843.
24. Russell M. G., Smorodinskaya N.V. Leveraging complexity for ecosystemic innovation. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018, vol. 136, pp. 114–131. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.11.024
25. Tassev G. Competing in Advanced Manufacturing: The Need for Improved Growth Models and Policies. *Journal of Economic Perspectives*. 2014, vol.28, no 1, pp.27-48. DOI: 10.1257/jep.28.1.27
26. von Hippel E.A. *Democratizing Innovation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. 204 p.
27. Wolf I. *The Interaction Between Humans and Autonomous Agents* in Autonomous Driving: Technical, Legal and Social Aspects. Ed. by Maurer M., Gerdes J.Ch., Ladenburg B.L. Springer, 2016. 706 p.
28. Wübbecke J., Meissner M., Zenglein M.J., Ives J., Conrad B. Made in China 2025. Mercator Institute for China Studies. *Papers on China*. 2016, no.2, 74 p. URL: https://www.merics.org/sites/default/files/2017-09/MPOC_No.2_MadeinChina2025.pdf

About the author:

Ivan V. Danilin – PhD in Political Sciences. Senior Research Fellow at the Laboratory of the Analysis of International Problems at the Moscow State Institute of International Relations. MGIMO Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76. Head of Department for Science and Innovation at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Research is accomplished with financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (contract #14.461.31.000)

УПРАВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ НАУКОЙ: ОСОБЕННОСТИ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

М.В. Харкевич, М.Ю. Туманова, Д.С. Коробов, С.Н. Неделко

Объединённый институт ядерных исследований

Глобализация науки приводит к повышению транзакционных издержек научной работы в связи со спецификой институциональных, языковых, культурных, инфраструктурных и других условий этой деятельности в отдельных странах, институтах, научных сферах и т.д. Кроме того, на рост транзакционных издержек оказывает влияние и увеличение взаимозависимости между учёными по всему миру. Наука в принципе является коллективным творчеством, но сегодня этот коллектив действительно глобальный, а глобальное коллективное творчество организовать и обеспечить сложнее, чем локальное или региональное. В статье рассматривается роль международных правительственных организаций в управлении глобальной наукой в сфере фундаментальных исследований. Международные правительственные организации рассматриваются прежде всего как бюрократические структуры, а фундаментальная наука – как клубное благо или специфический актив, которым эффективнее управлять как раз с помощью иерархических бюрократических структур. В качестве кейса исследуется деятельность международной правительственной организации Объединённого института ядерных исследований. Глобализация науки приводит к необходимости её управления, а также к определению критериев эффективности такого управления. В статье рассматриваются два измерения эффективности: эндогенный (бюрократический) и экзогенный (реальный). Эндогенная эффективность предполагает, что организация эффективно выполняет принятые в ней решения. В случае международных правительственных организаций в сфере науки речь может идти о проведении запланированных научных мероприятий, организации конференций, семинаров, командировок, заключении соглашений о сотрудничестве, отчётов о количестве публикаций в авторитетных изданиях. Экзогенная эффективность предполагает, что реализация принятых мер приводит к решению общей проблемы, ради которой создавалась организация – научные открытия, инновации и т.п. Иными словами, организация может предельно эффективно обеспечивать реализацию предельно неэффективных мер. При этом если вырабатываемые меры эффективны, а организация неэффективно их реализовывает, результат тоже будет низким. Поэтому важно при анализе эффективности организации учитывать оба аспекта. Цель данной статьи – рассмотреть противоречия, связанные с разнообразием режимов управления на примере международных правительственных организаций

УДК: 321

Поступила в редакцию 10.10.2018 г.

Принята к публикации 01.12.2018 г.

в сфере науки. Наука как социальная практика имеет скорее сетевую форму самоорганизации, тогда как международные правительственные организации являются инструментами бюрократического (иерархического) управления. Основной тезис данной статьи сводится к тому, что в условиях глобализации управление фундаментальной наукой эффективнее осуществляется с помощью международных межправительственных организаций. Для доказательства данного тезиса в статье используется метод кейс-стади, а именно, рассматривается пример международной межправительственной организации в сфере ядерной физики, Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) в российском г. Дубна.

Ключевые слова: глобализация науки, транзакционные издержки, международная бюрократия, ОИЯИ.

Наука как предмет научных исследований рассматривается как правило с трёх точек зрения: исследования науки и технологий (science and technology studies (STS)), экономика и политические науки. Данные дисциплины изучают взаимное влияние науки, общества, экономики и политики. При этом делают они это практически параллельно, не пересекаясь друг с другом. Однако в последнее время точка пересечения всё же возникла – это вопрос управления (governance) наукой. Интерес экономистов к вопросам управления вытекает из институциональной экономической теории, согласно которой технологические изменения в экономике происходят в определённом контексте социально-экономических и политических институций¹. В публикациях по тематике STS относительно недавно появилось понятие «научное управление» (scientific governance), которое подразумевает слияние политики и науки в неразрывное целое [15]. Политологи, со своей стороны, особое внимание уделяют следующим проблемам управления в данной сфере: многоуровневость управления [12; 16], новые способы управления [18], легитимность управления [8], а также инструменты и координация управления [10; 21].

В управлении наукой исследователи выделяют следующие три основных проблемных вопроса: противоречие между самоорганизацией и направленностью в управлении наукой; противоречие между различными режимами управления (иерархия, рынок и сеть) и противоречие между экспертами и гражданами в рамках демократического управления [9]. Первое из указанных противоречий связано с вечным вопросом о вмешательстве в науку со стороны государства и общества. Ярким выражением этого конфликта был знаменитый спор между М. Поланьи [19] и Дж. Берналом [7]. Первый отстаивал автономию «республики учёных», нарушение которой, по его мнению, повлечёт за собой остановку в научном прогрессе. Второй доказывал как раз необходимость вмешиваться

¹ Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). 2005. Governance of Innovation Systems., Vol. 1: Synthesis Report. Paris: OECD.

и направлять развитие науки, исходя из того, что наука неразрывно встроена в общественную жизнь и имеет свои социальные функции.

Определённый компромисс между этими позициями предлагает П. Бурдьё, который рассматривает науку и власть, как две автономных поля, которые связаны друг с другом взаимобменом производимыми ими ресурсами. Об автономии науки П. Бурдьё рассуждает следующим образом. «Научный капитал, – пишет он, – этот особый род социального капитала... основными своими характеристиками обязан тому факту, что производители стремятся (тем больше, чем более автономно поле) иметь в качестве возможных заказчиков лишь своих конкурентов. Это означает, что в поле с высокой степенью автономии отдельный производитель может достичь признания ценности своей продукции («репутация», «престиж», «авторитет», «компетентность» и т.д.) лишь через других производителей, которые, будучи одновременно конкурентами, менее всего расположены к тому, чтобы признать коллегу, не обсуждая и не экзаменуя его» [1].

Противоречия между режимами управления возникают в связи с их множественностью. Оказывается, что одним и тем же процессом потенциально можно управлять любым из этих режимов. Но каждый из них отражает определённые интересы. Хорошим примером является проблема управления Интернетом. Сегодня очевидна борьба между сетевым подходом, который отстаивают США и Европа, и иерархическим, который отстаивают Россия и Китай [3].

Третье противоречие возникает в связи с повышением роли экспертов в общественной жизни. Неизбежно происходит увеличение взаимодействия экспертов и неэкспертов, что может приводить к проблемам и конфликтам, которые необходимо разрешать и предупреждать.

Цель данной статьи – рассмотреть противоречия, связанные с разнообразием режимов управления на примере международных правительственных организаций в сфере науки. Наука как социальная практика имеет скорее сетевую форму самоорганизации, тогда как международные правительственные организации являются инструментами бюрократического (иерархического) управления. Основной тезис данной статьи сводится к тому, что в условиях глобализации управление фундаментальной наукой эффективнее осуществляется с помощью международных межправительственных организаций. Для доказательства данного тезиса в статье используется метод кейс-стади, а именно, рассматривается пример международной межправительственной организации в сфере ядерной физики – Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ) в российском г. Дубна.

Статья состоит из двух частей. В первой части рассматриваются общие вопросы признаков глобализации науки, особенности глобальной фундаментальной науки как предмета управления, существующие формы управления наукой, особенности международных бюрократических структур как инструменты управления наукой. Во второй части рассматривается кейс ОИЯИ.

Глобализация науки

Наука, как и торговля, всегда была транснациональна по характеру своих взаимосвязей, но глобальной она становится только в последние несколько десятилетий благодаря глобализации, прежде всего, экономики. Наука в эпоху модернизации стала одним из ключевых факторов экономического роста, поэтому эти две сферы тесно связаны между собой и развиваются совместно. Кроме того, развитие средств электронной коммуникации существенно ускорило обмен научной информацией и расширило географию связей различных эпистемических сообществ [13].

Глобализация науки приводит к повышению транзакционных издержек научной работы в связи со спецификой институциональных, языковых, культурных, инфраструктурных и других условий этой деятельности в отдельных странах, институтах, научных сферах и т.д. Кроме того, на рост транзакционных издержек оказывает влияние и увеличение взаимозависимости между учёными по всему миру. Наука в принципе является коллективным творчеством, но сегодня этот коллектив действительно глобальный, а глобальное коллективное творчество организовать и обеспечить сложнее, чем локальное или региональное.

Особенно ярко глобализацию науки демонстрируют наукометрические исследования. Группа учёных из исследовательского подразделения компании «Майкрософт» проанализировала эволюцию наукометрических показателей по 89 млн научных статей за период с 1900 по 2015 гг [11]. Они обнаружили существенный рост количества научных коллабораций. Так, более 90% наиболее значимых современных инноваций были созданы в результате коллаборации учёных. Это в четыре раза больше, чем в начале 1900-х гг., когда доминировала индивидуальная форма научной деятельности. В начале XX в. учёные занимались преимущественно самоцитированием и цитированием узкого круга своих друзей. Сегодня они ищут литературу гораздо шире и в географическом, и в предметном плане. С 1900 по 2015 гг. произошло 25-кратное и 7-кратное увеличение международного сотрудничества и цитирования соответственно, а также резкое сокращение доминирующего положения США, Великобритании и Германии с точки зрения цитирования – с 95% от общего количества цитирований до 50% за тот же период.

Европейская комиссия выделила следующие факторы глобализации науки:

- глобализация мировой экономики заставляет компании всё чаще искать доступ к научным источникам за пределами своих национальных границ. Студенты и исследователи становятся всё более мобильными. Как следствие, научные учреждения и компании всё больше конкурируют за таланты на мировом рынке труда.

- ИКТ (информационные и коммуникационные технологии) и информационная революция, особенно распространение Интернета, позволили сократить расходы на международную связь и стимулировали международный об-

мен научным знанием. Эти тенденции усиливаются расширением транспортной инфраструктуры, сокращением реальных транспортных расходов за последние несколько десятилетий.

– ИКТ и Интернет также способствовали появлению новых способов сбора и передачи научной информации, что привело к появлению инновационных глобальных моделей трансфера знаний в области фундаментальных исследований.

– Повестка дня научных исследований всё чаще включает в себя вопросы, имеющие глобальное измерение, такие как изменение климата, энергетика, безопасность, пандемии.

– Политики всё больше внимания уделяют международному научно-техническому сотрудничеству и программам финансирования для стимулирования интернационализации высшего образования и научных исследований. Правительства многих стран с развивающейся экономикой, которые стали рассматривать науку и технологии как неотъемлемую часть экономического роста и развития. С этой целью они стали развивать свою научно-техническую инфраструктуру и интернационализировать систему высшего образования. Это привело к значительному расширению географии международной научно-технической деятельности и сдвигу её в сторону АТР.

– Научные знания производятся с большей «скоростью» и эффективностью, что создаёт необходимость бороться с возможным дублированием².

Необходимость снижения транзакционных издержек научной деятельности остро ставит вопрос об управлении глобальной наукой.

Вопрос об управлении включает в себя как минимум три аспекта: особенности предмета (чем управлять), особенности метода или формы (как управлять) и особенности цели (зачем управлять и к какой цели стремиться). В идеале эти три аспекта должны совпадать, формируя синергию, но в реальности этого никогда не происходит, т.к. управление – это не только административная, но и политическая деятельность. Неэффективное управление может соответствовать чьим-либо влиятельным политическим интересам, либо быть результатом политической конкуренции, благодаря которой между группами интересов сформировалось устойчивое равновесие.

Рассмотрим последовательно особенности управления наукой с точки зрения предмета, метода и цели на примере такой формы управления как межправительственная научная организация.

Особенности глобальной науки как предмета управления

Наука как предмет управления имеет свою специфику. Во-первых, это чрезвычайно сложный предмет. Законы кибернетики учат, что система управления

² International Cooperation in Science, Technology and Innovation: Strategies for a Changing World." Report of the Expert Group established to support the further development of an EU international STI cooperation strategy. ISBN 978-92-79-26411-5. Copyright European Union 2012, pp. 21-22.

должна быть сложнее, чем предмет управления. В случае с наукой достичь этого можно только за счёт развития самоуправления, что зачастую и происходит. Управленцами от науки, как правило, становятся сами учёные.

Во-вторых, в силу своей системной сложности наука демонстрирует свойства сложных адаптивных систем, т.е. она склонна к самоорганизации [14]. Однако экономическое и политическое значение науки сегодня так велико, что оставить её на самоорганизацию ни государство, ни бизнес просто не могут.

В-третьих, фундаментальные и прикладные науки качественно различаются как предмет управления. Фундаментальная наука демонстрирует признаки транзакционной специфичности актива. Управлять специфическими активами рациональнее с помощью иерархии, т.е. с помощью государства, тогда как прикладная наука демонстрирует свойства неспецифического актива, управлять которым эффективнее с помощью рынка или сети [22].

Специфичность фундаментальной науки заключается в том, что её ценность остаётся внутри науки и не приложима куда-либо ещё. Прикладная же наука менее специфична по своему предмету, т.к. выходит за исключительные рамки науки. Можно использовать другие категории при сохранении этого же результата. Фундаментальную науку можно рассматривать как общественное благо, а прикладную науку – как клубное благо. Фундаментальные открытия доступны всем и взимать плату за их использование невозможно. Прикладная же наука в этом смысле похожа на кабельное телевидение. Единожды оплатив доступ к прикладной научной информации, можно пользоваться ей неограниченно и извлекать из неё выгоду.

Традиционно управление общественными благами считается уделом государств, а к управлению клубными благами может подключаться и бизнес, т.к. появляется возможность взимать плату за пользование и извлекать коммерческую выгоду от продажи произведенных продуктов [5].

В-четвёртых, различные научные направления предполагают различные расходы на научную работу. Для ядерной физики, например, необходимы дорогостоящие ускорители, с одной стороны, и меры взаимного доверия, с другой стороны. В результате, естественным явлением для мира ядерной физики является межгосударственное сотрудничество. Тогда как проводить социологические опросы, например, могут частные организации без привлечения государств. Более того, участие государств в таких опросах может даже иметь негативные последствия для научных проектов, т.к. может снижать доверие к ним. Кроме того, деление науки на фундаментальную и прикладную в общественных и гуманитарных науках носит гораздо менее выраженный и более спорный характер, чем в естественных науках.

Кроме перечисленных внеисторических особенностей научной деятельности, можно выделить также ряд особенностей, характерных для современного состояния науки.

Языком современной науки является академический английский, что с одной стороны упрощает транснациональную коммуникацию, но с другой стороны – создаёт преференции для англоязычных учёных и существенные барьеры тем, для кого английский не является родным. Влияние английской терминологии и в целом дискурса проявляется особенно отчётливо в общественных науках. Учебная и научная литература на различных языках мира изобилует англоицизмами и прямыми заимствованиями. В естественных науках значение языка как такового существенно меньше, поэтому данная проблема ощущается там не так остро, как в общественных и гуманитарных науках.

Доминирование английского языка наблюдается также в электронно-коммуникационной сфере. Международные наукометрические базы данных, такие как Scopus и Web of Science, индексируют метаинформацию только на латинице, поэтому даже если журнал издаётся на русском языке, для индексирования его в международных базах данных вся метаинформация в нем должна переводиться на английский язык и транслитерироваться.

Наукометрия. Расцвет наукометрии связан как минимум с тремя факторами: повышением интереса государства к научному знанию, экспоненциальным ростом участников его производства и предметной дифференциацией [17].

Инвестиции государства в науку как в фактор экономического развития и сферу национальной безопасности нуждаются в измеримой оценке эффективности и понятных критериях распределения денежных средств. Наукометрия – количественное отражение производства научного знания, она переводит на язык цифр и статистики, понятный для государства, научную информацию, делает ее потенциально сравнимой, так что работы, например, в биологии можно сравнивать с работами по математике. Таким образом, наукометрия стала инструментом управления научной политикой, возможно не самым эффективным, но довольно популярным.

Умножение сообщества учёных и углубление предметной дифференциации научного знания усложняет научную коммуникацию и поиск научной информации. Наукометрические базы данных позволяют относительно эффективно решить эту проблему.

Доминирование естественных наук. В перечисленных выше рейтингах доминируют университеты с развитыми естественно-научными факультетами, они и задают тон для всех остальных участников рейтинга. Во многом это связано с тем, что в естественных науках сложилась уникальная культура цитирования, специфика которой заключается в сравнительно более активном цитировании коллег и множественном соавторстве.

Коммерциализация. Бизнес становится важным элементом научного процесса, размывая границу между фундаментальным и прикладным знанием. Учёные вынуждены придумывать и доказывать наличие практического значения в их исследованиях для получения грантов от фондов, которые распределяют их коллеги.

Бизнес становится ключевым игроком инновационного развития страны, вплетаясь одной из нитей в тройную спираль, состоящую кроме него из государства и университетов [4]. Учёные вынуждены самостоятельно зарабатывать, для этого им приходится приобретать навыки маркетологов, промоутеров, бухгалтеров, юристов и т.д [20]. Принципиально важным для инновационной экономики становится возможность быстрой коммерциализации научных результатов.

Формы управления наукой

В современных общественных науках принято различать три формы управления: иерархическую, рыночную и сетевую. Выбор зависит от предмета и цели, универсальной формы, естественно, быть не может. Иерархическое управление характеризуется жесткой связью между сторонами, обеспечиваемой либо силой закона, устава или контракта. Разорвать такую связь крайне затратно с точки зрения возможных издержек. Наиболее распространенной формой иерархического управления является бюрократия.

Рыночные контрагенты связаны друг с другом только соображениями выгоды. Если связь становится невыгодной для одной или обеих сторон, она легко будет разорвана без каких-либо издержек. Рыночная связь наиболее слабая из всех социальных связей, а иерархическая – наиболее сильная.

Между иерархией и рынком располагается сетевая связь. Она возникает в связи с обязательствами социального характера и формируется вокруг доверия. Присоединение к сети означает разделение с ней общей идентичности, интернализацию тех ценностей, вокруг которых эта сеть возникла. Выйти из сети можно, но для этого необходимо изменить свою идентичность.

Бюрократическое управление предполагает издание безличных норм и правил, обязательных для выполнения различными группами населения. На национальном уровне бюрократическим аппаратом в основном пользуются государства, на международном – международные межправительственные организации. По сути, межправительственные организации в сфере науки являются реакцией государств на глобализацию науки. Ключевыми международными организациями в научной сфере является ЮНЕСКО и ОЭСР.

Рыночное управление предполагает комодификацию факторов, влияющих на регулируемое поведение и формирование рынка, на котором эти факторы покупаются и продаются по рыночной цене. Например, с целью рыночного управления выбросов парникового газа в рамках Киотского протокола был создан рынок квот на эмиссию этих самых газов. В сфере науки рыночные механизмы также активно применяются. Существует даже концепция «академического капитализма», суть которой сводится к тому, что учёные должны привлекать средства не из государственных структур, а сами зарабатывать своей интеллек-

туальной собственностью на открытом конкурентном рынке, что приводит к реорганизации всей деятельности университетов и исследовательских институтов. Данная форма управления реализуется в результате давления глобального капитализма на науку. Инструментом такого управления является конкуренция, а критерием конкурентоспособности – доход.

Сами учёные взаимодействуют друг с другом скорее сетевым способом. Сеть – идеальный способ вырабатывать совместные решения в сложных системах при неопределённости конечного результата взаимодействия. Примерами сетевого взаимодействия являются международные научные коллаборации, эпистемические сообщества. Научная коммуникация посредством научных журналов также носит сетевой характер, а устойчивые связи взаимной цитируемости формируют контуры эпистемических сообществ.

Таким образом, если упрощать, то общую картину форм управления глобальной наукой можно представить следующим образом:

- реакцией сообщества учёных на глобализацию научной деятельности стало развитие и укрепление сетевых форм взаимодействия;
- реакцией государств на глобализацию научной деятельности стало развитие межправительственных организаций в сфере науки;
- реакцией сообщества учёных и государств на распространение неоллиберального капитализма стала коммодификация научного знания, формирование «академического капитализма».

Специфика межправительственных организаций как регуляторов глобальной науки

Межправительственные организации являются формой международной бюрократии. Как показывают многочисленные исследования, международная бюрократия обладает собственной властью, авторитетом и культурой, благодаря чему она со временем становится полуавтономной по отношению к государствам, её учредившим. Международная бюрократия классифицирует мир, определяет его и распространяет среди государств выработанные в международном сообществе нормы и правила, выступая основным институтом социализации государств [6]. М. Финнемор в своих исследованиях продемонстрировала, что ЮНЕСКО и ОЭСР распространяют нормы бюрократического управления наукой. Изначально ЮНЕСКО создавалась для содействия международному распространению норм научного знания для укрепления по миру гуманитарных ценностей, благодаря чему в мире должно было стать безопаснее. При этом основными представителями от мира науки в организации были сами ученые. Государства не должны были вмешиваться в их деятельность, чтобы не исказить её. Организационным ядром до 1954 г. в ней были учёные, и затем под влиянием холодной войны и появлений в организации множества новых государств, её структура изменилась, и научный мир стали представлять не учёные, а государ-

ства. Так норма бюрократизации науки распространялась на всех, кто вступал в ЮНЕСКО. С 1955 г. по 1975 г. национальные бюрократические структуры по управлению науке умножились лавинообразно с 14 до 89 государств. Объяснить это можно только деятельностью ЮНЕСКО (см.: Рис. 1, 2).

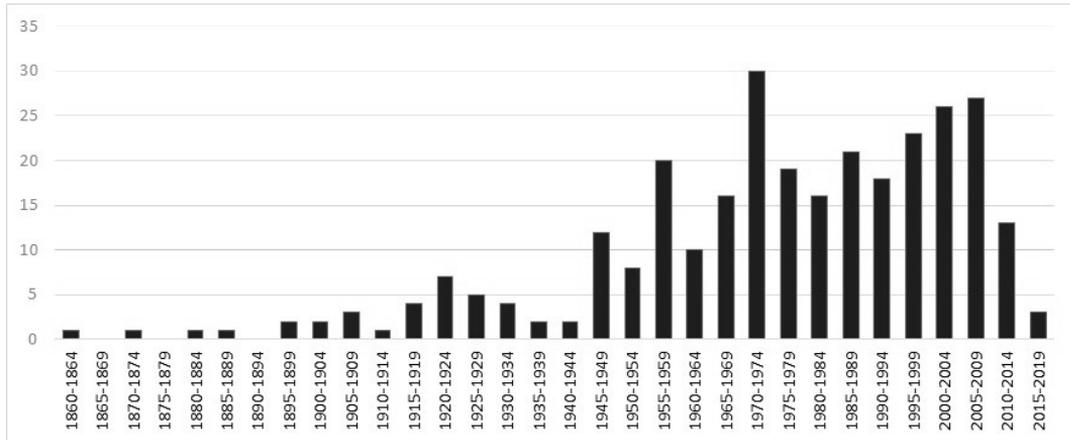

Рис. 1. Количество международных организаций в сфере науки (годы основания)

Figure 1. Number of international organizations in science (years of foundation)

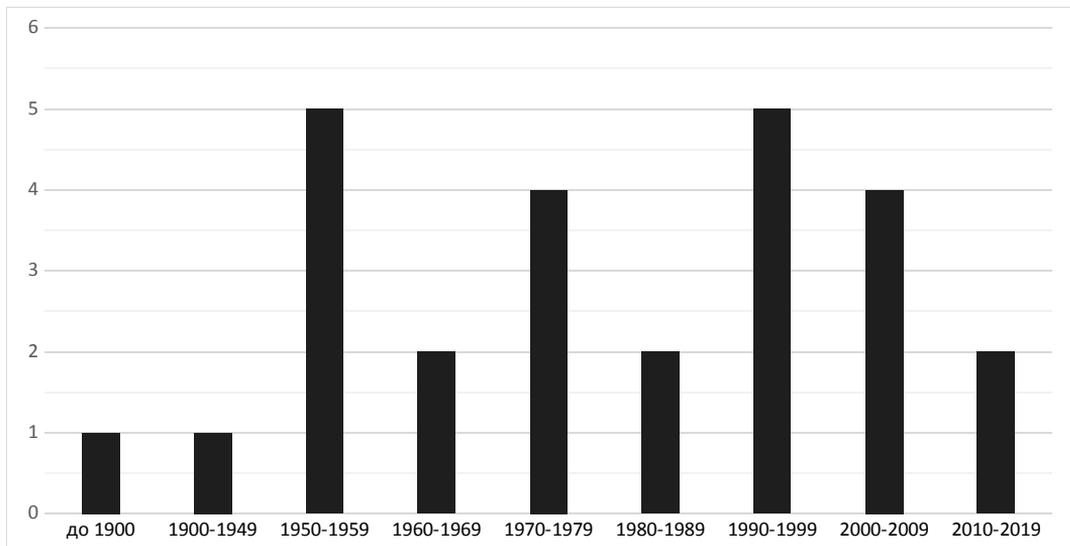

Рис. 2. Количество межправительственных международных научных организаций по годам основания

Figure 2. Number of intergovernmental international scientific organizations by year of foundation

Кроме ЮНЕСКО существуют и другие организации научно-технического профиля и стандартизации, а также специализированные учреждения ООН, занимающиеся вопросами науки и технологий. (см.: Приложение, табл. 1, 2, 3).

Относительная немногочисленность межправительственных организаций в сфере науки говорит о том, что существующее противоречие между иерархическим подходом к управлению и сетевым характером предмета управления создаёт определённые ограничения. В основном, эти организации занимаются классификацией, стандартизацией в области науки, финансовым и инфраструктурным обеспечением мегапроектов, образовательной деятельностью. Но есть межправительственные организации, которые ориентированы преимущественно на исследования, например ОИЯИ (JINR), ЦЕРН (CERN), ИИАСА (IASA).

Большинство из этих организаций были созданы в годы холодной войны и символизировали заинтересованность государств в тех сферах науки (естественных), которые наиболее близко затрагивали интересы государственной безопасности (см.: Рис. 3).

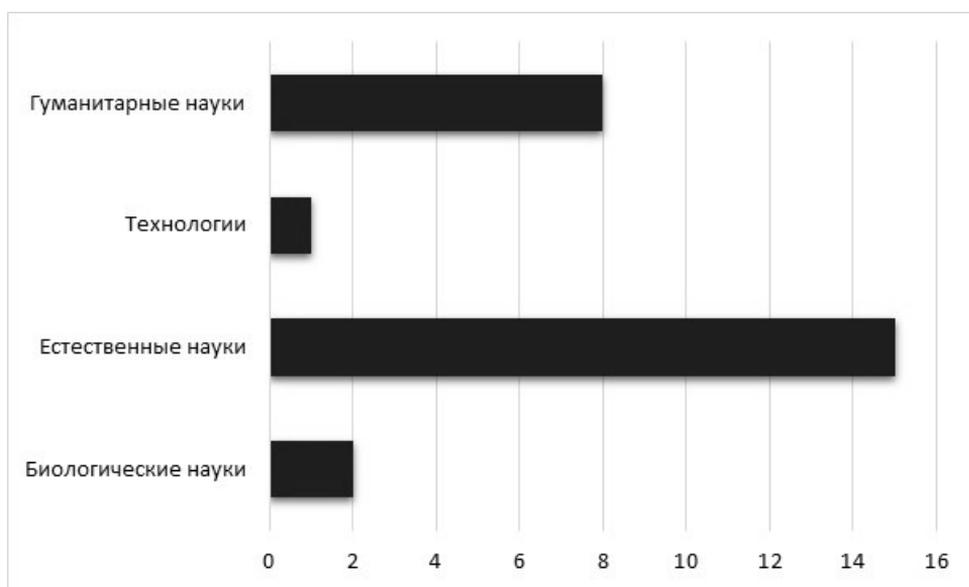

Рис. 3. Количество межправительственных МО по научно-технической области

Figure. 3. Number of intergovernmental IOs in the scientific and technical area

Эффективность деятельности межправительственных организаций в сфере науки

Критерии эффективности зависят от целей и рассчитываются как отношение результативности в достижении целей деятельности к затратам. При этом в разных тематических областях и в разных по уровню исследований (фундаментальные, прикладные, инновационные) формируется разная шкала эффективности. Не имеет смысла подходить с одинаковыми критериями к организациям, ведущим фундаментальные и прикладные исследования, и тем более не имеет смысла измерять их эффективность по критериям, подходящим для инноваций.

Если основной и по сути единственной целью деятельности национальной научно-исследовательской организации является получение научных результатов и/или их внедрение в высокотехнологичное производство, то спектр целей деятельности международных научных организаций содержит больше одного компонента. Разумеется, доминирующей целью является получение научных результатов, причём, как правило, недостижимых в рамках национальных институтов. Вместе с тем чрезвычайно важной целью деятельности международных организаций является подготовка кадров высочайшей квалификации для участвующих государств, создание постоянно и гарантированно стабильно действующей площадки для международного обмена знаниями, компетенциями и технологиями.

Необходимо различать эндогенную (бюрократическую) и экзогенную эффективность (реальную). Эндогенная эффективность предполагает, что организация эффективно выполняет принятые в ней решения. В случае международных правительственных организаций в сфере науки речь может идти о проведении запланированных научных мероприятий, организации конференций, семинаров, командировок, заключение соглашений о сотрудничестве, отчётов о количестве публикаций в авторитетных изданиях. Экзогенная эффективность предполагает, что реализация принятых мер приводит к решению общей проблемы, ради которой создавалась организация – научные открытия, инновации и т.п. Иными словами, организация может предельно эффективно обеспечивать реализацию предельно неэффективных мер. При этом если выработываемые меры эффективны, а организация неэффективно их реализовывает, результат тоже будет низким. Поэтому важно при анализе эффективности организации учитывать оба аспекта.

Следует также отметить, что бюрократическая эффективность является понятным и прогнозируемым критерием. Поэтому с точки зрения государственной бюрократии, которая занимается финансированием фундаментальных исследований, данный критерий эффективности зачастую является определяющим. Научные открытия невозможно запланировать, а научную конференцию можно. Поэтому показатели бюрократической эффективности, как правило, превалируют над показателями экзогенной эффективности.

Определённым компромиссом между двумя видами этой эффективности являются публикации в высокорейтинговых международных журналах. Конечно, не каждая такая публикация содержит в себе научные открытия, но каждая должна иметь значимую научную новизну. Такие публикации проходят, как правило, жёсткое «слепое» рецензирование учёными, которые руководствуются скорее экзогенными показателями эффективности, чем бюрократическими. С другой стороны, научные фонды и некоторые работодатели требуют от учёных заранее планировать количество публикаций в таких журналах на год, что заставляет порой искусственно искать научную новизну, выдавать тривиальные результаты за экстраординарные и т.д.

Проще всего оценить публикационную активность научной организации, которая, хотя и далеко не в полной мере, характеризует общую эффективность деятельности научной организации. Такая библиометрическая оценка нечувствительна к уровню качества результатов. Однако, как правило, высокая публикационная активность больших организаций на протяжении значительного времени довольно жёстко скоррелирована с их достаточно высоким качеством.

Так как мы оцениваем не эффективность какой-то отдельной организации, а эффективность межправительственной организации как формы управления, нам необходимо сравнить её с другими формами. В качестве примера можно взять ЦЕРН и ОИЯИ как представителей межправительственных научных организаций и университеты Harvard и MIT как абсолютных лидеров академического капитализма, и сравнить их публикационные показатели в разделе «Nuclear and High Energy Physics» (см.: Рис. 4).

Рис. 4. Публикационная активность CERN, ОИЯИ, MIT и Гарварда по данным Scopus по тематике «ядерная физика и физика высоких энергий».
Figure 4. Publications by CERN, JINR, MIT, Harvard on «Nuclear and high energy physics» (Scopus)

Результаты публикационной активности оказываются сопоставимы, но с преимуществом в пользу межправительственных организаций. При этом количество авторов, нормированное на число публикаций, практически одинаковое от каждой организации – 49-55. Общее число авторов может включать одного и того же учёного столько раз, сколько его публикаций учтено в подсчёте.

Это говорит о том, что по крайней мере в такой стратегически важной для государств сфере как ядерная физика эффективность межправительственных организаций не уступает лидерам академического капитализма, таким как Гарвард и MIT.

Наверное, не случайно количественно международных межправительственных организаций больше всего именно в области фундаментальных наук (см.: Рис. 5).

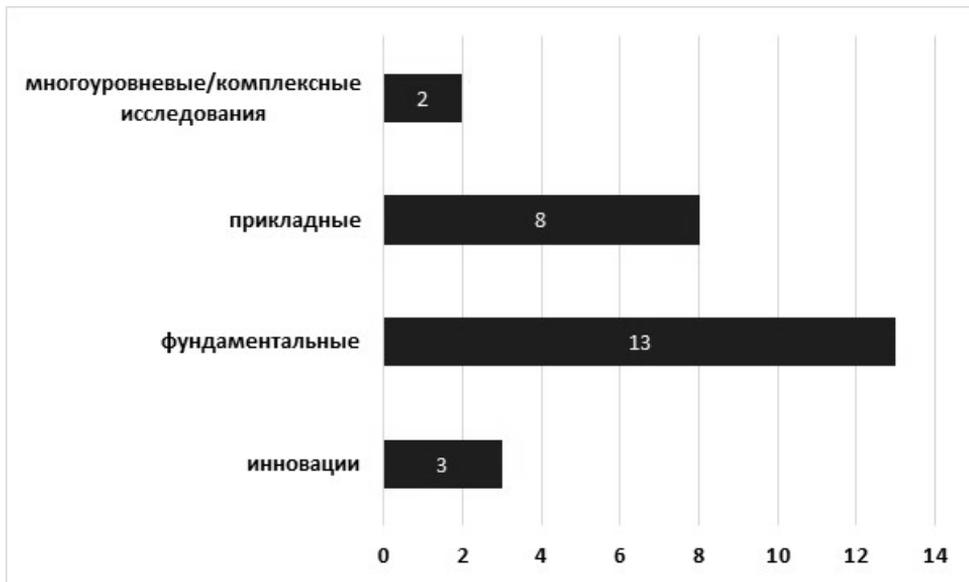

Рис. 5. Количество межправительственных МО по уровню исследований
Figure. 5. Number of intergovernmental IOs by level of research

Эффективность научной организации, международной в особенности, не сводится только к публикационной активности. Международные межправительственные организации призваны играть интеграционную роль как непосредственно в научных исследованиях, так и в подготовке кадров высочайшей квалификации для участвующих государств, обеспечивать платформу для интенсивного обмена знаниями и технологиями, служить площадкой для проведения международных конференций и совещаний.

Для того, чтобы детальнее оценить весь этот комплекс деятельности международных межправительственных организаций, рассмотрим одну из крупнейших в мире международных научных организаций — Объединённый институт ядерных исследований, расположенный на территории России.

Объединённый институт ядерных исследований как пример международной межправительственной научной организации

Объединённый институт ядерных исследований является международной межправительственной научно-исследовательской организацией, созданной в соответствии с Соглашением об организации Объединённого института ядерных исследований от 26 марта 1956 г. Членами ОИЯИ в настоящее время являются 18 государств. Еще шесть государств подписали с ОИЯИ соглашения на

правительственном уровне и имеют статус ассоциированных членов. Руководящим органом ОИЯИ является Комитет полномочных представителей государств-членов Института. Исполнительный орган — дирекция Института.

ОИЯИ входит в тройку самых больших по численности персонала (около 5000 человек) международных межправительственных организаций и находится на седьмом месте по объёму финансирования (см.: Рис. 6). Институт состоит из семи лабораторий, каждая из которых, по сути дела, является большим международным институтом, и учебно-научным центром.

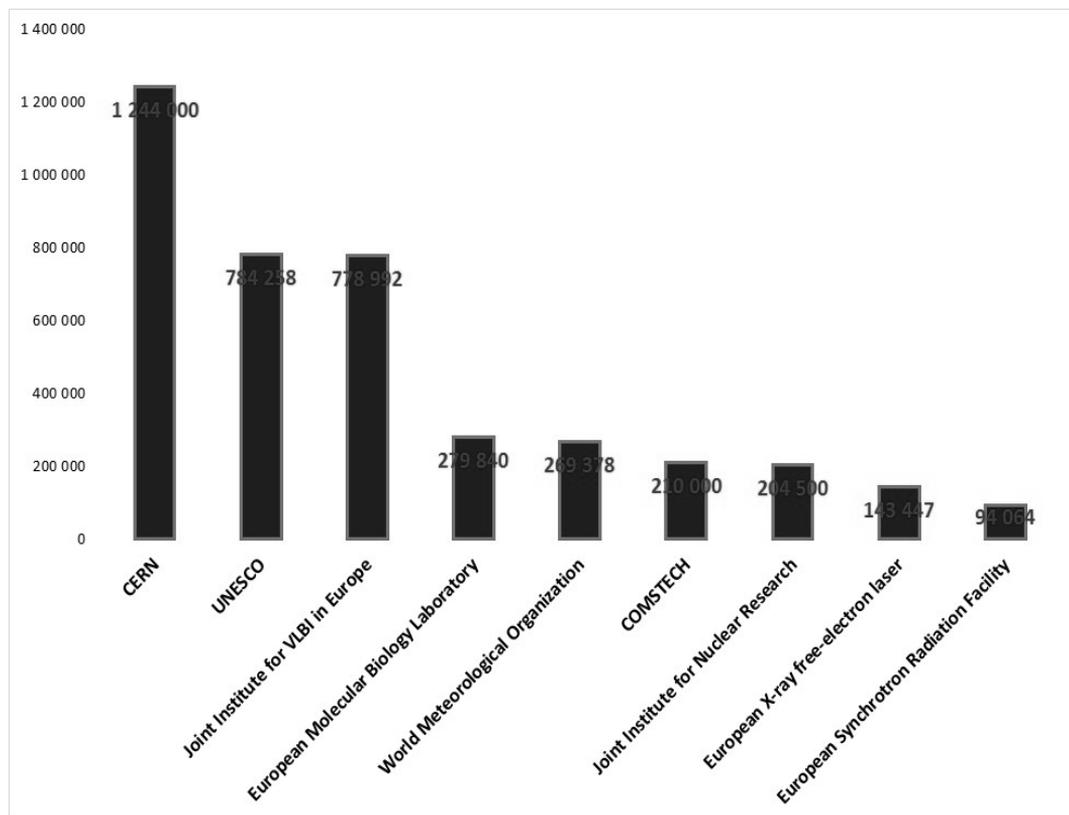

Рис. 6. Крупнейшие межправительственные МО по объёму финансирования (год, бюджет в тыс. долл. США, год)

Figure. 6. Fig. 6. The largest intergovernmental IOs by of funding (year budget in thousand US dollars, year)

Согласно Уставу, ОИЯИ создан для проведения фундаментальных исследований в области ядерной физики, физики элементарных частиц и физики конденсированных состояний, а также прикладных исследований в этих областях физики. На протяжении шестидесяти лет Институт развивался как мультидисциплинарный международный научный центр.

Научную политику Института вырабатывает Учёный совет, в состав которого, помимо крупных учёных, представляющих страны-участницы, вхо-

дят известные физики из многих стран, а также международной организации CERN.

Институт располагает замечательным набором экспериментальных физических установок: сверхпроводящим ускорителем ядер и тяжёлых ионов – нуклотроном, циклотронами тяжёлых ионов У-400 и У-400М с рекордными параметрами пучков для проведения экспериментов по синтезу тяжелых и экзотических ядер, уникальным нейтронным импульсным реактором ИБР-2, используемым для исследований по нейтронной ядерной физике и физике конденсированных сред, и ускорителем протонов – фазотроном, который используется для лучевой терапии. Вся экспериментальная научная программа ОИЯИ поддерживается блестящей школой теоретической физики, хорошо развитой в Институте методикой физического эксперимента, современными информационными технологиями, включая грид-технологии. Экспериментальная база ОИЯИ позволяет проводить не только передовые фундаментальные исследования, но и прикладные исследования в области физики конденсированного состояния вещества, в биологии, медицине, материаловедении, геофизике, инженерной диагностике, направленные на изучение строения и свойств наносистем и новых материалов, биологических объектов, на разработку и создание новых электронных, био- и информационных нанотехнологий.

В рамках прикладных исследований осуществляются проекты, направленные на развитие научной базы стран-участниц ОИЯИ, сооружение новых установок и разработку научных программ для них. За последние годы реализованы проекты создания циклотронов в Казахстане и Словакии.

ОИЯИ продолжает своё участие в крупных международных проектах (LHC, FAIR, XFEL), исследовательских программах на ускорителях RHIC и тэватрон (США), входит в число участников проекта по сооружению международного линейного коллайдера ILC.

На долю ОИЯИ приходится около 40 открытий в области ядерной физики. Особого упоминания заслуживает программа исследований сверхтяжелых элементов. Учёными Дубны были синтезированы новые, долгоживущие сверхтяжелые элементы с порядковыми номерами 113, 114, 115, 116, 117 и 118. Признанием выдающегося вклада ученых ОИЯИ в современную физику и химию стало решение Международного союза чистой и прикладной химии о присвоении 105-му элементу Периодической системы Д.И. Менделеева названия дубний, 114-му — флеровий – в честь Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ и её основателя академика Г.Н. Флерова, 115-му — московий и 118-му — оганесон — в честь академика Ю.Ц. Оганесяна (ЛЯР ОИЯИ) за его основополагающий вклад в исследование трансактиноидных элементов.

Научные успехи ОИЯИ свидетельствуют о том, что бюрократическая форма управления наукой на международном уровне остаётся целесообразной с точки зрения реальной (экзогенной) эффективности.

Международные межправительственные научные организации — интеграционная форма международного научно-технического сотрудничества, направленная на формирование долгосрочного (на стратегическую перспективу) сотрудничества между государствами в области научно-технологического развития в определённой сфере науки и технологий.

Эта форма существенно отличается от международного сотрудничества по определённому (единственному) конкретному проекту, т. к. интеграция требует согласования правил и норм всеми государствами — участниками, управляющими деятельностью международной межправительственной организации как целого.

Любой международный договор такого рода предполагает компромисс между государствами-участниками в вопросах собственности, нормативно-правовой базы, порядка выплаты взносов и их размеров, вообще порядка инвестирования материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов.

Сложность состоит в том, что сторонам необходимо договариваться по этим трудным вопросам. Однако это делается ради достижения научных результатов и технологических прорывов, которые другим способом достичь еще сложнее или вообще невозможно. Огромное достоинство состоит в гибкости этой схемы, неизбежности «перекрёстного» международного контроля (научного, финансового и т.д.) реализации проектов, разнообразии вариантов осуществления. Всякая такая международная организация — в определённой мере уникальна.

Как правило, такие организации (ЦЕРН, ОИЯИ) осуществляют множество проектов разного масштаба одновременно, обеспечивая баланс интересов и приоритетов стран-участниц в выборе тематики и т. п., гарантируя непрерывность, преемственность и тематическую гибкость научной программы в стратегической перспективе.

Чрезвычайная сложность процесса создания новой масштабной международной научной организации, зачастую явная зависимость от общеполитической ситуации в мире и есть основной и, наверное, единственный существенный, значительный недостаток обсуждаемой формы МНТС.

При определённых условиях (чрезвычайно большой масштаб проекта, высокая заинтересованность многих государств в его реализации и их готовность сделать большие интеллектуальные, материальные, финансовые инвестиции, благоприятные политические обстоятельства), создание и эксплуатация одной единственной инфраструктуры класса мегасайенс могут быть осуществлены в формате специально созданной международной организации. Однако, в этом случае процесс подготовки и заключения международного договора скорее всего будет не проще, чем создание самого объекта инфраструктуры.

Однако, если международная межправительственная организация создана, то она становится чрезвычайно эффективным инструментом управления международными научными проектами, в особенности класса мегасайенс.

Приложение 1.

Таблица 1. Перечень международных правительственных организаций (МПО) в сфере науки

Table 1. List of intergovernmental international organizations

№	Название
1.	Abdus Salam Centre for Physics
2.	Arab Regional Centre for World Heritage
3.	CERN
4.	COMSTEC
5.	European Forest Institute
6.	European Molecular Biology Laboratory
7.	European Synchrotron Radiation Facility
8.	European University Institute
9.	European X-ray free-electron laser
10.	Institute for Energy and Transport
11.	International Association of Geodesy
12.	International Centre for Theoretical Physics
13.	International Iberian Nanotechnology Laboratory
14.	International Institute for Applied Systems Analysis
15.	International Organization of Legal Metrology
16.	International Space Station Multilateral Coordination Board
17.	International Turkic Academy
18.	Joint Institute for Nuclear Research
19.	Joint Institute for VLBI in Europe
20.	Latin American Social Sciences Institute
21.	NATO Science for Peace and Security
22.	Space and Upper Atmosphere Research Commission
23.	UNESCO
24.	United States-India Science & Technology Endowment Fund
25.	World Climate Research Programme (WCRP) World Meteorological Organization

Таблица 2. Перечень международных организаций (МО) в сфере науки в форме международных ассоциаций национальных институтов

Table 2. The list of international organizations (IO) in the field of science in the form of international associations of national institutions

№	Название
1.	Asia-Oceania Top University League on Engineering
2.	Association for Chemoreception Sciences
3.	Association for the Scientific Study of Consciousness
4.	Association of International Research and Development Centers for Agriculture

№	Название
5.	Committee for International Cooperation in National Research in Demography
6.	Committee on Space Research
7.	Federation of Earth Science Information Partners
8.	Federation of the Universities of the Islamic World
9.	Genome Reference Consortium
10.	Genomic Standards Consortium
11.	German Institute of Science and Technology (Singapore)
12.	Gravitational Wave International Committee
13.	Informatics Europe
14.	InterAmerican Network of Academies of Sciences
15.	International Arctic Research Center
16.	International Association for Engineering Geology and the Environment
17.	International Forestry Resources and Institutions
18.	World Federation of Scientific Workers
19.	World Federation of Scientists

Таблица 3. Перечень МО в сфере науки в форме объединений на уровне национальных институтов

Table 3. The list of IO in science in the form of associations at the level of national institutions

№	Название
1.	Asian African Association for Plasma Training
2.	Association of European Operational Research Societies
3.	Catalan Institute of Nanoscience and Nanotechnology (ICN2)
4.	CEHAO
5.	Central European Institute of Philosophy
6.	Central European Institute of Technology
7.	CIML community portal
8.	Commission on Isotopic Abundances and Atomic Weights
9.	European Bioinformatics Institute
10.	European Science and Technology Observatory
11.	Federative International Committee on Anatomical Terminology
12.	Franco-German Institute
13.	Institut Français d'Archéologie Orientale
14.	Institut für Rundfunktechnik
15.	Institut Henri Poincaré
16.	Institute for Environment and Sustainability
17.	Institute for Health and Consumer Protection
18.	Institute for Prospective Technological Studies
19.	Institute for Reference Materials and Measurements
20.	Institute for the Protection and Security of the Citizen

№	Название
21.	Institute for Transuranium Elements
22.	International Association for Philosophy and Literature
23.	International Center for Relativistic Astrophysics
24.	International Kierkegaard Society
25.	International Society for Structural and Multidisciplinary Optimization
26.	International Society for the History of Philosophy of Science
27.	Los Amigos Biological Station
28.	Swedish Institute in Rome
29.	Synchrotron-Light for Experimental Science and Applications in the Middle East
30.	Tiputini Biodiversity Station
31.	TRIUMF
32.	United Nations University Institute on Computing and Society
33.	United Nations University International Institute for Software Technology
34.	West African Research Center
35.	World Maritime University
36.	WorldFish

Список литературы:

1. Бурдьё П. Поле науки // *Sociologie et Sociétés*. 1975. № 7(1). P. 91-118. [Электронный ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki>
2. Зиновьева Е.С. Международно-политические аспекты развития Интернета // *Вестник МГИМО Университета*. 2013. № 4 (31). С. 135-140.
3. Зиновьева Е.С. Российские интересы в сфере управления интернетом // *Международные процессы*. 2009. Т. 7. № 19. С. 101-108.
4. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты - предприятия - государство. Инновации в действии. Томск., 2010. 237 с.
5. Харкевич М. В. Трансформация «публичного» и «частного»: тенденции в финансировании фундаментальных исследований в развитых странах // *Международная жизнь*. 2016. №. 11. С. 158-166.
6. Barnett M., Finnemore M. *Rules for the world: International organizations in global politics*. Cornell University Press, 2004. 240 p.
7. Bernal J. D. *The Social Function of Science*. Cambridge, MA: MIT Press, 1967. 482 p.
8. Borrás S. Legitimate governance of risk at EU level? The case of GMOs // *Technological Forecasting and Social Change*. 2006. Vol. 73. Pp. 61-75.
9. Borrás S. Three tensions in the governance of science and technology // *The Oxford handbook of governance*. 2012. Pp. 429-440.
10. Braun D. Organising the political coordination of knowledge and innovation policies // *Science and Public Policy*. 2008. Vol. 35. Pp. 227-239.
11. Dong Y. et al. A century of science: Globalization of scientific collaborations, citations, and innovations // *Proceedings of the 23rd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining*. ACM, 2017. Pp. 1437-1446.
12. Edler J., Kuhlman S., Behrens, M. (eds.) *Changing Governance of Research and Technology Policy: The European Research Area*. Edward Elgar. 2003. 360 p.
13. Haas P. M. Introduction: epistemic communities and international policy coordination // *International organization*. 1992. Vol. 46. №. 1. Pp. 1-35.
14. Holland J. H. *Complex adaptive systems* // *Daedalus*. 1992. Vol. 121. № 1. Pp. 17-30.
15. Irwin A. STS perspectives on scientific governance // E. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, and J. Wajcman (eds.) *The Handbook of Science and Technology Studies*. Boston: MIT Press, 2008. Pp 583-607.
16. Kaiser R., Prange H. Managing diversity in a system of multi-level governance: The open

- method of coordination in innovation policy // Journal of European Public Policy. 2004. Vol. 11. Pp. 249–266.
17. Lane J. Let's make science metrics more scientific // Nature. 2010. Vol. 464. No. 7288. Pp. 488–489.
 18. Lyall C., Tait J. New Modes of Governance: Developing an Integrated Policy Approach to Science, Technology, Risk and the Environment. Aldershot: Ashgate, 2005. 208 p.
 19. Polanyi M. The republic of science: Its political and economic theory // Minerva. 1962. Vol. 1. Pp. 54–74.
 20. Slaughter S., Rhoades G. Academic capitalism and the new economy: Markets, state, and higher education. JHU Press, 2004.
 21. Smits R., Kuhlmann S. The rise of systemic instruments in innovation policy // International Journal of Foresight and Innovation Policy. 2004. Vol. 1. Pp. 4–32.
 22. Williamson O. E. Markets and hierarchies: some elementary considerations // The American economic review. 1973. Vol. 63. №. 2. Pp. 316–325.

Об авторах:

Максим Владимирович Харкевич – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, с.н.с. Объединённого института ядерных исследований. ул. Жолио-Кюри, 6. г. Дубна, Московская обл., Россия, 141980. E-mail: kharkevich@mail.ru.

Марина Брьевна Туманова – к.э.н., советник при Дирекции Объединённого института ядерных исследований. ул. Жолио-Кюри, 6. г. Дубна, Московская обл., Россия, 141980.

Дмитрий Сергеевич Коробов – инженер научно-организационного отдела Объединённого института ядерных исследований. ул. Жолио-Кюри, 6. г. Дубна, Московская обл., Россия, 141980.

Сергей Николаевич Неделько – к.ф.-м. н., начальник сектора, Лаборатория теоретической физики Объединённого института ядерных исследований. ул. Жолио-Кюри, 6. г. Дубна, Московская обл., Россия, 141980.

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта (уникальный идентификационный номер RFMEFI57217X0005) при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Российской Федерации.

GLOBAL SCIENCE GOVERNANCE: CASE OF INTERGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS

M.V. Kharkevich, M.Yu. Tumanova, D.S. Korobov, S.N. Nedelko
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-271-293

Joint Institute for Nuclear Research

Abstract: The globalization of science leads to an increase in the transaction costs of scientific work due to the specifics of the institutional, linguistic, cultural, infrastructural and other conditions of this activity in individual countries, institutions, scientific fields, etc. In addition, the increase in transaction costs is also influenced by the increasing interdependence between scientists around the world. Science is, in principle, collective creativity, but today it is truly global, and global collective work is more difficult to organize and provide than local or regional. The article discusses the role of international government organizations in the

governance of global science in the field of basic research. International governmental organizations are viewed primarily as bureaucratic structures, and basic science as club goods or a specific asset that is more effective to manage with the help of hierarchical bureaucratic structures. As a case study, the activities of the international government organization of the Joint Institute for Nuclear Research are investigated. The globalization of science leads to the need for its governance, as well as to the definition of criteria for the effectiveness of such governance. The article discusses two dimensions of effectiveness: endogenous (bureaucratic) and exogenous (real). Endogenous effectiveness suggests that the organization effectively implements its decisions. In case of international governmental organizations in the field of science, it means conducting planned scientific events, organizing conferences, workshops, field trips, signing cooperation agreements, and publish articles in authoritative journals. Exogenous effectiveness implies that the implementation of the measures taken leads to the solution of the general problem for which the organization was created – scientific discoveries, innovations, etc. In other words, the organization can extremely effectively ensure the implementation of extremely inefficient measures. Moreover, if the measures developed are effective, and the organization implements them inefficiently, the result will also be low. Therefore, it is important to consider both aspects when analyzing the effectiveness of an organization.

The purpose of the article is to consider the contradictions associated with the diversity of governance forms using the example of international governmental organizations in the field of science. Science as a social practice develops in a network form of self-organization, while international governmental organizations are instruments of bureaucratic (hierarchical) governance. The main thesis of this article is that under the conditions of globalization, the governance of basic science is carried out more effectively with the help of international intergovernmental organizations. To prove this thesis, the article uses the case study method, namely, the case of an international intergovernmental organization in the field of nuclear physics, the Joint Institute for Nuclear Research (JINR) in the Russian city of Dubna.

Key words: globalization of science, transaction costs, international bureaucracy, JINR.

References

1. Bourdieu P. Pole nauki [Field of Science]. *Sociologie et Sociétés*. 1975, no. 7 (1), pp. 91-118 URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki> (In Russian).
2. Zinovieva E.S. Mezhdunarodno-politicheskiye aspekty razvitiya Interneta [International political aspects of the development of the Internet]. *MGIMO-Review of International Relations*. 2013, no. 4 (31), pp. 135-140. (In Russian).
3. Zinovieva E.S. Rossiyskiye interesy v sfere upravleniya internetom [Russian interests in the field of Internet governance] *International processes*. 2009, vol. 7, no. 19, pp. 101-108. (In Russian).
4. Itskovitz G. *Troynaya spiral'. Universitety-predpriyatiya - gosudarstvo. Innovatsii v deystvii* [Triple Helix. Universities - enterprises - the state. Innovation in ac-
5. Kharkevich M.V. Transformatsiya «publichnogo» i «chastnogo»: tendentsii v finansirovaniy fundamental'nykh issledovaniy v razvitykh stranakh [Transformation of "Public" and "Private": Trends in Funding for Fundamental Research in Developed Countries]. *International Affairs*. 2016, no. 11, pp. 158-166. (In Russian).
6. Barnett M., Finnemore M. *Rules for the world: International organizations in global politics*. Cornell University Press, 2004. 240 p.
7. Bernal J. D. *The Social Function of Science*. Cambridge, MA: MIT Press, 1967. 482 p.
8. Borrás S. Legitimate governance of risk at EU level? The case of GMOs. *Technological Forecasting and Social Change*. 2006, vol. 73, pp. 61–75.

9. Borrás S. *Three tensions in the governance of science and technology*. The Oxford handbook of governance. 2012, pp. 429-440.
10. Braun D. Organising the political coordination of knowledge and innovation policies. *Science and Public Policy*. 2008, vol. 35, pp. 227-239.
11. Dong Y. et al. A century of science: Globalization of scientific collaborations, citations, and innovations. *Proceedings of the 23rd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining*. ACM, 2017, pp. 1437-1446.
12. Edler J., Kuhlman S., Behrens, M. (eds.) *Changing Governance of Research and Technology Policy: The European Research Area*. Edward Elgar. 2003. 360 p.
13. Haas P. M. Introduction: epistemic communities and international policy coordination. *International organization*. 1992, vol. 46, no. 1, pp. 1-35.
14. Holland J. H. Complex adaptive systems. *Daedalus*. 1992, vol. 121, no. 1, pp. 17-30.
15. Irwin A. *STS perspectives on scientific governance*. In: E. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, and J. Wajcman (eds.) *The Handbook of Science and Technology Studies*. Boston: MIT Press, 2008, pp 583-607.
16. Kaiser R., Prange H. Managing diversity in a system of multi-level governance: The open method of coordination in innovation policy. *Journal of European Public Policy*. 2004, vol. 11, pp. 249-266.
17. Lane J. Let's make science metrics more scientific. *Nature*. 2010, vol. 464, no. 7288, pp. 488-489.
18. Lyall C., Tait J. *New Modes of Governance: Developing an Integrated Policy Approach to Science, Technology, Risk and the Environment*. Aldershot: Ashgate, 2005. 208 p.
19. Polanyi M. The republic of science: Its political and economic theory. *Minerva*. 1962, vol. 1, pp. 54-74.
20. Slaughter S., Rhoades G. *Academic capitalism and the new economy: Markets, state, and higher education*. JHU Press, 2004.
21. Smits R., Kuhlmann S. The rise of systemic instruments in innovation policy. *International Journal of Foresight and Innovation Policy*. 2004, vol. 1, pp. 4-32.
22. Williamson O. E. Markets and hierarchies: some elementary considerations. *The American economic review*. 1973, vol. 63, no. 2, pp. 316-325.

About the authors:

Kharkevich M.V. – PhD (Political Science), Associate Professor of the Department of World Political Processes, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Senior Scientist Joint Institute for Nuclear Research. st. Joliot-Curie, 6. Dubna, Moscow region, Russia, 141980. E-mail: kharkevich@mail.ru.

Tumanova M.Yu. – PhD (Economics), Advisor to the Directorate of the Joint Institute for Nuclear Research. Joliot-Curie, 6. Dubna, Moscow region, Russia, 141980.

Korobov D.S. – Engineer of the Scientific and Organizational Department of the Joint Institute for Nuclear Research. Joliot-Curie, 6. Dubna, Moscow region, Russia, 141980.

Nedelko S.N. – PhD (Physics), Head of Sector, Laboratory of Theoretical Physics, Joint Institute for Nuclear Research. Joliot-Curie, 6. Dubna, Moscow region, Russia, 141980.

The article was prepared as part of the project (unique identification number RFMEFI57217X0005) with financial support from the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation.

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ И ОБЩЕСТВА

Ш.Р. оглы Гусейнов, М.И. Иноземцев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
ООО «Полифония-Культур»

На основе результатов компаративного исследования параметров теоретического обоснования элементов и аспектов корпоративного управления сформирована авторская позиция в отношении проблемного поля управления корпоративными образованиями в современной экономике, включающего четыре группы противоречий: 1) противоречия существующим теоретическим подходам; 2) противоречия, возникающие при использовании в практике методологического инструментария; 3) противоречия, возникающие при использовании вошедших в деловую практику методов и методик и не решаемые заменой в рамках известного инструментария; 4) прогностические противоречия. В статье сделан акцент на существующее исторически в корпоративных образованиях определенное отставание теоретических конструкций от практики управления, что в современных условиях развития информационно-коммуникационных технологий, действующих одновременно как на внешнюю, так и на внутреннюю среду, требует адаптации, модификации и корректировки теорий и методологии корпоративного управления. Проанализированы цели корпоративного управления в трактовках Всемирного Банка (World bank), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Банка России, а также основные принципы публичных компаний. Предложена авторская систематизация теорий корпоративного управления, включающая: а) базовые теории, объясняющие элементы управления корпорацией как фирмой; б) концептуальные теории, объясняющие природу и предмет отношений субъектов корпоративного управления; в) корректирующие теории, которые вносят дополнения в раскрытие элементов корпоративного управления, сформированных в базовых и концептуальных теориях. Сделан вывод, что в условиях постоянной изменчивости внешней среды, необходимости снижения рисков и анализа больших объемов информационных данных корпоративное управление

JEL G34, УДК 338.242.2

Поступила в редакцию 10.10.2018 г.

Принята к публикации 28.11.2018 г.

должно обеспечивать возможности разработки и принятия адекватных решений с учётом фактора времени. Обоснована необходимость актуализации принципов корпоративного управления с учетом современных тенденций цифровой трансформации экономики, развития информационного общества и всеохватывающего проникновения сетей в процессы взаимодействия компании и ее акционеров и раскрытия. Представлена авторская трактовка основных проблем корпоративного управления при развитии цифровой экономики, систематизированных по категориям: теоретические, методологические, практические и прогностические, позволившая учесть значимые параметры внутренней и внешней среды современных корпораций (изменение структуры активов корпорации, влияние асимметричности информации, всеобщее проникновение интернета, использование распределенных баз данных, обработка больших данных и др.).

Ключевые слова: корпоративное управление, цифровая трансформация, стейкхолдер, большие данные, агентские издержки, асимметричность информации.

Проблемное поле корпоративного управления

Классическая модель управления корпоративными образованиями подразумевает поиск зависимости их функционирования от внутренней и внешней среды организации. Взаимовлияние внутренней и внешней среды проявляется в условиях развития цифровой экономики, когда с одной стороны происходит трансформация производственных, трудовых, экономических процессов, ресурсного обеспечения. С другой стороны, происходит цифровизация отношений с потребителями и поставщиками, изменение каналов товародвижения и финансирования деятельности компаний при обработке больших объемов информационного потока. Возникает насущная потребность быстрых изменений в корпоративном управлении. Для этого необходимо выявить противоречия, которые складываются в корпоративной практике в условиях цифровой среды и инструментарием корпоративного управления.

Опишем проблемное поле корпоративного управления в цифровой экономике следующим образом, разбив все противоречия на четыре группы:

– Устаревшие теоретические подходы. При отсутствии достаточного опыта корпоративного управления в условиях цифровой экономики пока невозможно разработать принципиально новые подходы. В этой связи целесообразно адаптировать известные теории к новым экономическим условиям.

– Противоречия, возникающие при использовании методологического инструментария корпоративного управления, что ведет к необходимости развития методологии на базе модифицированных теорий. Развитие методологического инструментария требует корректировки как основных подходов к целеполаганию, так и к построению бизнес-моделей и поиску новых алгоритмов поиска оптимальных управленческих решений.

– Противоречия, возникающие при использовании вошедших в деловую практику приёмов и методик, которые сложно заменить в рамках известного инструментария.

– Прогностические противоречия. С учётом характера неопределённости цифровой трансформации как внешней, так и внутренней среды компаний, необходимо учитывать вероятностные аспекты её влияния на принципы и методы корпоративного управления. В настоящее время прогнозы о будущем цифровой экономики носят достаточно размытый, публицистичный характер.

Рассматривая возникающие противоречия, необходимо обратить внимание, что в корпоративных образованиях исторически всегда имело место некоторое отставание теоретических конструкций от практики управления. Корпоративное управление возникло еще в начале XVII в. в практике Английской и Голландской Ост-Индской компаний [26]. Общепринятого определения корпоративного управления до настоящего времени не сформировано, несмотря на то, что сама теория корпоративного управления начала разрабатываться в XIX в.¹ Целесообразно использовать междисциплинарный подход [7; 10; 35], позволяющий представить особенности формальных и неформальных отношений в корпоративных группах интересов. Так, корпоративное управление рассматривается как:

– организационная модель взаимоотношений и регулирования интересов сторон (акционеров и менеджеров, включая совет директоров) в акционерных обществах;

– система управления компанией (акционерным обществом), обеспечивающая её эффективное функционирование и справедливое распределение результатов её деятельности [33] за счёт согласования целей различных заинтересованных сторон;

– инструмент разделения функций владения и управления, созданный с целью защиты интересов собственников, при этом корпоративное управление является частью стратегического управления [29] (хотя есть мнение, что корпоративное управление – это система общего менеджмента корпорации [45]);

– формальные и неформальные правила [30] и процессы, обеспечивающие контроль за совершением корпоративных действий в силу принадлежности бизнеса собственникам/инвесторам, которым управляют делегированные агенты (совет директоров и менеджмент).

Цели же корпоративного управления более чётко обозначены в документах различных международных и национальных регуляторов. Так, например, в соответствии с определением Всемирного Банка (World bank), корпоративное управление представляет собой модель, учитывающую требования законодательства и практику функционирования в частном секторе, что позволяет ком-

¹ Динамика развития корпораций: в Англии в 1843 г. функционировало 994 акционерных компаний, к 1855 г. их стало 4409, при этом в США с момента объявления независимости в 1796 г. образовалось только 20 корпораций, а в 1800 г. их число составило 335 ед. - Магданов П.В. История возникновения корпораций до начала XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-korporatsiy-do-nachala-xx-v>.

паниям обеспечивать эффективную деятельность с целью повышения рыночной стоимости компании при соблюдении интересов акционеров и общества в целом [22]. В соответствии с трактовкой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в компаниях должна быть создана система корпоративного управления как внутренний инструмент управления в части установления правил и порядка принятия решений по делам корпорации, а также реализации функций организации, планирования и контроля, с чётким определением прав и обязанностей членов совета директоров, акционеров, других заинтересованных сторон и лиц, входящих в корпорацию². Банк России рассматривает корпоративное управление как инструмент эффективного контроля за деятельностью компании со стороны акционеров и других заинтересованных сторон на основе формирования системы их взаимоотношений, обеспечивающей сохранность и эффективное использование предоставленных акционерами средств, а также управление рисками с целью недопущения снижения инвестиционной привлекательности компании и стоимости её акций³.

Систематизация теорий корпоративного управления

Представленные выше определения являются следствием эволюции концепций корпоративного управления, которая прошла путь от акцента на моделях поведения и принятия решений акционерами [16], до приоритизации ответственности менеджеров перед акционерами. Рассмотрим теории корпоративного управления, в том числе представленные в известных работах Ж. Шару⁴ (микро- и макро-теории корпоративного управления) и В.А. Цветкова [26] (неоклассические, эволюционные, институциональные и неинституциональные подходы к исследованию корпоративных структур), представив их в следующих группах (рис. 1).

1. Базовые теории корпоративного управления объясняют элементы управления корпорацией как фирмой:

– *Теория систем* рассматривает корпорацию в виде системы как «совокупности взаимодействующих частей» (по А.А. Богданову [2]), что позволяет идентифицировать внутренние связи между элементами системы (т.е. структуру системы) и её внешнюю среду, определяющие особенности её функционирования и развития. Функционирование системы осуществляется через реализацию её функции, при этом управление ориентировано на достижение цели системы через организацию взаимодействия всех её элементов.

² Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР, OECD Publishing, Paris, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2016/04/ПКУ.pdf>. DOI: 10.1787/9789264252035-ru

³ Кодекс корпоративного управления (письмо Банка России от 10 апреля 2014 года №06-52/2463).

⁴ Charreaux G. Corporate governance theories: From micro theories to national systems theories. Universite de Bourgogne Fargo Working Paper No. 1040101, 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=486522. (Дата обращения: 10.12.2018)

Рис. 1. Систематизация теорий корпоративного управления.

Figure. 1. Systematization of theories of corporate governance.

Источник: разработано автором.

– *Неоклассическая теория фирмы* рассматривает компанию как «чёрный ящик» [3], в котором происходит преобразование ресурсов в блага (продукцию или услуги). Деятельность фирмы представляется в виде производственной функции, поэтому задача управления сведена к повышению эффективности используемых ресурсов (природные ресурсы, труд, капитал, предпринимательские способности и др.) на основе зависимости между их количеством и объёмом выпускаемой продукции в единицу времени, но не рассматривает решение задач внешнего финансирования, ценообразования, конкурентоспособности или изменения ассортимента продукции, что может являться источником увеличения прибыли. При этом следует отметить, что по мере развития практики стали появляться модифицированные теории фирмы, такие как модель Г. Саймона, согласно которой менеджмент в основе управления должен ставить задачу максимизации не прибыли, а «достижение определённого уровня прибыли, удержание определенной доли рынка и определённого уровня продаж» [23].

– *Управленческая (менеджерная) теория фирмы* рассматривает два важных аспекта: 1) проблему контроля в корпорации, когда за собственником остается функция владения, а распоряжение имуществом и фактический контроль текущей деятельности переходит к наёмному менеджеру. Чем больше собственников, тем больше контроль со стороны менеджера. 2) Цели деятельности фирмы: а) согласно теории фирмы У. Баумоля – это максимизация выручки от реализации продукции [31]; б) согласно теории фирмы Р. Марриса – это рост объёмов продаж при достижении целей роста (на конкурентных рынках [8]) и диверсификации (расширение номенклатуры продукции) [44], что обеспечивает

менеджерам получение соответствующего вознаграждения, а акционерам – понятный критерий эффективности работы менеджеров, а далее – выплату дивидендов и повышение стоимости акций.

– *Институциональная теория фирмы* подразумевает, что корпорация представляет собой экономическую организацию с определённой структурой в виде формальных и неформальных, внутренних и внешних контрактов между собственниками, управляющими и работниками, которая как альтернатива рыночной координации позволяет снижать транзакционные издержки при координации использования ресурсов [1; 14]. При этом выделяются следующие формы контрактов: а) классический, т.е. формальный и юридически оформленный; б) неоклассический, т.е. построенный на принципах сотрудничества сторон на среднесрочную и долгосрочную перспективу и учитывающий устные договорённости; в) имплицитный, т.е. взаимовыгодный контракт, обеспечивающий максимально возможную степень взаимной зависимости участников сделки на основе преобладания неформальных условий над формальными.

– *Эволюционная теория фирмы* рассматривает функционирование фирмы как эволюционный процесс, с учетом её выживания, изменчивости, наследования и отбора. В условиях ограниченной рациональности, неполноты информации и наличия неопределённости фирмы не имеют единого критерия оптимальности принимаемых решений, могут становиться саморегулируемой системой, адаптирующейся к внешним изменениям на основе инновационного развития [27], а выбор стратегии и реагирования на изменения внешней и внутренней среды происходит на основе прошлого успешного опыта и имеющихся организационных способностей [17].

– *Организационная теория фирмы* рассматривает организационное проектирование структурных единиц корпорации и включает: а) классический подход с упором на бюрократизацию внутрифирменных процессов и централизацию управления; б) социально-психологический подход с упором на децентрализацию управления и передачу полномочий на нижние уровни управления; в) ситуационный подход, предполагающий конфигурирование управленческих подходов [13];

– *Поведенческая теория фирмы* рассматривает проявления внутренних конфликтов между отдельными лицами и группами по поводу приоритетности целей организации производства, создания товарных запасов и управления ими, сбыта продукции, планирования увеличения доли на рынке или формирования прибыли, а также процессы принятия решений как охватывающие все уровни управления и их исполнения [36].

2. Концептуальные теории корпоративного управления объясняют природу и предмет отношений субъектов корпоративного управления:

– *теория прав собственности (inherent property rights theory)* доказывает, что ресурс сам по себе не является собственностью, а собственность составляет «набор или доля прав на использование ресурса» (в соответствии с перечнем

А. Оноре [11]). При этом структура прав собственности определяет распределение и использование ресурсов на основе поведенческих отношений между людьми, а в центре внимания – только статус акционеров корпорации, поэтому возможности для возникновения прав требования на часть её доходов не рассматривается в отношении прочих заинтересованных лиц корпорации. В теории следует выделить три важных аспекта: а) права собственности – это определённые «правила игры», принятые в обществе; б) в силу ограниченности ресурсов обеспечение прав собственности предусматривает исключение ряда лиц из числа собственников ресурсов; в) спецификация прав собственности обеспечивает закрепление полномочий за одним или несколькими экономическими субъектами, а приобретение прав собственности рассматривается только для тех лиц, сознающих их ценность или возможности извлечения максимальной пользы от владения ими.

– *Теория агентских отношений (agency theory)* рассматривает конфликты интересов и возможности нахождения компромиссов в отношениях акционеров и менеджмента (модель «принципал – агент» [9]) при допущении наличия оппортунистического поведения [24] и асимметрии информации. При этом система корпоративного управления должна быть ориентирована на достижение целей максимизации благосостояния акционеров за счёт реализации функций контроля за деятельностью менеджмента и агентских издержек.

– *Теория попечительства (stewardship theory)* представляет собой модификацию теории агентских отношений в части усиления практики организационной психологии и социологии и рассматривает менеджеров как опекунов акционеров, действующих в соответствии с их интересами [37], при этом в качестве снижения агентских издержек предлагаются варианты финансового вознаграждения менеджеров для их лучшей мотивации. Следует отметить, что эмпирические исследования в рамках подтверждения данной теории иногда противоречат теории агентских отношений (например, положительные эффекты для компании при совмещении должности председателя совета директоров и генерального директора [38] или при действиях инсайдеров в совете директоров [46]).

– *Теория стейкхолдеров* ориентирована на поиск взаимовыгодного состояния равновесия между менеджерами и всеми заинтересованными сторонами в корпорации [39; 40], при этом рассматривает менеджеров корпорации как агентов всех заинтересованных лиц корпорации [41] и признаёт наличие конкуренции между различными группами стейкхолдеров за контроль над корпорацией и её доходами [32; 34; 47].

– *Концепция управления стоимостью компании (value-based management)* подразумевает, что основная цель корпоративного управления – это капитализация бизнеса [15]. Это приводит к проникновению соответствующей идеологии на все уровни управления;

3. Корректирующие теории корпоративного управления. Такие теории вносят дополнения в базовые подходы:

– *концепция социальной корпоративной ответственности* подразумевает «корпоративное гражданство», подчеркивая важность пользы деятельности корпорации для общества [12; 49]. Планирование в корпорации должно обеспечивать реализацию программ социальной ответственности [19; 50] и учитывать мнения различных социальных групп общества.

– *Ресурсная концепция* исходит из того, что менеджеры координируют формирование различных наборов ограниченных и неделимых ресурсов для получения прибыли от реализации товаров на рынке и (или) выполнения работ (услуг) [20]. При этом конкурентные преимущества генерируются внутри фирмы.

– *Теория компетенций* выделяет ресурсы, имеющиеся и конкретно задействованные в деятельности фирмы, которые обеспечивают её функционирование, и особые ресурсы – компетенции, которые обеспечивают конкурентное преимущество и получение сверхнормальной прибыли [4-6; 21], при этом сами компетенции могут быть присущи фирме или быть сформированы (также на основе комбинаций компетенций) на основе стандартных и уникальных знаний.

– *Когнитивная теория* ориентирована на анализ процессов принятия решений с учётом ограниченного выбора и неполной информации [43], а также прошлого опыта и особенностей мышления. Изучаются психологические аспекты поведения лиц с разными экономическими целями, что позволяет сравнивать и прогнозировать поведение стейкхолдеров.

– *Макротеории неинституциональной экономики* включают несколько концептуальных подходов, отличающихся различным представлением о приоритете влияния факторов внешней среды (макроэкономических факторов) на характер корпоративного управления. Финансово-правовая теория рассматривает финансовую систему государства и, соответственно, законодательство, её определяющее, как решающий фактор обеспечения гарантии прав инвесторов и акционеров⁵ и на основе этого – обеспечения эффективной структуры и деятельности корпораций⁶. Основной вывод данной теории – финансово-правовая система, защищающая права акционеров, даёт стимул к развитию корпоративного управления и ведёт к концентрации собственности в государстве⁷; б) теория «разновидностей капитализма» предполагает, что в институциональной системе государства должны быть сформированы институты (в том числе и корпоративного управления и внутрифирменных отношений), которые при определённых условиях становятся комплементарными⁸; и др.

⁵ Levine R. Legal Theories of Financial Development [Электронный ресурс]. URL: https://siteresources.worldbank.org/DEC/Resources/Legal_Theories_of_Financial_Development.pdf (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

⁶ Huang P.H., Knoll M.S. Corporate Finance, Corporate Law and Finance Theory. Faculty Scholarship, 2000. Paper 1141 [Электронный ресурс]. URL: http://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/1141. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

⁷ Charreaux G. Corporate governance theories: From micro theories to national systems theories. Universite de Bourgogne Fargo Working Paper No. 1040101, 2004. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=486522. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

⁸ Hall P.A., Gingerich D.W. Varieties of capitalism and institutional complementarities in the macroeconomy: An empirical analysis. Working paper, Harvard University, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.harvard.edu/~phall/VofCIIntro.pdf>. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

Целесообразность актуализации принципов корпоративного управления для целей развития компаний в цифровой среде

Достижение целей корпоративного управления обеспечивается за счёт реализации принципов, изначально сформированных в 1992 г. в докладе Комитета по финансовым аспектам корпоративного управления при совете по финансовой отчетности Лондонской фондовой биржи [48] и ставших основой для разработки кодексов корпоративного управления как компаний, так и наднациональных и национальных регуляторов.

Если обратиться к практике российских компаний, то следует отметить, что в 2014 г. Правительство РФ обязало компании с государственным участием («Роснефть», «Газпром», Сбербанк, ВТБ, «Транснефть», «Ростелеком», РЖД, «Россети», «Аэрофлот», «Алроса», «Русгидро», «Совкомфлот» и ФСК ЕЭС) разработать кодексы корпоративного управления. Стандарты корпоративного управления как собственные внутренние документы для достижения долгосрочных целей повышения инвестиционной привлекательности разрабатывались на основе положений Кодекса корпоративного управления Банка России⁹ (письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. №06-52/2463), заменившего действовавший с 2002 г. Кодекс корпоративного поведения и рекомендованного к применению акционерными обществами, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам. К принципам корпоративного управления отнесены: 1) обеспечение прав акционеров на участие в управлении обществом и их дивидендных прав; 2) организация эффективной деятельности и определение функций совета директоров; 3) обеспечение текущего взаимодействия с акционерами, координации действий общества по защите прав и интересов акционеров, реализуемое корпоративным секретарем; 4) формирование системы вознаграждения членов органов управления, а также важных руководящих работников общества в соответствии с результатом работы общества и их личным вкладом в достижение этого результата; 5) создание эффективной системы управления рисками и внутреннего контроля, направленной на обеспечение разумной уверенности в достижении поставленных перед обществом целей, посредством организации проведения внутреннего аудита; 6) обеспечение прозрачности деятельности общества для акционеров, инвесторов и иных заинтересованных лиц на основе раскрытия полной, актуальной и достоверной информации, равнодоступности данной информации и реализации соответствующей информационной политики; 7) справедливость и соблюдение прав и интересов акционеров, а также иных заинтересованных сторон при реализации существенных корпоративных действий, которые в значительной степени влияют или могут повлиять на структуру акционерного капитала и финансовое состояние общества и, соответственно, на положение акционеров.

⁹ Кодекс корпоративного управления (письмо Банка России от 10 апреля 2014 года №06-52/2463).

Соответственно принципы корпоративного управления, разработанные ведущими российскими корпорациями, полностью соответствуют вышеприведённым принципам из рекомендуемого Кодекса корпоративного управления Банка России. При этом, например:

– кодекс корпоративного управления Сбербанка разработан с целью обеспечения устойчивого развития бизнеса, а также с учётом понимания значимости уважения и обеспечения прав и законных интересов акционеров¹⁰, при этом система корпоративного управления ориентирована на долгосрочное повышение стоимости акционерного капитала, поэтому при планировании деятельности учитываются как финансовые, так и макроэкономические, социальные и экологические аспекты.

– кодекс корпоративного управления «Аэрофлота» ориентирован на защиту прав и поддержку благосостояние своих акционеров, реализуя привлекательные условия труда для своих работников и широкий спектр социальных и экологических программ в соответствии с лучшей российской и мировой практикой¹¹, при этом отличительной особенностью является включение принципа соблюдения этических норм и стандартов социальной ответственности при ведении бизнеса;

– кодекс корпоративного управления «Роснефти» сформирован на основе учёта существенного влияния факторов повышения инвестиционной привлекательности и экономической эффективности деятельности компании, поэтому ориентирован на достижение целей роста стоимости компании и увеличению благосостояния ее акционеров¹², а также сокращения рисков неэффективного использования ресурсов и повышения эффективности бизнес-процессов на основе разработки и внедрения требований к проектированию форм и процедур контроля на основе их унификации и оптимизации.

Качество корпоративного управления в госкомпаниях рассматривается институциональными и портфельными инвесторами индивидуально по отношению к каждой компании с учётом истории отношений с акционерами, финансовых результатов деятельности и дивидендной политики, характера взаимодействий компании и инвесторов, эффективности менеджмента компании, что отражается в их оценках (табл. 1). Тем не менее, по представленным данным вполне можно сделать вывод о том, какие компании стараются соблюдать принципы корпоративного управления в своей деятельности, а какие представляют

¹⁰ Кодекс корпоративного управления Сбербанка (утвержден решением Наблюдательного совета ОАО «Сбербанк России» от 20.04.2015 г. протокол №19) [Электронный ресурс]. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/Code_of_Corporate_Governance_of_Sberbank_ru.pdf. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

¹¹ Кодекс корпоративного управления ПАО «Аэрофлот» (утвержден решением Совета директоров ПАО «Аэрофлот» от 21.12.2017 г. протокол №7) [Электронный ресурс]: URL: http://ir.aeroflot.ru/fileadmin/user_upload/files/rus/common_info/vnutr_dokumenty/kodeks_korporativnogo_upravleniia.pdf. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

¹² Кодекс корпоративного управления ПАО «НК «Роснефть»» (утверждён решением Совета директоров ОАО «НК «Роснефть»» от 11.06.2015 г. протокол №36, с изменениями, утверждёнными решением Совета директоров ПАО «НК «Роснефть»» от 22.06.2017 протокол №29, введенными в действие приказом ПАО «НК «Роснефть»» от 28.08.2017 №489) [Электронный ресурс]: URL: [https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/P3-01_KC-01\(2\).pdf](https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/P3-01_KC-01(2).pdf). (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

их лишь декларативно. Также следует отметить, что дивидендная доходность и капитализация компаний с хорошим корпоративным управлением существенно выше средней по рынку, однако прямая зависимость в отношении российских ПАО не выявлена (так, например, ПАО «Газпром» имеет ниже среднего значение показателя качества корпоративного управления, но при этом в рейтинге капитализации идёт следом за лидером ПАО «Сбербанк» и обеспечивает аналогичную дивидендную доходность; или ПАО АНК «Башнефть» не входит в двадцатку самых дорогих компаний России, но имеет высокий показатель качества корпоративного управления и дивидендную доходность).

Таблица 1. Показатели качества корпоративного управления в российских ПАО в 2017 г.

Table 1. Indicators of the quality of corporate governance in Russian PJSC in 2017

Компания	Средняя оценка качества корпоративного управления (шкала оценки от 1 до 5)	Капитализация, млн. долл.	Место в рейтинге по капитализации	Дивидендная доходность, %
ПАО «Газпром»	1,85	53 349	2	5,5
Банк ВТБ (ПАО)	2,19	10 595	14	6,9
ПАО «Россети»	2,69	2 839	40	0
ПАО «ОАК»	2,8	4 899	32	0
ПАО «НК «Роснефть»	2,85	53 304	3	2,2
ПАО «ФСК ЕЭС»	2,94	5 391	35	7,8
ПАО «РусГидро»	2,96	5373	30	3,8
ПАО «Ростелеком»	3,09	2 840	39	6,7
ПАО «Аэрофлот»	3,5	2 681	44	9,1
АК «АПРОСА» (ПАО)	3,76	9 584	18	5,2
ПАО АНК «Башнефть»	3,84	5 793	26	7,4
ПАО «Сбербанк»	4,07	84 311	1	5,6

Источник: составлено автором на основе данных¹³.

Для сравнения, если обратиться к принципам наднационального уровня, то принципы корпоративного управления G20/ОЭСР (редакция 2015 г.) ориентированы на достижение целей содействия созданию среды доверия, прозрачности и ответственности, которая необходима для финансовой устойчивости

¹³ Оценка корпоративного управления в публичных акционерных обществах с участием Российской Федерации, акции которых обращаются на организованном рынке ценных бумаг. 2017 год. ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://buscom.hse.ru/data/2017/04/20/1168797690/Последняя%20версия%20отчета_рус.pdf. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

ТОП-100 крупнейших по капитализации компаний России – 2018. РИА-Рейтинг / Россия сегодня [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180130/630080911.html>. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

Официальные сайты указанных в табл. 2 ПАО, раздел «Инвесторам и акционерам», «Раскрытие информации».

и стимулирования долгосрочных капиталовложений, прозрачности предпринимательской деятельности, поэтому они определяют базовые элементы структуры корпоративного управления с учётом их применения на национальном уровне¹⁴. Определены следующие принципы корпоративного управления: 1) обеспечение формирования эффективной структуры корпоративного управления, которая должна при соблюдении требований верховенства закона стимулировать прозрачные и справедливые рынки и эффективное распределение ресурсов; 2) защита прав и обеспечение справедливого и равного отношения ко всем акционерам, включая миноритарных акционеров и акционеров-нерезидентов; 3) функционирование институциональных инвесторов, рынков ценных бумаг и иных посредников должно быть поддержано инфраструктурой корпоративного управления через создание стимулов и способствовать развитию надлежащего корпоративного управления; 4) признание законодательно предусмотренных прав заинтересованных лиц и стимулирование активного сотрудничества между корпорациями и заинтересованными лицами для обеспечения благосостояния общества и финансовой устойчивости предприятий, сохранения и создания новых рабочих мест; 5) обеспечение своевременного и точного раскрытия информации по всем существенным вопросам, касающимся корпорации, включая финансовое положение, результаты деятельности, собственность и управление компанией; 6) совет директоров обеспечивает стратегическое управление компанией, эффективный контроль за менеджментом, а также подотчётен перед компанией и акционерами.

В настоящее время развитие корпоративного управления происходит в направлении концепции «корпоративного управления 2.0», а именно в рамках его принципов и, соответственно, их раскрытия с учётом современных тенденций. Так, взяв в основу принципы «Зеленой книги» по корпоративному управлению Европейского союза¹⁵, рассматриваются: акцентирование задач по достижению долгосрочных целей; формирование механизмов по взаимодействию между советом директоров, менеджментом компании и её акционерами, включая повышение вовлечённости последних; повышенные требования к совету директоров в части их профессиональных компетенций и даже национальному или гендерному составу¹⁶; разработка гибкой системы публичного мониторинга за деятельностью корпорации. Однако цифровая трансформация экономики влияет на актуализацию принципов с учётом современных тенденций, прежде всего, развития информационного общества и всеохватывающего проникновения сетей в процессы взаимодействия и раскрытия информации, что не может не сказаться на взаимоотношениях компании и ее акционеров, – так, по мнению Б. Либерта,

¹⁴ Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР, OECD Publishing, Paris, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2016/04/ПКУ.pdf>. DOI: 10.1787/9789264252035-ru (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

¹⁵ The EU corporate governance framework. Response to the European Commission's Green Paper [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/internal_market/consultations/2011/corporate-governance-framework/individual-replies/ecl_en.pdf. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

¹⁶ Subramanian G. Corporate Governance 2.0 // Harvard Business Review. 2015. Vol. 93. No. 3. Pp. 96-105.

«цифровая революция побуждает каждую компанию переходить от бизнес-модели, основанной на продуктах и услугах, к бизнес-модели, которая основывается на сетях и платформах»¹⁷. Хотя мы более согласны с мнением М.Д. Миловидова [16] в том, что принципы корпоративного управления не должны оставаться стандартами, бюрократизированными процедурами и диктовать жёсткие правила, учитывая постоянную изменчивость внешней среды, необходимость снижения рисков, большие объёмы информационных данных современной экономики корпоративное управление должно обеспечивать возможности разработки и принятия адекватных решений с учетом фактора времени.

Систематизация проблем корпоративного управления в условиях развития цифровой экономики

С учётом типологии противоречий в развитии теории и практики корпоративного управления, представленных в первой части статьи, проведём систематизацию проблем также по четырём категориям: теоретические, методологические, практические и прогностические (табл. 2).

При этом следует, в первую очередь, отметить то, что цифровизация экономики полностью изменяет саму ресурсную составляющую управления фирмой – если ранее для её функционирования необходимы были материальные активы (имущество), то практика и показатели деятельности современных корпораций (Facebook, Uber и т.п.) подтверждают необязательность наличия в структуре активов именно материальных активов, при этом исследования показывают, что успешные компании могут до своих 80% производительных активов иметь в виде нематериальных. Однако и промышленные корпорации, которые сохраняют достаточно весомую долю материальных активов в своём имуществе, всё же трансформируют саму производственную систему с учётом проявлений цифровой экономики (справедливости ради стоит отметить, что это началось уже на этапе постиндустриализационной экономики) – так, например: а) оборудование всё более используется автоматизированное и роботизированное, объединённое в технологические комплексы и участки, б) производственные процессы и всё, что с ними связано, аккумулировано в процессы полной автоматизации, в) в рамках реализации концепции Industry 4.0 начинает широко использоваться промышленный интернет и др. Данные обстоятельства функционирования современных корпорации становятся задачами развития теорий и методологии, включая и корпоративное управление, наряду с необходимостью учёта одновременного воздействия внешних и внутренних факторов функционирования корпорации.

Также к числу методологических и практических проблем нами отнесено внедрение технологии блокчейн в систему корпоративного управления как

¹⁷ Libert B., Bonchek M. To the change your strategy, first change how you think // Harvard Business Review, 2017, May 17 [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr.org/2017/05/to-change-yourstrategy-first-change-how-you-think>. (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

технологии распределённой сети обмена информационными данными между заинтересованными лицами на основе защищённых и подтверждённых записей и виртуальных транзакций. Это может повлечь не только изменения в самой системе корпоративного управления в части формирования данных и их распространения и передачи, раскрытия информации, но также и в самой процедуре принятия решений, голосований, управления сделками и т.п. Несмотря на положительные стороны цифровизации, возникает задача и управления киберрисками, которая находится не только в технической плоскости, но и чисто расчётной – ведь учёт киберрисков может внести изменения в финансовые расчеты (например, определение ставки дисконтирования), а также повлиять на значения показателей эффективности деятельности корпорации.

Таким образом, последовательный анализ теорий и принципов корпоративного управления в совокупности с идентификацией проявлений цифровой экономики позволил выявить совокупность возникающих противоречий и сформировать проблемное поле развития корпоративного управления, с выделением наиболее значимых параметров внутренней и внешней среды современных корпораций (изменение структуры активов корпорации, влияние асимметричности информации, всеобщее проникновение интернета, использование распределённых баз данных, обработка больших данных и др.). Такой подход (более эволюционный) в настоящее время наиболее целесообразен для формирования целостной концепции управления цифровыми корпорациями, основанной на ревизии существующего инструментария, в отличие от декларативного подхода, основанного на рекламе преимуществ цифровизации.

Таблица 2. Систематизация проблем корпоративного управления в условиях развития цифровой экономики

Table 2. Systematization of corporate governance issues in the development of the digital economy

Группа проблем	Сфера/поле проявления проблем	Раскрытие проблемы
Теоретические проблемы	Теории корпоративного управления	<ul style="list-style-type: none"> - потребность в развитии теорий с учётом влияния новых экономических условий, включая: <ul style="list-style-type: none"> а) учёт одновременного воздействия внешних и внутренних факторов, б) неполноту информации (в терминологии цифровой экономики – излишней информации) в) неопределённости будущего; - признание цифровых активов как специфических активов (по О. Уильямсону [25]); - расширение содержания понятия трансакционных издержек (по Д. Норту [18]) за счёт включения в их состав затрат на цифровую трансформацию компаний и издержек на получение информации; - содержание дилеммы «неопределённость – информация» (по К. Эрроу [28]) в условиях больших объёмов данных.

Группа проблем	Сфера/поле проявления проблем	Раскрытие проблемы
Теоретические проблемы	Цель корпоративного управления	<ul style="list-style-type: none"> - исходная предпосылка, что современные корпорации не следуют текущей хозяйственной конъюнктуре, а формируют её; - отказ от диверсификации и упор на специализацию корпорации, особенно в части инновационных (научноёмких) товаров и услуг.
	Междисциплинарность решений	<ul style="list-style-type: none"> - совершенствование юридических норм, контрактного права и законодательства в части механизмов предотвращения негативных последствий от действий агентов в отношении принципалов и минимизации конфликта интересов; - проблема учёта когнитивной составляющей при совершенствовании экономических и юридических форм контрактов в агентских отношениях.
	Факторы производства	<ul style="list-style-type: none"> - в условиях цифровизации развитие корпораций происходит в том числе и без наличия материальных активов.
Методологические проблемы	Стратегическое управление	<ul style="list-style-type: none"> - увязка длительного цикла управления и данных в режиме реального времени; - необходимость учёта и сложности обработки больших данных (Big Data), включая консолидированные данные, наличие неполноты или фрагментированности данных в процедурах стратегического планирования; - сложность в проведении многовариантного анализа, сценарного анализа и прогнозирования, а также разработки стратегии корпорации в условиях потока данных.
	Цифровая трансформация системы корпоративного управления	<ul style="list-style-type: none"> - адаптация концепции децентрализованных автономных организаций (ДАО от англ. Decentralized Autonomous Organizations, DAO) в технологии корпоративного управления; - внедрение блокчейна как технологии распределённой сети обмена информационными данными в системе корпоративного управления между заинтересованными лицами на основе защищённых и подтверждённых записей и виртуальных транзакций; - трансформация совета директоров в открытый виртуальный хаб, позволяющий всем заинтересованным лицам иметь защищённый доступ к принятию решений; - возможность формирования открытой системы управления корпорацией за счёт распределённой системы голосования.
	Финансовое управление	<ul style="list-style-type: none"> - учёт киберрисков при определении ставки дисконтирования в расчёе повышения планируемой доходности собственного капитала; - оценка вклада владельцев цифровых токенов в финансовый капитал корпорации; - невозможность отражения в отчётности корпорации рисков или применения новых инструментов страхования рисков (включая рыночные, финансовые, инвестиционные, технологические и др. риски);
	Структура активов	<ul style="list-style-type: none"> - идентификация и учёт нематериальных активов (составляют до 80% производительных активов современных корпораций), а именно: знания, данные, информационные ресурсы, аккумулированные данные.

Группа проблем	Сфера/поле проявления проблем	Раскрытие проблемы
Методологические проблемы	VBM (Value Based Management) – концепция управления стоимостью компании	<ul style="list-style-type: none"> - определение рыночной и инвестиционной стоимости с учётом большей доли нематериальных активов (в том числе цифровых активов) в структуре капитала компании; - определение экономической добавленной стоимости с учётом корректировки на инвестиции, отдача от которых распределена во времени.
Практические проблемы	Эффективность корпоративного и финансового управления	<ul style="list-style-type: none"> - обработка больших объёмов данных, включая бизнес-аналитику и данные производственных датчиков; - представление показателей о деятельности корпорации в режиме реального времени; - искажение значения показателей эффективности деятельности корпорации в результате преобладания нематериальных активов в структуре активов; - оценка стоимости цифровых активов; - корректировка значений отраслевых мультипликаторов для применения сравнительного подхода к оценке стоимости компаний и акций; - удорожание управленческих услуг, включая дополнительные затраты при управленческих ошибках и способы их компенсации.
	Конфликт интересов	<ul style="list-style-type: none"> - система эффективных взаимоотношений; - система вознаграждения менеджеров и членов советов директоров; - увязка системы вознаграждения менеджмента и параметров стратегического планирования; - управление сделками с аффилированными лицами в целях защиты интересов миноритарных акционеров.
	Раскрытие информации	<ul style="list-style-type: none"> - защита информации, включая киберзащиту; - требования к структуре представляемой информации; - раскрытие корпоративной информации, ориентированной на будущее.
	Информационная асимметрия	<ul style="list-style-type: none"> - развитие блогосферы для снижения асимметричности информации о корпорациях, обеспечения связи с инвесторами и аналитиками; - оценка влияния присутствия и функционирования искусственных интеллектуальных агентов.
	Развитие концепции Industry 4.0 (для промышленных корпораций)	<ul style="list-style-type: none"> - необходимость обновления производственных активов, включая автоматизированные и роботизированные комплексы; - текущее управление производственными активами с учётом полной автоматизации производственных и обслуживающих процессов; - виртуализация рабочего пространства; - развитие промышленного интернета; - контроль экологической и промышленной безопасности.
	Персонал корпорации	<ul style="list-style-type: none"> - необходимость привлечения квалифицированных работников, имеющих навыки работы с информационными системами; - обучение персонала новым информационным технологиям и методам работы в информационной среде.
	Финансовый рынок	<ul style="list-style-type: none"> - проблема регулятора (государственный или частный); - учёт корпоративной социальной ответственности и этических аспектов деятельности корпорации в её биржевых котировках.

Группа проблем	Сфера/поле проявления проблем	Раскрытие проблемы
Практические проблемы	Внедрение блокчейна	- разработка открытой платформы управления корпоративными процессами (впервые разработано корпорацией Hitachi [42]).
	Информационная открытость управления	- поддержка корпоративных информаторов (сотрудников, которые могут сообщать о незаконных и рискованных решениях менеджмента) через специально разработанную систему поощрений и защиты; - система управления рисками как результатами действий корпоративных информаторов.
Прогностические проблемы	Внедрение высоких технологий	- применение искусственного интеллекта в управленческих процессах; - виртуальные советы директоров и собрания акционеров; - виртуальные бюллетени для голосования; - управление на основе Интернет вещей; - участие в общих платформах с компаниями по цепочке поставок, с банковскими, страховыми, инфраструктурными компаниями;
	Использование платформ социальных сетей	- взаимодействие между стейкхолдерами; - изменение корпоративной культуры; - контроль этической ответственности; - информационные вбросы, провоцирующие как положительные, так и отрицательные последствия для корпорации; - корпоративный шантаж и, как следствие, манипулирование рынком.
	Экономика корпорации	- изменение моделей ценообразования; - трансформация организационной структуры управления; - цифровой формат внутреннего и внешнего документооборота.

Список литературы:

1. Алчян А. А., Демсец Г. Производство, стоимость информации и экономическая организация // Вехи экономической мысли / под ред. А.Г. Слуцкого. Т. 5. Теория отраслевых рынков. СПб.: Экономическая школа, 2003. С. 280-317.
2. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. М.: Экономика, 1989. 242 с.
3. Бухвалов А.В. Катыкало В.С. Эволюция теории фирмы и ее значение для исследований менеджмента // Российский журнал менеджмента. 2005. №1. Т. 3. С. 75-84.
4. Грант Р.М. К знаниевой теории фирмы // Управление знаниями: хрестоматия. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2009. С. 37-65.
5. Грант Р.М. Современный стратегический анализ. СПб.: Питер, 2008. 560 с.
6. Грант Р.М. Ресурсная теория конкурентных преимуществ: практические выводы для формулирования стратегии // Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. Менеджмент. 2003. № 3. С. 47-76.
7. Дементьева А.Г. Корпоративное управление. М.: Магистр, 2016. 496 с.
8. Дементьева А.Г. Формы и методы получения конкурентных преимуществ ТНК в условиях глобализации // Менеджмент сегодня. 2010. №3. С. 134-148.
9. Дженсен М.К., Меклинг У.Х. Теория фирмы: поведение менеджеров, агентские издержки и структура собственности // Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. Менеджмент. 2004. №4. С. 118-191.
10. Динамика корпоративного развития: монография / А.И. Татаркин и др. М.: Наука, 2004. 504 с.

11. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. М.: ИЭ АН СССР, 1990. 90 с.
12. Корпоративная социальная ответственность и конкурентоспособность / Авт. коллектив: А.А. Дынкин, Д.В. Миловидов, С.П. Перегудов, И.В. Беликов, В.Б. Кондратьев. Национальный Институт Корпоративной Реформы. М.: ИМЭМО РАН, 2004. 112 с.
13. Корпоративное управление инновационным развитием: монография / под ред. Ю.П. Анишкина. М.: Омега-Л, 2007. 411 с.
14. Коуз Р.Г. Природа фирмы // Природа фирмы / пер. с англ. М.: Дело, 2001. 360 с.
15. Коупленд Т., Коллер Т., Муррин Дж. Стоимость компаний: оценка и управление. М.: Олимп-Бизнес, 2005. 576 с.
16. Миловидов В.Д. Корпоративное управление 2.0: эволюция системы корпоративных отношений в информационном обществе // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4(43). С. 171-189.
17. Нельсон Р, Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. 536 с.
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 190 с.
19. Перегудов С.П. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии / С.П. Перегудов, И.С. Семененко; Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 448 с.
20. Пителис Х.Н. Транснациональная компания: трактовка с позиции ресурсной концепции // Российский журнал менеджмента. 2007. Т. 5. №4. С. 21-40.
21. Прахалад К.К., Фазэй Л., Ренделл Р. Создание ключевых компетенций и их использование // Курс МБА по стратегическому менеджменту. М.: Альпина Паблишер, 2002. С. 357-383.
22. Савенкова И.В., Ивнева Н.В. К вопросу о понятии и сущности корпоративного управления // Молодой ученый. 2013. №4. С. 298-301.
23. Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Теория фирмы / под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 54-72.
24. Уильямсон О. Исследования стратегий фирм: возможности концепции механизмов управления и концепции компетенций // Российский журнал менеджмента. 2003. №1. Т. 2. С. 79-114.
25. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, "отношенческая" контракция. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
26. Цветков В.А. Корпоративный бизнес: теория и практика. СПб.: Нестор-История, 2011. 504 с.
27. Шумпетер Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М.: Прогресс, 1982. 401 с.
28. Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 12. С. 98-100.
29. Afuah A. Business Models: A Strategic Management Approach. McGraw-Hill, 2003. 456 p.
30. Aoki M. Towards a comparative institutional analysis. MIT Press: Cambridge, MA, 2001. 560 p.
31. Baumol W. On the Theory of the Expansion of the Firm // American Economic Review. 1962. No. 52. Pp. 1078-1087.
32. Berglöf E., von Thadden L. The changing corporate governance paradigm: Implications for transition and developing countries. Working Paper, Stockholm Institute of Transition Economics, 1999. 31 p.
33. Blair M.M. Ownership and control: Rethinking corporate governance for the Twenty-First Century. Brookings: Washington DC, 1995. 388 p.
34. Blair M.M., Stout L. A team production theory of corporate law // Virginia Law Review. 1999. №85(2). Pp. 247-328.
35. Cochran P.L., Wartick S.L. Corporate governance: A review of the literature. Financial Executives Research Foundation: New Jersey, 1988. 74 p.
36. Cyert R.M., March J.G. A behavioral theory of the firm. Prentice Hall: Englewood Cliffs, 1963. 268 p.
37. Donaldson L., Davis J.H. Agency theory or stewardship theory: CEO governance and shareholder returns // Australian Journal of Management. 1991. № 16(1). Pp. 49-64.
38. Donaldson L., Davis J.H. CEO governance and shareholder returns: Agency theory or stewardship theory. Academy of Management Annual Meeting Paper, Washington, 1989. Pp. 49-63.
39. Freeman R.E. Strategic management: A stakeholder approach. Pitman, Boston, 1984. 276 p.
40. Freeman R.E., Evan W.M. Corporate governance: A stakeholder interpretation // Journal of Behavioral Economics. 1990. No. 19(4). Pp. 337-359.
41. Freeman R.E. The stakeholder approach revisited // Zeitschrift für Wirtschaftsund Unternehmensethik. 2004. № 5. Pp. 228-254.
42. Information and control systems. Open innovation achieved through symbiotic autonomous

- decentralization // Hitachi Review. 2016. Vol. 65. No. 5. Pp. 13-19.
43. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // *Econometrica*. 1979. No. 47. Pp. 313-327.
 44. Marris R. *Completed Micro-Models // The Economic Theory of Managerial Capitalism*. London, Palgrave MacMillan, 1966. Pp. 224-265.
 45. Monks R., Minow N. *Corporate Governance*. N.Y.: Wiley, 2011. 542 p.
 46. Muth M.M., Donaldson L. Stewardship theory and board structure: A contingency approach // *Corporate Governance: An International Review*. 1998. № 6(1). Pp. 5-28.
 47. Rajan R., Zingales L. The governance of the new enterprise // *Corporate Governance*. Ed. by X. Vives. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. Pp. 201-232.
 48. Report of the Committee on the Financial Aspects of Corporate Governance. L.: Gee and Co Ltd., 1992. 90 p.
 49. Schwab K. Global corporate citizenship. Working with governments and civil society // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. No. 1. Pp. 107-118.
 50. Visser W. CSR 2.0: The new era of corporate sustainability and responsibility // *CSR International Inspiration Series*. 2008. No. 1. Pp. 1-2.

Об авторах:

Шахин Рагим оглы Гусейнов – докторант кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России, генеральный директор ООО «Полифония-Культур», 121552 Москва, ул. Ярецвская 27 корпус 1.

Максим Игоревич Иноземцев – к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России. Москва, Вернадского, 76, 119454. E-mail: inozemtsev@inno.mgimo.ru.

CONTRADICTION BETWEEN THE MODERN CORPORATE GOVERNANCE'S THEORY AND PRACTICE OF BUSINESSES AND COMPANIES WITHIN DIGITAL TRANSFORMATION

Huseynov Shahin Ragim oglu, M.I. Inozemtsev
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-294-316

Polifoniya-Kul'tur ltd.
MGIMO

Abstract: Based on the results of a comparative study of the parameters of the theoretical justification of corporate governance formed the author's position on the problem field of corporate entities management in modern economy, which includes four groups of contradictions: 1) the contradictions for existing theoretical approaches; 2) the contradictions arising from the use in methodological tools practice; 3) the contradictions arising from the use of business practices and methods, and not solved by replacement within the known tools; 4) predictive contradictions. The article focuses on the historically existing in corporate entities a certain lag of theoretical structures from management practice. In modern

conditions of development of information and communication technologies, acting simultaneously on both external and internal environment requires adaptation, this requires modification and adjustment of corporate governance's theories and methodology. The corporate governance's objectives in the interpretations of the World Bank, the Organization for economic cooperation and development (OECD), the Bank of Russia, the basic principles of public companies are analyzed. The author proposes the corporate governance's theories systematization, including: a) basic theories that explain the elements of corporate as a firm; b) conceptual theories that explain the nature and subject of relations of corporate governance's subjects; c) corrective theories that make additions to the disclosure of corporate governance's elements, formed in the basic and conceptual theories. It is concluded that in conditions of constant variability of the external environment, the need to reduce risks and analyze large amounts of information data, corporate governance should provide opportunities for the development and adoption of adequate decisions taking into account the time factor. The necessity of updating the corporate governance's principles due to current trends in the digital transformation of the economy, the development of the information society and the all-encompassing penetration of networks in the processes of interaction between the company and its shareholders and disclosure. The article presents the author's interpretation of corporate governance's main problems in the digital economy development, systematized by categories: theoretical, methodological, practical and predictive, allowing to take into account the significant parameters of the internal and external environment of modern corporations (changes in the structure of the corporation's assets, the asymmetric information impact, universal penetration of the Internet, the use of distributed databases, big data processing, etc.).

Key words: corporate governance, digital transformation, stakeholder, big data, agency costs, asymmetric information.

References

1. Alchyan A.A., Demsec G. Proizvodstvo, stoimost' informacii i ehkonomicheskaya organizaciya [Production, the value of information and economic organization]. Milestones of economic thought. Ed. by A. G. Slutsky. Vol. 5. Theory of industrial markets. Saint-Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2003, pp. 280-317 (In Russian).
2. Bogdanov A.A. Tektologiya. Vseobshchaya organizacionnaya nauka [Tectology. General organizational science]. In 2 books. Moscow, Ekonomika Publ., 1989. 242 p. (In Russian)
3. Buhvalov A.V. Kat'kalo V.S. Evolyuciya teorii firmy i ee znachenie dlya issledovaniy menedzhmenta [Evolution of the theory of the firm and its importance for management research]. *Russian journal of management*, 2005, no. 1, vol. 3, pp. 75-84 (in Russian).
4. Grant R.M. K znanievoj teorii firmy [To the knowledge theory of the firm]. *Knowledge management: reader*. Saint-Petersburg, Higher school of management Publ., 2009. Pp. 37-65 (in Russian).
5. Grant R.M. *Sovremennyy strategicheskij analiz* [Modern strategic analysis]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2008. 560 p. (In Russian).
6. Grant R.M. Resurnaya teoriya konkurentnyh preimushchestv: prakticheskie vyvody dlya formulirovaniya strategii [Resource theory of competitive advantages: practical conclusions for strategy formulation]. *Bulletin of St. Petersburg University. Management* 2003, no. 3, pp. 47-76 (in Russian).
7. Dementieva A.G. *Korporativnoe upravlenie* [Corporate Governance]. Moscow, Magistr Publ., 2016. 496 p. (In Russian)
8. Dementieva A.G. Formi i metodi polucheniya konkurentnih preimushetv TNK v usloviyah globalizatsii [Forms and methods of obtaining competitive advantages of transnational corporations in the context of globalization]. *Menegment segodnya*, 2010, no. 3, pp. 134-148

- (in Russian).
9. Jensen M.K., Meckling W.H. Teoriya firmy: povedenie menedzherov, agentskie izderzhki i struktura sobstvennosti [Jensen M.K., Meckling W.H. Theory of the firm: the behavior of managers, Agency costs and ownership structure]. *Bulletin of St. Petersburg University. Management*, 2004, no. 4, pp.118-191 (in Russian).
 10. *Dinamika korporativnogo razvitiya* [Dynamics of corporate development]. Ed. by A.I. Tatarin. Moscow, Nauka Publ., 2004. 504 p.
 11. Kapelyushnikov R.I. *Ekonomicheskaya teoriya prav sobstvennosti* [Economic theory of property rights]. Moscow, IE AN USSR Publ., 1990. 90 p. (In Russian)
 12. Korporativnaya social'naya otvetstvennost' i konkurentosposobnost' [Corporate social responsibility and competitiveness]. Ed. by D.V. Milovidov, A.A. Dynkin, S.P. Peregudov, I.V. Belikov, V.B. Kondratiev. National Institute For Corporate Reform. Moscow, IMEMO RAS Publ., 2004. 112 p. (In Russian)
 13. *Korporativnoe upravlenie innovacionnym razvitiem* [Corporate management of innovative development]. Ed. by Yu.P. Aniskin. Moscow, Omega-L Publ., 2007. 411 p. (In Russian)
 14. Coase R.H. *The Nature of the firm. The Nature of the firm. Origins, evolution and development*. Ed. by O.E. Williamson, S. G. Winter. New York, Oxford University Press Publ., 1993. 258 p. Pp. 18-76. (Russ ed.: Kouz R.G. Priroda firmy. Priroda firmy. Moscow, Delo Publ., 2001. 360 p.)
 15. Copeland T., Koller T., Murrin J. *Valuation. Measuring and Managing the Value of Companies*. McKinsey&Company, Inc., 1990. 862 p. (Russ. ed.: Copeland T., Koller T., Murrin J. Stoimost' kompanij: oценка i upravlenie. Moscow, Olimp-Biznes, 2005. 576 p.).
 16. Milovidov V.D. Korporativnoe upravlenie 2.0: evolyuciya sistemy korporativnyh otnoshenij v informacionnom obshchestve [Corporate governance 2.0: evolution of the system of corporate relations in the information society]. *Problemy nacional'noj strategii*, 2017, no. 4(43), pp. 171-189 (in Russian).
 17. Nelson R., Winter S. *An Evolutionary Theory of Economic Change*. The Belknap Press Of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1982. 452 p. (Russ. ed.: Nelson R., Winter S. Evolyucionnaya teoriya ehkonomicheskikh izmenenij. Moscow, Delo Publ., 2002. 536 p.).
 18. North D. *Institutions, institutional changes and economic performance*. Cambridge University Press, 1990. 152 p. (Russ. ed.: Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ehkonomiki. Moscow, Nachala Publ., 1997. 190 p.).
 19. Peregudov S.P. *Korporativnoe grazhdanstvo: koncepcii, mirovaya praktika i rossijskie realii* [Corporate citizenship: concepts, world practice and Russian realities]. Ed. by S.P. Peregudov, I.S. Semenenko; Institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2008. 448 p. (In Russian).
 20. Pitelis H.N. Transnacional'naya kompaniya: traktovka s pozicii resursnoj koncepcii [Transnational company: interpretation from the position of the resource concept]. *Russian journal of management*, 2007, vol. 5, no. 4, pp. 21-40 (in Russian).
 21. Prahalad C.K., Fahey L., Randall R.M. Creating and Leveraging Core Competencies. *The Portable MBA in Strategy*. Ed. by L. Fahey, R.M. Randall. Wiley, 2000. 432 p. (Russ. ed.: Prahalad K.K., Faehj L., Rendell R. Sozdanie klyuchevyh kompetencij i ih ispol'zovanie. MBA course on strategic management. Moscow, Alpina Publ., 2002. Pp. 357-383).
 22. Savenkova I.V., Ivneva N.V. K voprosu o ponyatii i sushchnosti korporativnogo upravleniya [About the concept and nature of corporate governance]. *Molodoj uchenyj*, 2013, no. 4, pp. 298-301 (in Russian).
 23. Simon H. A. Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science. *The American Economic Review*, 1959, vol. 49, no. 3, pp. 253-283. (Russ. ed.: Simon G. Teoriya prinyatiya reshenij v ehkonomicheskoy teorii i nauke o povedenii. Teoriya firmy. Ed. by V.M. Galperin. Saint-Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 1995. Pp. 54-72. (In Russian).

24. Williamson O. *Issledovaniya strategij firm: vozmozhnosti koncepcii mekhanizmov upravleniya i koncepcii kompetencij* [Research strategies of firms: possibilities of the concept of governance and the concept of competences]. Russian journal of management, 2003, no. 1, vol. 2, pp. 79-114 (in Russian).
25. Williamson O. E. *The Economic Institutions Of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting*. New York, The Free Press Publ., 1985. 450 p. (Russ. ed.: Williamson O. I. Ekonomicheskie instituty kapitalizma. Saint-Petersburg, Lenizdat Publ., 1996. 702 p.).
26. Tsvetkov V.A. *Korporativnyj biznes: teoriya i praktika* [Corporate business: theory and practice]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2011. 504 p. (In Russian).
27. Schumpeter J. A. *Theory of Economic Development*. Routledge Publ., 1981. 320 p. (Russ. ed.: Schumpeter J. Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya: issledovanie predprinimatel'skoj pribyli, kapitala, kredita, procenta i cikla kon"yunktury. Moscow, Progress Publ., 1982. 401 p.).
28. Afuah A. *Business Models: A Strategic Management Approach*. McGraw-Hill, 2003. 456 p.
29. Aoki M. *Towards a comparative institutional analysis*. Cambridge, MA, MIT Press Publ., 2001. 560 p.
30. Baumol W. On the Theory of the Expansion of the Firm. *American Economic Review*, 1962, no. 52, pp. 1078-1087.
31. Berglöf E., von Thadden L. The changing corporate governance paradigm: Implications for transition and developing countries. *Working Paper*, Stockholm Institute of Transition Economics, 1999. 31 p.
32. Blair M.M. *Ownership and control: Rethinking corporate governance for the Twenty-First Century*. Washington DC, Brookings Publ., 1995. 388 p.
33. Blair M.M., Stout L. A team production theory of corporate law. *Virginia Law Review*, 1999, no. 85(2), pp. 247-328.
34. Cochran P.L., Wartick S.L. *Corporate governance: A review of the literature*. New Jersey, Financial Executives Research Foundation Publ., 1988. 74 p.
35. Cyert R.M., March J.G. *A behavioral theory of the firm*. Prentice Hall: Englewood Cliffs, 1963. 268 p.
36. Donaldson L., Davis J.H. Agency theory or stewardship theory: CEO governance and shareholder returns. *Australian Journal of Management*, 1991, no. 16(1), pp. 49-64.
37. Donaldson L., Davis J.H. CEO governance and shareholder returns: Agency theory or stewardship theory. *Academy of Management Annual Meeting Paper*. Washington, 1989. Pp. 49-63.
38. Freeman R.E. *Strategic management: A stakeholder approach*. Boston, Pitman Publ., 1984. 276 p.
39. Freeman R.E., Evan W.M. Corporate governance: A stakeholder interpretation. *Journal of Behavioral Economics*, 1990, no. 19(4), pp. 337-359.
40. Freeman R.E. The stakeholder approach revisited. *Zeitschrift für Wirtschafts- und Unternehmensethik*, 2004, no. 5, pp. 228-254.
41. Information and control systems. Open innovation achieved through symbiotic autonomous decentralization. *Hitachi Review*, 2016, vol. 65, no. 5, pp. 13-19.
42. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979, no. 47, pp. 313-327.
43. Marris R. Completed Micro-Models. *The Economic Theory of Managerial Capitalism*. London, Palgrave MacMillan Publ., 1966. Pp. 224-265.
44. Monks R., Minow N. *Corporate Governance*. New York, Wiley Publ., 2011. 542 p.
45. Muth M.M., Donaldson L. Stewardship theory and board structure: A contingency approach. *Corporate Governance: An International Review*, 1998, no. 6(1), pp. 5-28.
46. Rajan R., Zingales L. The governance of the new enterprise. *Corporate Governance*. Ed. by X. Vives. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2000. Pp. 201-232.
47. *Report of the Committee on the Financial Aspects of Corporate Governance*. London, Gee and Co Ltd. Publ., 1992. 90 p.
48. Schwab K. Global corporate citizenship. Working with governments and civil society. *Foreign Affairs*, 2008, vol. 87, no. 1,

pp. 107-118.
49. Visser W. CSR 2.0: The new era of corporate sustainability and responsibility. *CSR*

International Inspiration Series, 2008, no. 1, pp. 1-2.

About the authors:

Shahin Ragim oglu Huseynov – doctoral candidate of the Department of Economic Policy and Public-Private Partnership of the Moscow State Institute of Foreign Affairs of the Russian Ministry of Foreign Affairs, General Director of Polyphony-Culture LLC, 121552 Moscow, ul. Yartsevskaya 27 building 1.

Maxim Igorevich Inozemtsev –PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private International and Civil Law of the MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, Vernadsky, 76, 119454. E-mail: inozemtsev@inno.mgimo.ru.

ГЕОГРАФИЯ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ: «ОТ ГЕОЛОГИИ ДО ИДЕОЛОГИИ»

В.А. Шупер

Институт географии РАН

Рецензия на книгу «География Австралии и Океании» / Под ред. Н.В. Галищевой, Б.И. Кочурова, И.Б. Митрофановой, С.В. Жданова. Монография. М.: Изд. «МГИМО-Университет», 2018. 339 с.

Работа профессора МГИМО В.А. Горбанёва – солидная книга, в значительной степени восполняющая пробел в отечественной страноведческой литературе. Безусловное достоинство книги – её комплексность: в ней рассматриваются как физико-, так и экономико-географические особенности Австралии и Океании.

Исследуемый регион удалён от других регионов, материков и стран, находится вдали от основных транспортных коммуникаций, но обладает уникальными природными ресурсами. Несмотря на непростое географическое положение и экспортно-ресурсную ориентацию экономики, регион успешно интегрируется в мировую экономику. Австралия и Новая Зеландия сумели добиться больших успехов в своём социально-экономическом развитии, и за короткий срок стать в один ряд с ведущими странами мира, а в некоторых случаях и опередить их.

В России, имеющей также экспортно-ресурсную экономику, прямые заимствования австралийского опыта едва ли возможны, разве что в каких-то частных случаях. Но это не делает его менее интересным для нас, просто использоваться он должен не как конструктор, а как пища для размышлений, побуждающих к смелым творческим поискам.

Книга написана хорошим языком и, безусловно, будет представлять большой интерес как для географов, так и для экономистов.

Ключевые слова: уникальность региона Австралии и Океании, ресурсная экономика, аналогии с Сибирью, австралийский опыт, историческая синхронизация, специализация Австралии и Новой Зеландии, малые высокоразвитые страны.

УДК 327

Поступила в редакцию 29.09.2018 г.

Принята к публикации 11.12.2018 г.

Австралия – исключительно интересный континент, мощно увеличивающий своё значение в современном мире, совершенно недостаточно описан отечественными географами. Причиной тому – как крайняя удалённость, затрудняющая личное знакомство с удивительной страной, на нём расположенной, так и относительная слабость связей. Этот пробел в отечественной географической литературе отчасти восполняет только что вышедшая книга В.А. Горбанёва, в которой подчёркивается необычность и даже парадоксальность как самой Австралии, так и других характеризуемых стран Океании.

«Многие экономисты, – пишет автор – рассматривают Австралию, Новую Зеландию и другие страны Океании как аномальное явление в мировой экономике. Австралия и Новая Зеландия, несмотря на своё колониальное прошлое, сумели не только преодолеть экономическую отсталость, но и войти в состав развитых стран, обогнав по многим социально-экономическим параметрам европейские государства, США и Канаду. Более того, будучи богатыми ресурсными экономиками, Австралия и Новая Зеландия сумели эффективно использовать доходы, получаемые в результате эксплуатации природных ресурсов, т.е. природную ренту, и избежать пресловутого «ресурсного проклятья», что, несомненно, вызывает интерес не только со стороны экономистов, но и со стороны политиков стран, чьё развитие характеризуется значительной зависимостью от природных ресурсов, включая Российскую Федерацию» (с. 166).

Австралия и Новая Зеландия, конечно же, не единственные страны, сумевшие рачительно распорядиться своими природными ресурсами, достаточно вспомнить Норвегию, да и в опыте Саудовской Аравии и монархий Персидского залива можно найти немало поучительного. Но главная причина почти фантастического успеха стран, давно обогнавших бывшую метрополию по душевому ВВП (причём Австралия уже дышит в затылок США), в триединстве высокого образовательного уровня населения, благоприятной институциональной среды и уже упоминавшегося обилия природных ресурсов. Это не только экспортируемые минеральное сырьё и сельскохозяйственная продукция, но и благоприятные климатические условия, делающие страну привлекательной для состоятельных и квалифицированных иммигрантов.

Казалось бы, выводы из подобных сравнений довольно оптимистичны для нашей страны: природными условиями и ресурсами Бог не обидел, а образовательный уровень населения хоть и быстро снижается, но всё ещё остаётся довольно высоким в сравнении с другими странами, где он тоже снижается, пусть и не так быстро. Два камня есть, осталось прикатить третий. Однако всё становится куда сложнее, если попытаться не ограничиваться в анализе только очевидным. Замечательный отечественный географ Б.Н. Зимин (1929-1995) разработал теорию малых высокоразвитых стран (далее – МВС, Новая Зеландия полностью соответствует его определению), отличающихся, в частности, более высоким уровнем социальной инфраструктуры [3]. При этом саму социальную инфраструктуру Б.Н. Зимин понимал совершенно нетрадиционно, считая глав-

ным в ней образ трудового мышления населения. Образ трудового мышления, безусловно, играет существеннейшую роль и в развитии больших стран, но они имеют и другие конкурентные преимущества (большой внутренний рынок, широкий выбор талантов и др.), коих МВС лишены.

Увы, прямые заимствования австралийского опыта едва ли возможны, разве что в каких-то частных случаях. Но это не делает его менее интересным для нас, просто использоваться он должен не как конструктор, а как пицца для размышлений, побуждающих к смелым творческим поискам. Ведь недаром географы любят говорить: кто знает одну страну, не знает ни одной. Эта мысль присутствует в книге, хотя и не формулируется специально: «Важную роль в развитии Австралии и стран Океании играют географическое положение (отдалённость от основных рынков) и качественные параметры всех факторов производства, включая качественные характеристики человеческих ресурсов и капитала. Наконец, не только наличие, но и доступ к ресурсам оказывает влияние на развитие экономики. Все эти факторы могут комбинироваться в различных пропорциях, принося разные результаты (с. 169)».

Между тем географические сравнения, интересные и полезные, требуют учёта гетерохронности происходящих процессов. Историкам хорошо знаком метод исторической синхронизации. В географии он используется ещё шире. Как сказал выдающийся французский географ Э. Реклю (1830-1905), география – это история в пространстве, история – это география во времени. Не получая из книги материала для непосредственного заимствования зарубежного опыта, мы не сможем, тем не менее, удержаться от аналогий, прочитав: «В Австралии сложилась специфическая «тюремная колониальная экономика» (военная, командно-административная, колониальная экономика) на базе принудительного труда заключённых, в которой государственное субсидирование и импорт продовольствия и других товаров из метрополии и других стран играли ключевую роль в жизнеобеспечении колонии. В Новой Зеландии сформировалась аграрно-сырьевая колониальная экономика. Она с самого своего зарождения складывалась из двух компонентов: экономики европейских колонистов и традиционной экономики маори. Между этими двумя экономиками развивались активные связи и обмен продуктами труда, товарами, сырьём, людьми и хозяйственным опытом, чему в немалой степени содействовали миссионеры, обучавшие маори европейским агротехническим методам (с. 171)». Однако традиционная экономика маори постепенно разрушалась и вытеснялась на периферию экономического пространства в результате сокращения их земельных угодий.

Разве это не картины разных этапов освоения Сибири? Только взаимодействия во времени, а не в пространстве носят односторонний характер и много сложнее для анализа. Отметим, что отдалённые сравнения всегда интересней близких. Если аналогии с Сибирью напрашиваются сами собой, то сравнения с МВС значительно менее очевидны в случае Австралии, обнаруживающей, однако, глубокое сходство с Новой Зеландией.

Б.Н. Зимин уделял огромное внимание специализации МВС. Не обладая обширным внутренним рынком, они должны ювелирно вписаться в международное географическое разделение труда, ведь для них это вопрос жизнеспособности их экономики. В этих странах, как правило, нет условий для развития массовых производств, например, для автомобилестроения. Зимин относил подобные производства к среднему уровню. Низший уровень образуют сырьевые отрасли – добывающая промышленность, сельское и лесное хозяйство, продукция которых почти всегда пользуется спросом на мировом рынке. Верхний уровень – это уникальные производства. Излюбленный пример Зимина – судьба судостроения в Финляндии и Швеции. Первая из них была скромнее в своих амбициях и своевременно перепрофилировала судостроение на производство уникальной продукции – ледоколов и платформ для подводного бурения. Воспоминания об имперском величии долго не давали второй отказаться от совершенно бесперспективного в условиях конкуренции сначала с Японией, затем – с Южной Кореей производства рядового тоннажа. Мощная господдержка только продлила агонию гражданского судостроения, в итоге сохранилось лишь военное.

Ещё ранее один из самых блистательных профессоров географического факультета МГУ И.М. Маергойз (1908-1975) подчёркивал филигранно отточенную специализацию Швейцарии. В ней тоже есть автомобилестроение, но это производство автобусов для горных дорог. Производит Швейцария и подвижной состав для железных дорог, но это вагоны со стеклянной крышей для Ледового экспресса и подобных туристских поездов в других горных районах. Столь же точна и эффективна специализация в области электротехнической промышленности, приборостроения, тонкой химии и фармацевтики.

«Важным фактором в истории Австралии, Новой Зеландии, да и других стран Океании, предопределившим последующий ход развития этих стран, является довольно удачный выбор специализации в рамках отношений обмена между колониями и метрополией, сделанный переселенцами, в частности, производство шерсти, древесины, льна, копры, пальмового масла, каучука и продукции морского промысла, – пишет автор. – Другим важным фактором явился перенос европейских форм и методов хозяйствования в колонии, хотя и в несколько модифицированной форме. И, наконец, географическая отдалённость стран от метрополий и предоставление довольно значительной свободы выбора колонистам также оказали положительное влияние на ход социально-экономического и политического развития этих стран» (там же).

В Австралии и Новой Зеландии мы наблюдаем эволюцию от колониальной модели переселенческого капитализма с некоторыми чертами МВС в плане безупречного выбора специализации к развитию верхних этажей – уникальных производств (включая и производство услуг). Интересно, что обе страны обнаруживают сходные тенденции, хотя население совсем не маленькой Австралии вдвое превышает предельный размер населения МВС. Причина тут в географической удалённости от основных мировых экономических масс. Крайняя растя-

нутость транспортных путей, связывающих с поставщиками и рынками сбыта, заставляет столь же ответственно, как и в случае МВС, подходить к выбору специализации, которая должна быть предельно точной. Неуклонное снижение производства автомобилей (см. красноречивый график на рис. 29, с. 201), по крайней мере, отчасти объясняется снижением транспортных издержек. К этому добавляется и конкуренция со стороны стран с более дешёвой рабочей силой. Массовое автомобилестроение как производство среднего уровня не имеет перспектив не только в малых странах, но, как видим, и в не слишком малых. Значительно более перспективным становится экспорт услуг – туристских и образовательных. За период с 1995 по 2016 гг. число прибывающих в Австралию иностранных туристов более чем удвоилось (см. график на рис. 34, с. 219). Эта ставка едва ли будет бита.

Более высокий уровень социальной инфраструктуры в МВС обеспечивается пирамидой прямого восприятия – все жители таких стран знакомы друг с другом либо непосредственно, либо через общих знакомых. Это приводит к существенно более низкому уровню преступности, меньшему расходу человеческого материала в фиктивных сферах (чиновничество, полиция, армия), значительно меньшей оторванности власти от народа. Только в МВС главы правительств и министры пользуются общественным транспортом, ходят по улицам без охраны, на общих основаниях посещают магазины и кинотеатры. Это никак не связано ни с социально-экономической формацией, если пользоваться марксистскими категориями, ни с политической системой, а обусловлено исключительно размерами страны, население которой не должно превышать 10-12 млн жителей. При этом МВС постоянно стоят перед дилеммой – сохранять высокий уровень социальной инфраструктуры, ограничивая темпы экономического развития, требующего притока иммигрантов, либо идти на размывание социальной инфраструктуры, допуская значительное число мигрантов с совершенно иными ценностными установками, стереотипами поведения и, тем более, образом трудового мышления. Каким путём пошли Скандинавские страны – мы можем наблюдать. Австрия, Венгрия и совсем не маленькая Польша идти этим путём категорически не желают.

Новая Зеландия, пожалуй, единственная МВС переселенческого типа, изначально сформированная иммигрантами. В книге показано, что её население росло существенно медленнее, чем население Австралии (см., напр., рис.8 на с. 98). При этом темпы механического прироста отличались неустойчивостью – иногда они достигали почти 15%, но чаще опускались ниже нуля. Можно предположить, что Новая Зеландия всё же не была проходным двором, и это позволило ей приобрести многие типичные черты МВС. Пользу от пирамиды прямого восприятия, безусловно, усиливал переселенческий дух населения, его готовность к риску, аврамам и проявлению героизма (всё это, кроме предпринимательской жилки, весьма характерно и для любезного отечества, возможно, в силу в чём-то сходного исторического развития). Недаром австралийские части были ударной силой британской армии в обеих мировых войнах.

В «отсталой» Новой Зеландии восьмичасовой рабочий день был установлен ещё в конце XIX в., в то время как в просвещённой Европе пионером его введения стала Советская Россия (1918). Следует отметить, что и Австралия была среди пионеров введения восьмичасового рабочего дня, отчасти опережая Новую Зеландию, но на уровне отдельных штатов, на федеральном уровне он был узаконен лишь в 1947 г. «У меня создалось впечатление, что Новая Зеландия управляется лучше всех стран в мире и управляется легче всех стран. Там была удивительно спокойная и приятная атмосфера для труда» [2, с. 121], – писал К. Поппер (1902-1994), бежавший туда из Австрии в преддверии Аншлюса и проживший там до 1945 г. О том, что эмигрировать в Новую Зеландию в те времена было совсем не просто, свидетельствуют огромные усилия Поппера по облегчению иммиграции австрийским беженцам от нацизма. Благодаря поддержке этих усилий новозеландцами кое-кому удалось спасти жизнь.

Австралия и Океания характеризуются в книге «от геологии до идеологии», как учил классик советской экономической географии Н.Н. Баранский (1881-1963) [1]. При этом книга не лишена недостатков. В ней нет полноценного районирования, ни природно-географического, ни экономического. Последнее заменяет рассмотрение штатов Австралии. Сама по себе современная экономико-географическая характеристика штатов полезна и интересна, она ярко показывает изменение соотношения добывающей и обрабатывающей промышленности во времени, но географическая традиция предполагает рассмотрение крупной страны по объективно сложившимся районам, а не по единицам административно-территориального деления, часто выделенным произвольно. Разумеется, и административные рубежи могут приобретать серьёзное экономическое значение, но для рыночных экономик это, как правило, не характерно. Вызывает сомнения рассмотрение в §1 гл. III, посвящённой ресурсному потенциалу континента, географии населения и его демографических особенностей, а в §3 – трудовых ресурсов. §§2 и 4 этой главы посвящены интеллектуальным ресурсам и природным ресурсам соответственно. Книге недостаёт аналитичности. Так, в ней неоднократно отмечается неуклонное снижение поголовья овец и в Австралии, и в Новой Зеландии, приведены убедительные графики, но эта тенденция не получает объяснения через рассмотрение изменений на мировых рынках шерсти и баранины, взаимосвязи с одновременным ростом в обеих рассматриваемых странах поголовья крупного рогатого скота. В тексте встречаются повторы.

Тем не менее, книга побуждает читателя к собственным размышлениям и даёт для них богатую пищу. Она, безусловно, представляет большой научный интерес, написана хорошим языком и будет востребована не только географами, но также политологами, историками и экономистами.

Список литературы:

1. Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные проблемы географии. – М.: Мысль, 1980. 239 с.
2. Поппер К.Р. Неоконченный поиск: интеллектуальная автобиография. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2014. 290 с.
3. Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н.Зимины. М.: Альфа-М, 2003. 176 с.

Об авторе:

Вячеслав Александрович Шупер – д.г.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, специалист в области социально-экономической географии. 119017 Москва, Старомонетный пер., д. 29. E-mail: vshuper@yandex.ru.

GEOGRAPHY OF AUSTRALIA AND OCEANIA: “FROM GEOLOGY TO IDEOLOGY”

V.A. Shuper

DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-317-324

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences.

Abstract: Review of the book “Geography of Australia and Oceania” by Vladimir A. Gorbanyov / Ed. N.V. Galishcheva, B.I. Kochurov, I.B. Mitrofanova, S.V. Zhdanov. Monograph. Moscow: Publ. “MGIMO-University”, 2018. 339 p.

The book by professor Vladimir A. Gorbanyov is a solid piece of research work, filling the gap in the regional studies literature in Russia. The main advantage of the book is its complexity: it considers both the physical, and the economic features of Australian and Oceanian geography.

The region is very remote from other regions, continents and countries, it is far from the main transport communications, but it has unique natural resources. Despite its uneasy geographic location and the export-resource orientation of the economy, the region is successfully integrated into the world economy. Australia and New Zealand managed to achieve great success in their socio-economic development, and in a short time to reach the leading countries of the world, and in some cases, go ahead of them.

For Russia, which is also an export-resource economy, direct borrowing from the Australian experience is hardly possible, except in some special cases. But this does not make it less interesting for us, it simply needs to be used not as a book of recipes, but as a food for thought, motivating bold creative search.

The book is written in a good language and, of course, will be of great interest for both geographers and economists.

Key words: uniqueness of Australia and Oceania region, resource economy, analogies with Siberia, Australian experience, historical synchronization, specialization of Australia and New Zealand, small highly developed countries.

References

1. Baranskij N.N. *Izbrannye trudy. Nauchnye problemy geografii*. [Selected works. Scientific problems of geography] Moscow: Mysl', 1980. 239 p. (In Russian)
2. Popper K.R. *Neokonchennyj poisk: intellektual'naya avtobiografiya*. [Unfinished search: intellectual autobiography]. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2014. 290 p. (In Russian)
3. Zimin B.N. *Razmeshchenie proizvodstva v rynochnoj srede*. [Allocation of manufacturing in a market environment]. Moscow: Alfa-M, 2003. 176 p. (In Russian)

About the author:

Vyacheslav A. Shuper – Dr. Sciences in Geography, professor, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. 119017 Moscow, 29, Staromonetny per.
E-mail: vshuper@yandex.ru.

ТРЕНДЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н.Ю. Сурков

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

Рецензия на книгу: Звягельская И.Д. «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении». М.: «Аспект Пресс», 2018. 224 с.

Монография «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении» представляет собой анализ основных тенденций развития международных отношений, политических режимов, социумов, идентичностей в двух значимых для России регионах мира. Автору удалось не просто перечислить основные тренды, но и показать их взаимосвязь, а также дать прогноз относительно их дальнейшего влияния. В издании затрагиваются такие важные вопросы, как судьба государственности, трудности защиты суверенитета, роль традиционализма на современном Востоке, истоки терроризма и экстремизма.

Ключевые слова: Ближний Восток, Центральная Азия, «арабская весна», терроризм, экстремизм, государственность, суверенитет, идентичность, гибридный конфликт, гибридный режим, традиционализм.

Монография известного международника Ирины Звягельской, специализирующейся на проблемах Ближнего Востока и Центральной Азии, посвящена современным вызовам, угрозам и возможностям, конфликтам и устойчивости, сложности поиска определений и размытости понятий. Автор, если попытаться в целом сформулировать главное содержание книги, поставил перед собой сложнейшую задачу – рассмотреть специфику отражения глобальных тенденций на уровне регионов, дать анализ сложнейших процессов, связанных с формированием регионального порядка, которые отражают как

УДК 338.1

Поступила в редакцию 20.10.2018 г.

Принята к публикации 30.11.2018 г.

специфику Ближнего Востока и Центральной Азии, так и универсальность отмеченных в книге трендов.

Книга выстроена на широком круге источников и литературы и демонстрирует умение автора ориентироваться в современных подходах и оценках. Хотя основное внимание уделено Ближнему Востоку и происходящим там событиям, тем не менее, центральноазиатская составляющая монографии заслуживает особого внимания, поскольку происходящие там процессы впервые рассматриваются под углом воздействия глобальных тенденций. Кроме того, сравнение двух регионов, связанных элементами общей мусульманской культуры, но различающихся в историческом и этническом плане, позволяет сделать вывод об универсальности многих современных процессов. Это важно и в плане изучения особенностей политических режимов, соотношения традиционности и модерна, причин революционных потрясений и возможностей устойчивого политического развития.

Книга состоит из семи глав, которые тесно связаны между собой. Например, проблематика построения государственности, формирования идентичности, защиты суверенитета или роли традиционных ценностей обсуждается не только в соответствующих специализированных главах, но и при рассмотрении причин региональной нестабильности или путей урегулирования конфликтов.

В первой главе рассматривается вопрос о государственности на Востоке. Он особенно актуален в связи с «арабской весной», которая была в значительной степени спровоцирована именно кризисом государственности. Автор рассуждает об источниках легитимности на Востоке, пытаясь разобраться, почему в ходе «арабской весны» зашатались республиканские режимы, а монархии без намека на демократию оказались гораздо устойчивее. Анализируя особенности национальных государств в арабском мире, автор справедливо отмечает, что идея «свободы» не стоит в центре общественной мысли, а либерализация рассматривается как угроза государственности в условиях слабой экономики, отсутствия гражданского общества и опыта демократического диалога (с. 18). Отмечается уязвимость «несменяемых режимов, лишь формально существовавших в рамках республик» (с. 21).

В первой главе рассматриваются особенности современной государственности в Центральной Азии, где в отличие от постколониальных государств на арабском Востоке, существовали укорененные современные институты, а распад СССР позволил перейти к независимому существованию без национально-освободительных революций. При этом поиски национальной идентичности не могли не предусматривать обращения к религии, к ценностям консервативного традиционного ареала, к традиции. Немалую роль играли и исторические мифы (с. 25), которые являются одной из универсальных составляющих национальной идентичности, нуждающейся в поисках символов в далёком прошлом. Например, финикийский период в истории Туниса, эпоха фараонов для Египта, Саманидское государство для Таджикистана или династия Тимуридов для Узбекистана.

Вторая глава посвящена ответу на вопрос о том, что представляет собой суверенитет на пространстве Ближнего Востока и Центральной Азии. И в этой связи автор обращается к теме влияния внешних сил. Отмечается, что ближневосточные государства «оказались в генетической зависимости от внешних игроков» (с. 34). Внешнее вмешательство, особенно в период холодной войны, помешало появлению региональных гегемонов, а вместо них появились центры силы, зависящие от поддержки извне. Государства с ослабленным суверенитетом являются частью политического ландшафта региона. Такое ослабление приводит к появлению большого числа негосударственных акторов. Другой тренд – десоверенизация государств региона. Автор показывает, в силу каких обстоятельств пренебрежение суверенитетом стало характерной чертой Ближнего Востока (с. 41).

При рассмотрении проблем современного Ближнего Востока невозможно обойти вниманием международный терроризм. Автор рассматривает этот феномен в третьей главе на примере запрещённой в РФ группировки ИГИЛ. Показаны обстоятельства возникновения террористического «халифата», а также рассказывается, какую роль в возникновении и укреплении этой группировки сыграли внешние силы (прежде всего, недальновидная политика США), а какую – внутренние факторы. Интерес представляет описание теологических основ идеологии ИГИЛ, а также причин популярности радикальных идей среди населения региона и особенно молодёжи. При этом автор выходит за рамки обычных рассуждений и показывает, насколько хорошо ИГИЛ вписывается в современный мир постмодерна (с. 64).

Вторая часть главы посвящена проблеме распространения джихадистских идей на пространстве Центральной Азии: социальным, культурным и экономическим причинам уязвимости этого региона. Дается характеристика ситуации с радикальным исламизмом в отдельных государствах региона, а также в Афганистане, откуда идут импульсы нестабильности.

Гибридные войны стали одной из реалий XXI в., и именно об их региональной специфике рассказывается в четвёртой главе. Автор убедительно показывает, что для арабского мира это явление не ново. Поддержка глобальными и региональными державами местных игроков, совместные операции и координация в ходе военных действий стали отличительной чертой конфликтов на Ближнем Востоке (с. 83). Из современных конфликтов, с точки зрения «гибридной» составляющей, разбираются Вторая ливанская война 2006 г. и война с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Интересен вывод о том, что в условиях Ближнего Востока негосударственные акторы способны достичь уровня взаимного сдерживания с регулярными вооруженными силами или действовать в плотной координации с ними (с. 87).

В то же время, учитывая расплывчатость понятий, было бы желательно расширить раздел о гибридных войнах, тем более, что Ближний Восток даёт для этого достаточно материала. Примечательно, что структуры НАТО по-прежнему отказываются от чёткого определения термина «гибридная война», ссылаясь на

постоянно меняющиеся обстоятельства, и указывают лишь на характерное для подобных конфликтов сочетание военных и гражданских средств воздействия на противника [2]. Тем не менее, это явление уже стало нормой, и представляется целесообразным более подробно остановиться на данной проблеме.

В первую очередь, выглядит спорным утверждение, что в случае гибридной войны речь может идти о выполнении армией несвойственных ей функций (с. 78) по восстановлению инфраструктуры и т.п. Такое определение действительно встречается в американской военной литературе, но в современной действительности попытку включить в понятие «гибридная война» проведение операций по реконструкции или, как сейчас принято их называть, «операций по стабилизации» вряд ли можно считать оправданной.

Более обоснованным является определение Фрэнка Хоффмана, приводимое автором в начале раздела о «гибридности». В соответствии с ним, гибридная война предполагает использование хотя бы одним из противников наряду с конвенциональными средствами иррегулярных формирований, террористической тактики, криминальных групп и т.п.¹. Этот подход вполне применим к региону Ближнего Востока. В частности, считается, что за последние 30 лет Иран достиг высокого профессионализма в использовании гибридной войны для достижения своих целей. Как отмечает Мелисса Далтон из CSIS, «Иран обычно действует ниже порога конвенциональной войны, используя смесь военных и полувоенных инструментов, включающих прокси группировки, ракеты, кибер-средства, морские силы и информационные операции, чтобы влиять на региональных акторов в своих интересах». [1, p. 312]

Исходя из реалий ближневосточного региона, можно выделить несколько маркеров гибридного конфликта. В первую очередь для него характерно широкое участие иррегулярных партизанских или повстанческих формирований, так называемых «прокси». В этой роли могут выступать национально-освободительные или сецессионистские движения, оппозиционные группировки, племена, этнические и религиозные меньшинства.

Так, с середины 1980-х гг. Иран и Сирия не рисковали вступать в открытый конфликт с Израилем, но активно использовали ливанское шиитское движение «Хизбалла», чтобы оказывать постоянное военное давление на еврейское государство. Во время ирано-иракской войны 1980-1988 гг. обе стороны оказывали поддержку курдским формированиям на территории противника. В 1985 г. ливийский лидер Муаммар Каддафи вообще создал так называемое «Национальное командование арабских революционных сил», которые должны были свергнуть реакционные проамериканские режимы по всему региону. На новый уровень использование прокси вышло в 2000-е гг. Что примечательно, сами рассуждения о гибридных войнах появились у американских военных аналитиков в условиях гражданской войны в Ираке, где армии США пришлось столкнуться

¹ Hoffman F. Hybrid vs. compound war // Armed Forces Journal, October 1, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://armedforcesjournal.com/hybrid-vs-compound-war/> (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

с иррегулярными формированиями, получавшими финансовую подпитку из-за рубежа. Когда в 2003 г. США свергли режим Саддама Хусейна в Ираке, эта страна стала ареной гибридного конфликта. В Ираке иранцы и сирийцы поддерживали местные группировки, чтобы американцы увязли и не помышляли о новых операциях по смене режимов (в Тегеране и Дамаске соответственно). Одновременно страны Залива спонсировали суннитских боевиков, чтобы не допустить шиитского доминирования в постсаддамовском Ираке².

Однако настоящий расцвет гибридных войн пришёлся на период «арабской весны». В этом смысле первым стал конфликт в Ливии в 2011 г., когда Катар вёл войну против режима Муаммара Каддафи руками местных ливийских революционеров. Невиданного размаха использование прокси достигло в Сирии, где с правительством и между собой сражались «клиенты» сразу нескольких региональных держав – Катара, Турции, Саудовской Аравии. Свои прокси есть в Сирии и у Ирана, который привлёк к операциям ливанскую «Хизбаллу», сформировал местное проправительственное ополчение, а также привлёк шиитов из Ирака, Афганистана, Пакистана и организовал добровольческие отряды из числа палестинцев.

Ещё один значимый маркер гибридной войны на Ближнем Востоке – активное участие спецподразделений, выполняющих диверсионно-подрывные или инструкторские задачи на территории противника. Речь идёт о тайных операциях, нередко во взаимодействии с местными инсургентами. Катарские спецподразделения были широко задействованы в ходе ливийского конфликта в 2011 г. Считается, что именно они штурмовали дворец Каддафи в Триполи. В свою очередь, Иран использует возможности Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и спецподразделения «Кодс» во главе с Х.Сулемани. Не случайно американские санкции в отношении Ирана направлены в том числе и против КСИР. Израиль использует для борьбы с оппонентами возможности своих спецслужб³, которые, например, неоднократно обвинялись в покушениях на иранских физиков⁴.

Важной составляющей гибридной войны на Ближнем Востоке является информационное противоборство. Однако не совсем уместным представляется пример действий Израиля в ходе войны 1967 г. (с. 84-85), которую нельзя считать гибридной. С точки зрения психологических операций и операций по дезинформации, намного более показательными являются Facebook и Twitter-революции в Тунисе и Египте, многочисленные ложные сообщения об авиаударах и даже химических атаках в Сирии. Ярким примером стали постановочные

² Alterman J. Iraq and the Gulf States. The Balance of Fear // United States Institute of Peace. Special Report 189, August 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr189.pdf> (Дата обращения 10.12.2018 г.)

³ Roblin S. How Israel Tried to Destroy Iran's Nuclear Program: Assassinate the Scientists // The National Interest [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/how-israel-tried-destroy-irans-nuclear-program-assassinate-26085> (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

⁴ Iran UN envoy says Israel behind assassinations of nuclear scientists. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timesofisrael.com/iran-un-envoy-says-israel-behind-assassinations-of-nuclear-scientists/> (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

съёмки вступления боевиков оппозиции в Триполи, снятые в Катаре. В целом, приходится признать, что на Ближнем Востоке крупные СМИ, такие как телеканал «Аль-Джазира», стали мощным средством воздействия на оппонентов. Киберпространство, прежде всего, социальные сети, используется для ведения пропаганды и вербовки сторонников. Практически до совершенства эту технику довели экстремисты из запрещённой в РФ группировки ИГИЛ. Впрочем, следует оговориться, информационное противоборство не является однозначным маркером гибридного конфликта. Любая война предполагает противостояние в информационной сфере, как на этапе подготовки, так и в активной фазе.

Что касается роли технологий в гибридных конфликтах, то тут следует говорить о киберугрозах. Ближний Восток стал одним из первых регионов, где были отмечены случаи успешных кибератак на компьютерные сети и объекты критической инфраструктуры. Подобный потенциал имеется у ряда стран, а также у некоторых негосударственных акторов. Наибольшую известность получили израильские атаки с применением компьютерных вирусов против иранских ядерных объектов. Последний эпизод подобного рода имел место в октябре 2018 г., когда инфраструктура и компьютерные сети ИРИ подверглись атаке даже более мощной, чем атака вируса Stuxnet в 2005 г.⁵

Гибридные конфликты на Ближнем Востоке как правило носят транснациональный характер. Участники конфликтов активно задействуют возможности различных международных террористических или криминальных группировок. Например, Катар опирался на местные ячейки «Братьев-мусульман» в ходе революционных событий в Ливии, Египте и Сирии. Доха также использовала возможности ИГИЛ для действий против правительства Б.Асада в Сирии. Финансирование подрывной деятельности или прокси в других государствах зачастую осуществляется через криминальные сети, обеспечивающие перемещение финансовых активов в обход традиционных каналов. Джозеф Шроефль и Стюарт Кауфман обращают внимание на начавшее после войны в Афганистане в 1980-е г. широкое привлечение к участию в гибридных конфликтах на Ближнем Востоке иностранных боевиков (так называемых «военных мигрантов») [3, р. 869].

Участниками гибридных конфликтов на Ближнем Востоке также зачастую становятся внешние акторы – мировые державы. В ходе ливийского кризиса 2011 г. авиация международной коалиции фактически действовала в интересах катарских и турецких прокси. С 2018 г. американские войска находятся в Сирии не только и не столько для борьбы с ИГИЛ, сколько для сдерживания Ирана. На Ближнем Востоке ареной гибридных войн как правило становится территория третьих стран, поскольку государства региона не хотят или попросту боятся предпринимать прямую агрессию (даже гибридную) друг против друга. В частности, основные столкновения между Ираном и суннитскими державами

⁵ TV report: Israel silent as Iran hit by computer virus more violent than Stuxnet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timesofisrael.com/tv-report-israel-silent-as-iran-hit-by-computer-virus-more-violent-than-stuxnet> (Дата обращения: 10.12.2018 г.).

(и де-факто союзным им Израилем) происходят на территории Ливана, Сирии, Йемена⁶.

Наконец, для гибридных войн на Ближнем Востоке характерно пренебрежение правилами и обычаями ведения войны. Как отмечают американские военные аналитики, гибридизация ещё сильнее подорвала авторитет законов ведения войны, к которым всё больше относятся как к ненужному анахронизму [4, р. 17]. Ситуацию усугубляет тот факт, что в ходе гибридных конфликтов боевые действия ведутся негосударственными акторами, зачастую с использованием террористической тактики. Всё это приводит к большим жертвам среди мирного населения. Резня по религиозному или этническому признаку становится нормой в таких странах, как Ирак, Сирия, Ливия.

В современных условиях гибридность, впрочем, может относиться не только к вооружённым конфликтам, но и множеству других явлений. Вторая часть главы посвящена гибридным режимам. Для Востока характерны гибридные режимы, сочетающие авторитаризм с элементами демократии. Причём соотношение авторитаризма и демократии может меняться в зависимости от ситуации в стране (с. 91). Интерес представляет идея о персоналистских режимах и «новом авторитаризме», который исходит от лидеров, получивших большинство на всеобщих выборах (с. 93). Подробно анализируются особенности гибридных режимов Центральной Азии, а также тенденции их развития в отдельных странах.

Одной из наиболее интересных глав книги является пятая, посвящённая архаизации и традиционализму. В ней автор даёт краткую характеристику политическим режимам, возникшим на волне «арабской весны». При этом показано, что попытка модернизации фактически привела к архаизации как самих обществ, так и политических систем. Архаизация при этом понимается как обращение к прошлому, в том числе относительно недавнему. Характерным примером является неонасеризм нынешнего руководства Египта. Стоит обратить внимание на проведённый в данной главе анализ роли традиционных подходов и элементов архаики в деятельности современных политических лидеров на примере Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи и наследного принца КСА Мухаммеда бен Салмана.

В шестой главе большое внимание уделяется анализу социально-экономического фона революций и социальных выступлений. Выясняется, что революции с чётко сформулированными целями происходили не в самых бедных странах, а там, где есть хотя бы элементы анклавной модернизации (с. 139). Одной из причин арабского пробуждения также стала незавершенность процесса создания национальных государств (с. 137), что возвращает читателя к первой главе монографии. Принципиально важно, что в шестой главе разбираются не только причины революций, но и факторы устойчивости существующих режимов.

⁶ Следует оговориться, что йеменские хуситы всё чаще переносят боевые действия на территорию Саудовской Аравии.

Заключительная седьмая глава получилась самой объёмной, поскольку она посвящена международным отношениям на Ближнем Востоке и особенностям конфликтов в этом регионе. Автор отмечает, что хотя межстрановые противоречия сохраняют свою актуальность, именно внутренние противоречия являются причиной нестабильности (с. 157). Особого внимания заслуживает раздел, посвящённый традиционным идентичностям, которые в условиях внутренних конфликтов выходят на первый план (с. 172). Говоря о форматах урегулирования внутренних конфликтов, автор пишет об особенностях применения существующих подходов в условиях Ближнего Востока и описывает трудности, связанные с урегулированием ценностных конфликтов. Интерес представляет тезис о том, что региональное измерение конфликта может из проблемы превратиться в часть решения (с. 189). Следует отметить рассмотрение в качестве примера урегулирования внутреннего конфликта – процесс разрешения межджиджикского конфликта на основе раздела власти. Здесь обращает на себя внимание не только политическая основа нахождения компромисса, но и формат переговоров, в котором участвовали ООН, глобальные и региональные державы.

Основная научная ценность данной монографии состоит в том, что автор наглядно показывает механизмы, которые формируют общественно-политический облик современного Ближнего Востока и Центральной Азии. При этом важно, что автор – специалист по этим регионам, понимающий, как универсальные принципы и закономерности работают в конкретных странах и обстоятельствах. В достаточно компактном объёме рассмотрены все ключевых тренды, которые не всегда очевидны неспециалистам, либо новые измерения привычных проблем. Рецензируемое издание содержит ряд принципиально важных выводов относительно закономерностей развития международных отношений на Востоке, политических систем и обществ в целом. Автору удаётся создать у читателя целостную картину процессов, происходящих на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Монографию можно смело рекомендовать тем, кто хочет сориентироваться в процессах, идущих на Ближнем Востоке или в Центральной Азии. Особенно полезна монография Ирины Звягельской будет тем политологам и международникам, которые не имеют востоковедной подготовки, но хотят разобраться в региональной специфике.

Список литературы:

1. Dalton M. How Iran's Hybrid-War Tactics Help and Hurt It // *Bulletin of the Atomic Scientists* 73, no. 5: 312–15. Doi:10.1080/00963402.2017.1362904.
2. Hartmann U. The Evolution of the Hybrid Threat, and Resilience as a Countermeasure // *Research Division – NATO Defense College, Rome – No. 139 – September 2017*
3. Schröfl J. Hybrid Actors, Tactical Variety: Rethinking Asymmetric and Hybrid War, 2014.
4. Reeves S., Barnsby R. The New Griffin of War: Hybrid International Armed Conflicts // *Harvard International Review*, no. 3 (2013): 16.

Об авторе:

Николай Юрьевич Сурков – к.полит.н., старший научный сотрудник Сектора ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

E-mail: nsurkov77@gmail.com.

CONTEMPORARY TRENDS IN THE MIDDLE EAST AND CENTRAL ASIA

N.Y. Surkov

DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-325-333

IMEMO RAS

Abstract: Book Review: I. Zvyaglskaya Middle East and Central Asia: Global trends in regional execution. Moscow: "Aspect Press", 2018. 224 p. (In Russian)

"Middle East and Central Asia: Global trends in regional execution" is an analysis of the main trends in the development of international relations, political regimes, societies, identities in two significant regions of Russia for the world. The author managed not only to list the main trends, but also to show their interrelation, and also to give a forecast regarding their further influence. The publication addresses such important issues as the fate of statehood, the difficulties of protecting sovereignty, the role of traditionalism in the modern East, the origins of terrorism and extremism.

Key words: Middle East, Central Asia, Arab Spring, terrorism, extremism, statehood, sovereignty, identity, hybrid conflict, hybrid regime, traditionalism.

References:

1. Dalton M. How Iran's Hybrid-War Tactics Help and Hurt It. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2017, vol. 73, no. 5, pp. 312–15. DOI: 10.1080/00963402.2017.1362904.
2. Hartmann U. *The Evolution of the Hybrid Threat and Resilience as a Countermeasure*. Research Division – NATO Defense College, Rome no. 139. September 2017.
3. Schröfl J. Hybrid Actors, Tactical Variety: Rethinking Asymmetric and Hybrid War. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2014, vol. 37, no. 10, pp. 862-880. DOI: 10.1080/1057610X.2014.941435
4. Reeves S., Barnsby R. The New Griffin of War: Hybrid International Armed Conflicts. *Harvard International Review*. 2013, no. 3 16. <http://hir.harvard.edu/article/?a=3045>

About the author:

Nikolai Y. Surkov – Ph.D. in Political Sciences, Senior Researcher of the Middle East Studies Sector of the National Research Institute of World Economy and International Relations. E.M. Primakova (IMEMO) RAS, 117, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997.

E-mail: nsurkov77@gmail.com.